

СОЛДАТ III РЕЙХА

ПОСЛЕДНЕЕ НАСТУПЛЕНИЕ ГИТЛЕРА

Андрей Васильченко

РАЗГРОМ ТАНКОВОЙ ЭЛИТЫ РЕЙХА

СОЛДАТ
РЕЙХА

Андрей Васильченко

ПОСЛЕДНЕЕ НАСТУПЛЕНИЕ ГИТЛЕРА

РАЗГРОМ ТАНКОВОЙ ЭЛИТЫ РЕЙХА

Москва
«ЯУЗА-ПРЕСС»
2008

ББК 63.3(0)62
В 19

Оформление художника *П. Волкова*

Васильченко А. В.

В 19 Последнее наступление Гитлера. Разгром танковой элиты Рейха. — М. : Яуза-пресс, 2008. — 352 с.

ISBN 978-5-9955-0025-4

В начале 1945 года Гитлер предпринял последнюю попытку переломить ход войны и избежать окончательной катастрофы на Восточном фронте, приказав провести в Западной Венгрии крупномасштабное наступление с целью выбить части Красной Армии за Дунай, стабилизировать линию фронта и удержать венгерские нефтяные прииски. К началу марта германское командование сосредоточило в районе озера Балатон практически всю броневую элиту Третьего Рейха: танковые дивизии СС «Лейбштандарт», «Рейх», «Мертвая голова», «Викинг», «Гогенштауфен» и др. — в общей сложности до 900 танков и штурмовых орудий.

Однако чудовищный удар 6-й танковой армии СС, который должен был смести войска 3-го Украинского фронта, был встречен мощнейшей противотанковой обороной и не достиг цели. Впоследствии даже сами немцы признавали, что советская противотанковая артиллерия действовала в этом сражении образцово. Десятидневная битва закончилась жесточайшим избиением последних боеспособных резервов Гитлера — немцы потеряли в районе Балатона около 400 танков и до 40 000 человек. После этого сокрушительного поражения германская армия окончательно лишилась способности вести наступательные действия.

До сих пор отечественный читатель мог судить о Балатонской операции лишь по советским источникам. В новой книге известного историка эта битва впервые показана с немецкой стороны — изучив всю доступную литературу, опираясь на оперативные документы Вермахта и никогда не преводившиеся на русский язык мемуары немецких солдат и военачальников, автор подробно анализирует ход боевых действий, разбирает тактические просчеты германского командования, из-за которых успешная поначалу операция завершилась полным крахом, лишив Гитлера последних надежд не мало-мальски приемлемый исход войны.

ББК 63.3(0)62

ISBN 978-5-9955-0025-4

Предисловие

Традиционно считается, что венгерское озеро Балатон известно благодаря целебным водам и отличным винам. Наверное, так оно и есть. Сейчас на берегах этого озера, отстоящего от столичного аэропорта Венгрии всего на час езды, раскинулись маленькие курортные города, уже давно облюбованные немцами и австрийцами, а берега между ними застроены шикарными особняками.

Более 60 лет назад эти берега были также облюбованы немцами и австрийцами, но отнюдь не с курортными целями. В начале 1945 года на берегах этого мутноватого озера шли ожесточенные танковые бои. В отечественной историографии они остались как Балатонская оборонительная операция, а для немцев — как последнее наступление в истории Третьего рейха.

Несмотря на то что советская историография считала «короткую по времени, но исключительно динамичную и насыщенную упорными боями» Балатонскую оборонительную операцию 1945 года, наряду с Курским оборонительным сражением, «образцом высокой организации и умелого ведения оперативной обороны советскими войсками в ходе Великой Отечественной войны», ей не очень охотно уделяли внимание. Западногерманская историография также обходила ее стороной, предпочитая отдавать эту тему на откуп историкам так называемого «реваншистского направления».

В итоге вокруг боев при Балатоне возник некий исторический вакуум. В России его попытались насытить в начале XXI века, но все вышедшие по данной теме работы фактически никак не опирались на немецкие документы, из которых становится ясно, как и почему последнее стремитель-

ное наступление Третьего рейха закончилось фактически военной катастрофой — и это несмотря на то, что в Западной Венгрии было сосредоточено едва ли не больше танковых дивизий, чем на всем Восточном фронте.

В целом Балатонская битва важна для отечественного читателя хотя бы тем, что помогает понять, в каких условиях осуществлялось наступление на Вену. Кроме того, Балатонская оборонительная операция стала косвенным залогом успеха Висло-Одерского наступления, а также проникновения англо-американских союзников на территорию Германии.

Часть 1

В ПРЕДДВЕРИИ ПОСЛЕДНЕГО НАСТУПЛЕНИЯ

Глава 1

ТЕАТР ВОЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ В ВЕНГРИИ ЗИМОЙ 1944/45 ГОДОВ

В конце декабря 1944 года группа армий «Юг» силами трех армий (2-я танковая, 6-я и 8-я) при участии 3-й венгерской армии после тяжелых, связанных с огромными потерями оборонительных боев была вынуждена постепенно сдавать свои позиции. Мощное советское наступление, предпринятое Красной Армией летом 1944 года, фактически разорвало связь между группой армий «Ф», располагавшейся на Балканах, и группой армий «Центр», базировавшейся в Польше.

На тот момент фронт проходил к северу от реки Драва, к югу от Надьканижи, до юго-западного побережья озера Балатон (Платензее), проходил по его северо-западным берегам к юго-восточному окончанию Баконьского леса и Вертешских гор, следуя по Дунаю до Грана (Эстергом), проходя вдоль одноименной реки Гран на север и северо-восток, где он достигал словацких границ чуть северо-восточнее городка Банска-Бистрица. Этот участок Европы и стал сценой «военного театра», на которой между озером Балатон, Будапештом и Веной разразилось одно из самых ожесточенных сражений Второй мировой войны. Именно о нем и будет рассказано в этой книге.

Огромное влияние на ход сражения оказал местный рельеф, который определялся холмистой равниной Дунантуль, раскинувшейся к западу от Дуная. Под Дунантулем в

целом понимается Западная Венгрия, расположенная к западу и югу от дунайского течения. Общая площадь данной местности составляет около 32 тысяч квадратных километров.

С немецкой стороны главным действующим лицом в данной военной трагедии поначалу стал IV танковый корпус СС, который входил в состав 6-й армии (армейская группа Балка), а затем вместе с перекинутыми с Западного фронта I и II танковыми корпусами СС должен был войти в состав 6-й танковой армии (6-я армия СС). В рамках этого оперативного соединения оказались шесть самых именитых эсэсовских дивизий, которые составляли ядро Ваффен-СС. Кроме этого, в боях под Балатоном принимали участие I кавалерийский корпус, III танковый корпус (корпусная группа Брайта) и II венгерский армейский корпус. По другую строну фронта в осажденном советскими войсками Будапеште был оставлен на погибель X горнострелковый корпус СС, состоявший из четырех немецких дивизий (две армейские и две эсэсовские), а также остатки I венгерского армейского корпуса.

Прежде чем обратиться к действиям 6-й танковой армии, необходимо рассмотреть причины ее возникновения. Гитлер отдал приказ о ее формировании еще в сентябре 1944 года. Не исключено, что уже 12 сентября 1944 года он вызвал к себе начальника Штаба оперативного руководства Вермахтом генерал-полковника Йодля, которому и отдал данный приказ. Одновременно с этим с Западного фронта отзывается генерал-полковник Ваффен-СС оберстгруппенфюрер СС Зепп Дитрих, который командовал там 5-й танковой армией. Его ставят во главе начавшейся формироваться танковой армии. Своему преемнику Мантойфелю Дитрих дал весьма запутанное объяснение относительно своего нового назначения: «Фюрер считает, что я буду полезнее на Родине, нежели на поле боя».

В документах Верховного командования Вермахта также есть упоминания о дате формирования 6-й танковой армии. С одной стороны, говорится, что 6-я танковая армия должна быть сформирована, дабы принять участие в Арденнской операции. «Требуется приблизительно 800 эшелонов, чтобы

доставить 6-ю армию (с 8 ноября — 6-я танковая армия, командующий — оберстгруппенфюрер СС Зепп Дитрих), в которую входят 1-я, 2-я, 9-я и 12-я танковые дивизии СС, а также учебная танковая дивизия». Приблизительно в то же время в журнале боевых действий Верховного командования Вермахта делается следующая запись: «С января 1945 года —6-я танковая армия СС». Почему одновременно возникает, как следует из документов командования Вермахта, две 6-х армии (вторая находилась в составе группы армий «Юг»), остается непонятным. Учитывая характер немецкой армии и то, какое внимание уделялось субординации и дисциплине, в данном случае сразу же можно исключить возможность ошибки или простой служебной халатности. Вероятнее всего, эта путаница предназначалась для дезинформации советской разведки. В любом случае, с 8 ноября 1944 года во всех армейских документах используется официальное наименование «6-я танковая армия». В документах, выходивших из недр СС, используется несколько другое наименование — «6-я танковая армия СС». По крайней мере, подобное словосочетание активно используется вплоть до зимы 1945 года. Возникает насущная потребность объяснить, почему в конце войны для обозначения одного и того же оперативно-тактического соединения использовалось два обозначения — «официальное» и «фактическое».

В данном случае основным источником информации может являться журнал боевых действий группы армий «Юг». В нем всегда употребляется обозначение «6-я танковая армия». По этой причине далее в книге для обозначения 6-й танковой армии СС в основном будет использоваться это «официальное» обозначение. Это позволит сохранить стиль цитируемых документов, не вводя в заблуждение читателя. Таким образом, каждый раз, когда будет упоминаться 6-я танковая армия, надо подразумевать 6-ю танковую армию СС. Данной детали уделяется такое большое внимание хотя бы потому, что в ходе описываемых событий в группе армий «Юг» имелось две 6-х армии, каждая из которых принимала активное участие в боях под Балатоном. Не стоит забывать, что в боях в Западной Венгрии участвовала

еще одна 6-я армия — советская 6-я гвардейская танковая армия.

Но вернемся к формированию 6-й танковой армии. Оно велось быстрыми темпами. Фактической датой ее создания является 24 сентября 1944 года, то есть через 12 дней после того, как Гитлер отдал свой приказ. Сам Гитлер постоянно интересовался ходом формирования данного соединения, так сказать, «держал руку на пульсе». В состав этой армии в основном входили части, которые предназначались для ведения боев на Западном фронте. Само командование 6-й танковой армии было составлено отчасти из штаба, располагавшегося в Северной Франции и Бельгии, а отчасти — из штаба XII армейского корпуса. Все штабные офицеры были переданы в распоряжение Ваффен-СС. В итоге получился «смешанный» штаб армии, в котором число армейских офицеров значительно превосходило количество эсэсовцев.

Начальником штаба армии был назначен генерал-лейтенант Гаузе. Он занимался поначалу формированием армии в районе Хайльбронна, затем — в окрестностях Бад-Зальцуфлена. Но на данном поприще он не успел отличиться. В ноябре 1944 года он был назначен Главнокомандующим только формируемой «кадровой армией» (20-я армия). На его пост из Генерального штаба сухопутных войск пришел генерал-майор Ваффен-СС, бригадефюрер СС Кремер. Свой пост он занимал до конца войны. Офицеры штаба армии, возглавлявшие отдельные оперативные группы (1a, 1c, 1d), были офицерами Ваффен-СС, которые получили образование в военной академии Генерального штаба Германии. Армейские офицеры возглавляли преимущественно направления, которые занимались снабжением. Значительная часть подразделений 6-й танковой армии состояла из сугубо армейских служащих. Это были подразделения разведки и снабжения, картографическое бюро, артиллерийские и саперные части. Исключение составляла только дивизия СС «Лейбштандарт». В ней несли службу лишь служащие Ваффен-СС. Все сопутствующие танкистам подразделения в ней состояли в основном из собственных офицеров. Некоторые мемуарные источники указывают на странную тесную взаимосвязь между Ваффен-СС и остальными родами

войск. Дело в том, что в Западной Венгрии располагались также штабы частей связи военной авиации — Люфтваффе, военно-морского флота (Дунайская флотилия) и Королевских венгерских войск — Хонведа. В оперативном смысле почти все они подчинялись командованию армии.

Несмотря на то, что из 6-й танковой армии получилась такая «пестрая смесь», многие отмечали, что отношения между солдатами Ваффен-СС, Вермахта, Люфтваффе, военно-морского флота и Хонведа были почти безупречными. Это может объясняться также тем, что по своему менталитету солдаты Ваффен-СС были уже давно интегрированы в «действующую армию», для них перестали существовать барьеры между эсэсовскими и армейскими кругами. Генерал пехоты Типпельскирх, в данной ситуации выступивший в роли беспристрастного свидетеля, отмечал по поводу этой взаимосвязи: «На полях сражений всегда можно было отметить хорошие, даже товарищеские отношения между армейцами и СС».

Особенностью боев в Западной Венгрии была граница, проходившая между действовавшей на Балканах группой армий «Ф» и сражавшейся в Словакии и Венгрии группой армий «Юг». Это не был обычный шов между двумя сражавшимися против общего противника соседними группами армий. По сути, это была граница между двумя военными мирами, которые назывались Верховное командование сухопутных войск Германии и Верховное командование Вермахта. Весь Восточный фронт от Финляндии до Словакии подчинялся Верховному командованию сухопутных войск Германии, которое Гитлер возглавлял с 1941 года. За ситуацию на Западном и южных фронтах отвечало Верховное командование Вермахта, которым Гитлер управлял как «фюрер и Главнокомандующий Вермахтом». Переброска воинских частей с одного фронта на другой была связана с огромными проблемами, что приводило к напряженным отношениям между двумя Верховными командованиями.

Шла традиционная для Третьего рейха борьба компетенций. В итоге все вспыхивавшие конфликты был вынужден улаживать лично Гитлер. В основном ему приходилось сглаживать неровные углы в отношениях между генерал-пол-

ковником Гудерианом (тогдашним шефом Верховного командования сухопутных войск Германии) и генерал-полковником Йодлем, который был начальником штаба Верховного командования Вермахта. То, что в роли арбитра между ними выступал Гитлер, выглядело несколько странновато. Но, судя по всему, недоверчивого Гитлера весьма устраивала роль посредника и арбитра. Он как Верховный Главнокомандующий специально создавал всевозможные препоны и конфликтные ситуации, плодя дублирующие друг друга структуры. И если, на первый взгляд, у подобной практики не было очевидных негативных последствий, то ее косвенное отрицательное воздействие было очевидным. Высшие армейские чины не могли оперативно принять решение. Почти любой, даже второстепенный военный вопрос требовал личного вмешательства фюрера. В иных случаях речь шла о заданиях, порученных отдельному батальону. Их утверждение занимало много времени, которого в итоге не хватало на более важные вещи. В итоге Гитлер как Верховный Главнокомандующий стал ощущать на себе все более и более возрастающее бремя неразрешенных военных вопросов, от которых он предпочитал дистанцироваться.

Советское командование не знало таких проблем. В большинстве случаев стратегические и тактические вопросы решались предельно оперативно. Причем это касалось едва ли не всех уровней командования, начиная от самого низшего и заканчивая высшим. Соперничество в Красной Армии в условиях ведения войны, конечно, имело место, но оно очень быстро устранялось. Это касалось и наступления на Будапешт, который как будто специально располагался на месте соприкосновения двух немецких групп армий. Самой природе вещей присуще уделять меньше внимания второстепенным вопросам, проявляя большую заинтересованность в решении главных задач. В годы войны подобное решение во многом зависело и от согласованности действий «соседей по фронту». После того как Красная Армия вступила на Балканы, у Ставки не было никаких проблем с координацией действий армий новых союзников — румын и болгар. Во всех своих действиях они подчинялись непосредственно Москве.

В германских войсках и у их оставшихся союзников — венгров, подобного унифицированного командования не было. Причина этого крылась в самой личности Гитлера, который во имя укрепления собственной власти всячески поощрял соперничество между двумя Верховными командованиями: сухопутных войск и Вермахта. В большинстве своем за подобные управленческие модели были вынуждены расплачиваться штабы армий, подчиненные соответствующему Верховному командованию. Даже немецкие авторы, далекие от симпатий к Советской России, были вынуждены признавать, что «русская модель» командования в годы Второй мировой войны была не в пример эффективнее немецкой. Наиболее ярко это можно проследить на примере битвы за Будапешт[1].

В целом появление танковых частей СС в Западной Венгрии связано именно с битвой за Будапешт. До этого момента IV танковый корпус СС (состоявший из двух дивизий —3-й танковой дивизии СС «Мертвая голова» и 5-й танковой дивизии СС «Викинг») входил в состав 2-й армии. В 1944 году ему пришлось выдержать три жестоких оборонительных битвы, происходивших в окрестностях Брест-Литовска и Варшавы. В конце декабря 1944 года этот танковый корпус СС находился на Восточном фронте по линии Висла — Нарев, чуть севернее Варшавы. Но вскоре Гитлера стал интересовать только Будапешт. Типпельскирх вспоминал, что еще вечером 24 декабря 1944 года Гитлер отдал приказ о срочной переброске эсэсовского корпуса из Восточной Пруссии в Венгрию. «И это несмотря на то, что ослабление Восточно-прусского фронта было очень рискованным». IV танковый корпус СС был усилен 96-й и 711-й пехотными дивизиями, которые вместе с танкистами должны были отправиться в Венгрию.

Между тем венгерская столица оказалась в кольце советского окружения. Кольцо вокруг Будапешта было замкнуто в районе Грана. Именно в это время генерал-полковник Гу-

---

[1] С подробным описанием Будапештской битвы можно познакомиться в книге Андрея Васильченко «Сто дней в кровавом аду. Будапешт — «дунайский Сталинград»?».

Генерал-полковник Хайнц Гудериан

дериан ощутил на себе гнев Гитлера. Отчасти это было связано с разными взглядами на крупную военную операцию, которую Германия должна была проводить в Арденнах. Когда Гудериан осознал, что ему не суждено отговорить фюрера от организации этой военной авантюры, то стал всячески настаивать на том, чтобы наступление на западном направлении началось как можно раньше. Он стал требовать, чтобы оно стартовало уже 16 ноября. Эта дата наступления на западе еще хоть как-то позволяла выкроить свободные воинские части и прикрыть берлинское направление, которое было фактически открыто для Красной Армии. Но Гитлер даже не подумал прислушаться к требованиям полководца. В итоге наступление в Арденнах началось на месяц позже —16 декабря 1944 года. Как известно из истории, оно не привело ни к каким мало-мальски значимым результатам. В итоге Гудериан не только не получил необходимые для укрепления фронта части, но и лишился последних резервов, которые были направлены с берегов Вислы в Венгрию.

Генерал-полковник Рендулич так охарактеризовал сложившуюся ситуацию:

«В ходе наступления в Арденнах поставленные оперативные цели не были достигнуты. Однако это сражение смогло на время затормозить наступление союзников. Впрочем, их продвижение возобновилось 13 января 1945 года. Их наступление под Эйфелем только ускорило наш конец. За день до этого 12 января 1945 года началось русское зимнее наступление, по мере развития которого им удалось добиться значительных успехов. Произошло это не в последнюю очередь из-за того, что последние свободные немецкие резервы оказа-

лись направлены на Запад. Но с Запада, где эти силы должны были участвовать в Арденнской операции, они были перевезены в Венгрию, где в последние дни декабря 1944 года развернулась нешуточная борьба за Будапешт. Если положение на Западном фронте оказывало хоть сколько-нибудь заметное влияние на ход войны, то Арденнское наступление стало его катастрофическим выражением».

После того, как на Западе Германия потеряла в боях последние оперативные резервы, Гудериан почти перестал надеяться на стабилизацию Восточного фронта. Проблематичным было даже на время сдержать советское наступление в Польше. Вывод из Польши танкового корпуса СС и двух пехотных дивизий шокировал Гудериана. В особенности его рассердил тот факт, что данное мероприятие было осуществлено даже без консультации с ним. Подобное поведение фюрера можно было расценивать не только как личное оскорбление, но как и вотум недоверия, высказанный генерал-полковнику. Сам Гудериан так описывал эти события:

«25 декабря. В первый день рождественских праздников я возвращался по железной дороге обратно в Цоссен *(до этого Гудериан был в Ставке Гитлера в Цигенберге. — Авт.)*. Пока я был в поездке, Гитлер за моей спиной распорядился перекинуть корпус СС под командованием Гилле, с его двумя дивизиями СС, располагавшимися к северу от Варшавы, под Будапешт для деблокирования этого города. Это был резерв группы армии Рейнхардта. Рейнхардт также очень разочарован этим безответственным поступком, ослабившим и без того растянутый фронт. Никакие возражения и протесты не возымели действия. Для Гитлера деблокирование Будапешта было значительно важнее, чем оборона Восточной Германии. Когда я попросил обосновать данный шаг, то он сослался на внешнеполитические причины и фактически выгнал меня. Из имевшихся в резерве для обороны от русских 14 с половиной танковых и моторизованных дивизий, 2 ушли на соседний фронт. Осталось 12 с половиной дивизий — и это на 1200 километров фронта».

Действительно, планировалось направление в резерв двух дивизий IV танкового корпуса СС, о которых говорил Гудериан. Резерв армии даже начали формировать в соответствии с приказом Гитлера, но вот полностью выполнить его не успели. Некоторое время корпус еще пребывал на Восточном фронте в Польше. Судя по всему, ожидалось прибытие пехотного подкрепления. Тогдашний начальник штаба IV танкового корпуса СС оберштурмбаннфюрер Ваффен-СС Шёнфельдер писал по этому поводу: «Генерал-полковник Гудериан считал, что указание было уже почти выполнено». В рождественскую ночь началась загрузка вагонов первого эшелона, который направлялся в Венгрию.

Почему для выполнения этого трудного и, по сути, неблагодарного задания, Гитлер выбрал именно IV танковый корпус СС, ответить не так уж трудно. Этот выбор был напрямую связан с личностью командующего корпусом генерала Ваффен-СС, обергруппенфюрера СС Гилле, который во время боев под Черкассами и Ковелем приобрел славу легендарной личности. Генерал Ваффен-СС Штайнер вспоминал по этому поводу: «Командующий IV танковым корпусом генерал Ваффен-СС говорил, что сам уже однажды побывал в котле и, следовательно, как никто другой знает, какое мужество требуется его окруженным товарищам. По этой причине его части осознанно пошли на прорыв кольца окружения вокруг Будапешта». Чтобы лучше понять эти слова, оглянемся на несколько месяцев назад. В середине февраля 1944 года Гилле мощным танковым броском прорывает кольцо окружения, в которое под Черкассами попали две немецкие армии, их удается вытащить «на свободу». А некоторое время спустя Гилле вместе со своим штабом оказывается в котле. Он удерживал позиции под Ковелем с 19 марта по 4 апреля 1944 года, пока его вместе с дивизией не вызволили из окружения. Во время пребывания в котле Гилле решительно отвергал возможность сдаться в плен. В итоге к зиме 1944/45 годов Гилле считался одним из крупнейших специалистов по деблокированию окруженных немецких частей. Это ему и предстояло сделать в Будапеште.

Радиограммой в Будапешт было сообщено, что IV танковый корпус СС передается в состав гарнизона «крепости Будапешт», а ведь, чтобы попасть в венгерскую столицу, предстояло прорвать кольцо советских войск. Имя Гилле должно было вдохнуть надежду в каждого немецкого солдата, находящегося в Будапеште, начиная от рядового и заканчивая начальником гарнизона Пфеффером-Вильденбрухом. Учитывая безвыходность положения, в котором находился Будапешт, этот психологический прием мог вдохновить оборонявшихся немцев и венгров на новые свершения. Надежда должна была помочь им перенести физические и психологические нагрузки, подвигнуть их сражаться до последнего патрона. В те дни они еще не знали, что Гитлер не собирался вызволять их из окружения — Будапешт надо было удерживать, а Гилле шел вовсе не на деблокирование, а для того, чтобы самому влиться в ряды будапештского гарнизона. На этот раз танковый корпус Гилле не смог прорваться сквозь ряды Красной Армии.

Прорыв кольца советского окружения был бы теоретически возможен, если бы удар по советским позициям был нанесен с двух сторон: снаружи и изнутри. Наружных сил явно не хватало для выполнения подобной задачи. Тем более что с каждым днем части Красной Армии сжимали кольцо окружения. Находившимся же в окружении немецким частям категорически запрещалось покидать Будапешт, а стало быть, не могло быть и речи о массированном ударе в одном месте — это означало бы оставление большинства районов венгерской столицы. В данной ситуации действовал приказ Гитлера, запрещавший оставлять ранее уже занятые территории. Не стоило забывать, что Гитлер в конце войны был буквально одержим Венгрией. Освобождение Будапешта и утверждение в Западной Венгрии стало для фюрера своеобразной идефикс, манией. Ей были подчинены все его дела и мысли. Он постоянно говорил о внешнеполитических соображениях, о необходимости защищать последние источники нефти, располагавшиеся в Венгрии и Австрии, без которых (после потери румынской нефти) продолжение войны было бессмысленным делом. На фоне сохранения нефти Гитлер не полагал нужным считаться с прочими регионами, в том числе с Верх-

ней Силезией и Саарской областью, в которых располагались богатые залежи угля. Для Гитлера потеря этих незаменимых для немецкой промышленности регионов ничего не значила по сравнению с попыткой закрепления на дунайских просторах. Складывалось впечатление, что Гитлер боялся потерять Венгрию как последнего союзника по Второй мировой войне. В это сложное время его заботил международный престиж (о каком уж престиже могла идти речь в это время?) Не исключено, что именно по этой причине его больше заботили территории, лежащие к югу от Вены, нежели собственно немецкие земли.

Первые эшелоны с подразделениями IV танкового корпуса СС стали прибывать в Рааб (Дьёр) в последние дни 1944 года. Они были сразу же отданы в подчинение армейской группе Балка (собственно 6-я армия). 96-я и 711-я пехотные дивизии прибыли с небольшим запозданием, буквально накануне наступления. Прибывая, они тут же выходили на исходные позиции, готовясь включиться в борьбу.

Глава 2

«ПАУЛА» ИЛИ «КОНРАД»?

Еще до прибытия эсэсовских и пехотных дивизий в Верховном командовании сухопутных войск, в штабе группы армий «Юг» и штабе армейской группы Балка стали разрабатываться планы по деблокированию Будапешта. На основании всех высказанных мнений и представленных соображений было разработано два плана, которые казались наиболее реальными. Один из них получил название «северное решение» — план «Конрад», второй был соответственно «южным решением» — план «Паула». Решающую роль в их осуществлении играл фактор времени. Пока части Красной Армии не смогли закрепиться, заменить свежими частями понесшие в боях потери дивизии, была гипотетическая возможность нанести удар с запада и деблокировать венгерскую столицу силами, имеющимися в распоряжении группы армий «Юг». Учитывалось, что советские войска сконцентрированы на максимально возможном захвате города.

Однако это не значило, что советское командование упустило возможность усилить свои части, противостоящие армейской группе Балка. Маршал Толбухин с самого начала предусматривал возможность попыток прорыва кольца окружения снаружи. В этих условиях время играло отнюдь не на немцев — успех их операции во многом зависел от их оперативности и ускоренного принятия плана.

Какой точки зрения придерживался Гудериан, оставалось большим секретом. Хотя ни для кого не было тайной, что он думал в первую очередь об усилении группы армий «Центр», а потому все остальные театры боевых действий не играли для него особой роли. Более того, к определенным боевым операциям он испытывал что-то вроде воинской антипатии. К таковым принадлежала и венгерская операция. Он считал Венгрию малозначимым театром военных действий, который волею фюрера отбирал слишком много времени и сил, не снимая основной угрозы, которая нависла над Германией. Именно этим можно объяснить определенное малодушие, которое проявилось в те дни в Верховном командовании сухопутных войск и Генеральном штабе сухопутных войск Германии. Впрочем, не исключено, что это была общая апатия, которая охватила грамотных людей, видевших безвыходность положения.

Также не исключено, что 24 декабря 1944 года Гудериан лично обсудил сложившуюся ситуацию с генералом бронетанковых войск Балком, который только что был назначен командующим 6-й армией (армейской группой). Произойти это могло, скорее всего, в штаб-квартире Верховного командования сухопутных войск в Цоссене — местечке, лежавшем к югу от Берлина. Известно, что в ходе разговора генерал-полковник открыто высказался о своих принципиальных разногласиях с Гитлером и Йодлем. Двух генералов роднило очень многое — оба были хорошо знакомы еще по временам службы в рейхсвере, оба были охотниками, имевшими угодья под Госларом. Интересно отметить, что Балк, несмотря на впечатление, которое на него произвел этот разговор, 26 декабря 1944 года честно полагал, что Будапешт можно было «спасти». Балк вообще смотрел на вещи несколько по-иному. Он был принципиально

не согласен с приказом Гитлера, который еще в начале декабря 1944 года был отдан коменданту Будапешта. Первым пунктом данного приказа значилось: «По приказу фюрера надо оборонять Будапешт до последнего дома». В данной ситуации это значило, что бои надлежало вести до последнего патрона, до того момента, пока был жив хотя бы один немецкий солдат. В итоге почти так и произошло.

План ударить с запада по советским войскам, восстановить фронт вплоть до Дуная и вновь полностью контролировать Буду (западный район Будапешта) был предельно простым, но при этом слишком уж оптимистичным, а с учетом соотношения имевшихся в распоряжении сил — и вовсе нереальным. Впрочем, единства мнений по данному поводу в группе армий «Юг» не было. Не было даже единства относительно целей и задач предстоящей военной операции. В ежедневной сводке от 27 декабря 1944 года говорилось об «усилении обороны Коморна (Комарома) посредством использования первых прибывавших транспортов с подразделениями корпуса Гилле». С одной стороны, это говорило в пользу «северного решения», хотя, с другой стороны, командование настаивало на срочном использовании IV танкового корпуса СС, прибытия которого еще надо было дожидаться, если только это не было отвлекающим маневром.

Однако уже на следующий день в подписанном командующим группой армий «Юг» распоряжении (оно было занесено в журнал боевых действий) говорилось: «28 декабря 1944 года при посещении командования 6-й армии (группа Балка) основным обсуждаемым вопросом было наступление для деблокирования Будапешта. Наиболее эффективным представляется «южное решение» («Паула»), то есть наступление на северо-восток от Штульвайсбурга (Секешфехервара). Надо изучить возможности, а результаты сообщить в группу армий».

Надо отметить некоторую нервозность командования группы армий «Юг» из-за поспешности в деле подготовки военной операции. Оно и понятно, спешка могла навредить успеху операции. Командование оказалось перед сложным выбором, причем каждое из принятых решений могло привести к неприятным последствиям. Предстояло ответить на

непростые вопросы: надо ли, не дожидаясь прибытия эшелонов с дивизиями, спешно начинать наступление против предположительно слабого неприятеля? Или же лучше дождаться подкрепления и начать наступление после его тщательной проработки уже против относительно закрепившихся и пополнившихся резервами частей Красной Армии? Второй вариант означал, что надо было потерять как минимум (2—3) дня. Кроме того, не стоило забывать — чем дольше длилась подготовка к наступлению, тем меньшей неожиданностью она явилась бы для советской разведки.

«Южное решение» («Паула») предусматривало возможность наступления между озером Балатон и Секешфехерваром, когда удар наносился по Будапешту с юго-запада. В данном варианте ландшафт, по которому предстояло наступать, был сравнительно благоприятным для действий танковых частей. Но в то же время в роли естественных преград выступали многочисленные речушки и водотоки, которые проходили как раз поперек направления предполагаемого наступления. Однако это решение было привлекательным хотя бы потому, что в случае успеха наступления был бы не только деблокирован Будапешт, но и под угрозой окружения оказались бы части Красной Армии, занимавшие позиции к западу от венгерской столицы. При всем этом у плана «Паула» был ряд существенных недостатков:

1) Исходные позиции были удалены от Будапешта на 80 километров, что было значительно больше, чем в «северном решении». В результате танкам и бронеавтомобилям для преодоления данного расстояния требовалось бы гораздо больше горючего.

2) Для выхода на исходные позиции требовалось больше времени, нежели для операции в стиле «диретиссима». В итоге у советских войск был некий запас времени для укрепления своей обороны.

3) В ходе осуществления операции «Паула» у немецкой наступающей группировки были бы слишком вытянутые фланги, что вызвало бы естественное желание частей Красной Армии контратаковать именно в этих слабых местах. По этой причине для укрепления флангов требовалось бы значительное количество пехоты и противотанковых пушек.

4) Чем больше наступающие немецкие части отклонялись бы на юг, тем больше у них было шансов столкнуться во время боев с резервами Красной Армии, подтягивание которых к северу потребовало бы времени. В случае «южного решения» немецкие части шли бы сами навстречу им.

В случае «северного решения» («Конрад») танковый клин, исходящий из района юго-восточнее Коморна, должен был двигаться в направлении Будапешта по территории, проходившей между Дунаем и Татой. То есть в данном случае натиск должен был осуществляться в юго-восточном направлении, где Красная Армии имела самые слабые позиции и самый тонкий перешеек между основной линией фронта и окруженным Будапештом. В данном случае танковое наступление комбинировалось бы с ударом в тыл советских флотилий, что могло бы привести к отвоевыванию части дунайских берегов. Предполагалось, что на это более простое решение требовалось значительно меньше сил, так как в первой фазе военной операции не требовалось прикрывать левый фланг, а одновременное нападение по самому Дунаю было бы внезапным, то есть свою роль мог сыграть эффект неожиданности.

При всем этом исходные позиции для операции «Конрад» были весьма незначительно удалены от самого Будапешта, что сэкономило бы топливо, потребляемое танками. К тому же операцию можно было начать на 2 дня раньше, чем это было предусмотрено для операции «Паула». Части не требовалось бы по отдельности подвозить на исходные позиции, так как таковыми являлся фронт, удерживаемый армейской группой Балка. Для усиления эффекта внезапного нападения операцию было решено начать ночью без осуществления артиллерийской подготовки. Минусами данного решения являлись следующие моменты:

1) Территория не была идеальной для использования танков. При наступлении надо было преодолеть Вертешские и примыкающие к ним с севера Геречские горы. Но с этим неудобством можно было смириться, так как контроль над Дунаем предполагал открытие новых возможностей, и в итоге по мере развития наступления предстоял бы только переход через Пилишские горы.

2) В результате прохода через горы было возможно растягивание наступающих частей в узкую колонну, что было весьма небезопасно, так как в результате контрударов Красной Армии с флангов она могла быть рассечена на несколько частей. Разворачивание танков широким фронтом было затруднительно, так как требовало быстроты действий. Это было возможно только в случае удачного прорыва через передовые позиции советских войск.

3) В данных условиях для прорыва советских позиций в большей мере подходили пехота или горнострелковые войска, но отнюдь не танки.

В данном случае ключевую роль в принятии решения сыграл фактор времени. 30 декабря 1944 года Верховное командование сухопутных войск Германии отдало приказ о начале операции «Конрад», т.е. о выборе «северного решения». При этом в качестве отвлекающего маневра южнее Секешфехервара должно было начаться наступление сил III танкового корпуса (которым командовал генерал бронетанковых войск Брайт). Начало операции было запланировано на 19 часов 30 минут 1 января 1945 года.

Судя по всему, командование группы армий «Юг» не слишком хорошо представляло себе сложившуюся на фронте обстановку и потому питало несбыточные надежды. В журнал боевых действий 31 декабря 1944 года была внесена следующая запись:

«Поездка командующего на командный пункт 6-й армии (группа Балка). После того, как 30 декабря начальником Генерального штаба сухопутных войск было утверждено «северное решение» («Конрад»), на командном пункте 6-й армии изучаются имеющиеся возможности. При этом не выявлено никаких новых сведений. Ход дел позволяет надеяться, что:

а) транспорты прибудут планомерно;

b) боеприпасы и горючее будут подвезены своевременно и в достаточном количестве;

c) общее положение на фронте в районе группы армий не претерпит принципиальных изменений (сильный натиск на 8-ю армию)».

Если предположить, что командующий группой армий «Юг» сделал такие оговорки только после беседы с командующим 6-й армией (группа Балка), да еще за 24 часа до начала наступления, то можно представить себе, в каких условиях предстояло действовать IV танковому корпусу СС. Собственно, неудовлетворительная ситуация с транспортным снабжением в группе армий «Юг» не была особым секретом. И к 31 декабря 1944 года она вряд ли могла в одночасье поменяться.

Совсем другая картина предстает в воспоминаниях Гудериана, который не скрывал своего сомнения и скепсиса насчет возможности успешного исхода данной военной операции: «Гитлер возлагал большие надежды на это наступление. Я же был преисполнен скептических предчувствий, так как на подготовку операции было отведено слишком мало времени. В частях, как и в самом командовании, более не ощущалось прежнего воодушевления».

Сам собой возникает вопрос, чем же было вызвано отсутствие «прежнего воодушевления» и не было ли это просто послевоенной оговоркой человека, уже знающего, чем все закончится? Если это и относилось к группе Балка, то отнюдь не к IV танковому корпусу СС. Тогдашний глава штаба танкового корпуса оберштурмбаннфюрер СС Шёнфельдер в своих записях, сделанных уже после войны, так оценивал сложившуюся в те дни обстановку:

«Обе оценки (группы армий и 6-й армии) о возможностях наступления армейской группы Балка и реальности деблокирования Будапешта учитывали все плюсы и минусы, взвешивали все «за» и «против». Лишь после этого предпочтение было отдано «северному решению». Только этот план мог быть правильным в силу того, что:

a) нас поджимало время;

b) оборона Будапешта могла быть сломлена со дня на день;

c) северные исходные позиции были наиболее приближены к цели нашей операции.

Мы должны были смириться с сезонными условиями и особенностями территории, которые весьма затрудняли продвижение танкового клина. Несмотря на правильную оценку

ситуации, и в группе армий «Юг», и в армейской группе Балка все еще пытались заигрывать с «южным решением». Одни хотели его осуществить во что бы то ни стало, другие — лишь опосредованно. Несмотря на заманчивые перспективы, которые открывались в случае удачного осуществления «южного решения», нельзя было сбрасывать со счетов два факта:

а) весьма ограниченное количество собственных войск, которые в течение нескольких месяцев уже вели тяжелые оборонительные бои;

b) запланированное на зиму 1944/45 годов советское наступление на Вену силами, значительно превосходящими наши собственные. Для неприятеля Будапешт был лишь временным фактором, вехой на пути большого наступления».

При этом сам Гилле не собирался откладывать наступление. Его IV танковый корпус СС должен был проникнуть в Будапешт. Для достижения этой цели он планировал использовать все силы, которые только имелись в распоряжении группы Балка. Но подобное поведение отнюдь не способствовало налаживанию диалога, а тем более — взаимопонимания между Гилле и Балком.

Итак, ситуация еще более осложнилась, поскольку на одном театре боевых действий оказалось несколько военных «авторитетов»:

• генерал Вёлер, назначенный командующим 8-й армией, был своего рода знатоком Венгрии, но управление группой армий «Юг» было вверено ему только 23 декабря 1944 года, то есть за 8 дней до наступления;

• генерал бронетанковых войск Балк, который был новичком на данном участке фронта;

• генерал Ваффен-СС Гилле, прибывший из Польши только накануне наступления.

Как мы видим, операция планировалась буквально на ходу людьми, большинство из которых вообще не было знакомо со спецификой боевых действий в Венгрии. Ситуация осложнялась личной неприязнью, существовавшей между Балком и Гилле. Позже Балк несколько односторонне и предвзято описывал природу подобных натянутых отношений. Они были наследием прошлого. К этому добавился тот

факт, что сам Балк не получил долгожданного поста командующего группой армий «Г», воевавшей на Западе. Этот пост достался весьма талантливому генерал-полковнику Ваффен-СС Хауссеру. Свое назначение на роль командующего армейской группой в Венгрии Балк расценил как очевидное понижение. Ситуацию даже не исправил «целительный бальзам, политый на его раны» — ведь 6-ю армию называли не иначе, как армейской группой его имени. В своих мемуарах Балк делал все возможное, чтобы сохранить свое реноме, дистанцируясь от Гитлера (к которому на самом деле он относился с большой симпатией) и считая свое «понижение» результатом интриг рейхсфюрера СС Гиммлера: «Когда 23 декабря я сел ужинать, раздался звонок из Верховного командования сухопутных войск. Мне надлежало срочно прибыть в Цоссен. Я полетел на самолете. В течение 24 часов я должен был принять командование над войсками вокруг Будапешта... Позже Гудериан, который симпатизировал мне, клятвенно утверждал, что я пал жертвой интриг Гиммлера».

Тем не менее на Западном фронте Балк сталкивался не только с «происками» Гиммлера. Он сам писал: «Мои отношения с командующим Западным фронтом фельдмаршалом Рундштедтом были более чем натянутыми». Сам Балк характеризовал фельдмаршала как старика, который в роли командующего так и остался во временах Первой мировой войны. Эти подробности приводятся здесь для того, чтобы показать, что Балк пытался если не опорочить, то хотя бы «пнуть» каждого, с кем не смог сработаться. Делал он это без оглядки на личность. Именно в этом, возможно, кроется причина его отнюдь не деловых рассуждений, которые во время войны наносили только вред. Корень проблемы крылся в его психологическом складе. Полный контраст к высказываниям в мемуарах являет собой письмо, которое Балк 10 октября 1944 года направил генерал-полковнику Йодлю. В нем он сообщал о плохом состоянии соседних воинских формирований, не забывая при этом упомянуть о своем собственном исключительно талантливом командовании — судя по всему, он не предполагал, что это письмо попадет на стол Гитлера. Данного документа вполне хвати-

ло, чтобы мнительный Гитлер отказался назначать Балка командующим одной из западных групп армий. Для «ссылки» Балка в Венгрию отнюдь не требовалось интриг Гиммлера, хотя роль этого политика нельзя недооценивать. Между тем «карусель отставок» в Третьем рейхе вращалась все быстрее и быстрее.

Гитлер, который с 1943 года был крайне невысокого мнения о своих генералах и Генеральном штабе, стал вмешиваться в самые незначительные детали военных операций. Каждый раз, когда операция заканчивалась провалом (после 1944 года подобных случаев становилось все больше и больше), он исходил в нервном крике, срывая свою досаду на генералитете. Он сам способствовал тому, чтобы генералы утратили доверие к нему, а тот, в свою очередь, «разуверился» в своих полководцах. Степень недоверия фюрера к тому или иному генералу зависела от конкретной личности, а также от действий, которые та предпринимала. В итоге месяцы спустя Балк и Гилле стали всего лишь «громоотводами». Но об этом позже. Итак, в новогоднюю ночь 1945 года стартовала операция «Конрад», более напоминая какое-то гадание — никто не знал, чем и как закончится эта операция.

Глава 3

ОПЕРАЦИЯ «КОНРАД»

Командование IV танкового корпуса СС доставляло дивизии и боевые группы на множестве эшелонов. 25 декабря они начали свой путь через Силезию. Эшелоны прибыли в Венгрию через Словакию, остановившись на промежутке между Раабом и Комаромом. Первым на исходные позиции прибыл обергруппенфюрер СС Гилле. Он ехал впереди всех с начальником штаба Шёнфельдером и небольшой оперативной группой прикрытия на автомобиле. Чтобы ознакомиться с планом боевых действий, он прибыл в штаб-квартиру армейской группы Балка, которая располагалась в Мартинсберге (Дьёрсенмартон), в 10 километрах на юго-восток от Рааба.

Обстановка на фронте, удерживаемом группой армий «Юг» (прежде всего армейской группой Балка), по состоя-

нию на 1 января 1945 года выглядела следующим образом. На отрезке между Балатоном и Дунаем советские войска, продолжавшие предпринимать атаки с целью прорваться к Мору (Муру), несут большие потери. На остальных участках фронта, к северу и к югу от Дуная, производится перегруппировка советских войск, чтобы продолжить наступление... Вновь усилившиеся атаки на Будапешт превращают этот регион в главный объект Восточного фронта. Кровопролитные бои идут каждый день.

На тот момент командование группы армий «Юг» не знало о реальном соотношении сил на данном участке фронта. Командованию даже не было известно расположение советских дивизий. Балк обладал весьма ограниченными сведениями, а потому так оценивал соотношение сил своей 6-й армии и советских войск:

«Немецкая сторона представлена семью танковыми дивизиями, двумя кавалерийскими дивизиями, четырьмя пехотными дивизиями. Венгерские части, которые в большинстве случаев нельзя рассматривать как решающий фактор в сражении, представлены четырьмя пехотными и одной кавалерийской дивизией, а также остатками ряда венгерских подразделений... На русской стороне нам противостоят пятьдесят четыре пехотные дивизии, пять механизированных корпусов, три танковых корпуса, два кавалерийских корпуса, четыре дивизии зенитной артиллерии, семь противотанковых бригад, три минометные бригады[1]».

Даже из этих сведений было ясно, что перевес был явно на советской стороне. Но в командовании группы армий «Юг» продолжали надеяться, что в «слабом» месте, где немецкие войска нанесут удар, перевес (в силу предельной концентрации) будет на их стороне. Но обстановка складывалась весьма неудачно. К началу наступления обе танковых дивизии СС не были полностью укомплектованы техникой и личным составом. Не успела подъехать и вторая пехотная дивизия. Предпо-

---

[1] Подразумеваются советские части, в том числе задействованные в штурме Будапешта.

лагалось, что все эшелоны прибудут на второй или третий день немецкого наступления. На самом деле пехотная дивизия прибыла только на четвертый день наступления. Оставшиеся эшелоны с техникой прибыли с составом танковых дивизий на пятый день наступления. На шестой день наступления к операции была подключена венгерская боевая группа, состоявшая из трех пехотных батальонов. И лишь на седьмой день операции танковые и пехотные дивизии, переброшенные из Польши, смогли принять участие в операции «Конрад». На отрезке между Дунаем и озером Балатон немецким частям противостояли 4-я гвардейская армия, состоявшая из тринадцати стрелковых дивизий, и механизированный корпус. При этом в резерве у маршала Толбухина были припасены механизированный корпус, стрелковая дивизия, а также специальные «усиленные подразделения». Последние обильно снабжались гранатометами, артиллерией и противотанковыми орудиями. Кроме этого, 4-я гвардейская армия в любой момент могла получить резервы 3-го Украинского фронта, а именно: 5-й гвардейский механизированный корпус, 18-й танковый корпус, 1-й гвардейский механизированный корпус. При этом с воздуха части 4-й гвардейской армии поддерживало 953 самолета.

Маршал Ф.И. Толбухин (в центре) с подчиненными

Главнокомандующий группой армий «Юг» генерал пехоты Отто Вёлер до начала наступления прибыл на командный пункт IV танкового корпуса СС, который располагался в Аче (местечко в 8 километрах на юго-запад от Коморна). Вёлер стремился лично следить за ходом операции, не ограничиваясь чтением докладов, присланных от командиров дивизий. По этому поводу в журнале боевых действий было записано: «Там же присутствуют командиры дивизий СС «Мертвая голова» и «Викинг». Не делается никаких принципиальных замечаний. Проявляется доверие к войскам и их командирам. Досаду вызывает запоздание транспортов с дивизией СС «Викинг». Выражается надежда, что обманные маневры относительно места предполагаемого нападения возымеют действие». Сам Балк здесь, судя по всему, не присутствовал. Где он находился во время начала операции «Конрад», неизвестно. В своих дневниках и мемуарах он также ничего не говорил по данному поводу.

Озабоченность транспортными проблемами оказалась оправданной. Положение немецких войск было если не катастрофическим, то весьма плохим. Как уже говорилось выше, первые эшелоны с подразделениями трех дивизий прибыли на исходные позиции до начала операции «Конрад». Но если посмотреть на укомплектованность этих дивизий, то по состоянию на 1 января 1945 года она выглядела так:

— 3-я танковая дивизия СС «Мертвая голова». Из 77 эшелонов прибыло только 51. Укомплектованность 66%.

— 5-я танковая дивизия СС «Викинг». Из 87 эшелонов прибыло только 28. Укомплектованность 32%.

— 96-я пехотная дивизия. Из 46 эшелонов прибыло только 20. Укомплектованность 32%.

Несмотря на то что для перевозки пехотной дивизии требовалось значительно меньше эшелонов, чем для транспортировки танковых дивизий, поезда прибыли лишь на четвертый день наступления. И это при том условии, что перевозка пехоты происходит значительно быстрее, нежели тяжелых танков. А таковые дивизии, которые собственно и должны были принять на себя основной удар советских

войск, были полностью укомплектованы лишь на пятый день наступления! Чтобы полностью не проиграть сражение, в бой были брошены уже имеющиеся силы IV танкового корпуса СС. В результате подобного решения им приходилось воевать как бы «вполсилы».

Переброска дивизий из Польши была закончена только 7—8 января 1945 года, то есть в тот момент, когда оборона советских войск была настолько сильной, что сама собой возникла мысль о прекращении операции «Конрад». При этом нельзя не отметить, что перенесение начала операции «Конрад» на пару дней могло изменить соотношение сил отнюдь не в пользу Красной Армии.

Между тем положение в Будапеште рисковало стать критическим. Кольцо советского окружения сжималось вокруг венгерской столицы все сильнее и сильнее. Становилось ясно, что снабжение Будапешта по воздуху (практика «воздушного моста») было явно недостаточным, чтобы позволить немецко-венгерской группировке отразить атаки советских войск. Посланный по Дунаю транспорт с 400 тоннами груза (в основном горючим и боеприпасами) сел на мель приблизительно в 15 километрах севернее венгерской столицы.

А теперь, опираясь на журнал боевых действий, разберем операцию «Конрад» по дням.

1 января 1945 года (понедельник). Первый день операции «Конрад»

Несмотря на то, что операция официально начиналась только вечером 1 января 1945 года, фактически она стартовала в Новый год. Именно тогда пополненная новыми танками 1-я танковая дивизия (III танковый корпус) и пехотные полки при поддержке танков начали отвлекающее наступление в районе местечка Ёши вдоль северного берега озера Балатон (приблизительно в 22 километрах к западу от Секешфехервара). Наступление не имело успеха, так как танки оказались беспомощными против явно превосходящих сил советской пехоты. Тем не менее этот отвлекающий маневр возымел действие. Командование советской 4-й гвардейской армии решило, что наступление, предпри-

нятое на ее левом (южном) фланге, нацелено в первую очередь на Секешфехервар. Была выдвинута версия, что немцы планируют взять этот город в клещи. Появление на фронте IV танкового корпуса СС не укрылось от советской разведки, но она не знала, где и когда он будет брошен в бой. Но обратимся на север к месту основного немецкого удара.

«Температура — 3 °С, пасмурно, легкий снегопад. Состояние дорог неизменное».

Подобная температура и замерзшие дороги отнюдь не способствовали началу военной операции. Но ночное наступление стало для частей Красной Армии «сюрпризом». В журнале боевых действий группы армий «Юг» сообщалось: «Вечер 1 января 1945 года. 19 часов 30 минут. Силами IV танкового корпуса СС (3-я танковая дивизия СС «Мертвая голова», 5-я танковая дивизия СС «Викинг» и 96-я пехотная дивизия) начато наступление из района восточнее Коморна».

Несмотря на то что по Дунаю плавали льдины, а моторы штурмовых лодок постоянно ломались, частям 96-й пехотной дивизии под командованием генерал-майора Харрендорфа все-таки удалось высадиться на южный берег Дуная. Активно используя инженерные и саперные подразделения, немецкие пехотинцы сумели укрепиться на берегу на двух плацдармах.

Несмотря на дрейфующие льдины, появление 96-й пехотной дивизии в районе Дунаалмаша стало для противника полной неожиданностью. Тем не менее ему удалось блокировать южный берег Дуная группами танков. Плацдармы созданы к югу от Моца и у Ньергешуйфалу. Это может позволить прорваться 3-й танковой дивизии «Мертвая голова» на южный берег Дуная. Части 3-й танковой дивизии «Мертвая голова» проникли в район восточнее Несмея, где ведут ожесточенные бои с танками и пехотой неприятеля, блокирующими южный берег Дуная. 5-я танковая дивизия «Викинг» взяла Бай, Агостиан и Сомод.

В Агостиане танкистами из «Викинга» было освобождено около тысячи немецких и венгерских солдат, попавших в советский плен. Находившаяся на правом фланге дивизионная группа Папе (III танковый корпус) начала свое наступление с часовой задержкой: «20 часов 30 минут. Части III танкового корпуса начали наступление на Фельшёгаллу. На правом фланге и по центру наступления быстро достигнуты окраины Банхида. На левом фланге группа натолкнулась на минные и противотанковые заграждения, расположенные в 500 метрах от Альшёгаллы».

Неожиданное наступление позволило немецким частям очень быстро прорвать первый рубеж советской обороны. Надо сказать, что даже предусмотрительный маршал Толбухин не ожидал такой мощной немецкой контратаки. В советских донесениях сообщалось:

«В ночь на 2 января 1945 года немецкие части без предварительной артиллерийской подготовки предприняли стремительное наступление и к утру смогли вклиниться в позиции 31-го гвардейского стрелкового корпуса, солдаты которого не успели загодя вырыть в промерзшей земле окопы. Одновременно с этим неприятель нанес параллельный удар через Дунай в направлении Шюттё. В утренние часы войска вступили в бой с неприятелем в направлении главного удара. Ликвидировать глубокое вторжение пока не удалось».

Тем временем в группе армий «Юг» принимают незашифрованное сообщение из Будапешта. В нем говорится, что кольцо окружения неуклонно сжимается. Атаки красноармейцев следуют одна за другой. Немецкое командование делает вывод, что Красной Армии надо в предельно короткие сроки взять Будапешт, чтобы двинуться на Вену и Мюнхен.

Начало одной из операций «Конрад»

Вообще говоря, командование IV танкового корпуса СС могло быть довольно результатами первого дня наступления. Но не стоило слишком обольщаться. Эффект неожиданности быстро перестал действовать. Советское командование знало, в каком месте немцы попытаются деблокировать Будапешт. Дальнейший успех немецкой операции зависел во многом от того, как быстро будут введены в бой до сих пор не прибывшие остатки трех дивизий.

В ночь с 1 на 2 января для продолжения наступления было приказано «взломать советскую оборону в горах и на южном берегу Дуная».

2 января 1945 года (вторник). Второй день операции «Конрад»

«Температура от — 4 °С до — 6 °С; ветрено, небо затянуто тучами. Состояние дорог неизменное».

С рассветом части 5-й танковой дивизии СС «Викинг» смогли продвинуться в глубь советских позиций, достигнув северной части Вертешских гор, где они соприкасались с Герečескими горами. Несмотря на продвижение вперед, немецким танкистам не удалось осуществить глубокий прорыв. Противотанковые заграждения, артиллерийский огонь и глубокоэшелонированные оборонные рубежи советской пехоты причиняли «викингам» множество трудностей. Офицер штаба дивизии «Викинг» штурмбаннфюрер Ваффен-СС Браун отмечал в своем дневнике:

«Командный пункт около 13 часов на время переносится в Тату. Постоянно атакуют вражеские бомбардировщики. Не видно никаких проявлений собственной авиации. Последующее наступление является затруднительным. Оно идет в условиях гористой местности, покрытой лесом. Танки могут вести бои только на дорогах, которые буквально закупорены русскими противотанковыми пушками. Иногда их число доходит до двадцати штук. Подобные заторы можно устранить только посредством массированных атак нашей моторизованной пехоты. В изрезанных ущельями горах использование артиллерии не представляется возможным. Вражеские батальоны вновь и вновь атакуют наши фланги. Положение дивизии, шедшей в наступление, очень быстро становится сомнительным».

Находившаяся на правом фланге боевая группа Папе на северо-западном краю Альшёгаллы натолкнулась на мощные противотанковые заграждения и обширные минные поля. К западу от Татабаньи ее ждал оборонительный рубеж советской пехоты, которая не намеревалась отступать. В итоге немцам пришлось проводить перегруппировку и наступать в сторону Тарьяна. Самое удивительное в данной ситуации заключалось в том, что одним и тем же боем, по сути, командовали два разных корпусных штаба: IV танкового корпуса СС («Викинг») и III танкового корпуса (боевая группа Папе). Но в этом был определенный смысл, так как «викинги» должны были продвинуться гораздо дальше боевой группы Папе, которая во многом выполняла функции прикрытия. Разграничение функции и полномочий требовалось для IV танкового корпуса СС на протяжении всей операции.

В течение дня почти все танковые подразделения, продиравшиеся сквозь лесистые горы под советским обстрелом, сталкивались с противотанковыми заграждениями, которые почти сразу же стали пользоваться дурной славой. В журнале боевых действий было записано:

«Прорвав вражескую оборону, 5-я танковая дивизия «Викинг» в Агостиане продолжила развивать наступление в направлении Тарьяна. Южная наступающая группа (танковый полк и 2-й панцергренадерский полк «Германия») натолкнулась к северу от Тольны на противотанковые заграждения. Когда была предпринята попытка убрать заграждения, на танки с запада была произведена атака советской пехоты. Бай взят саперным батальоном 5-й танковой дивизии «Викинг». Северная боевая группа (1-й панцергренадерский полк «Германия») около 9 часов утра после боя в лесу смог продвинуться к выходу из лесной чащи к югу от Тардоша. Тардош взят. 5-я танковая дивизия «Викинг» получила приказ продвигаться в двух направлениях от дороги на юго-восток, чтобы нанести удар от Тарьяна по Бичке. Из района Несмей 3-я танковая дивизия «Мертвая голова» развивает наступление вдоль Дуная в восточном направлении. После ожесточенного боя с советской пехотой, которая поддерживалась шестнадцатью

танками, путь пробит. Установлена связь с плацдармами 96-й пехотной дивизии. Побережье Дуная в районе Ньергешуйфалу деблокировано. Отразив контратаки с юга и юго-востока, 3-я танковая дивизия «Мертвая голова» при поддержке отдельных отрядов продолжает наступать от Ньергешуйфалу в южном направлении. В настоящее время дивизия ведет ожесточенные бои с вражескими танками и пехотой к югу от Байота. Приказано продолжать наступление в юго-восточном направлении. Усиленные армейские подразделения продолжают наступление по дороге, ведущей к Токоду. Пришли последние сообщения, что враг, засевший на фабрике в 4 километрах от Ньергешуйфалу, продолжает упорно сопротивляться.

Для продолжения наступления были отданы следующие приказы:

1) Наступающим частям дивизионной группы Папе было дано указание закрепиться на занятых территориях. Остальным — пройти сквозь Тату, захваченную «викингами», направиться в Тарьян, чтобы открыть проход сквозь леса и гористую местность для развития наступления в западном направлении от Альшёгаллы к Татабаньи.

2) Дивизия СС «Викинг» получила приказ обойти с двух сторон Тарьян и под прикрытием ночи выдвинуться в направлении Бичке.

3) Дивизия СС «Мертвая голова» должна была развивать наступление, чтобы в итоге получить контроль над перекрестком дорог близ Токода.

4) Находящиеся в распоряжении дивизионной группы Папе части 711-й пехотной дивизии должны были прочесать территорию между Тольной и Дунаем (30 километров!), обратив особое внимание на зачистку окрестностей Дунасентмиклоша».

В журнале боевых действий сообщалось: «В ходе наступления в северной части лесистых гор была сломлена оборона противника, и к вечеру 2 января достигнуты позиции, проходящие по линии Альшёгалла — Тольна — Байот, в 4 километрах восточнее Ньергешуйфалу. Наступление продолжается».

Начало операции «Конрад».

Наступающие немецкие части постоянно подвергались налетам советской авиации. Только на второй день операции «Конрад» в дело вступили Люфтваффе. Но сил 360 истребителей и штурмовиков явно не хватало для того, чтобы обеспечить немцам господство в воздухе. Тем временем вечером 2 января 1945 года из штаба Верховного командования сухопутных войск пришел очередной приказ, адресованный командованию группы армий «Юг». Он сводился к трем установкам. Во-первых, конечной целью после деблокирования Будапешта являлось создание мощного оборонительного рубежа между озером Балатон и Дунаем. При этом предусматривалась перегруппировка частей IV танкового корпуса СС («южный вариант»!). Во-вторых, «только в крайнем случае» Верховное командование разрешало начать подготовку к новой наступательной операции. Это предусматривалось на тот случай, если деблокирование венгерской столицы осуществить не удастся. В-третьих, в ходе операции «Конрад» надлежало уничтожить советский плацдарм в районе Грана.

Вечером (около 22 часов) того же дня состоялся разговор между Вёлером и Балком. Вёлер высказал следующее мнение: «Сегодня сложилось впечатление, что атакующие под-

разделения были очень близки к ошибке. Я приказал передовым частям расширить фронт наступления, дабы продолжить продвижение вперед». Можно сказать, что к данному моменту дивизия «Мертвая голова» слишком глубоко продвинулась вдоль берега Дуная, а потому не имела никакой возможности повернуть на юг. При этом дивизия действовала в соответствии с полученным приказом. Дивизия СС «Викинг» не имела достаточно сил, чтобы провести пресловутое «расширение» фронта. Атакующие немецкие части должны были радоваться, что у них в тылу имелись хоть какие-то резервы, которые прикрывали им спину. Танковые части, как бы того ни желало командование, были жестко привязаны к немногочисленным дорогам, идущим сквозь горы. Захваченная территория и так уже была значительным успехом. Чтобы атаковать на открытом пространстве или брать штурмом хорошо укрепленные деревни и отдельные усадьбы, требовалось достаточное количество пехоты — а ее-то у немцев и не было. Но все-таки даже поздно вечером IV танковый корпус СС пытался продолжать наступление. К полуночи командование группы армий «Юг» получило сообщения о следующем:

— «Викинги» прорвались сквозь Тольну и вели бой у очередных противотанковых заграждений близ Тарьяна.

— «Мертвая голова» заняла почти все окрестности Байота и постепенно приближалась к Байне.

— Следующая за танковыми подразделениями 96-я пехотная дивизия вела бой за Токод.

— Полковая группа 96-й дивизии, снабженная артиллерией, вошла в Коморн, переправилась через Дунай и следовала вперед по его берегу.

— От передовых частей дивизионной группы Папе, которая следовала за «викингами», никаких вестей не поступало.

Ближе к полуночи произошла еще одна встреча. На этот раз разговор состоялся между начальником штаба группы армий «Юг» генерал-лейтенантом Грольманом и начальником штаба армейской группы Балка генерал-майором Гедке. В основном обсуждались перспективы развития наступления. При этом генерал-майор Гедке выражался значительно критичнее, нежели Балк: «Складывается

впечатление, что наступление может провалиться по вине старших и младших офицеров. В отличие от 1941—1942 годов, у нас сейчас нет хорошо подготовленных командиров, которые могли бы самостоятельно принимать решения. Очевидно, это предопределено отсутствием самостоятельного мышления».

Поразительно, но эти слова посылались в адрес едва ли не самых элитных частей Ваффен-СС! Не исключено, что эти слова были продиктованы тем, что между Гедке и Гилле были весьма напряженные отношения. Показательно, что подобные настроения превалировали именно в армейской группе Балка. Генерал-майор Грольман подытожил беседу следующими словами: «Гористую местность между Тольной и Дунаем надо заполнить подтягивающейся к нам 711-й пехотной дивизией. Наступающие части не должны терять своей стратегической инициативы и останавливаться. Пока есть возможность, надо сохранять стремительность наступления».

3 января 1945 года (среда). Третий день операции «Конрад»

«Температура — 2 °С, ясно. Состояние дорог неизменное».

Отдельный боевой отряд дивизионной группы Папе (20 танков с пехотой на броне) во второй половине дня, проследовав вслед за «викингами» до Тарьяна, свернул на юго-запад, после чего атаковал промышленную зону, расположенную восточнее Татабаньи. Вслед за ними стали подтягиваться другие танковые подразделения. Советские солдаты отчаянно оборонялись в районе Дунасентмиклоша.

После ожесточенных, продолжительных ночных боев части IV танкового корпуса СС пробились сквозь Герецские горы, достигнув их восточных отрогов:

«В ходе кровопролитных боев, начавшихся ночью, в ранние утренние часы была взята Тольна. Ожесточенное сопротивление противника южнее и севернее населенного пункта сломлено, наступление продолжается в направлении Тарьяна. Вторая атакующая группа смогла взять Херег и наносит удар в южном направлении. После ожесточенного боя сконцентрированными наступающими силами взят Тарьян.

Продолжая наступление, к 16 часам 30 минутам атакующие части смогли продвинуться на 5 километров юго-восточнее Тарьяна».

Тем временем генералы Балк и Гилле требовали развивать наступление. Одна из дивизий докладывала:

«Наступление развивается слишком медленно. Все зависит от быстроты действий... Около 15 часов взят Тарьян. Захвачено множество противотанковых орудий и пленных. Местное население ликует... Вслед за передовыми частями командный пункт дивизии решено перенести в Тарьян.

Подразделения 3-й танковой дивизии «Мертвая голова» сначала с севера, а затем с запада и востока вышли к Байне. Враг предпринял контратаку силами 26 танков. В ходе нашего натиска она отбита. 11 вражеских танков подбито, из них 6 Фацетлатфонами. Высоты, расположенные юго-восточнее Байны, благоприятствуют обороне противника, обладающего многочисленными танками и противотанковыми орудиями. Предпринята массированная атака на высоты. Другой боевой группой 3-й танковой дивизии «Мертвая голова» взят Надьшап. Двигаясь в юго-восточном направлении, в 3 километрах на северо-восток от Байны столкнулись с частями III танкового армейского корпуса, которые двигались в направлении Саркаша. В Саркаше засел противник, чьи силы остаются неизвестными. Части 96-й пехотной дивизии стали развивать наступление из района Ньергешуйфалу. Им удалось отбить у превосходящих сил неприятеля располагающийся в двух километрах на восток сахарный заводик. Наступление продолжается в северном направлении. По ходу производится разведка.

Второй из прибывших батальонов 711-й пехотной дивизии направлен в Сомод, чтобы оттуда начать наступление в юго-восточном направлении. Одновременно с этим он производит зачистку лесной территории от разрозненных подразделений неприятеля».

В течение этого дня командующий группой армий «Юг» генерал Вёлер не раз посещал командный пункт IV танкового корпуса и 96-й пехотной дивизии. Последний был перенесен в местечко Буч, располагавшееся на северном берегу Дуная. Не исключено, что начальник штаба генерал-лейтенант Грольман доложил своему шефу «о пораженческих настроениях» генерал-майора Гедке, а потому командующий группой армий предпочитал сам отслеживать обстановку, поддерживая тем самым порядок хотя бы в штабах. Результаты этих визитов были изложены в журнале боевых действий:

«IV танковый корпус СС. Я настойчиво акцентировал внимание командования корпуса на необходимости беспрерывно продвигаться вперед, так как в противном случае у противника появляется прекрасная возможность выиграть время для осуществления перегруппировки войск. У меня складывается впечатление, что делается все возможное, и незначительность вчерашних успехов не является виной солдат или командования корпуса. Обергруппенфюрер СС Гилле послан в расположение дивизии СС «Викинг».

96-я пехотная дивизия. В то время как старый командный пункт располагается в Буче, командование дивизии уже два часа как находится на южном берегу Дуная... Я недвусмысленно намекаю на безотлагательность действий в данной ситуации — требуется наращивание темпов а) наступления, b) подтягивания сил, все еще находящихся не на передовой».

Генерал Отто Вёлер, командующий группой армий «Юг»

Как мы видим, командование группы «Юг» делало ставку на ускорение темпа наступления, не принимая во внимание

количество противостоящих немцам частей Красной Армии и их расположение. В немецком журнале боевых действий об этом сообщалось следующее:

«Враг начинает готовиться к собственному нападению, для чего проводит перегруппировки войск. В район Бичке и немного севернее, где линия фронта приходится на южное крыло армейской группы Балка, подвозятся свежие силы, которые, возможно, перекидываются из окрестностей Секешфехервара. Можно ожидать некоторой разгрузки западного плацдарма у Будапешта. Вражеская пехота и танки оказывают особенно сильное сопротивление в районе Байны. Здесь неприятель может нанести нам значительный урон в живой силе и технике. Атакующим группам отдан приказ добраться до ключевых пунктов Бичке и Жамбек, а также до развилки дорог близ Токода. Это необходимо, чтобы воспрепятствовать попыткам врага создать там противотанковые заграждения и усиленный рубеж обороны. С позиций под Граном завтра на подмогу армейской группе Балка будут переброшены части 6-й танковой дивизии, которые тут же должны будут подключиться к наступлению».

В вечерней сводке штаба армейской группы Балка, направленной в штаб группы армий «Юг», после описания боевых действий, произошедших за день, было подытожено:

«Сегодняшний ход наступления позволяет говорить о том, что 5-й танковой дивизии «Викинг» удалось достигнуть поставленных перед ней целей. В то же время противник стянул две боевых группы, первая из которых ведет бои против 3-й танковой дивизии «Мертвая голова» к югу от Байны, вторая — юго-западнее Бичке. Можно надеяться, что перед наступающими частями 5-й танковой дивизии «Викинг» в настоящее время находится не занятое противником пространство, что позволит отрезать Бичке от остальных частей неприятеля. II моторизованный (*советский. — Авт.*) корпус еще не задействован. Но, судя по большому количеству встреченных в бою вражеских танков, он уже на подходе. Вместе с тем, обе танковые дивизии СС потеряли слишком

много ценного для нас времени, так как были совершенно незнакомы с горной местностью. Теперь, кажется, настало время, когда неприятель будет отводить свои части от Будапешта. Так, например, 86-я гвардейская стрелковая (*советская. — Авт.*) дивизия, до сих пор располагавшаяся под Будапештом, была встречена нами у Дуная, западнее Грана».

Только к вечеру началась разгрузка эшелонов с недостающими подразделениями эсэсовских дивизий. Указанная в донесении потеря времени была во многом связана с явным недостатком пехоты, которая позволила бы немцам более-менее успешно вести бои в лесных массивах венгерских гор. В данной ситуации следовало упрекать не столько танкистов, сколько немецкое командование, которое выбрало для начала наступления слишком раннюю дату.

Гедке и Балк были вынуждены бить себя в грудь, отчаянно доказывая собственную правоту. Впрочем, для многих уже становилась очевидной ошибочность принятого решения. В 22 часа того же дня генерал Вёлер поинтересовался дальнейшими намерениями Балка, на что получил следующий ответ:

«Около 19 часов дивизия «Викинг» занимала позиции в 5 километрах на юго-запад от Тарьяна. Смею надеяться, что ночью ей удастся взять отдельные кварталы Бичке. Дивизия «Мертвая голова» втянута в тяжелые бои. 96-я пехотная дивизия, которая сегодня так и не преуспела в наступлении, должна прикрывать левый флаг «Мертвой головы» юго-западнее Грана, куда противник подтягивает свои силы. Западнее Бичке планирую использовать группу Папе, усиленную еще в Альшёгалле. Для продвижения по берегу Дуная предполагаю также использовать 6-ю танковую дивизию, которая будет двигаться по правому флангу дивизии «Викинг». 711-я пехотная дивизия еще только на подходе. Я доволен результатами сегодняшнего дня. Танковым частям потребовалось всего лишь 24 часа для ведения боев в горах. Командование армейской группы планирует привлечь к наступлению в Вертешских горах кавалерийскую бригаду».

Подобное изложение событий выглядит не в пример оптимистичнее, чем образ, который представил начальник штаба армейской группы. Но при всем этом игнорировался тот факт, что обе танковые дивизии СС, как и 96-я пехотная дивизия, лишь отдельными частями вступили в бой. А ведь именно в этот день по железной дороге прибыло 23 эшелона только с подразделениями дивизии СС «Викинг»! Но они почему-то никак не учитывались Балком.

В ночь на 4 января 1945 года командование IV танкового корпуса СС перенесло свой командный пункт в Тату (приблизительно в 25 километрах на юго-восток от Коморна). Для развития наступления был отдан приказ еще ночью взять окраины Бичке и Жамбека. По крайней мере передовые отряды должны были завязать там бой, чтобы советские войска «не успокаивались». В то же самое время 96-я пехотная дивизия получила приказ нанести удар на восток от сахарного заводика в Токоде, в направлении Кёртелеша.

4 января 1945 года (четверг). Четвертый день операции «Конрад»

«Температура от — 4 °С до — 6 °С. Небо от ясного до переменчивого. Состояние дорог на равнине неизменное, в горах — сильный гололед, что затрудняет продвижение даже гусеничных бронетранспортеров. Толщина льда у южного берега Балатона —30 см, у западных берегов —18 см, что является достаточно прочным для передвижения пехоты».

По приказу маршала Толбухина предпринималось все, чтобы остановить немецкое наступление. В штабе 3-го Украинского фронта осознали опасность, которая нависла над советскими частями, а потому в срочном порядке были предприняты контрмеры. Что же можно было сделать, чтобы остановить танковые колонны эсэсовских дивизий? Для того чтобы остановить дивизию «Викинг», в район Бичке — Жамбек «по направлению главного удара» было быстро переброшено три стрелковых дивизии, моторизованная бригада, полк тяжелых танков, четыре специальных штурмовых полка и шесть саперных батальонов. При этом плотность советского артиллерийского огня на данном участке фронта

составляла 40 орудий и минометов на один километр. Все это не укрылось от командования группы армий «Юг». В журнале боевых действий значилось:

«Как и прежде, части IV танкового корпуса СС продвигались вперед. Прежде всего это касается 5-й танковой дивизии «Викинг». Впрочем, она так и не смогла достигнуть первой намеченной цели наступления — Бичке. По дороге, ведущей от Тарьяна к Бичке, ее подразделения в основной массе приблизились к деревне Мань, расположенной в 4 с половиной километрах на северо-запад от города Бичке. В то же время армейские подразделения ведут бои в 5 километрах к западу от Бичке. Перед Манью неприятель возводит противотанковые заграждения.

3-я танковая дивизия «Мертвая голова» ведет ожесточенные бои с пехотой неприятеля, которая укрепилась за противотанковыми заграждениями юго-восточнее и восточнее Байны. Однако в течение дня ей удалось пробиться к северо-западным окраинам Сомора, в то время как армейские батальоны прикрывали левый фланг дивизии близ деревни Шаришан. Дивизия... столкнулась с мощными танковыми группами противника.

На правом фланге до сих пор ничего не известно о силе противника, закрепившегося поблизости от Альшёгаллы. После того, как его не удалось выбить посредством фронтальных атак с севера и северо-запада, сегодня было принято решение атаковать его позиции с востока. По трассе Тарьян — Бичке усиленная танками группа Папе смогла прорваться на юг, после чего достигла железнодорожного переезда в 4 километрах на юго-восток от Фельшёгаллы. После того как железная дорога была взорвана в нескольких местах, а также были установлены специальные блокировочные посты противника, продвигаться вперед по ней не представляется возможным.

На левом фланге во время наступления от сахарного заводика части 96-й пехотной дивизии натолкнулись на реку. В итоге занята развилка дорог близ Токода.

Части 711-й пехотной дивизии продолжают зачистку горной местности в оперативном тылу наступающих частей. Остатки отрядов противника, оборонявшиеся с 1 января, уничтожены в районе Дунасентмиклоша. 6-я танковая дивизия продвигается по берегу Дуная навстречу 5-й танковой дивизии «Викинг».

Противник планирует собственное наступление, которое он предполагает осуществить силами, переброшенными с Северного Дуная. Авиаразведка докладывает о двух мощных моторизованных колоннах неприятеля, движущихся от Грана в южном направлении. Не исключено, что противник может перебросить свои силы через Дунай, чтобы через Гран и Пилишские горы предпринять контратаку, нацеленную на левый фланг армейской группы. Или же он может повернуть на запад и начать контрнаступательную операцию с плацдарма в устье Грана близ Перкани. Существует мнение, что советское командование еще не определилось, какой из вариантов выбрать».

В данном случае немецкой разведке нельзя было отказать в профессионализме. Указанные передвижения советских войск в районе Грана, к северу от Дуная, были только первыми действиями готовящегося наступления по направлению к Коморну. В случае успеха данной операции все немецкие части, находившиеся на южном берегу Дуная, рисковали попасть в окружение, а стало быть, должны были отказаться от попыток деблокировать Будапешт.

Для продолжения наступления командование группы армий «Юг» отдало армейской группе Балка следующие распоряжения:

1) Теперь 6-я танковая дивизия, наступавшая по южному берегу Дуная по горным дорогам в сторону Тарьяна, подчинялась корпусной группе Брайта (III танковый корпус). Она получила приказ продолжать наступление в окрестностях Альшёгаллы.

2) 5-я танковая дивизия СС «Викинг» должна была продолжать наступление к Бичке, но уже в юго-восточном на-

Танки рвутся сквозь покрытые лесом горы

правлении, то есть должна была перенацелиться на Мартонвашар (между Будапештом и озером Веленце (Веленцай).

3) 3-я танковая дивизия СС «Мертвая голова» должна была взять Жамбек, откуда надлежало нанести удар по линии Тарнок — Эрд (приблизительно 10 километров на юго-запад от Будафока) с целью передовыми подразделениями занять аэродром в Будаёрше, что позволило бы наладить снабжение Будапешта по воздуху.

4) 96-я пехотная дивизия должна была атаковать Пилишвёрёшвар (приблизительно в 15 километрах на северо-запад от Будапешта), что в итоге позволило бы выйти на северо-западные окраины венгерской столицы.

5) 711-я пехотная дивизия должна была защищать левый фланг 96-й пехотной дивизии, одновременно обходя Гран с юга. Дивизия полностью переходила в подчинение командованию IV танкового корпуса СС.

6) Танковая группа Папе совместно с 6-й танковой дивизией должна была атаковать Фельшёгаллу, а затем двигаться в юго-восточном направлении на Каполнаш-Ниека (северо-восточное окончание озера Веленце).

7) 4-я кавалерийская бригада должна была высвободить располагавшиеся близ озера Балатон 25-ю венгерскую пе-

хотную дивизию и подразделения венгерских добровольцев, которые вместе с частями 1-й и 23-й танковых дивизий должны были с позиций, находившихся западнее Секешфехервара, нанести удар вдоль западного берега озера Веленце.

8) Несмотря на запланированное советское наступление, венгерская дивизия «Сент Ласло» и 211-я пехотная дивизия должны были сменить под Граном 3-ю и 8-ю танковые дивизии. 3-я танковая дивизия отправлялась в оперативный резерв, а 8-я танковая дивизия должна была стать подкреплением боевой группы, развивающей наступление к западу от Секешфехервара.

9) Двигающаяся к месту сражения 6-я советская танковая армия должна быть атакована мощным огнем артиллерии, а также всеми имеющимися в распоряжении подразделениями Люфтваффе.

Как видим, с этого момента операция по деблокированию Будапешта передвинулась далеко на юг. В ней можно было легко узнать контуры «южного решения». Разница состояла в том, что на этот раз атаковать советские позиции немцам приходилось на южном участке отнюдь не превосходящими силами, как планировалось вначале. В 22 часа Балк докладывал командующему группой армий «Юг» свой план. Он полагал, что «неприятель поплатился», то есть понес большие и невосполнимые потери. «Некоторые участки фронта удерживаются силами 5—7 батальонов». Балк полагал, что настал самый благоприятный момент для развития наступления в северо-восточном направлении.

В штабе группы армий «Юг» согласились с подобным выводом. В качестве подкрепления в армейскую группу Балка из Веспрема была направлена 3-я кавалерийская бригада. Подобные перегруппировки приводили не только к путанице — они мешали складыванию постоянных боевых групп. Подобная ошибка уже была допущена в декабре 1944 года, когда 8-я армия вела бои за Гран. И если смешивание дивизий на этот раз произошло (вопреки воле Балка) не в самых больших размерах, то это произошло лишь потому, что командование группы армий «Юг» указало на необходимость «в ходе перегруппировки вновь упорядочить порядки

танковых дивизий». Впрочем, в ходе тех ожесточенных боев на передовой никто не думал об «упорядочивании». Каждый день стоил немецким танкистам уймы физических и психических сил. Запоздавшие остатки дивизий пока еще не были введены в бой.

5 января 1945 года (пятница). Пятый день операции «Конрад»

«Температура от — 4 °С до — 6 °С. Туманно. Плохая видимость. Состояние дорог и трасс — неизменное. Состояние льда на озере Балатон — неизменное».

Несмотря на постоянно усиливавшуюся советскую оборону, части IV танкового корпуса СС продолжали попытки наступать. Теперь продвижение вперед оплачивалось огромными жертвами. На правом фланге у Фельшёгаллы советские войска впервые за время всей операции «Конрад» предприняли крупное контрнаступление. В ходе его удалось отвоевать значительную территорию и погрузиться в позиции немцев на глубину в 3 километра. Немцам пришлось самим устраивать контратаку.

Тем временем 6-я танковая дивизия смогла вырвать из окружения чуть севернее деревни Чабди разведывательный отряд «викингов». После этой небольшой операции немецкие танкисты продолжили свое наступление в юго-западном направлении. К вечеру 5 января они смогли занять одну из усадеб, находившихся в 3 километрах на северо-запад от Чабди:

«Танковый полк 5-й танковой дивизии «Викинг» и части панцергренадерского полка «Германия» выступили в юго-восточном направлении из местности, расположенной в 5 километрах северо-западнее населенного пункта Мань. В 7 часов 10 минут они достигли дороги, ведущей из Мани в Бичке. Столкнувшись с противотанковыми укреплениями, они направились на юг, к Бичке. Основная масса служащих панцергренадерского полка «Германия» прикрывала фланги передового отряда, который постоянно подвергался ожесточенным нападениям неприятеля в районе населенных пунктов Чабди и Мань. Ранним утром 2-му панцергренадерскому полку «Вестланд» удалось отразить контратаку неприятеля, предпринятую у Дьермея.

Ночью группа Эйке из состава 3-й танковой дивизии «Мертвая голова» вела бои по обе стороны от трассы, связывающей Байну и Сомор. Несмотря на ожесточенное сопротивление противника, удалось продвинуться дальше и даже взять северную окраину Сомора. При этом группа столкнулась здесь с 45 танками неприятеля и ураганным огнем противотанковой артиллерии, а на высотах юго-западной окраины — с 18 танками, которые держали позиции за противотанковыми сооружениями. Во время кровопролитного боя в Сомор удалось прорваться мотострелкам 2-го панцергренадерского полка и панцергренадерского полка Эйке дивизии «Мертвая голова». Продолжаются ожесточенные уличные бои. Танковому полку дивизии «Мертвая голова» удалось прорваться сквозь Сомор в юго-западном направлении. Сейчас он удерживает окрестности развилки дорог в 2 километрах на юго-запад от этого места. Заняв территорию близ Дьермея, полк позволяет связать воедино свои действия с действиями 2-го панцергренадерского полка «Вестланд». 3-й танковый полк дивизии «Мертвая голова» выдвинулся из окрестностей Эпёла в северо-восточном направлении. В результате он блокировал дорогу на Шаришан в 2,5 километра на юго-восток от этого местечка. Атаки 3-й танковой дивизии «Мертвая голова», несмотря на огонь противотанковых орудий и превосходящие силы противника, находящегося в обороне, продолжаются на высотах к северо-западу от Дага.

Генерал Герман Балк, командующий 6-й армией («Армейской группой Балка»)

Правофланговая атакующая группа 96-й пехотной дивизии (283-й пехотный полк) начала наступление из деревни, расположенной в 4 километрах на юго-восток от Саркаша в обозначенном юго-восточном направлении. Во время атаки бы-

ла взята господствующая высота 457 и территория, прилегающая к ней с юга. Средняя и левофланговая атакующие боевые группы начали наступление в направлении Кёртелеша с территории Токода. Наступление было остановлено превосходящими силами противника на юго-западной и северо-западной окраинах этого населенного пункта. 711-я пехотная дивизия с прибывшими частями под прикрытием темноты смогла прорваться из Токода в направлении Чидорди, чтобы наступать в юго-восточном направлении на Кестёльц и Чев».

Как уже говорилось выше, с этого дня дивизионная группа Папе с подначальной ей 6-й танковой дивизией (без учета боевой группы Бибера, которая была отдана в подкрепление 217-й народно-гренадерской дивизии) подчинялась приказам командования IV танкового корпуса СС. Но вместе с тем, сам корпус более или менее организованно мог вести бои лишь на правом фланге затухающего наступления. Почему решение о столь необходимом во время наступления единоначалии было принято так поздно, есть разные объяснения. Скорее всего, Балк не хотел отдавать нити управления операцией в руки Гилле. Одновременно с этими перестановками, «соседу» по наступлению — корпусной группе Брайта (III танковый корпус) — указывалась новая линия наступления: Коч — Кёрнье — Вертешбоглар — Ача.

В течение этого дня на станцию прибыли последние эшелоны с отставшими частями дивизий «Викинг» и «Мертвая голова». Они почти тут же посылались на поле боя к остаткам уже изрядно потрепанных дивизий, вступивших в бой пять дней назад. К этому моменту почти полную численность (если не считать боевых потерь) обрела 96-я пехотная дивизия. 711-я дивизия должна была оказаться полностью укомплектована с часу на час. Но, вопреки ожиданиям командования группы армий «Юг», эти прибывшие эшелоны не стали ощутимым пополнением рядов дивизий. Они стали лишь частичным усилением, так сказать, восполнением боевых потерь, понесенных в предыдущие дни боев. В итоге ожидаемого количественного и качественного толчка для дальнейшего развития наступления не произошло.

Будапешт перестали снабжать даже по воздуху. Кольцо окружения неумолимо сжималось. В тот день группа армий «Юг» столкнулась с рядом сюрпризов. Например, с семью бомбардировщиками «Юнкерс-87», которые обрушили град бомб на позиции 8-й (немецкой) армии. Не имея времени разбираться в этом инциденте, командование группы армий списало его на румын, которые вместе с предоставленной им когда-то немцами техникой летом 1944 года перешли на сторону Советского Союза, а теперь активно участвовали в штурме Будапешта.

Утром на специальном поезде в расположение группы армий «Юг» прибыл генерал-полковник Гудериан, которого сопровождал начальник Генерального штаба сухопутных войск полковник фон Бонин. Гудериан, которому казалось, что наступление развивается слишком медленно, хотел сам проследить за ходом боевых действий. В своих мемуарах он несколько «опережал» события, когда писал: «Меня информировали о причинах затухания наступления по деблокированию Будапешта». Дело в том, что когда командующий сухопутными силами прибыл на место, то наступление, хоть и с огромным трудом, но все-таки продолжалось.

После того как немецкая разведка доложила о расположении советских частей, в армейской группе Балка планировали, что 6-я советская гвардейская танковая армия будет двигаться строго на запад, не разворачиваясь на южном фланге. Ничто не изменилось в собственных немецких планах. Как и прежде, 3-я танковая дивизия должна была отойти, чтобы начать наступление в районе Секешфехервара. То есть предполагалось все-таки перенести направление основного удара на юг. Продолжение наступления силами дивизии СС «Викинг» считалось невозможным. А потому командование армейской группы Балка отдало приказ лишь о незначительном расширении клина в западном направлении, что должно было создать перемычку, позволяющую соприкоснуться флангами с 6-й танковой дивизией.

Между тем штаб IV танкового корпуса СС, равно как и сам командир дивизии СС «Викинг», планировали повернуть на северо-восток, чтобы отбросить советские части с фланга дивизии СС «Мертвая голова» под Сомором, а затем

все-таки продолжить наступление. В подобных действиях была своя логика. По крайней мере, так было проще достигнуть поставленных целей. Но в штабе армейской группы Балка более пристальное внимание уделяли южному направлению и запланированной на 7 января в данном направлении наступательной операции. Удар по советским позициям предполагалось нанести в окрестностях Мора и чуть севернее Секешфехервара. При этом должно было стать ясно, какими силами и какими резервами на отрезке между озером Веленце и Будапештом располагала Красная Армия. Но вместе с тем, почему-то не учитывалось, что на южном направлении советские войска могли оказать не в пример более сильное сопротивление, чем на северном. Для успеха наступления на южном направлении у немцев просто-напросто не было сил.

Тем временем на левом фланге IV танкового корпуса СС силами 711-й пехотной дивизии напротив Грана по обе стороны от Жидоди стали возводиться мощные противотанковые укрепления, которые должны были не только прикрыть Гран с юго-востока, но и блокировать продвижение советских танков в направлении Пилишсентлелека и Сентэндре.

Генерал-полковник Гудериан согласился с изложением обстановки и планами, разработанными Балком. Кроме того, Гитлер, который хотел, чтобы ему каждодневно докладывали о положении в Западной Венгрии, высказал идею, что на южный фланг армейской группы Балка надо дополнительно перекинуть еще 20-ю танковую дивизию. То есть тем самым фюрер сам «предвосхитил» замысел, которого все активнее и активнее придерживался Балк. Сам Гудериан видел опасность, которая местами нависала над 8-й армией. Он хотел направить 20-ю танковую дивизию, дабы та устранила угрозу, нависшую над 24-й танковой дивизией. 8-я танковая дивизия, которая первоначально была перекинута через Дунай, позже была снята с фронта, оказавшись в оперативном резерве. Она стояла близ Грана бок о бок с венгерской пехотной дивизией «Сент Ласло».

Немцы должны отдать должное Гудериану, который хотя и целыми днями был занят делами группы армий «Юг», вовремя заметил опасность предстоящего генерального совет-

ского наступления, которое должно было стартовать с барановского плацдарма, расположенного восточнее Варшавы. После возвращения из поездки по Венгрии 9 января он попытался убедить Гитлера в том, что готовящееся советское наступление угрожает Германии куда больше, чем действия Красной Армии в Венгрии. Он просил, чтобы в распоряжение группы армий «Центр» было передано подкрепление. Но все старания Гудериана были тщетными. В ходе дискуссии, которая велась на повышенных тонах, разозленный Гитлер потребовал отправить генерал-майора Гелена (после войны он возглавит разведку ФРГ) в сумасшедший дом. Гитлера раздражали его военные прогнозы относительно общей ситуации на Восточном фронте. При всем этом Гитлер кричал, что на Восточном фронте как никогда много резервов. На это Гудериан спокойно возражал: «Восточный фронт рушится, как карточный домик. Достаточно прорыва хотя бы на одном участке фронта, и процесс крушения станет необратимым». Но эти слова не произвели на Гитлера никакого впечатления.

6 января 1945 года (суббота). Шестой день операции «Конрад»

«Температура до — 3 °С. Обильный снегопад. Плохая видимость. Состояние дорог неизменное. Толщина льда на озере Балатон —15 сантиметров от западного берега на глубину 5 километров. Образование скоплений льда».

6 января стало датой коренного перелома в операции «Конрад». К этому моменту советские войска полностью оправились от внезапного наступления и, подтянув резервы, стали бросать в бой все новые и новые части. В направлении острия немецкого танкового удара устремились восемь пехотных дивизий и три оперативных соединения. В итоге почти сразу же эсэсовским танкистам, располагавшимся на правом фланге IV танкового корпуса СС, пришлось перейти из наступления в глухую оборону. Немецкое наступление продолжалось лишь на левом фланге близ берега Дуная. В ходе наступления частям 711-й пехотной дивизии все-таки удалось захватить Гран.

Складывалось очень нелегкое оперативное положение. В то время как советские части активно продвигались вперед под Тольной и Альшёгаллой, подразделения 6-й немецкой танковой дивизии смогли занять высоты, располагающиеся в 3 километрах на северо-запад от Бичке. Все попытки советской пехоты при поддержке танков контратаковать оказались безуспешными.

5-я танковая дивизия СС «Викинг» также не могла похвастаться в тот день значительными успехами. Ее подразделения едва успевали отражать советские атаки, которые были направлены на нее со всех сторон. Правофланговая атакующая дивизионная группа так и осталась в районе Чабди. Она была окружена советскими войсками в 2,5 километра восточнее Бичке. Был оставлен лесной массив к западу от деревни Мань. Бои в тех местах представляли собой бесконечно сменяющую друг друга череду атак и обороны. В журнале дивизионной группы говорилось: «Дивизия подтягивает все имеющиеся резервы и уходит в глухую оборону. Беспокойство вызывает фланговое прикрытие. Очень сильно зависим от соседей».

Некоторого военного успеха удалось добиться дивизии СС «Мертвая голова». Ее подразделения взяли высоты, расположенные в 4 километрах на северо-запад от Жамбека. Но на этом продвижение заглохло — немецким танкистам так и не удалось прорвать линию противотанковых заграждений, которая с двух сторон прикрывала трассу, ведущую из Сомора в Жамбек. Атаки с позиции Эпёл — Шаришан в направлении Кирва и Дага были отбиты красноармейцами. Общий итог боев за день вряд ли мог кого-то порадовать. Успеха удалось добиться только частям 96-й пехотной дивизии, которые продвигались на юг. Они охватили с разных сторон местечко Чольнок и деревню Кёртелеш. Но взять эти населенные пункты немецким пехотинцам не удалось — части Красной Армии организовали в них сильную оборону. Определенный успех сопутствовал и 711-й пехотной дивизии. После захвата Жидоди и прилегающих к деревне с северо-востока высот, немецкая пехота смогла выйти на окраины Грана, блокировав тем самым почти все выходы из города. Чтобы развить достигнутый успех, командование 711-й

дивизии отдает приказ перекинуть на южный берег Дуная в район Жидоди все имеющиеся пехотные силы, чтобы взять Гран именно ударом с юга, пока советские войска не успели подтянуть подкрепление. Боевая группа венгерской 23-й пехотной дивизии, на тот момент состоявшей из трех пехотных батальонов, была передана в распоряжение командования IV танкового корпуса СС. В штабе танкового корпуса воцарилось мнение, будто бы только мощным ударом на левом (северном), более подвижном и мобильном фланге можно было добиться перелома в ходе забуксовавшего наступления.

Тем временем на второй день своего визита в Венгрию генерал-полковник Гудериан посетил командные пункты IV танкового корпуса СС и армейской группы Балка. Там ему доложили о сложившемся положении:

«По ходу собственного 6-дневного наступления вражеская оборона в районе Вертешских и Герeческих гор крепнет день ото дня. Используя пехоту и противотанковые укрепления, враг удерживает фронт, проходящий по линии Альшёгалла — Фельшёгалла — Барок — Чабди — Бичке — Мань — Жам-

V танковый корпус СС наступает через Пилишские горы

бек — Кирва — Чольнок — Кёртелеш. На данной линии враг постоянно предпринимает контратаки, отдавая приказы собственным частям, чтобы те в ходе ожесточенных боев прорывались в наши позиции. Сегодня танковая группа 5-й танковой дивизии «Викинг», которая накануне смогла продвинуться между вражескими укрепленными пунктами в Бичке и Мани, должна была безуспешно отражать вражеские атаки, предпринимаемые со всех сторон.

По сути, наступление успешно развивается только на левом фланге (96-я и 711-я пехотные дивизии). Там наступающие части приближаются к Чольноку и Кёртелешу. 711-й пехотной дивизии удалось прорвать рубеж обороны противника и выйти к городу Гран. Данный успех должен использоваться для того, чтобы укрепить оборону собственного северного фланга в районе Грана. Разведывательные группы посылаются для захвата господствующих над городом с востока высот. Оттуда части 711-й пехотной дивизии должны повернуть на юго-восток, чтобы обойти с фланга вражеский рубеж обороны у Кёртелеша. Чтобы способствовать плохо развивающемуся наступлению, надо предпринять операцию в другом месте фронта. Командование группы армий «Юг» запланировало на завтра наступление 4-й кавалерийской дивизии и танковой группы на южном фланге армейской группы Балка. Готовится также наступление танковых подразделений, включая части LVII танкового корпуса и 3-й танковой дивизии в количестве более ста машин, на участке северо-восточнее Секешфехервара. Атакующие части мощным рывком в северо-восточном направлении на Чаквар должны прорвать позиции противника в южной части Вертешских гор и выйти на линию Вали — Альчут, что является первой оперативной задачей наступления».

Несмотря на оптимистичные заявления командования группы армий «Юг», положение немецких частей на северном берегу Дуная ухудшалось с каждым часом. Советские источники так описывали события того дня:

«6 января 6-я гвардейская танковая и 7-я гвардейская армии без артиллерийской подготовки в блестящем ночном наступлении совместно прорвали немецкие позиции у Хрона и атаковали Комарно. Продвижение советских войск, продолжившееся 7 января, угрожало выходом к флангам и даже в тыл немецких передовых частей. Чтобы сдержать наступление частей 2-го Украинского фронта, немецкое командование перебросило на данный участок фронта те части, которые предполагалось использовать для подкрепления дивизий, рвущихся к Будапешту. Части 3-го Украинского фронта 6 января смогли отразить удар фашистских войск, нацеленный на Будапешт. Однако развить контрнаступление не удается из-за нехватки сил и войск».

Действительно, 6 января части 2-го Украинского фронта смогли прорвать немецкую линию обороны на участке шириной в 15 километров. Двигаясь по левому берегу Дуная, они окружали немецкие части. В журнале боевых действий группы армий «Юг» по этому поводу сообщалось: «К северу от Дуная вражеская 6-я гвардейская армия начала ночное наступление на Коморн, продвинувшись за несколько часов на 16 километров в наши позиции. Отразить наступление неприятеля не представляется возможным. Предполагается, что 7 января 1945 года противник продолжит свои попытки наступать».

С левого фланга армейской группы Балка, из LVII (57-го) танкового корпуса сообщали, что советские части нанесли удар прежде всего по позициям венгерской дивизии «Сент Ласло». Указывалось время начала наступления — 2 часа 30 минут (в советских источниках значилось «3 часа»). К утру передовые отряды Красной Армии фактически смели венгров. Чтобы остановить продвижение советских танков, в дело были пущены немецкие оперативные резервы: 8-я танковая и 211-я народно-гренадерская дивизии. Завязался ожесточенный бой, в ходе которого в окружение попадали и венгры, и советские части. Впрочем, блокированные советские подразделения, в отличие от венгров, не теряли самообладания, что отмечалось даже немцами. Несмотря на отчаянные попытки, танковому корпусу не удалось не только

отбить у Красной Армии занятые территории, но даже и остановить советское наступление. Танковые части Красной Армии стремительно приближались к Коморну. Командование армейской группы Балка тут же попыталось «найти виновных». Генерал-майор Гедке около полуночи сообщал в штаб группы армий «Юг»:

«Складывается впечатление, что командование 8-й танковой дивизии сегодня не справилось со своими задачами, а потому ходатайствую о его отставке. По итогам развития сегодняшней ситуации требуется подкрепление, которое должно быть направлено на плацдарм под Коморном. Командующий армейской группой просит направить туда 208-й танковый батальон (*который был подчинен командованию IV танкового корпуса. — Авт.*). В Коморне все имеющиеся в распоряжении части готовы к занятию обороны».

Начальник штаба группы армий «Юг» генерал-лейтенант Грольман почти сразу же отреагировал на данное сообщение: оборону Коморна, равно как и командование 8-й танковой дивизией, тут же поручили генерал-майору Родену. Такая быстрая смена командования дивизии, вне всякого сомнения, произошла потому, что «на объекте» находился генерал-полковник Гудериан. Он и начальник штаба командования сухопутных войск полковник Бонин были оперативно поставлены в известность о неблагоприятном (для немцев) развитии событий на северном берегу Дуная. Об этом им сообщили по телефону. В момент разговора Гудериан и Бонин находились на командном пункте IV танкового корпуса СС. В 10 часов утра полковник Бонин уже звонил «домой», в Цоссен, и сообщал: «Генерал-полковник Гудериан принял решение, чтобы 20-я танковая дивизия направлялась не в Альтсоль, как было первоначально запланировано, а под Нойхойзель, где она должна присоединиться к LVII (57-му) танковому корпусу».

С прибытия 20-й танковой дивизии должна была начаться немецкая контратака. Понятно, что в сложившихся условиях все внимание Гудериана было сосредоточено на северном берегу Дуная, а потому предложение генерала Гилле —

организовать прорыв блокады Будапешта всеми имеющимися в распоряжении силами на левом фланге IV танкового корпуса СС — осталось фактически незамеченным.

В штабе группы армий «Юг» прежде всего обсуждали продвижение советских войск по северному берегу Дуная и предстоящую оборону Коморна. При этом немецкое командование еще не знало, что в дело была пущена лишь часть 6-й советской гвардейской танковой армии.

На вечернем оперативном совещании, проходившем в штабе группы армий «Юг», полковник фон Бонин проинформировал по телефону начальника Генерального штаба сухопутных войск генерала Венка о положении, сложившемся в группе армий, в частности, в армейской группе Балка. При этом также обсуждались действия IV танкового корпуса СС. Фон Бонин сообщил: «Кажется, что IV танковый корпус СС совсем запутался. Откровенно говоря, подобные подозрения стали закрадываться еще во время встречи с обергруппенфюрером СС Гилле на командном пункте». По его (*Бонина. — Авт.*) мнению, 6-я танковая дивизия должна отзываться с ее нынешних фронтовых позиций, чтобы быть направленной на усиление южного фланга армейской группы Балка, где планировалось наступление.

Подобные заявления шли вразрез с мнением штаба IV танкового корпуса. Там считали, что успех операции зависел от усиления левого (северного) фланга. Наступать надо было к югу от Грана и завершить переход через Пилишские горы. Но очевидно, что Гилле не смог переубедить Гудериана и фон Бонина.

Начальники штабов (группы армий «Юг» и армейской группы Балка) обдумывали использование 6-й танковой дивизии, не предполагая поначалу вырабатывать единый план. Генерал-лейтенант Грольман хотел применить 6-ю танковую дивизию на правом фланге армейской группы. Генерал-майор Гедке считал это рискованным: «6-я танковая дивизия даже сейчас могла бы способствовать расширению фронта наступления. Переброска на правый фланг значила бы для танков очень длительную поездку. Некоторое время они не применялись бы ни на правом, ни на левом флангах».

Рассматривалась возможность разделения дивизии, когда «на юг» были бы посланы только моторизованные подразделения, разведывательные и артиллерийские части. Гедке хотел выждать до 7 января, то есть того дня, когда должно было начаться немецкое наступление к северу от Секешфехервара. Его интересовало, как оно скажется в целом на положении правого фланга IV танковой дивизии СС (дивизия «Викинг»). В журнале боевых действий группы армии «Юг» имеется весьма показательная запись: «Командующий армейской группой Балк предложил, чтобы в случае, если осажденный гарнизон Будапешта окажется в критическом положении, 6-я танковая дивизия устремилась бы к городу из Грана через Пилишские горы».

Примечательно, что отчасти это соответствовало идеям, которые высказывал Гилле. Но чтобы понять суть этого «антикризисного плана», надо прочитать его не один раз. Командующий армейской группой, который получил в свое распоряжение IV танковый корпус СС как раз для того (и только для того), чтобы деблокировать Будапешт, собирался выполнять поставленную перед ним задачу только в самом крайнем случае. Видимо, он полагал, что положение окруженной советскими войсками в Будапеште немецко-венгерской группировки было еще не самым критическим. Впрочем, он не мог не знать, что с каждым днем силы окруженных немцев и венгров таяли, как снег весной, а снабжение по воздуху фактически не осуществлялось. В подобной ситуации каждый час был на счету. Ждать какого-то чуда, которое якобы должно произойти в Будапеште, было совершенно абсурдным.

Таким образом, богатый событиями день 6 января 1945 года закончился ничем. В штабе IV танкового корпуса СС могли лишь с разочарованием наблюдать, как прибывавшие части подкрепления исчезали в южном направлении — там, где им пришлось бы столкнуться со свежими советскими частями, имеющими неплохие резервы. Ввиду успехов 711-й пехотной дивизии под Граном осуществление «южного решения» казалось и вовсе непонятным. В условиях, когда генерал Ваффен-СС Гилле, в отличие от Балка как командующего армейской группой, не имел всей полноты информа-

ции, он все-таки обладал более глубоким тактическим чутьем, когда предлагал нанести удар по кольцу окружения через Пилишские горы. Но по итогам событий 6 января был принят следующий план: «Ударом из района, лежащего на северо-запад от Секешфехервара, силами I кавалерийского корпуса (командующий — генерал кавалерии Хартенэк), 3-й и 23-й танковых дивизий, при поддержке 4-й кавалерийской бригады нанести удар по советским войскам под Чакваром, окружить их, отрезав от позиций IV танкового корпуса СС в Вертешских горах, и дать тем самым танковым частям СС возможность прорваться к Будапешту».

7 января 1945 года (воскресенье). Седьмой день операции «Конрад»

«Температура — 2 °С. Сильная облачность. Снегопад. Плохая видимость. Проходимость дорог ухудшается. Дороги в горах местами сильно заснежены и труднопроходимы для бронетранспортеров».

В утренние часы на правом фланге армейской группы Балка началось отвлекающее наступление, на которое немецкое армейское командование возлагало огромные надежды. О его начале рассказывалось в журнале боевых действий группы армий «Юг»:

«Корпусная группа Брайта атаковала силами I кавалерийского корпуса, 23-й танковой дивизии, 4-й кавалерийской бригады и 3-й танковой дивизии. На поле боя группа столкнулась с сильной обороной противника. 23-я танковая дивизия взяла деревни Шаркерестеш и Борбала. 4-я кавалерийская бригада взяла высоту в 3 километрах на юго-восток от Замоя. Поддерживаемая танками группа Веймана достигла усадьбы, расположенной в 2 километрах к западу от Замоя. 3-я танковая дивизия с ходу взяла Шёред и Чакберень и движется в северо-восточном направлении, преодолевая вражеские контратаки, продвинувшись на 1 километр к югу от Чакбереня. Силами 1-го кавалерийского корпуса было уничтожено и захвачено 30 вражеских танков, 45 противотанковых орудий, 14 полевых орудий, 5 немецких зенитных орудий калибра 88 миллиметров... Очевидно, враг рассчи-

тывал, что наступление будет направлено в сторону Будапешта, а не Вертешских гор. Он был готов к защите и создал рубеж обороны по линии Шаркерестеш — Борбала — Замой — Чакберень. Здесь оказывается ожесточенное сопротивление, которое может вылиться в кровопролитное сражение на правом фланге атакующих частей. До сих пор не ясно, имеются ли в распоряжении противника бронетанковые части, которые могут быть пущены в дело, поддержав его контрнаступление».

Герман Брайт, командующий III танковым корпусом

Атаковать севернее Секешфехервара, не ожидая на данном участке фронта сопротивления советских войск, было по меньшей мере наивно, так как маршал Толбухин уже был готов к подобным обманным маневрам. Немецкие войска устраивали такие маневры **именно на этом же участке фронта** неделю назад —31 декабря 1944 года, обеспечивая тем самым прикрытие для начала операции «Конрад». Впрочем, это хоть как-то ослабило советский натиск на правый фланг IV танкового корпуса СС. Но даже в этой ситуации «викинги», хотя и отбивали советские контратаки, сами атаковать не могли. Наступление удалось продолжить лишь левому крылу эсэсовского корпуса:

«IV танковый корпус СС: удалось отбить вражеские вылазки из Фельшёгаллы. 6-я танковая дивизия взяла высоту в 3 километрах на северо-запад от Бичке и смогла отразить на ней контратаки противника, поддерживаемые танками. 5-я танковая дивизия «Викинг» после прорыва вражеской обороны и ожесточенного уличного боя взяла Чабди. Здесь же отбиты контратаки неприятеля из населенных пунктов Бичке и Мань. Перешедший во время вражеской контратаки в руки неприятеля лес к западу от деревни Мань вновь зачищен. Высота 317

после сильных контратак противника из Жамбека сохранена в наших руках. 3-я танковая дивизия «Мертвая голова» силами панцергренадерского полка Эйке смогла продвинуться на восток от Жамбека. Дивизия смогла отразить мощную контратаку неприятеля из Шаришана, а во второй половине дня продвинулась на 5 километров на юг. 96-я пехотная дивизия в ходе массового наступления окружила Чольнок. 711-я пехотная дивизия взяла высоту в 2,5 километра юго-восточнее Жидоди. Она удерживает территорию, одновременно развивая наступление на юго-восток из района Грана. Северная наступающая группа (*подразумевается IV танковый корпус СС. — Авт.*) отражает мощные контратаки противника из Бичке и Мани. Собственное наступление возможно лишь отчасти. В то же самое время 711-я пехотная дивизия успешно наступает».

Но при этом немцам не стоило забывать, что советские войска весьма успешно развивали наступление на северном берегу Дуная. Советские танки и мотопехота 7 января 1945 года находились всего лишь в каких-то 15 километрах от Коморна. Немецкая контратака на этом участке фронта почти сразу же захлебнулась. Контролируя северный берег Дуная, советская артиллерия могла фактически без проблем вести массированный артиллерийский обстрел южного берега. В итоге оказалось, что продвигаться по левобережным придунайским дорогам немецким частям «безнаказанно» можно было только под покровом ночи. Но и здесь ситуация могла поменяться в одночасье. В военной истории вообще можно встретить не так уж много случаев, когда наступающие навстречу друг другу части (с севера — советские, с юга — немецкие) разделяла всего лишь река. В итоге командование группы армий «Юг» задалось справедливым вопросом: «Вражеское наступление по северному берегу Дуная к плацдарму у Коморна заставляет задуматься: имеет ли смысл прекратить успешное наступление на южном берегу Дуная или продолжать его ограниченными силами, перекинув часть подразделений на северный берег, где они должны стать подкреплением 20-й танковой дивизии?»

Тем временем из Будапешта приходили все более и более тревожные вести. В итоге командование группы армий «Юг»

решает попытаться остановить советское наступление по северному берегу имеющимися в распоряжении силами 20-й танковой дивизии. Делается это для того, чтобы не ставить под угрозу главную цель немецкого наступления — деблокирование венгерской столицы. «Собственное наступление является безотлагательной задачей, так как тактическое положение на восточном плацдарме Будапешта весьма напряженное».

Еще в первой половине дня, около 10 часов утра, командование армейской группы Балка придерживается мнения, что Будаёрша (конечной цели операции) можно было бы достигнуть силами I кавалерийского корпуса. Это заставило бы советское командование провести перегруппировку войск к западу от венгерской столицы. Как только части IV танкового корпуса ощутили бы на себе ослабление советского давления, они должны были решительным броском пробиться к северо-западным окраинам Будапешта.

В штабе IV танкового корпуса СС уже начали готовиться к тому, чтобы перекинуть основные силы танковых дивизий на свой левый фланг, обнажив при этом правый фланг корпуса. Позиции на правом фланге должны были удерживаться незначительными силами нескольких подразделений. Чтобы остановить советское наступление на Коморн, командование армейской группы Балка задумало некий «тактический круговорот». Немецкие части должны были атаковать советские войска через Дунай на отрезке Гран — Коморн. При этом 6-я танковая армия должна была обратить острие удара на сам Дунай, открыв фланг для удара немецкой 20-й танковой дивизии. Но при этом командование группы армий «Юг» вновь стало рассматривать возможность «отзыва» 6-й танковой дивизии с правого фланга IV танкового корпуса СС и переброски ее на помощь I кавалерийскому корпусу. В подобных условиях штаб армейской группы Балка медлил: «Складывалось впечатление, что вновь северная группа могла преуспеть в наступлении. Ожидается, что завтра-послезавтра будет установлена непосредственная связь с Будапештом. Но, принимая во внимание активность вражеских атак и отсутствие у нас сил, в Будапеште придется сдать хотя бы часть восточного плацдарма».

Подобный тактический оптимизм вообще был весьма характерен для генерала Балка. Однако эту полную надежд кар-

тину омрачало мнение начальника штаба группы армий «Юг». Он не считал, что в Пилишских горах 96-я и 711-я дивизии смогут достигнуть хоть какого-нибудь заметного успеха: «Согласно разведывательным данным противник перебросил к Пилишским горам с северного берега Дуная три дивизии. Попытка прорваться сквозь горы к Будапешту силами танковых частей не имеет никаких шансов на успех. Все зависит от того, кто будет контролировать высоты к востоку от Грана».

В вечерней сводке из группы армий «Юг» Верховное командование сухопутных войск Германии сообщало, что придерживается прежних целей наступления, несмотря на то что I кавалерийский корпус медленно выдвинулся на позиции, а 20-я танковая дивизия замедлила свое продвижение из-за частых подрывов на минах. Тем же вечером генерал Балк докладывал командующему группой армий «Юг» генерал Вёлеру:

«Наступление I кавалерийского корпуса смогло прорвать вражескую оборону на участке фронта шириной в 6 километров. При этом корпус углубился в позиции против-

Нередко танкам приходилось продираться через леса

ника на 6 километров. В результате этой операции силами (*советского. — Авт.*) VII гвардейского моторизованного корпуса в составе 50 танков была предпринята контратака. До этого момента было уничтожено или захвачено 30 танков, 40 противотанковых орудий, 14 полевых орудий. Передовые части корпуса уничтожили 20 танков. После этого враг атаковал сразу со всех сторон. Настойчивое сопротивление объяснялось тем, что, по сведениям взятого в плен красноармейца, воинская группировка пыталась замаскировать операцию, осуществляемую севернее. При этом превосходящими силами противника к юго-востоку от Пилишсентлелека были атакованы части 711-й пехотной дивизии. Неприятель должен был атаковать боевую группу с гор и двигаться на запад, чтобы смести эту важную тактическую опору. Он намеревается перенести эпицентр боев далее на север, чтобы наносить удары по нам на территории гор».

Немецкому командованию даже к полуночи не удалось собрать сведений от сражавшихся дивизий. Работу по складыванию единой картины сражения пришлось продолжить глубокой ночью. Не имея этих сведений, было весьма затруднительно планировать дальнейшие действия. В командовании сухопутных войск активно работал оперативный отдел. Там считали: «Продолжение наступления I кавалерийского корпуса имеет смысл только в том случае, если оно сможет облегчить действия северной наступающей группе. Но такого ожидать не приходится».

В Верховном командовании сухопутных войск Германии настолько серьезно оценивали «коморнскую угрозу», что даже рассматривали возможность отвода всей корпусной группы Брайта на северный берег Дуная. В группе армий «Юг», напротив, полагали, что смогут удержать Коморн. «При переброске войск на северный берег Дуная на южном берегу может произойти военная катастрофа. Этот шаг может иметь самые непредвиденные последствия».

Командующий группой армий «Юг» убедительно просил генерал-полковника Гудериана, чтобы тот дал I кавалерийскому корпусу еще «хотя бы один шанс», прежде чем он будет отведен на север. Для реализации данного шанса генерал

Вёлер даже был готов приказать левому крылу IV танкового корпуса закрепиться в районе Грана. Гудериан внял этим просьбам. Он согласился, но при этом указал: «Не должна ли одновременно с этим предприниматься наступательная операция изнутри Будапешта, чтобы обе стороны двигались навстречу друг другу?»

Когда Вёлер возразил, что имеет приказ Гитлера: ни при каких условиях не оставлять восточный плацдарм в Будапеште, Гудериан пообещал «завтра» урегулировать данный вопрос лично с фюрером. Но в тех условиях было крайне сложно, фактически невозможно, сражаться за Будапешт и одновременно осуществлять прорыв из венгерской столицы в северо-западном направлении. На самом деле немецко-венгерская группировка, осажденная в Будапеште, могла с трудом справиться только с одной из данных задач.

Не исключено, что в сложившейся ситуации был виноват именно Гитлер, который хотел сохранить в своих руках весь контроль. Но нельзя исключать, что Гитлер, Генеральный штаб сухопутных войск и Гудериан не обладали достаточной информацией, чтобы принять правильное тактическое решение. Показательно, что, чем критичнее становилась обстановка в Западной Венгрии, тем сложнее было связаться с Берлином. Нередко командование группы армий не знало, какой из приказов выполнять.

Во время наступления через заснеженные горы у танкистов редко выдавался момент для отдыха

Здесь сам собой напрашивается вопрос: почему было проигнорировано предложение Гилле нанести удар в направлении Будапешта через Пилишские горы всеми имеющимися силами, сконцентрированными по обе стороны от Грана? Есть несколько объяснений этому. Во-первых, сведения, поступавшие из Будапешта в Берлин, равно как и в штаб группы армий «Юг», могли посчитать чересчур

паническими. Во-вторых, окруженная в Будапеште немецко-венгерская группировка должна была стать жертвой, принесенной во имя того, чтобы сковать на несколько недель наступление советских войск в направлении Братиславы и Вены.

Когда комендант Будапешта в очередной раз сообщил в штаб армейской группы Балка о катастрофической ситуации, генерал-майор Гедке заявил, что он и сам ожидал лучших результатов «от сегодняшнего наступления, предпринятого силами 137 машин бронетанковых войск из состава корпусной группы Брайта». В качестве успокоения говорилось, что «Балк носится с мыслью о прорыве при помощи мотопехотных батальонов панцергренадерской дивизии «Фельдхеррнхалле» (*не путать с одноименной танковой дивизией, блокированной в Будапеште. — Авт.*), которые как раз прибывают в Гран». При этом деблокирование «крепости» Будапешт предполагалось осуществить в несколько этапов:

1) Перенесение линии обороны в Будапеште с восточного на западный плацдарм (оставление Пешта и перемещение в Буду).

2) Организация прорыва с территории западного плацдарма (Буды) в направлении Пилишских гор.

3) В случае провала данной затеи окруженные части должны были уходить через горы небольшими боевыми группами.

Подчеркнем, что данное решение было принято в ночь на 8 января. Это позволяло предположить, что через сутки, то есть в ночь с 8 на 9 января, немецкие и венгерские войска должны были оставить территорию Пешта (восточного плацдарма). Прорыв изнутри венгерской столицы должен был начаться ранним утром 9 января. Все напряженно ждали одобрения этого плана Гитлером. Чтобы не терять времени попусту, в Верховном командовании сухопутных войск Германии разрабатывался план «большого решения», который принимал во внимание не только положение Будапешта, но и обстановку под Коморном. В случае если I кавалерийский корпус не смог бы воспользоваться «предоставленным ему шансом», армейская группа Балка должна была осуществлять следующий план:

«1) IV танковый корпус СС должен перенести основные силы на левый фланг, чтобы вытеснить советские части из Пилишских гор.

2) X горнострелковый корпус СС должен прорываться из Будапешта в северо-западном направлении.

3) Все имеющиеся в распоряжении свободные силы должны быть брошены в контратаку на левом берегу Дуная. Не исключалось, что для этого могла использоваться вся корпусная группа Брайта, насчитывавшая на тот момент около 100 танков.

4) Отступающие части Красной Армии должны быть атакованы у западных отрогов Пилишских гор силами 4-й кавалерийской бригады. Одновременно с этим с юга наносился удар силами 3-й кавалерийской бригады.

Подробности операции должны были проясниться к полудню 8 января, когда стали бы известны данные немецкой разведки, а также собраны все сведения из сражавшихся немецких дивизий».

8 января 1945 года (понедельник). Восьмой день операции «Конрад»

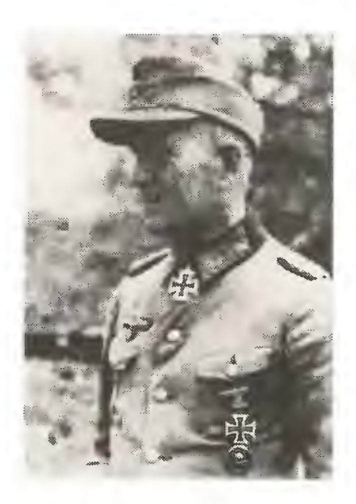
«Легкий мороз. Местами идет снег. Сильная облачность. По сравнению с предыдущим днем состояние дорог неизменное».

Во время ночного наступления передовые части I кавалерийского корпуса смогли лишь незначительно продвинуться вперед по обе стороны от Замоя. Между тем советские войска возводили новые оборонительные укрепления и вводили в действие новые части. 4-я советская армия была отведена в резерв, а в бой у Замоя вступил 7-й механизированный корпус.

Несмотря на радужные ожидания, натиск советских войск на правый фланг IV танкового корпуса СС отнюдь не ослабился. Перспективы развития наступления становились минимальными:

«IV танковый корпус СС, вливший в себя 6-ю танковую дивизию, вел на высотах к северу и западу от Бичке ожесточенные бои с превосходящими силами противника. Удалось

отбить предпринимаемые из Бичке контратаки неприятеля, поддерживаемые танками. Также 5-я танковая дивизия СС «Викинг» и 3-я танковая дивизия СС «Мертвая голова» отражали многочисленные танковые контратаки противника с территории населенных пунктов Мань и Жамбек. Левофланговые подразделения 711-й пехотной дивизии предыдущей ночью заняли Пилишсентлелек. После этого они установили, что Кестёльц занят неприятелем. Во время последующей атаки, направленной на юго-восток, правофланговой группе пехотной дивизии удалось занять высоты, расположенные непосредственно к северу и северо-западу от Кестёльца, а левофланговой группе той же дивизии — выйти на 2 километра юго-восточнее Пилишсентлелека. Во второй половине дня из Кестёльца пехотой противника была предпринята мощная контратака, в ходе которой правофланговая группа была отброшена назад на свои исходные позиции. Неприятелю удалось заблокировать дорогу восточнее Жидоди, связывающую Гран и Пилишсентлелек. Две из расположенных в Гране частей 96-й пехотной дивизии смогли деблокировать позиции батальона 711-й пехотной дивизии, тем самым расчистив путь. На южном берегу Дуная неприятель подтягивает с востока дополнительные силы. Они заняли оборону в 4 километрах на восток от Грана».

Густав Хартенэк, командующий I кавалерийским корпусом

Активность левого фланга IV танкового корпуса СС и 711-й пехотной дивизии вынудила советское командование перекинуть часть советских войск с западного плацдарма в Будапеште (Буда). Так что в этот день активность атак на осажденную немецко-венгерскую группировку в Буде заметно снизилась.

Но активность боевых действий на северном берегу Дуная не снижалась. Советские танки не-

прерывно атаковали немецкие позиции, пытаясь прорваться к Коморну и Нойхойзелю. Обе стороны несли громадные потери. По всему фронту советские части пытались оттеснить немцев на запад. Именно в этот день битва достигла своего апогея. Советское командование, чтобы побыстрее решить исход сражения, пустило в бой свежие части: 9-й гвардейский механизированный корпус был нацелен на Нойхойзель, а 5-й гвардейский танковый корпус — на Коморн.

В командовании группы армий «Юг» стали возникать оправданные опасения относительно реальности деблокирования Будапешта в случае, если находящаяся в нем группировка будет снабжаться так же плохо, как и прежде, а темп наступления армейской группы Балка будет столь же низким. Прорваться к венгерской столице можно было только в ходе стремительного и мощного наступления. В журнале боевых действий группы армий «Юг» в тот день было записано:

«Кажется сомнительным, что в нынешней ситуации можно добиться успеха. С другой стороны, в критической ситуации оказался плацдарм у Коморна и Нойхойзеля. По этой причине командование группы армий поставлено перед необходимостью принять решение: должно ли оно сначала сосредоточиться на действиях на северном берегу Дуная, чтобы в первую очередь разбить противника, продвигающегося в направлении Коморна и Нойхойзеля. Принятие подобного решения фактически означает отказ от деблокирования Будапешта. Следовательно, в штабе группы армий предполагают, что осажденному гарнизону придется пробиваться из Будапешта самостоятельно. Прорыв из Будапешта в северо-западном направлении может быть поддержан северным крылом передовых частей IV танкового корпуса СС, которые после ожесточенных атак смогли взять под свой контроль Пилишские горы юго-восточнее Пилишсентлелека».

Непосредственной тактической целью наступления, до сих пор осуществляемого эсэсовским корпусом, в данном районе был населенный пункт Помаз, точнее, аэродром, расположенный рядом с ним. Если бы эта боевая задача бы-

ла выполнена, то северные окраины Будапешта были бы буквально в нескольких километрах от передовых частей СС. В данной ситуации была возможность совершить прорыв из города. Следовало только согласовать детали и провести необходимую подготовку. Но в дело вмешался Гитлер. Он был непреклонен — в Будапеште надо было сражаться за каждый дом. О прорыве и выходе окруженной немецко-венгерской группировки из советского кольца не могло быть и речи. Будапешт должен был быть отвоеван немецкими войсками, а не оставлен ими. Подобная непреклонность фюрера поставила крест на запланированной операции. В данных обстоятельствах командование группы армий «Юг» могло лишь предпринять контратаку на северном берегу Дуная, чтобы силами 20-й танковой дивизии отбросить советские войска от плацдарма в Коморне. Грандиозное немецкое контрнаступление, которое должно было вернуть Гран и восстановить фронт в границах конца 1944 года, откладывалось на неопределенный срок — по крайней мере до того момента, пока войска, находящиеся на южном фланге армейской группы Балка, не будут перекинуты на север. Но даже в этих условиях наступление I кавалерийского корпуса должно было продолжаться. Оно не могло привести ни к какому значительному тактическому успеху, но на время сковывало по обе стороны от Замоя немалые советские танковые части. Это позволяло надеяться, что они не будут привлечены к штурму Будапешта.

Чтобы исправить ситуацию, немцам требовались инициатива и свобода действий, предоставленная генералитету и старшим офицерам группы армий «Юг». Но именно в этом Гитлер и отказывал им. После 6 января самым очевидным и тактически верным решением было максимально возможное усиление левого фланга IV танкового корпуса СС, который бы «вскрыл» кольцо окружения вокруг Будапешта через Пилишские горы. Несмотря на активное наступление на северном берегу Дуная, командование группы армий «Юг» оценивало приближение Красной Армии к Коморну как операцию со второстепенными целями. Действительно, существовала вероятность выхода частей Красной Армии в тыл армейской группировке Балка. Но в то же время немцы продолжали

контролировать Гран, что, в свою очередь, позволяло им прибегать к весьма эффективным контрмерам.

К полудню в штабе армейской группы Балка согласились с тем, чего так давно требовал Гилле: снять 6-ю танковую дивизию из окрестностей Фельшёгаллы, где она находилась в обороне на правом фланге танкового корпуса СС, перекинуть ее на левый фланг, где она должна была принять активное участие в наступлении.

Впрочем, в штабе группы армий «Юг» потребовали тщательно подготовить переброску 6-й танковой дивизии на новый участок фронта. Да и сама дата этой переброски должна была определиться именно командованием группы армий. Штаб группы армий должен был также решить, где будет использоваться эта дивизия. Здесь существовало только два варианта: либо на северном фланге IV танкового корпуса СС, где имелась самая большая вероятность осуществить прорыв к Будапешту, либо на южном фланге армейской группировки Балка вместе с I кавалерийским корпусом, где наступление не имело никаких шансов на успех. Вновь между командующими возникло недопонимание. Во время беседы между Балком и Вёлером обсуждались различные вопросы, но прежде всего — новый вариант операции по деблокированию венгерской столицы. Балк заявлял:

«Если наступление I кавалерийского корпуса не увенчается успехом, то нужно помнить, что 23-я танковая дивизия или 4-я кавалерийская бригада вместе с заново пополненными венгерскими частями при невозможности уничтожить противника будут загнаны в Вертешские горы. К тому же для данной цели могла бы подойти 3-я кавалерийская бригада приближающейся 2-й армии. А 3-ю танковую дивизию совместно с кавалерийской бригадой можно было бы перебросить под Коморн, где они атаковали бы советские части совместно с 20-й танковой дивизией».

Собственно деблокирование Будапешта ушло куда-то на второй план. В итоге генерал-майор Гедке разработал следующий план действий для армейской группы Балка:

«96-я дивизия должна прорвать заграждения северо-восточнее Грана. После этого армейская группа с прибывшими моторизованными батальонами панцергренадерской дивизии «Фельдхеррнхалле» при поддержке танков и бронеавтомобилей должна выйти к берегу Дуная в районе Помаза и Будакаласа, захватить все прилегающие пространства и взять в свои руки аэродром Помаз, с которого будет вестись снабжение Будапешта. 711-я пехотная дивизия должна сдерживать наступление, ведущееся с Пилишских гор. Для осуществления операции в гористой местности в ее распоряжение предоставляется полковая группа 5-й танковой дивизии «Викинг». Блокированный в Будапеште гарнизон должен сдать восточный плацдарм (Пешт) и сосредоточиться в первую очередь на обороне аэродрома Будаёрш. Это должно позволить выиграть три дня времени, чтобы вывезти всех раненых и начать снабжение. Можно ввести в заблуждение противника ложными маневрами».

Начальник штаба группы армий «Юг» не совсем согласился с предложенным планом. Он возразил: «Успех на севере во многом зависит от успешности операции на южном фланге, прежде всего на южном фланге IV танкового корпуса СС». Тем не менее в штабе танкового корпуса все-таки рассматривали возможность полной переброски дивизии СС «Викинг», причем для обороны оставлялась самая ослабленная часть соединения. Несмотря ни на что, Гилле готов был рискнуть, так как считал, что прорыв сквозь Пилишские горы был единственным шансом. Он писал:

«1) Корпусная группа Брайта должна продолжать контратаковать, чтобы противник перенес значительные силы с других участков фронта. В противном случае эти войска неприятеля могут быть брошены на штурм Будапешта или против IV танкового корпуса СС.

2) Ходатайствовать о восточном плацдарме в Будапеште и готовиться к прорыву в северо-западном направлении с западного Будапештского плацдарма, чтобы добраться до аэродрома Помаз и населенного пункта Чобанка, что позво-

лит продолжить сражение за Будапешт после вывоза раненых по воздушному мосту через горы.

3) Начать завтра вспомогательную операцию силами усиленных моторизованных батальонов панцергренадерской дивизии «Фельдхеррнхалле» и танков на берегу Дуная восточнее Грана. Нанести удар из Грана в направлении Сентэндре.

4) В случае неприбытия всех воинских частей завтра на северном берегу Дуная силами 20-й танковой дивизии атаковать в направлении Нойхойзеля с одновременным началом атаки из района Коморна...; народно-артиллерийский корпус должен прибыть южнее Дуная в район Грана, чтобы вести огонь по вражеской линии снабжения у Наны и Муслы. О противнике, наступающем на Коморн, нет никаких точных сведений. Однако есть уверенность, что к западу от Грана наступает IV (советский) гвардейский механизированный корпус.

5) Предпринять одновременное наступление в сторону Вертешских гор силами венгерских гусар и немецких частей, откуда противник по возможности должен быть выжат на восток; когда на исходные позиции прибудет 2-я танковая армия; позже сюда надлежит перебросить 3-ю кавалерийскую бригаду».

В штабе группы армий «Юг» предостерегли от слишком раннего начала «вспомогательной операции» на берегах Дуная:

«Враг стал внимательным, что может еще более усложнить обстановку в Будапеште. Поэтому было бы логичнее начать данную операцию одновременно с прорывом из Будапешта... X горнострелковый корпус СС будет готов к этому в лучшем случае к 10 января. Надо еще учитывать, что ему потребуется как минимум пара дней для осуществления самого прорыва».

В данной ситуации те, кто должен был наступать по южному берегу Дуная под ураганным артиллерийским огнем с северного, «русского» берега, были, по сути, смертниками. В этом случае не совсем понятен оптимизм генерала Балка. Гилле считал данную «прогулку» по берегу Дуная и вовсе неосуществимой. Когда он завел об этом разговор с Балком,

предложив использовать «штрафников» для наступления в горах, то генерал отказался от данной затеи. Однако уже после войны он признал свою ошибку.

Первым актом наступления стала перегруппировка IV танкового корпуса СС и направление значительно усиленного моторизованного полка «Вестланд» на юг от Грана. На исходные позиции эта боевая группа должна была выйти к вечеру 9 января. И это только при условии, что переброска прошла бы безупречно.

Тем временем штаб группы армий «Юг» уведомил Верховное командование сухопутных войск о своих планах. Произошло это двумя способами. Прежде всего начальник штаба группы армий «Юг» сообщил об этом начальнику оперативного отдела Генерального штаба сухопутных войск полковнику фон Бонину. Произошло это около 18 часов. Часом позже состоялся разговор генерала Вёлера с генерал-полковником Гудерианом. Вёлер пытался настоять на том, что проблемы восточного плацдарма должны решаться «на местном уровне», то есть в самом Будапеште. Гудериан формально согласился с этим, но тем не менее оговорился, что едет ночью к фюреру, чтобы «решить Будапештский вопрос». Сам Гудериан не испытывал никаких иллюзий по поводу исхода данного разговора с Гитлером: «Весьма сомнительно, что он даст на это свое согласие. Его позиция в первую очередь продиктована политическими воззрениями».

В связи с этой беседой командование группы армий «Юг» потребовало от Балка передать коменданту осажденного Будапешта Пфефферу-Вильденбруху категоричный приказ: «X горнострелковый корпус до принятия решения фюрером должен удерживать восточный плацдарм Будапешта. Согласно решению фюрера в вопросах обороны восточного плацдарма можно не считаться с мнением генерал-полковника Гудериана».

В итоге замысел о переносе эпицентра сражения на левый фланг IV танкового корпуса СС, чтобы в итоге попытаться деблокировать Будапешт мощным рывком через Пилишские горы, был подтверждением того, что первоначальная задумка операции «Конрад» потерпела полную неудачу. Операция «Конрад», вошедшая в историю под названием «Конрад I», за-

кончилась. Немецкие войска даже близко не смогли подойти к Будапешту, не говоря уже о снятии с него блокады. Но приказ Гитлера о деблокировании венгерской столицы никто не отменял. Началась подготовка к операции «Конрад II».

Глава 4

ОПЕРАЦИЯ «КОНРАД II»

В военно-исторической литературе, в том числе отечественной, говорится о трех попытках немецких войск деблокировать Будапешт. На первый взгляд может показаться, что боевые действия, обозначенные как «Конрад II», являются всего лишь продолжением «Конрада», а главное отличие между этими операциями сводится к тому, что сначала планировалось нанести удар по советским позициям через Вертешские горы, а затем — через Пилишские. Но это поверхностное суждение не совсем верно. «Конрад II» отнюдь не являлся логичным продолжением «Конрада». Перегруппировка, проводившаяся на левом фланге IV танкового корпуса СС, фактически означала новую боевую изготовку. Данная операция имеет свое особое значение хотя бы потому, что позже Гитлер приказал командованию группы армий «Юг» проводить в жизнь «южное решение», которое получило название операции «Конрад III».

Даже советская историография, которая традиционно обозначает события первой половины января 1945 года как «битву у Бичке», различает первые две операции. В ходе этого сражения советским войскам удалось окончательно остановить продвижение правого крыла IV танкового корпуса СС. Сделано это было лишь после того, как в бой был брошен 18-й советский танковый корпус.

Немецкое контрнаступление на северном берегу Дуная не принесло ожидаемого ослабления давления войск 2-го Украинского фронта, которым командовал маршал Р. Малиновский. Советское продвижение к северу от Дуная удалось на время остановить лишь после того, как командование армейской группы Балка решилось на использование 20-й танковой

дивизии. В ответ на это советское командование пустило в дело две пехотные дивизии и танковую бригаду, но наступление уже заглохло. Некоторое время на северном берегу Дуная ни одна из сил не могла переломить ситуацию и одержать верх.

К Будапешту было привязано множество советских частей, прежде всего артиллерийских. Но одновременно с этим новое изнурительное сражение вспыхнуло вокруг Замоя. Стоит подчеркнуть, что Ставка и Сталин лично были очень недовольны ходом Будапештской битвы — взятие венгерской столицы затянулось на долгие недели. Очевидно, что после провала операции «Конрад» никто в советском командовании не считал, что немцы были еще способны предпринять более-менее эффективную контроперацию. Все чаще и чаще в советских сводках стали раздаваться голоса о скором падении Будапешта, о провале немецких попыток его деблокирования. Но эти сообщения отнюдь не соответствовали действительности. Советская пропаганда изображала битву за Будапешт как «тяжелейшую после Сталинградской». Для того чтобы усилить этот образ, сознательно завышались потери немцев и венгров. Парадоксально, но до последнего времени почти все исследователи оперировали этими надуманными и завышенными цифрами.

Во время наступательной операции «Конрад» явно сказывался недостаток штурмовых орудий

9 января 1945 года (вторник). Первый день операции «Конрад II»

«Температура около 0 °С. Сильная облачность. Туманно. В расположении 8-й армии сильный снегопад. Дороги в горах плохо проходимы».

Силы I немецкого кавалерийского корпуса оказались втянуты в крупное сражение у Замоя, пытаясь противостоять превосходящим по численности советским танковым частям. Советское командование хотело во что бы то ни стало разбить передовые части и отбросить наступавших немцев назад. Для этого впервые был использован I гвардейский танковый корпус, который до этого момента находился под Будапештом. Как ни странно, немцам удалось отразить все советские контратаки. Советские войска, не продвинувшись ни на километр в западном направлении, потеряли 74 танка. В итоге I кавалерийский корпус справился с поставленной перед ним тактической задачей. Он не только оттянул от Будапешта часть советских войск, но и смог нанести им ощутимый урон. Более того, ему удалось сковать советские войска, которые предполагалось использовать в Пилишских горах против наступающих немецких частей.

Накануне этого в ночь с 8 на 9 января 1945 года 5-я танковая дивизия СС «передала» в оперативное распоряжение 6-й танковой дивизии усиленную полковую группу «Вестланд». Во время передвижения полковой группы она неоднократно подвергалась атакам советских войск в районе населенных пунктов Бичке, Мань и Жамбек. Но несмотря на это, перегруппировка произошла успешно. При этом надо учитывать тот факт, что операция проводилась в условиях плохой погоды и больших снежных заносов. С 15 часов полковая группа, непосредственно руководимая командиром дивизии, передвигалась по заледенелым лесным дорогам и полевым объездам через Тарьян, Байну, Надьшап. Она направлялась на левый фланг, в район, лежащий к югу от Грана. По прибытии на исходные позиции «Вестланд» тут же предоставил себя в распоряжение командования 711-й пехотной дивизии, чтобы начать атаку в юго-восточном направлении на Сентэндре. Тактической целью операции был

Помаз. К 24 часам полковая группа была готова к выполнению приказа.

96-я пехотная дивизия, получившая батальон усиления, занимала позиции чуть восточнее Грана на берегу Дуная. Это было очень узкое и весьма открытое место. В 22 часа «боевая группа Филиппа» должна была начать вылазку на южный берег Дуная.

Как уже говорилось выше, на северном берегу Дуная ожесточенные бои не принесли тактического превосходства ни одной из воюющих сторон. У немцев получилось удержать Коморн и Нойхойзель, но при этом советским войскам удалось создать оборонительный рубеж, который весьма затруднял все немецкие контратаки. Для немцев ситуация осложнялась тем, что основная часть 20-й танковой дивизии могла вступить в бой только 10 января. Дело в том, что ее подразделения не были полностью доставлены по железной дороге из Жилина в Ваагтал. Повторять ошибку начала января и вводить в бой не полностью укомплектованную дивизию никто не решался.

Но в целом для немцев ситуация была во многом благоприятной. План наступления отнюдь не был фантастическим. Успех немецкого наступления был вполне возможен. Положение в Будапеште, напротив, было безнадежным. Снабжение по воздуху фактически прекратилось. За сутки в миллионный город сбрасывалось (именно сбрасывалось, а не сгружалось) около 50 тонн грузов. В условиях, когда в Будапеште даже накануне окружения не было никаких значительных запасов, это была капля в море. При этом в Берлине было принято очередное «судьбоносное» решение: окруженной немецко-венгерской группировке запрещалось не только идти на прорыв из города, но даже самостоятельно принимать тактические решения. Гудериан не без сожаления сообщил: «Фюрер задумал новое грандиозное наступление с целью деблокировать Будапешт. Оно должно начаться из района юго-восточнее Секешфехервара и чуть южнее озера Веленце». Можно только предполагать, почему Гитлер принял такое решение, оказавшееся роковым для группы армий «Юг». Вероятно, он предполагал, что первоначальный план «Паула» (южное решение) был более удач-

ным. Между тем Гитлер не учитывал того обстоятельства, что обстановка в Западной Венгрии в ходе боев уже изменилась. Кроме того, фактически не планировалось деблокировать Будапешт. Оставленная там на произвол судьбы группировка должна была выполнять только одну функцию — по возможности максимально долго сковывать действия частей 2-го и 3-го Украинских фронтов. При этом потенциально успешная операция «Конрад II» могла закончиться катастрофой, и не столько благодаря усилиям советских войск, сколько благодаря решению Гитлера. Сам же фюрер в это время был крайне нервным и нетерпеливым, он ожидал быстрого успеха от столь же поспешно спланированной операции в Арденнах.

Прежде чем направить вечернюю сводку в Верховное командование сухопутных войск, генерал Вёлер связался с Балком, чтобы поинтересоваться дальнейшими действиями армейской группы к югу от Грана. В ответ Балк доложил: «Этой ночью наступающие части должны продвинуться хотя бы до Сентэндре, чтобы тем самым проложить себе дорогу к Будапешту. Это начинание должно быть одновременно поддержано 711-й пехотной дивизией, которая должна пробиться к Будапешту через горы».

В ответ Вёлер отметил, что начало операции является несколько поспешным, так как сперва следовало бы дождаться решения из самого Будапешта. Балк заметил, что положение в Будапеште настолько критическое, что обороняющиеся скоро останутся без боеприпасов. Но при этом в Гране уже заготовлено 200 тонн грузов, которые в случае удачных действий «боевой группы Филиппа» тут же будут направлены в венгерскую столицу. «Несколько модифицирован и план наступления на северном берегу Дуная, — продолжал Балк. —20-я танковая дивизия должна начать наступление в южном направлении из окрестностей Удвара. Я смею надеяться, что кризисная ситуация, сложившаяся на северном берегу, завтра будет разрешена».

В 18 часов 50 минут состоялся телефонный разговор Вёлера с Гудерианом. Вёлер пытался всеми способами убедить командующего сухопутными войсками в необходимости принятия быстрого решения и скорейшего оказания по-

мощи Будапешту. Но с первых минут разговора стало ясно, что ни о какой свободе действий не может быть и речи. Не подействовали и доводы о том, что боеприпасов и провианта в городе осталось в лучшем случае на два дня:

«Подобное положение вынуждает нас принимать оперативные решения. Именно по этой причине армейская группа Балка планирует отчаянную вылазку по берегу Дуная. Сегодня из 96-й пехотной дивизии сообщили, что в нескольких местах на берегу Дуная противник не успел возвести оборонительные укрепления, а потому у нас еще есть шанс на успех. Люди, запертые в Будапеште, не простят, если мы не воспользуемся этим шансом. 711-я пехотная дивизия в ходе своего наступления максимально продвинулась сквозь Пилишские горы. Дерзкое наступление по берегу Дуная позволит продвинуться до Сентэндре. В зависимости от успешности продвижения по одному из двух направлений полковая группа 5-й танковой дивизии СС «Викинг» готова нанести удар в сторону Будапешта либо по берегу реки, либо через горы. Если замысел командования группы армий «Юг» удастся, то из Будапешта сначала будут вывезены раненые, а затем из Сентэндре туда будут доставляться боеприпасы».

И именно в этот момент было оглашено решение Гитлера, а на авансцене появляется идея очередной перегруппировки IV танкового корпуса СС (как покажет время, оказавшейся для него роковым). В документах об этом сообщалось так:

«Генерал-полковник Гудериан отверг предложенный план, заметив, что существует идея перегруппировать IV танковый корпус СС, что позволит атаковать Будапешт вместе с корпусной группой Брайта, расположенной в окрестностях озера Веленце. Командующий группой армий указал, что подобная перегруппировка означает потерю времени, в то время как судьбу Будапешта может решить даже один день. Генерал-полковник разделяет эти сомнения. Он полагает: удастся ли еще долго удерживать Будапешт — большой вопрос».

Но при этом Гудериан отчетливо дал понять, что командование группы армий «Юг» должно ориентироваться исключительно на приказы фюрера, а потому надлежало перегруппировать IV танковый корпус СС, чтобы он готовился вместе с корпусной группой Брайта наступать на южном фланге армейской группы Балка: «Наступление надо начать как можно южнее, в месте, где бы противник его совершенно не ожидал». В ответ на это Вёлер заметил, что IV танковый корпус постоянно подвергается советским атакам, а стало быть, он не может просто оставить занятую с таким трудом территорию. Его место должен кто-то занять. В противном случае все достигнутые в ходе предыдущей операции успехи (хоть и условные) окажутся напрасными. Гудериан холодно парировал: «Для удержания данной территории вполне достаточно сил 3-го кавалерийского и народно-артиллерийского корпусов».

В группе армий «Юг» уже давно предвидели, что перегруппировка IV танкового корпуса СС для Гитлера была уже давно решенным вопросом. Сам же Гудериан пытался не высказывать своего собственного мнения. Он уже вовсю ощутил на себе нервозность фюрера, который едва ли не каждодневно отвергал все его идеи и предложения. Гудериан ушел в себя, предвидя близкий конец рейха. Можно сказать, что его охватила апатия. Впрочем, это не мешало каждый раз заверять командование группы армий «Юг», что он разделяет их озабоченность и поддерживает их точку зрения.

Герберт Гилле, командующий IV танковым корпусом СС

Генерал-лейтенант Грольман проинформировал штаб армейской группы Балка о состоявшемся разговоре. При этом он указывал на явные недостатки нового плана действий: потеря драгоценного (для немцев) времени, лишняя трата и без того недостающего горючего, крити-

ческое положение в Будапеште, возможные поломки танков во время их переброски на отдаленные «южные» территории. В штабе армейской группы Балка не только согласились с этими доводами, но даже дополнили их:

«1) Исходные позиции слишком удалены от Будапешта.

2) Переброска IV танкового корпуса в расположение 1-й танковой дивизии будет длиться слишком долго по причине плохой проходимости занесенных снегом и заледеневших горных дорог. В итоге сама перегруппировка может занять не менее 5 дней. Во время переброски противник может провести перегруппировку и направить на армейскую группу Балка пополненные части 8-й армии.

3) Дерзкое наступление по берегу Дуная — фактически единственная возможность пробиться к Будапешту».

Стоит добавить, что буквально накануне, во время обсуждения в штабе армейской группы Балка «дерзкого наступления боевой группы Филиппа», на него возлагались очень большие надежды. Балк в очередной раз был преисполнен оптимизма. Впрочем, штаб группы армий «Юг» добавил ложку дегтя в эту бочку меда, когда сообщил, что поступили сведения о том, что 93-я советская стрелковая дивизия отводится от Соба. Предполагалось, что ее собираются направить на южный берег, чтобы полностью блокировать любое продвижение вдоль Дуная. В ответ на это начальник штаба армейской группы Балка генерал-майор Гедке парировал, что остается шанс на прорыв, который осуществила бы 711-я пехотная дивизия двумя группами через горы: «Надо рискнуть, так как силы сражающихся в Будапеште подходят к концу».

В итоге генерал-майор Гедке резюмировал все высказанные сомнения в одном документе и отправил его в виде докладной записки наверх. Примечательно, что в этой записке он говорил уже не о 5, а 8 днях, которые требовались для проведения перегруппировки IV танковой дивизии.

Поздним вечером генерал Вёлер вновь попытался убедить Гудериана в том, что запланированная ранее операция имеет все шансы на успех. При этом успеха можно было добиться

Вальтер Венк — начальник Генерального штаба сухопутных сил Германии

значительно раньше, чем танки успели бы достигнуть исходных позиций на «юге». Гудериан вновь согласился с приведенными доводами. В час ночи начальник штаба сухопутных войск генерал Венк подтвердил, что группа армий «Юг» может осуществлять свой собственный замысел. Передовые части, расположенные к югу от Грана, пришли в состояние боевой готовности, но так и не пошли в наступление. В журнале боевых действий дивизии «Викинг» записано: «К 24 часам все подразделения были готовы начать наступление. Однако в час ночи приходит приказ — отложить наступление. На это якобы имеется приказ фюрера. Мы теряем фактор внезапности».

Атаковать было готово и левое крыло IV танкового корпуса СС. Но и им не поступило никакого приказа. Гилле нервничает, но не решается начать операцию на свой страх и риск. Он не понимает, почему она задерживается, если на это дано согласие фюрера.

10 января 1945 года (среда). Второй день операции «Конрад II»

«Легкий мороз. Сильный снегопад. Плохая видимость. Дороги в силу обледенения либо плохо проходимы, либо вовсе непроходимы».

Гилле подготовил отвод моторизованного полка «Германия» 5-й танковой дивизии СС «Викинг» максимально быстро, насколько позволяла обстановка на фронте. Значительную часть танковой дивизии он планировал перебросить на левый фланг, чтобы удар, нанесенный через Пилишские горы в сторону Будапешта, был предельно

мощным. Еще часть «викингов» была передана в оперативное подчинение командованию 6-й танковой дивизии.

В те дни едва ли можно было говорить о четкой линии фронта. Правильнее было бы говорить о линии боев, в ходе которых территории переходили из рук в руки. Да и сама линия боев была достаточно условной, в ней было множество пробелов, которыми спешили воспользоваться обе сражавшиеся стороны. Гилле хотел использовать оставшиеся подразделения дивизии СС «Викинг» для рискованной операции. Он никак не мог оставить надежды прорваться к Будапешту.

Дивизионная группа Папе, в которую, собственно, и входила 6-я танковая дивизия, поменяла своего командира. Ее новым шефом был назначен командир 239-й бригады штурмовой артиллерии (так немцы назвали самоходные артиллерийские установки). Отныне дивизионная группа, входившая, как и ранее, в состав IV танкового корпуса СС, стала носить имя Будесманна.

Тем временем на левом фланге первые части танкового корпуса теряли ценные для них часы. В журнале боевых действий дивизии СС «Викинг» сообщалось:

«В 3 часа ночи прибыл связной из боевой группы Филиппа... Мы все и сам Филипп считаем отданный приказ неосуществимым. Берега Дуная едва ли можно освободить для спокойного передвижения по ним. Прибывший генерал также не знает, должно ли начаться наступление или нет. Во второй половине дня наконец-то приходит приказ о начале наступления. В 20 часов 30 минут дивизия начинает наступать. Противник оказывает слабое сопротивление. Он полностью разбит. Трудная горная территория, фактически предгорье Альп. В полночь приходят первые сообщения о наших успехах. Пленные в большинстве случаев являются солдатами из артиллерийских и минометных расчетов. Никаких собственных потерь. «Вестланд» быстро продвигается вперед, «Германия» — медленнее».

Как видим, немецкое наступление без всяких видимых причин было фактически отложено еще на один день. Можно ли удивляться, что Гилле все чаще ловил себя на мысли,

что надо действовать самостоятельно? Кстати, этому «простою» Балк в своих мемуарах не посвятил ни одной строчки.

Тем временем на правом фланге армейского корпуса Балка, где должен был наступать I кавалерийский корпус, шел затяжной бой, в котором и Красная Армия, и немцы несли огромные потери. Весь день у Замоя и советским, и немецким солдатам приходилось сражаться в снежных заносах. Скользкий лед, покрывавший всю землю на протяжении многих километров, не позволял быстро передвигаться. Несмотря на ожесточенность сражения, никому не удалось продвинуться вперед. Некоторые высоты близ Замоя по пять за раз день переходили из рук в руки. Позиции советских частей постоянно обстреливались немецкой артиллерией:

«IV танковый корпус: бои идут по-прежнему у Бичке, Мани и Жамбека. Противник продолжает наступать, но на этот раз его вылазки носят локальный характер. Все они отражены. Полк Эйке смог уничтожить под Жамбеком 7 вражеских танков. 145-й батальон 3-й танковой дивизии СС «Мертвая голова» с самого начала операции «Конрад» удерживает свои позиции. В ходе наступления 711-й пехотный полк оказался в лесу, где, несмотря на самые неблагоприятные условия, постепенно продвигается вперед. Усиленная полковая группа «Вестланд» направлена на подкрепление 711-й пехотной дивизии, чтобы та продолжила наступление. Продвижение вперед замедлилось из-за сильного снегопада и обледеневшей почвы. Группа Филиппа на участке между Дунаем и Пилишскими горами северо-восточнее Грана столкнулась с ожесточенным вражеским сопротивлением. Оборона противника прорвана, группа продвигается к южным отрогам гор. Наступление было остановлено у второго оборонительного рубежа противника. Неприятель остановил продвижение танков огнем из орудий, который ведется с противоположного берега Дуная из местечка Хелемба».

От «дерзкого наступления» не осталось и следа. Но кроме генерала Балка и его штаба, никто не был изумлен этим обстоятельством. «Боевая группа Филиппа» была в итоге вы-

нуждена укрыться от огня советской артиллерии в близлежащих горах. Это стало платой за промедление. Одновременно с этим на северном берегу Дуная немцам удалось осуществить удачную контратаку и остановить продвижение дивизий 2-го Украинского фронта в Коморну. В итоге командование группы армий «Юг» смогло отказаться от своего первоначального замысла и не стало перебрасывать на северный фланг и без того потрепанный I кавалерийский корпус.

Тем временем положение немецко-венгерской группировки ухудшалось на глазах. Советские войска смогли вытеснить оборонявшихся немцев почти со всей территории Пешта (восточного плацдарма). Готовилось новое советское наступление, чтобы полностью выбить немцев из этой части города. Как долго немцы могли держать оборону в венгерской столице, уже никто не знал. Из-за сильных снегопадов прекратилось даже скудное снабжение по воздуху.

Во второй половине дня генерал Вёлер в сопровождении офицера штаба группы армий «Юг» (подполковника Шеффера) прибыл в штаб армейской группы Балка. Там произошло обсуждение хода боевых действий. Результатом этой беседы стал документ, получивший название «Оценка положения армейской группы Балка по состоянию на 10 января 1945 года, составленная после консультаций с генералом Балком». В основных чертах документ выглядел следующим образом:

«1) Наступательная операция, предпринятая из района к юго-западу от Секешфехервара и связанная с перегруппировкой IV танкового корпуса СС, могла иметь большие последствия, так как заставила бы оттянуть части Красной Армии от западного плацдарма (Буды) Будапешта. Однако ее начало повлекло бы потерю как минимум пяти дней.

2) Казалось сомнительным, что окруженная в Будапеште группировка могла бы продержаться столько времени.

3) В условиях пятидневной передышки советское командование могло перебросить войска на штурм Будапешта и взять западный плацдарм.

4) Запланированная операция могла быть полностью успешной лишь после деблокирования Будапешта.

Обергруппенфюрер СС Пфеффер-Вильденбрух, командующий IX горнострелковым корпусом СС, окруженным в Будапеште

5) Необходимо было продолжать наступление через Пилишские горы, так как:

a) это был кратчайший путь к Будапешту;

b) территория благоприятствовала прорыву окруженной группировки из Будапешта».

В принципе все было предельно ясно и логично. Однако генерал-полковник Гудериан и начальник Генерального штаба сухопутных войск генерал Венк настоятельно указывали на то, что «фюрер приказал провести перегруппировку и перенести эпицентр борьбы на юг». В качестве исключения разрешалось продолжить наступление в Пилишских горах, но только при условии, что к 11 января оно принесет ощутимый тактический успех, который можно было бы развить для деблокирования Будапешта.

Сам Гудериан предусмотрительно настаивал на «южном решении», так как был хорошо знаком с характером Гитлера и знал, что того вряд ли можно было переубедить, а уж тем более изменить принятое им решение. Но сам он, наверное, все-таки был склонен продолжать наступление на северном фланге, ибо прежде не раз поддерживал именно «северное решение».

Изменение решения было вопросом времени. Сколько его могло потребоваться, чтобы очевидные факты стали ясны Гитлеру?

Между тем группе армий «Юг» становилось понятным, что из «стремительной» атаки «боевой группы Филиппа» ничего не получилось. Появившиеся между Пилишскими горами и Дунаем (словно из-под земли) 93-я советская стрелковая дивизия и обширные минные поля окончательно преградили немцам путь вдоль Дуная на восток.

Советское контрнаступление на северном берегу Дуная стало останавливаться. Но даже несмотря на то, что частям Красной Армии не удалось взять конечную цель — Коморн, это все равно был значительный успех для советских войск. Были не только отвоеваны значительные территории, но «приоткрыт» путь на Братиславу и самую важную стратегическую цель — Вену. Кроме этого, IV танковый корпус СС ни на минуту не мог ощущать себя в безопасности, зная, что у него в тылу в каких-то 40—50 километрах, хоть и через Дунай, но находится мощная советская группировка. С учетом того, что ситуация менялась почти каждый день, никто не исключал возможности боев «на два фронта».

В вечерней сводке, посланной из группы армий «Юг» в Верховное командование сухопутных войск Гудериану, больше не говорилось о необходимости продолжения наступления через Пилишские горы. При этом 5-я танковая дивизия СС «Викинг» даже не получила возможности попытаться его осуществить. В сводке говорилось: «Лучше было бы вообще прекратить наступление, чем проводить перегруппировку войск». Но в итоге все «согласились» с тем, что самым удачным в данной ситуации было предложенное фюрером решение, а именно переброска значительной части войск на южный фланг. Но при этом высказывалось мнение, что X горнострелковый корпус должен был пойти на прорыв из Будапешта. Однако Гитлер был непреклонен, окруженная в венгерской столице группировка должна была сражаться до последнего патрона. Никто не должен был покидать Будапешт.

11 января 1945 года (четверг). Третий день операции «Конрад II»

«Температура около 0 °С. Оттепель. Снег с дождем. Дороги в силу обледенения и снежных заносов плохо проходимы».

Поздно ночью, в 2 часа 20 минут генерал Венк сообщил начальнику штаба группы армий «Юг», что он целых два часа пытался убедить Гитлера, чтобы тот позволил действовать командованию X горнострелкового корпуса СС в Будапеште в соответствии с обстановкой, то есть предоставить Пфефферу-Вильденбруху свободу действий. «Единственное, чего я дос-

тиг, — сказал в телефонном разговоре Венк, — то, что обергруппенфюрера СС Пфеффера-Вильденбруха наградили Рыцарским крестом. Но при этом X горнострелковый корпус СС во что бы то ни стало должен оставаться в Будапеште. Если ночное наступление, запланированное генералом Балком, не принесет желаемых результатов, то завтра вы должны будете начать перегруппировку войск». Единственной уступкой стало заявление Венка, что Будапешт будет лучше снабжаться по воздуху, в том числе посредством грузовых планеров.

Пять минут спустя об этом разговоре были уведомлены генералы Вёлер и Балк. Балку было приказано уведомить радиограммой Пфеффера-Вильденбруха, что тот должен продолжать удерживать город. Для немцев в тех условиях самую большую неприятность доставляли даже не упорно сопротивлявшиеся части Красной Армии, которые при каждом удобном случае переходили в контратаку, а природные условия. Резкие перепады температуры, мороз, сменявшийся оттепелью, а затем снова морозом, фактически делали горные дороги непроходимыми. Скользкий лед, слякоть из снега, болотная жижа, снежные заносы сменяли друг друга едва ли не раз в полдня. Для водителей машин и бронеавтомобилей преодолеть несколько километров было подчас непосильной задачей. В данных обстоятельствах любая наступающая часть оказывалась в заведомо более проигрышной ситуации, нежели те, кто находился в обороне. Красная Армия, непогода и медлительность немецкого командования окончательно предрешили судьбу Будапешта.

Находившейся на правом фланге корпусной группе Брайта силами 4-й кавалерийской бригады (I кавалерийский корпус) после ожесточенных боев удалось проникнуть в Замой и закрепиться там, несмотря на отчаянные контратаки советской пехоты и танков. В данной ситуации на выручку Красной Армии пришли как раз те самые грузовые планеры, которые должны были снабжать Будапешт. Три из них были сбиты над советскими позициями, что позволило красноармейцам тут же воспользоваться боеприпасами, предназначенными для будапештской группировки. Как и ранее, сложно было определить, кто наступал, а кто оборонялся. Атаки почти моментально сменялись контратаками.

На правом фланге IV танкового корпуса СС советские части продолжали атаки «локального» значения. Почти все они без проблем отражались немцами. На левом фланге общего наступления «Вестланд» смог захватить населенный пункт Пилишсенткерест, а «боевая группа Филиппа» — деревню Пилишмарот. Но другая часть той же самой «боевой группы Филиппа» оставалась лежать на берегу Дуная, не рискуя подняться под ураганным артиллерийским огнем, который велся Красной Армией с противоположного берега. Но, повторюсь, на тот момент самой большой трудностью были погода и особенности ландшафта. Атаковать по пояс в мокром снегу по лесистым горам было фактически невозможно, причем не только немцам. На карте в Ставке Гитлера все выглядело не в пример проще.

На северном берегу Дуная еще недавно наступавшие части Красной Армии медленно, с боями, отходили обратно. Но в то же время все попытки немцев окружить их заканчивались полным провалом. А сражение в Будапеште приобретало какой-то апокалипсический характер. Город превращался в руины, объятые огнем.

Полк моторизованной пехоты «Германия», направленный Гилле на усиление правого фланга у Пилишских гор, покинул свои позиции. Балк уже ничего не мог поделать с подобным «самоуправством» эсэсовского генерала. Ему пришлось смириться с этим как со свершившимся фактом. Именно полк «Германия» должен был придать наступлению в Пилишских горах новый импульс, что, по задумке Гилле, могло позволить немцам продвинуться до Сентэндре. Одновременно с этим вся 3-я танковая дивизия СС «Мертвая голова» должна была начать массированное наступление на левом фланге IV танкового корпуса СС через те же Пилишские горы в направлении Пилишвёрёшвара. В журнале боевых действий в тот день было записано: «Прежде чем данная операция успела начаться, прежде чем передовые отряды смогли проникнуть в Пилишсенткерест, стало известно о решении фюрера, согласно которому IV танковый корпус СС должен быть переброшен на юг, чтобы готовиться к новому наступлению юго-западнее Секешфехервара. Этот приказ означает прекращение наступления на юго-восток

через Пилишские горы, а стало быть, и отказ от деблокирования Будапешта».

С этого момента началась борьба командования армейской группы Балка за то, чтобы эсэсовский танковый корпус все-таки продолжил свое наступление. Именно в это время боевая группа «Германия» достигла определенных тактических успехов. «Германия» смогла миновать хребты Пилишских гор и уже готовилась достигнуть их восточных склонов. В наступление перешла даже «боевая группа Филиппа». Командование армейской группы, чей «лимит времени на успех» подходил к концу, хотело уже облегченно вздохнуть. Наступление можно было развивать, тем паче что на северный фланг для усиления IV танкового корпуса СС со дня на день должна была прибыть 3-я кавалерийская бригада. Требовалось всего каких-то два дня.

Но несмотря на все это, в штабе группы армий «Юг» стали готовиться к осуществлению «южного решения». И приближение 3-й кавалерийской бригады вполне входило в эти планы — она должна была сменить перебрасываемый на юг IV танковый корпус СС.

Далее события стали развиваться даже не по часам, а по минутам. В 13 часов 40 минут генерал Венк доложил Гитлеру об успехе наступления в Пилишских горах. Но Гитлер не хотел и слышать об этом. В 14 часов 5 минут начальник штаба группы армий «Юг» уведомил генерала Ваффен-СС Гилле о том, что с ним пытался связаться рейхсфюрер СС Генрих Гиммлер. Гиммлер требовал, чтобы Гилле «довел дело до конца». В телефонограмме, в частности, говорилось: «Рейхсфюрер СС полагает, что ему было бы проще изменить мнение фюрера, если бы уже сегодня наступление в Пилишских горах привело к значительному успеху. В данном случае командование группы армий «Юг» получило бы от фюрера разрешение сохранять эпицентр борьбы на прежнем месте. Если этого не произойдет, то перегруппировка будет неизбежной».

Гилле делал все от него зависящее, чтобы продолжить наступление в Пилишских горах. Он, штаб, да и большинство танкистов не могли понять, почему они должны оставить захваченные территории, когда самые тяжелые бои (каза-

лось бы) остались позади, когда до Будапешта (как они полагали) было рукой подать. Словно в знак протеста Гилле сам отбыл в передовые части. В журнале боевых действий группы армий «Юг» сохранилась такая запись:

«В 16 часов 30 минут сообщили, что обергруппенфюрер СС Гилле в сопровождении штабного офицера направился в полковую группу танковой дивизии СС «Викинг», чтобы непосредственно оттуда руководить боевыми действиями «Германии». Она находится северо-западнее Пилишсенткереста. Сопротивление неприятеля постоянно возрастает. Теперь противник направляет к деревне и горной дороге отдельные танки. Прибытие 3-й кавалерийской бригады является неотложной задачей. Операция «боевой группы Филиппа» более не имеет никаких шансов на успех. Люди из команды буксира со снабжением, который по пути в Будапешт был подбит, сообщают, что неприятель занял весь северный берег и ведет огонь по любому движущемуся объекту».

В 18 часов 5 минут из штаба группы армий «Юг» в Верховное командование сухопутных войск сообщили о намерении продолжать наступление на северном фланге IV танкового корпуса СС, так как появились перспективы на успех данной операции. Опять звучат слова о том, что путь через Пилишские горы является единственной возможностью пробиться к Будапешту. Вёлер буквально умоляет отложить запланированную перегруппировку хотя бы на один день.

В 19 часов 25 минут генерал Вёлер вновь беседует по телефону с Гудерианом. И он вновь пытается убедить Гудериана в правильности дальнейшего наступления через Пилишские горы. При изучении документов по данному вопросу возникало парадоксальное и противоречивое чувство, связанное с тем, насколько несамостоятельными, иногда подчас беспомощными были немецкие генералы в выборе решения.

«На это генерал-полковник Гудериан ответил, что сегодня фюрер окончательно определился с южным решением. Если бы это было приказом, то танковые дивизии СС уже на-

правлялись бы на новые исходные позиции. Командующий группой армий указал, что, возможно, когда Будапешт будет уже под боком, можно будет пробовать изменить его мнение. Отход от Будапешта никак не поможет находящимся там. X горнострелковый корпус СС того гляди может быть полностью уничтожен. А ухудшение погоды — дожди, снежные заносы, скользкий лед весьма затрудняют переброску войск на юг. Генерал-полковник ответил, что тоже очень опасается этого, а потому попытается еще раз поговорить с фюрером. Однако результат этой беседы видится ему неутешительным. Не исключено, что тот отдаст приказ приступать к реализации южного решения». В ответ на это заявление генерал Вёлер попросил: «Пусть танковая дивизии СС «Викинг» завтра еще раз попробует продолжить наступление в Пилишских горах, тем более что 3-я кавалерийская бригада не сможет добраться сюда ранее ночи с 13 на 14 января».

В 20 часов 10 минут генерал-полковник Гудериан уведомил командующего группой армий о том, что фюрер, несмотря на все приведенные аргументы, приказал начинать осуществлять южное решение. Теперь надо выполнить перегруппировку. Исходные позиции должны располагаться южнее озера Веленце, причем надо учитывать, что, чем дальше эти позиции будут находиться от корпусной группы Брайта, тем лучше. На вопрос командующего группой армий: «Неужели операция мотострелкового полка «Германия» не произвела никакого впечатления?» — генерал-полковник Гудериан дал утвердительный ответ: «Фюрер опасается, что в горах им не удастся добиться никаких результатов».

Десять минут спустя после этой беседы начальник штаба группы армий «Юг» известил командование армейской группы Балка о сути разговора и приказал возвращать мотострелковый полк «Германия». Исходные позиции для новой операции надо было подобрать южнее позиций, которые занимала 1-я танковая дивизия, но по возможности дальше от позиций I кавалерийского корпуса, то есть где-то в районе города Варпалота.

Три часа спустя после того, как был получен приказ о начале перегруппировки, Гилле сообщил в штаб группы армий «Юг»:

«Пилишсенткерест взят... Наступление развивается. Завтра планируем взять еще один населенный пункт. Проведена разведка в районе Кёртелеша, есть возможность взять его сегодня ночью. Получил от рейхсфюрера радиограмму, в которой он призывает заканчивать операцию как можно быстрей. Начальник Генерального штаба уведомил его об особой точке зрения фюрера. Уведомьте, что ситуация складывается весьма благоприятно».

Гилле пытался объяснить, что ночью смог бы развить наступление. При этом он утверждал, что при взятии Пилишсенткереста фактически не встретил серьезного сопротивления со стороны советских войск. Единственными препятствиями для быстрого продвижения к Будапешту являлись непогода и сложно пересеченная местность. «Вместе с 3-й кавалерийской бригадой мы бы значительно продвинулись вперед, — утверждал Гилле. — Для прорыва блокады Будапешта требуется всего лишь один день и одна ночь». Несмотря на приказ Гитлера, Гилле все еще надеялся, что сможет достигнуть главной цели всей этой военной операции.

12 января 1945 года (пятница). Четвертый день операции «Конрад II»

«Продолжается оттепель. Температура 5 °С выше нуля. Местами идет дождь. Плохая видимость. Местами на дорогах сохранился лед. Остальные дороги покрыты грязью и плохо проходимы. Уличные и железнодорожные мосты в районе позиции 8-й армии частично разрушены наводнением».

Около полуночи начальник штаба группы армий «Юг» генерал-лейтенант Грольман позвонил в Ставку Гитлера, где застал не уходившего оттуда генерала Венка. Он уведомил начальника Генерального штаба сухопутных войск о сообщении Гилле. При этом он передал слова Вёлера, который надеялся, что слова эсэсовского генерала «не будут превратно истолкованы». «Не считайте, что новое решение фюрера для меня ничего не значит, но я считаю обязанным передать поступившее ко мне сообщение». Генерал Венк пообещал, что при первой же возможности доложит Гитлеру о тактическом успехе в Пилишских горах.

Немецкие бронетранспортеры отходят обратно на исходные позиции – операция «Конрад II» закончена

Но уже полчаса спустя стало ясно, что жребий брошен и изменить что-либо уже нельзя. Как и стоило ожидать, Гитлера переубедить не удалось. Из Генерального штаба сухопутных войск в группу армий «Юг» предпочли передать лишь короткое сообщение: «Все остается в силе. Готовьтесь к перегруппировке».

Буквально через пять минут генерал-лейтенант Гроль-ман связался с Гилле и известил его о том, что Гитлер не изменил своего решения. Но Гилле и на этот раз решил не оставлять надежд на продолжение наступления. Он попросил связать его с Гиммлером. Эсэсовский генерал не без основания полагал, что рейхсфюрер СС имел большее влияние на Гитлера, нежели Гудериан. Ирония судьбы заключалась в том, что этой ночью IV танковому корпусу не удалось продвинуться вперед ни на метр. Не имела успеха и попытка взять силами разведывательных отрядов деревню Кёртелеш. Немногочисленные отряды немцев натолкнулись на достаточно мощные советские силы. Впрочем, существенных изменений в линии боев этой ночью не наблюдалось нигде — ни на северном берегу Дуная, ни на юге, где дейст-

вовал I кавалерийский корпус. У Гилле не осталось ни одного козыря.

В самом Будапеште немцы оказались почти полностью вытесненными из Пешта (восточного плацдарма). На просьбы увеличить снабжение Балк ответил лаконичной фразой: «Используйте боеприпасы только в тех вылазках, которые действительно могут закончиться успехом». В самом Будапеште еще не знали, что танковые дивизии, чьи радиопереговоры можно было уже слышать на северных окраинах города, так и не придут им на выручку. Гилле не мог больше ничего сделать, он был вынужден подчиниться приказу фюрера. Полный негодования, он начал готовить отход IV танкового корпуса. Операция «Конрад II» закончилась ничем.

Рано утром, в 3 часа, из Верховного командования сухопутных войск прибыла телеграмма, в которой предписывалось начать подготовку к новой операции «на южном фланге армейской группы Балка». В самой телеграмме говорилось:

«Целью новой военной операции является отсечение войск противника между Дунаем и Вертешскими горами, в результате чего будет восстановлена взаимосвязь с войсками в Будапеште. Успех операции будет зависеть от того, насколько быстро наши войска смогут прорваться к Дунаю, дабы затем продолжить наступление как на юге, так и на севере. Решающим фактором в данной операции является неожиданность. Продолжая наступать более скромными силами в прежних направлениях, можно создать видимость того, что стратегические планы остаются прежними. Занятую в ходе предыдущего наступления территорию, особенно перевалы Вертешских гор, надо удерживать любой ценой. Сковывание сил противника по всему фронту будет способствовать тому, что он не сможет оперативно перебросить необходимые силы в место нового наступления. Приказ предусматривает организацию обманных маневров и соблюдение предельной секретности, что и позволит использовать эффект неожиданности. Передовые отряды явят себя в самый последний момент, когда уже

начнется наступление. Для усиления 1-й танковой дивизии армейская группа должна направить 509-й танковый батальон («Тигры»), 1-й батальон 24-го полка («Пантеры»), а также 303-ю бригаду штурмовых орудий, 19-ю минометную бригаду, роту огнеметных танков и роту «Тайфунов».

После прочтения этих строк сам собой напрашивается вопрос: почему немцы не пустили эти силы в бой сразу же, в начале операции «Конрад», а дожидались, когда она приобретет третий порядковый номер? Судя по всему, ответ на него так и останется загадкой.

В 12 часов 40 минут штаб армейской группы Балка распространил специальный документ: согласно «приказу генерал-полковника Гудериана» проходы и дороги в Пилишских горах надлежало удерживать, так же как и ранее. «Для сохранения маскировки надо изображать попытки наступления и вести мнимый радиообмен». Обращает на себя внимание формулировка «по приказу генерал-полковника Гудериана». Судя по всему, ни Вёлер, ни Балк не собирались брать на себя ответственность за исход новой операции.

Части IV танкового корпуса СС получили команду с наступлением темноты оставлять свои позиции. Первым должен был отойти мотопехотный полк «Германия». Он сразу же направлялся на юг. Так началась подготовка к третьей попытке деблокирования Будапешта, которая вошла в историю под названием «операция «Конрад III».

В это время 3-я кавалерийская бригада уже находилась на марше. Производился некий обмен — вместо нее I кавалерийский корпус должен был влить в себя часть IV танкового корпуса СС. Соответственно менялись местами и командные пункты: один переезжал в Тату, другой — в Истимер. Так предполагалось использовать для будущей операции уже наработанные связи.

Приказ о перегруппировке прибыл в части, наступавшие в Пилишских горах, около 20 часов. Тогда штабной офицер дивизии СС «Викинг», не скрывая своего разочарования, записал в журнале боевых действий: «Абсолютно непостижимо. Дивизия могла во время следующего рывка достиг-

Конец операции «Конрад II» - до Будапешта оставалось всего несколько километров

нуть Будапешта. Силы противника уже известны. Мы не ожидаем фланговых атак... Мы должны отказаться от нашей цели, когда почти достигли ее».

Почти все действия, предпринимаемые в первых числах января 1945 года, оказались бессмысленными. Гитлер не хотел считаться ни с напрасными потерями, ни с лишениями, которые понапрасну терпели его эсэсовские танкисты. Те же, находясь на холмах у Пилишсенткереста, уже отчетливо видели зарево полыхавших в Будапеште пожаров и отчетливо слышали артиллерийскую канонаду. Командование и личный состав дивизии «Викинг» были «убиты наповал» принятым наверху решением. Танкисты стали терять доверие к фюреру. Начальник штаба дивизии СС «Викинг» аккуратно и лишь в общих словах описал настроения, царившие не только в штабе, но и во всех подразделениях: «Город находился от нас в 17 километрах. В этих условиях приказ об отступлении был подобен разорвавшейся бомбе. Он разрушил все надежды. Балк и Гилле должны были сделать все возможное, чтобы подобного не случилось».

Впрочем, Балк, в отличие от Гилле, даже не думал что-либо предпринимать. Он предпочитал сообщать в Ставку фюрера только то, что надлежало сообщать. Имя Балка вообще очень редко встречалось в журнале боевых действий в связи с наступлением сквозь Пилишские горы.

Глава 5

ОПЕРАЦИЯ «КОНРАД III»

В ночь с 12 на 13 января части IV танкового корпуса СС, начиная с полка «Германия», стали отходить на новые позиции. За «Германией» последовали остальные части дивизии «Викинг», 711-й и 96-й пехотных дивизий. Их позиции должна была занять подошедшая 3-я кавалерийская бригада. Некоторое время в Пилишских горах должно было оставаться по одному батальону из состава дивизий «Викинг» и «Мертвая голова». Они должны были удерживать уже захваченную территорию до того момента, пока кавалерийская бригада полностью не займет свои позиции.

Танки IV корпуса СС было приказано погрузить на железнодорожные составы к югу от Коморна. Это должно было дезориентировать советскую разведку. На самом деле танки должны были перекидываться в район Веспрема. При этом надо отметить, что у группы армий «Юг» не было достаточного количества эшелонов, чтобы оперативно перебросить всю необходимую технику. Ежедневно имелась возможность посылать только два эшелона. Но на самом деле это был лишь отвлекающий маневр. Основные силы IV танкового корпуса СС должны были добираться до Веспрема своим ходом. Их переброска могла осуществиться только по шоссе Тата — Надьигманд. Остальные дороги были труднопроходимыми, и переброска по ним заняла бы гораздо больше времени. Командованию корпуса приходилось мириться с тем фактом, что перегруппировка потребовала огромных затрат горючего, которого и без того не хватало. Начало общего наступления было запланировано на раннее утро 18 января. При этом наступление должно было осуществляться «всеми имеющимися в распоряжении силами».

Во время перегруппировки температура была около нуля градусов. Почти все время небо было безоблачным, но сильный туман способствовал маскировке передвижений немецких танков. Однако 15 января неожиданно ударили сильные морозы. Дороги вновь обледенели и стали почти непроходимыми в горных районах. Тем не менее немцам удалось провести перегруппировку, не понеся почти никаких потерь. Советские части в районе Пилишских гор, Бичке и Замоя не предпринимали никаких активных действий. Воспользовавшись неожиданной передышкой, они укрепляли свои оборонительные рубежи. Более того, советское командование само задумало провести перегруппировку, значительно усилив находящиеся в обороне части в Пилишских горах и по обе стороны от Замоя. Несмотря на активную авиаразведку, от советского командования как-то ускользнуло «исчезновение» с передовой IV танкового корпуса СС. Казалось, что немцам удалось незамеченными провести переброску танковых и пехотных дивизий на южный фланг армейской группы Балка. Советская разведка трактовала активные перемещения железнодорожных составов близ Коморна как переброску танковых частей на север, в расположение группы армий «А» (группа армий «Центр»), то есть на тот участок фронта, где в середине января началось генеральное советское наступление.

Между тем к вечеру 13 января I кавалерийский корпус взял на себя командование танковыми дивизиями СС. Большинство танков еще находилось на марше, но передовые отряды уже оказались в месте предполагаемого сбора, откуда они и должны были выйти на исходные позиции. Сам штаб IV танкового корпуса СС расположился в непосредственной близости от фронта — в лесу в 3 километрах на северо-запад от северного берега озера Балатон (приблизительно в 10 километрах на юго-восток от Веспрема). Именно оттуда должно было вестись командование новой операцией. В тот же день штаб группы армий «Юг» сообщил в Верховное командование сухопутных войск о плане предстоящей операции «Конрад III». Данный план сводился к нескольким пунктам:

1) IV танковый корпус СС силами двух танковых дивизий («Мертвая голова» и «Викинг») при поддержке 1-й танковой дивизии должен был нанести главный удар.

2) В первую очередь дивизия СС «Викинг» должна была захватить плацдарм по каналу Шарвиз[1] близ Шаркерестура и Аба, а дивизия СС «Мертвая голова» — занять территорию по обе стороны от села Фёвеньи, в то время как 1-я танковая дивизия вышла бы к южным окраинам Секешфехервара.

3) При этом правый фланг наступающих частей должен был прикрываться специальными штурмовыми подразделениями 1-й, 3-й и 23-й танковых дивизий, которые постепенно должны были продвигаться в направлении канала Шио, идущего от озера Балатон к Шимонторнье.

4) Для введения в заблуждение советской разведки части III танкового корпуса (основные части 3-й и 23-й танковых дивизий) за день до основного наступления должны были начать операцию к северу от Секешфехервара. Этот отвлекающий ход должен был заставить оттянуть советские части с территорий, расположенных к югу от города, что упростило бы продвижение ударных сил.

5) Заняв плацдарм, IV танковый корпус СС должен был наступать к югу от озера Веленце. Теперь наступление должно было развиваться в северо-западном направлении. Дивизия «Викинг» должна была выйти к Дунаю у Эрчи, дивизия «Мертвая голова» — к Ракересттуру, а 1-я танковая дивизия — к Барачке.

6) За танковыми дивизиями должна была следовать 4-я кавалерийская бригада, которой отводилась функция зачистки территорий от оставшихся советских отрядов.

7) Прибывшая к Балатону 2-я танковая армия должна была развить наступление. Предполагалось, что к 17 января к Веспрему будет подтянута 44-я имперско-гренадерская дивизия «Магистры Тевтонского ордена»[2]. В зависимости

---

[1] В Венгрии каналами традиционно называются небольшие речки с благоустроенными и укрепленными берегами. В данном случае и далее по тексту речь идет не об искусственных сооружениях, а о реках, связывающих Дунай с рядом озер (Веленце, Балатон).

[2] Немецкое наименование дивизии — «Hoch— und Deutschmeister». В отечественной литературе его почему-то предпочитают не переводить.

от обстановки она должна была либо наступать на соседних участках фронта, либо удерживать оборонительный рубеж к северу от Секешфехервара.

Тем временем советское командование провело перегруппировку войск, в ходе которой были усилены части, расположенные близ Замоя и в Пилишских горах. В горах предполагалось даже начать контрнаступление. 14 января советские войска смогли отбить у немцев Пилишсенткерест. Советское командование намеревалось во что бы то ни стало «ампутировать протянутый к Будапешту палец». Одновременно с этим маршал Толбухин приказал возводить к северу от Секешфехервара глубоко эшелонированную линию обороны, которая предусматривала не только минные заграждения, окопы, противотанковые заграждения, но и специально оборудованные для минометов и противотанковых орудий «гнезда». Военное чутье подсказывало Толбухину, что вскоре здесь придется вести ожесточенные бои. При этом он усиливал давление на западный плацдарм в Будапеште.

Осажденная немецко-венгерская группировка теряла каждый день по нескольку сотен солдат. Балк в очередной раз пытался исправить ситуацию, но смог добиться лишь очередного обещания «лучше снабжать Будапешт по воздуху». В какой-то момент Верховному командованию сухопутных войск стало не до Будапешта. Стремительное советское наступление фактически за несколько дней поставило под угрозу полного уничтожения группу армий «А», располагавшуюся в Польше. Поздно вечером 14 января генерал Венк позвонил в штаб группы армий «Юг». Обозначив общую ситуацию на Восточном фронте, он заявил, что, по его мнению, в условиях отсутствия IV танкового корпуса СС командование группы армий «Юг» вольно само выбирать путь спасения Будапешта. Почти сразу же было принято решение «как можно быстрее осуществить прорыв окруженной группировки из Будапешта, пока это еще можно сделать неожиданно». Прошло время, и в 3 часа ночи (уже 15 января) Венк сообщил, что IV танковый корпус СС останется в распоряжении группы армий «Юг», а 2-я танковая армия будет усилена боснийской 13-й горнострелковой дивизией

СС «Ханджар» (1-я хорватская дивизия СС). К этому моменту советские войска почти полностью заняли Пешт.

Переброска IV танкового корпуса СС, несмотря на перепады температуры и постоянные изменения погоды, проходила более-менее планомерно. К месту сбора была направлена также 3-я танковая дивизия, которая до этого момента стояла на участке фронта к северо-западу от Замоя. Первоначальное объединение танковых частей должно было произойти к северу от Варпалоты. В итоге в распоряжении командования IV танкового корпуса СС оказалось четыре танковых дивизии (1-я танковая, 3-я танковая, 3-я танковая СС «Мертвая голова» и 5-я танковая СС «Викинг»). Исходные позиции для наступления сначала должны были быть «прощупаны» 403-м народно-артиллерийским корпусом и 17-й народно-минометной бригадой. Они проникли на исходные позиции под покровом темноты, в условиях строжайшей секретности и с соблюдением сугубой маскировки.

Между тем общая обстановка на Восточном фронте заставила 17 января 1945 года командование группы армий «Юг» рассматривать план о «возвращении» IV танкового корпуса СС группе армий «А» (отход в Польшу), что означало отмену операции «Конрад III». В штаб группы армий «Юг» даже поступил приказ о подготовке переброски танковых частей в район Братиславы, откуда они по железной дороге должны были быть направлены в Польшу. Однако этот очередной танковый марш полностью поставил бы крест на запасах топлива. Пока подразделения корпуса двигались на юг, к Варпалоте, Гудериан, невзирая на возможный расход топлива, пытался убедить Гитлера перекинуть их в Польшу.

Недостаточный уровень пехотной поддержки не позволил успешно осуществить наступление через венгерские горы

Но, как и прежде, Гитлер не собирался менять своего мнения. В 18 часов 25 минут из Генерального штаба сухопутных войск в штаб группы армий «Юг» передали приказ фюрера: «Готовиться к запланированному наступлению». Для того чтобы операция «Конрад III» увенчалась успехом, было решено одновременно с ней начать немецкое контрнаступление на северном берегу Дуная. Для этого туда были направлены 8-я и 20-я танковые дивизии.

Теперь стало окончательно ясно, что операция «Конрад III» все-таки состоится. В 19 часов 25 минут генералу Вёлеру позвонил Гудериан и передал приказ фюрера: «Командование X горнострелкового корпуса СС может самостоятельно принимать решения относительно восточного плацдарма в Будапеште». Подобное решение фактически ничего не меняло, так как Пешт, который фактически разрешалось оставить, был и без приказа Гитлера почти полностью взят советскими войсками. Командованию армейской группы Балка ничего не оставалось, как отдать приказ: 18 января 1945 года в 5 часов утра начать операцию «Конрад III». Приказ был передан по частям 17 января в 23 часа 10 минут.

18 января 1945 года (четверг). Первый день операции «Конрад III»

«Температура — 5 °С. Пасмурно. Местами туман и небольшой снегопад. Состояние дорог — неизменное».

Согласно отданному приказу в 5 часов утра IV танковый корпус и правое крыло корпусной группы Брайта (23-я танковая дивизия) начали наступление на отрезке между озером Балатон и Шаркерестешем.

Дальше всего вперед, непосредственно к югу от Балатона, удалось продвинуться 3-й танковой дивизии, которой командовал генерал-майор Зёт. Почти моментально преодолев минные поля, которые предназначались для пехоты, а потому были безопасны для танков, этой дивизии удалось быстро взять Лепшень и выйти к населенному пункту Эньинг. В 15 часов 30 минут передовые части 3-й танковой дивизии находились уже у Дега. А к 18 часам они контролировали побережье канала Шарвиз к западу от Сентмиклоша. В последующие часы 3-й танковой дивизии

удалось занять плацдарм на восточном берегу канала. Дивизия стремительно наступала. Наступление всех частей развивалось подобно вееру. Передовые части 1-й, 3-й и 23-й танковых дивизий устремлялись на юг и юго-восток. Фланговое прикрытие им обеспечивали специальные разведывательные батальоны.

5-й танковой дивизии СС «Викинг», которая наступала из района Чайяга, предстояло не только прорваться сквозь минные поля и прорвать проволочные заграждения, по которым был пущен электрический ток, но и сломить ожесточенное сопротивление советской пехоты в окрестностях Балатонфёкайяра. Эти позиции были захвачены лишь к полудню. В то же самое время основные силы дивизии смогли прорваться через канал Шарвиз, обойдя его с юга, чуть севернее Калоза, и создав там плацдарм, с которого можно было развивать наступление.

3-я танковая дивизия СС «Мертвая голова» атаковала советские позиции с двух сторон от Берхиды. Позиции Красной Армии были почти сразу же прорваны в районах Фюле и Йенё. Предприняв фланговую атаку, правое крыло «Мертвой головы» к 14 часам смогло взять Тац, создав плацдарм для развития наступления на канале Малом, проходившем параллельно Шарвизу. Тем временем левое крыло дивизии проникло в Фалубаттьян. Для форсирования канала требовались специальные приспособления, что замедлило наступление «Мертвой головы».

1-я танковая дивизия прорвалась сквозь минные поля в направлении Ёши. К полудню она достигла канала Шарвиз юго-восточнее Шарсентмихая. Именно там был образован плацдарм. Почти сразу же стали наводиться понтонные мосты, благодаря которым танки могли переправиться через канал. Вторая атакующая группа 1-й танковой дивизии была направлена строго на восток в направлении Секешфехервара. Прежде чем она приступила бы к штурму вокзала Пальмайор, надо было проделать проходы в минных полях. Отражая немецкое наступление, советские части несли большие потери.

По мере продвижения немцев с юга на север сопротивление советских частей возрастало. Как следствие, левое

крыло IV танкового корпуса СС продвигалось вперед значительно медленнее, нежели правое (южное). Немецкое наступление в восточном направлении значительно затруднила переброшенная под Секешфехервар из резерва 4-я советская гвардейская армия. Немецкая авиаразведка также докладывала, что многие советские части оставляли свои позиции из окрестностей Бичке и Будапешта и устремлялись на юг, к месту танкового прорыва. При всем этом надо отметить, что по сравнению с немецким наступлением к северо-востоку от Балатона, наступление с южных берегов озера 3-й венгерской армии не увенчалось сколько-нибудь значимым успехом. Маршал Толбухин продолжал удерживать значительные силы на отрезке между озером Балатон и рекой Драва.

К тому времени 23-я танковая дивизия взяла Шаркерестеш и достигла холмов, расположенных в нескольких километрах от Секешфехервара. Немецкие танки намеревались обойти город с востока, но столкнулись с ожесточенным сопротивлением частей Красной Армии. К тому же продвижение вперед затрудняли обширные минные поля. В этих условиях атака 1-й венгерской гусарской дивизии, предпринятая из Бокода и Кечкеда, захлебнулась. Понеся огромные потери, венгры так и не смогли значительно продвинуться вперед.

Советское командование не собиралось ограничиваться только оборонительными действиями. Почти одновременно с наступлением на южном фланге, в Пилишских горах была предпринята мощная советская контратака. При сильной артиллерийской поддержке в наступление было брошено несколько дивизий. Немцам не удалось удержать еще недавно завоеванные территории. Одновременно с этим на северном берегу Дуная предпринимались немецкие контратаки. Немцам удалось отбросить советские войска обратно на восток до Карва, что значительно снизило угрозу для немецких частей, находившихся в Пилишских горах. Советским войскам было теперь затруднительно выйти им в тыл.

В этот же день немецкие и венгерские войска оставили Пешт (восточный плацдарм). С одной стороны, это позволя-

Экипаж разведывательной машины уточняет обстановку

ло им сконцентрировать силы на обороне Буды (западного плацдарма), но с другой стороны, советская артиллерия могла вести более эффективный огонь по скопившимся в Буде частям.

Если характеризовать первый день операции «Конрад III», то для немцев он прошел весьма успешно. Они смогли добиться всех поставленных целей. Теперь они планировали как можно быстрее воспользоваться эффектом неожиданности, пока советское командование не стало предпринимать эффективные контрмеры.

Около 22 часов штаб армейской группы Балка отдал приказ по возможности выйти к Дунаю близ Эрчи этой же ночью. Этот прорыв должен был воспрепятствовать перенесению части советских войск из Пешта к Буде. Два часа спустя в Верховное командование сухопутных войск сообщалось о тактических планах на следующий день:

«1) в течение всей ночи продолжать наступления с плацдармов на берегах канала Шарвиз в восточном и северо-восточном направлениях, чтобы захватить территорию между озером Веленце и Эрчи, на которой надлежит создать новые плацдармы;

2) передовым частям танковых дивизий на канале Шио создать укрепленные плацдармы, дабы можно было отразить советские атаки с юга;

3) начать наступление силами I кавалерийского корпуса к северу от деревни Мань, что должно предотвратить перегруппировку советских войск;

4) начать в Будапеште подготовку к прорыву в направлении аэродрома Будаёрш. Одновременно с этим попытаться восстановить прежнюю линию фронта. Прорыв следует начинать только после того, как командование группы армий «Юг» отдаст специальный приказ».

19 января 1945 года (пятница). Второй день операции «Конрад III»

«Температура — 4 °С. Пасмурно. Во второй половине дня легкий снегопад. Положение дорог неизменное».

Специально назначенные для прикрытия правого фланга танковые разведывательные батальоны достигли канала Шио, однако не смогли создать на нем никакого плацдарма. Их сил явно не хватало даже для того, чтобы просто охватить территорию протяженностью в 75 километров. Но это не исключало мелких тактических успехов немцев. Разведывательный батальон 1-й танковой дивизии смог взять город Шиофок на южных берегах Балатона. В 30 километрах на восток был взят населенный пункт Мезё Комаром. Танковый разведывательный батальон 3-й дивизии смог закрепиться на северо-восточном берегу канала Шио. Разведывательный батальон 23-й танковой дивизии смог отразить советские контратаки под Шар-Эгрешем, после чего провел разведку на территории между каналом Шарвиз и Дунаем, выяснив, что на холмах в 8 километрах на северо-запад от Дунафёльдвара закрепились отряды Красной Армии.

На рассвете 3-я танковая дивизия продолжила двигаться на северо-восток. В ходе наступления она взяла Херцегфальву; отчасти удалось проникнуть в удерживаемый советскими войсками населенный пункт Дунапентеле. В 5 часов 30 минут дивизия СС «Викинг», получившая подкрепление, стала продвигаться на восток от Шаркерестура. При этом ей удалось отбить советские фланговые контратаки, которые предпринимались танками из окрестностей Шерегейеша. Ближе к вечеру вся местность к востоку от Шарощда, протяженностью в несколько километров, была под контролем «викингов». Правое крыло дивизии находилось буквально на полпути к Перкате. В то же самое время левое крыло «викингов» натолкнулось близ Абы на мощное советское сопротивление, которое так и не удалось сломить. Чтобы исправить ситуацию, в дело был пущен разведывательный дивизионный танковый батальон.

3-я танковая дивизия СС «Мертвая голова» дольше всех преодолевала канал близ Таца и Фалубаттьяна. Несмотря на задержку, в 7 часов 35 минут танки дивизии вновь перешли в

наступление. В ходе кровопролитного боя эсэсовцам удалось уничтожить советские противотанковые орудия и захватить деревню Фёвень. К вечеру дивизия «Мертвая голова» контролировала пространство на несколько километров к западу от Шерегейеша.

Несмотря на то что в штабе группы армий «Юг» были вполне довольны развивающимся наступлением, в армейской группе Балка царили несколько иные настроения. В 17 часов 15 минут Балк не без раздражения сообщал: «Вследствие крайне неудовлетворительного поступления информации танковые дивизии СС не позволяют создать общее представление о развитии наступления. Чтобы выяснить картину боевых действий, на место выехал обергруппенфюрер СС Гилле». Два часа спустя Балку была предоставлена вся необходимая информация. А в 21 час Балк с беседе с Вёлером ни словом не упомянул о проблемах в системе связи и оповещения.

Передовые части 1-й танковой дивизии в тот день попытались захватить пространство к югу от Секешфехервара до озера Веленце. Здесь им пришлось столкнуться с ожесточенным сопротивлением советских подразделений. В итоге к вечеру был взят лишь Динньеш, располагавшийся на южном окончании озера. При этом танковая дивизия должна была прикрывать весьма протяженный северный фланг, который простирался от озера Веленце до Пальмайора. Именно в этом слабом месте советские войска не раз пытались предпринять контратаку.

По мере развития немецкого наступления советские войска не раз пытались ударить с флангов по танковым клиньям. Но в большинстве своем это были лишь локальные акции, которые не носили генерального характера. Дело еще не дошло до единого массированного советского контрнаступления. Впрочем, в штабе армий «Юг» уже считались с подобной возможностью: «После того как накануне противник потерпел повсеместное поражение, он осознал опасность, которую представляет наше наступление для его собственной операции. Поэтому с севера и юга в направлении нашего продвижения перекидываются войска. Но пока эти меры не носят характера единого контрнаступления».

23-я танковая дивизия, входившая в состав корпусной группы Брайта, около 19 часов 30 минут начала затянувшееся до ночи наступление, которое было направлено вдоль дороги, ведущей от Чора к Секешфехервару. Чуть далее на север наступление развивала дивизионная группа Хольсте.

Август Цеендер, командир 22-й добровольческой дивизии СС «Мария Терезия», осажденной в Будапеште

Почти все наступавшие немецкие части подвергались постоянным атакам с воздуха, которые осуществляли советские штурмовики, прикрываемые истребителями. Однако это не смогло нанести существенных потерь силам IV танкового корпуса СС. Более того, во многом это была рискованная для советских воздушных сил затея, так как в ходе налетов истребителям Люфтваффе удалось сбить около 20 советских машин. Ситуация в небе изменилась, так как к Будапешту был подтянут 4-й воздушный флот Люфтваффе. Однако его главной задачей было снабжение венгерской столицы по воздуху.

Чтобы спасти положение, советское командование направило к Абе располагавшийся ранее под Жамбеком 18-й танковый корпус и части 7-го гвардейского механизированного корпуса. К ним присоединились перекинутые из Финляндии (к этому моменту вышедшей из войны) три стрелковых дивизии. Это были значительные силы, но у них не было общего плана контрнаступления. Впрочем, силы советских войск отнюдь не были на исходе. В резерве еще находились 5-й гвардейский кавалерийский корпус, 2-й гвардейский механизированный корпус, а также части 1-го гвардейского механизированного корпуса.

Впрочем, генерал Балк с присущим ему неоправданным оптимизмом в тот день сообщал: «Складывается впечатление, что основные силы неприятеля уже разбиты». Генерал

Вёлер не был склонен разделять подобное убеждение. Он опирался на данные авиаразведки, которая сообщала о массированном передвижении советских частей. Впрочем, он не знал, куда и когда они будут направлены. В 17 часов 45 минут штаб группы армий «Юг» докладывал Верховному командованию: «Силы противника, о которых докладывает авиаразведка, не ясны. Сообщается о 2 тысячах транспортных средств, которые передвигаются к Будапешту из района нашего наступления, а также о 600 машинах, которые двигаются в обратном направлении на юг. В первом случае речь может идти об отводе частей снабжения, во втором — о прибытии боевых сил».

Немцам пока удавалось использовать фактор неожиданности и глубоко вклиниваться в советские позиции. 135-й советский стрелковый корпус, удерживавший с самого начала окрестности Секешфехервара, был разбит на несколько групп и откинут в глубь города. Над 3-м Украинским фронтом нависла угроза раскола на две части. Чтобы избежать окружения, гибельного в той ситуации, некоторым советским частям пришлось пойти на прорыв.

В данной ситуации маршал Толбухин опасался не столько немецкого прорыва в северном направлении к Будапешту, сколько того, что некоторые его дивизии могут быть взяты в клещи у Балатона, где с одной стороны наступал IV танковый корпус, а с другой (по южному берегу Балатона) —2-я немецкая танковая армия.

Видя опасность окружения, Толбухин даже обдумывал возможность отвода войск на восточный берег Дуная (здесь Дунай тек «вертикально», а не «горизонтально», как к северу от Будапешта). Если бы 2-я немецкая танковая армия (как и было запланировано вначале) перешла в наступление, то вполне реальной была бы ситуация, когда части 3-го Украинского фронта оказались бы отброшенными из Западной Венгрии, а Будапешт был бы деблокирован. Впрочем, немецкое командование решило пренебречь этим шансом. Вызвано это было, скорее всего, явной переоценкой возможностей немецких танковых дивизий и явной недооценкой боеспособности советских солдат. К тому же в данной ситуации Верховное командование отнюдь не планировало

разгром 3-го Украинского фронта. Целью IV танкового корпуса был исключительно Будапешт, а 2-я танковая армия была «припасена» для других («более перспективных») задач. Когда эсэсовские дивизии двигались к берегу Дуная, еще только **обдумывалась** возможность применения 2-й танковой армии. Дело в том, что танковые разведывательные батальоны выяснили, что на южных берегах Балатона, в частности, у Шиофока не было крупных советских формирований. И только тогда командование 2-й танковой армии получило приказ готовить наступление на Капошвар. Но даже и эта операция была запланирована исключительно для того, чтобы сковать силы Красной Армии в данном районе и предупредить их переброску либо в направлении Будапешта, либо к северным берегам Балатона, где развивалось очередное немецкое наступление. Но в самом приказе о подготовке немецкой военной операции уже говорилось о возможном разгроме 57-й советской стрелковой и 1-й болгарской армий.

В связи с этим генерал Вёлер в своей вечерней сводке сообщал о следующих ходах, запланированных на 20 января:

«1) Силы дивизий СС «Викинг» и «Мертвая голова» должны сконцентрироваться для прорыва советских позиций между Дунаем и озером Веленце.

2) Следует окружить или оттеснить советские войска от Вали, пока советское командование не использовало 5-й гвардейский механизированный корпус и другие части оперативного реагирования.

3) 3-я танковая дивизия должна нанести удар в направлении Дуная, после чего развернуть наступление по его берегу на север, прикрыв тылы с юга и фланг с востока, где в районе Шимонторньи концентрировались советские войска.

4) 1-я танковая дивизия под прикрытием с северного фланга должна уничтожить советские войска в Секешфехерваре.

5) III танковый корпус (корпусная группа Байта) должен продолжать свое наступление к северу от Секешфехервара.

6) I кавалерийский корпус должен безотлагательно начать подготовку к наступлению силами 3-й кавалерийской бригады и 6-го танкового корпуса в направлении Бичке —

IV танковый корпус в наступлении

Мань. В зависимости от развития общего наступления дальнейшее продвижение возможно либо в восточном, либо южном направлении».

Кроме этого штаб армейской группы Балка запланировал наступление двух венгерских пехотных батальонов, которое должно было осуществиться по льду Балатона в районе Жамарди и Тихани. Только на третий день операции предполагалось уничтожить советские войска, удерживавшие позиции к югу от озера Веленце. Это должно было стать залогом успешности немецкого наступления в северо-восточном направлении, к Будапешту.

20 января 1945 года (суббота). Третий день операции «Конрад III»

«Легкий мороз. Плохая видимость. Время от времени становится ясно. Дороги покрыты льдом, из-за выпавшего снега они фактически непроходимы».

Самым слабым местом в «веере» немецкого наступления была линия обороны вдоль канала Шио, проходившая от Шиофока до Мезё Комарома. Она удерживалась фактически только 25-м венгерским пехотным полком. Именно здесь маршал Толбухин решил нанести удар. Для немцев ситуация осложнялась тем, что венгерский полк только что

прибыл на позиции, где он сменял немецкий танковый разведывательный батальон. Немецким танкистам незадолго до этого удалось в ходе ожесточенного боя отбросить на восток незначительные силы Красной Армии. Теперь же советские войска концентрировались в треугольнике, образованном населенными пунктами Шимонторнья — Цеце — Пальфа. Концентрация советских войск была почти сразу же замечена немецкими летчиками. В итоге в штабе армейской группы Балка было принято решение не отводить отсюда разведывательный батальон 23-й танковой дивизии.

Тем временем к 15 часам 15 минутам передовые части 3-й танковой дивизии достигли развилки дорог, расположенной в 5 километрах южнее Адони. Основные силы дивизии в тот момент смогли отразить советскую контратаку близ Дунапентеле. После отражения советской контратаки немцам удалось пустить на дно пять советских буксиров. Но очень скоро об этом шаге сильно пожалели — затопленные советские суда фактически перегораживали Дунай и делали невозможным сообщение вдоль реки, что значительно ограничивало боевые возможности дивизии.

В штабе IV танкового корпуса СС весьма оптимистично смотрели в будущее. Дело в том, что эсэсовским танкистам удалось зажать в треугольнике Киш-Перката — Аба — Шерегейеш несколько советских корпусов, которые так и не могли развить стратегическую инициативу. Это были XVIII советский танковый корпус, VII гвардейский механизированный корпус и стрелковый корпус, только что перекинутый с финского фронта. Положение советских частей осложнялось тем, что дивизии «Викинг» и «Мертвая голова» фактически отрезали их от пути снабжения. К тому же за несколько часов до этого «викинги» взяли Абу. В данных условиях надо было непременно контратаковать.

Поначалу немцы планировали, что острие советской контратаки будет перехвачено дивизией СС «Викинг». При этом советская контратака должна была быть нацелена на пространство между Абой и Шарошдом. Только двигаясь в юго-восточном направлении, советские части могли избежать окружения и воссоединиться с остальными дивизиями 3-го Украинского фронта. «Викинги» тоже не теряли време-

ни: в 14 часов они взяли Перкату, где заняли круговую оборону, готовясь отразить советское контрнаступление.

В данной местности линия фронта фактически перестала существовать. Сложно было даже сказать, кто был окружен. Немцы всеми силами пытались пробиться к дорогам и наладить свое снабжение. Наиболее остро это касалось положения, в котором оказалась дивизия «Мертвая голова». В 15 часов 40 минут танкисты этой эсэсовской дивизии попытались провести разведку боем в окрестностях Шерегейеша. Но наиболее ожесточенные бои разгорелись в районе Абы. Советские солдаты там стояли насмерть, не давая возможности немцам прорваться на юг, ведь если бы это случилось, то советские войска здесь были бы отрезаны от основных сил, собирающихся на востоке. В сложившихся условиях и немцы, и красноармейцы оказались в патовой ситуации — они все были отрезаны от снабжения.

В ходе ожесточенного боя «Мертвой голове» удалось взять Шерегейеш. Окружавшая этот населенный пункт болотистая местность вынудила танковые подразделения дивизии слишком вытянуться на север. Генерал Балк, в отличие от штаба группы армий «Юг», пытался воспротивиться подобному развитию событий. Но именно вытягивание позиций «Мертвой головы» в северном направлении позволило этой танковой дивизии СС не только подготовиться к нанесению очередного удара на восток, но и прикрыть фланг дивизии СС «Викинг», что разрешило последней развивать дальнейшее наступление на юг. Танковый разведывательный отряд «викингов» смог продвинуться вперед до села Саболч, в то время как танковые части «Мертвой головы» продвигались вперед по южному берегу озера Веленце. Они с ходу взяли Гардонь и к вечеру приблизились к окраинам Киш-Веленце.

Нельзя не упомянуть один показательный факт, который как нельзя лучше характеризует отношения Балка и Гилле. В 10 часов, когда собственно и разворачивалось наступление, Балк жаловался генералу Вёлеру, что общая картина сражения страдает от того, что IV танковый корпус СС, в особенности дивизии «Викинг» и «Мертвая голова», «крайне неудовлетворительно информируют армейскую группу о

своем продвижении». При этом он сообщал, что дивизия СС «Викинг» на отрезке между Перкатой и Шаркерестуром должна была начать в нескольких местах наступление, чтобы проложить себе путь на север (и это сообщалось в условиях, когда дивизия разворачивала наступление в юго-восточном направлении). При этом командование IV танкового корпуса СС должно было начать силами дивизии «Мертвая голова» наступление на восток в направлении Адони (то есть туда, куда двигалась именно дивизия «Викинг»). Балк настаивал на подобном сценарии, так как считал, что сначала надо было уничтожить противника с флангов, так как он мог бросить все имеющиеся силы на 5-ю танковую дивизию СС «Викинг». План, предложенный Балком, не имел под собой никаких реальных оснований. По сути, он был просто высосан из пальца. После этого Балк полдня негодовал, что к нему не поступало никаких сообщений из дивизии «Мертвая голова» о продвижении от Дунапентеле к Адони. То есть Балк просто-напросто не знал (или не хотел знать), что «Мертвая голова» двигалась не к Дунаю, а по южному берегу Веленце.

Командир 8-й кавалерийской дивизии СС «Флориан Гейер» Йохен Румор

1-я танковая дивизия прикрывала левый фланг под Секешфехерваром, ближе прочих немецких формирований подойдя к этому городу, подступы к которому отчаянно удерживали советские части. Для Красной Армии роковое значение имел тот факт, что немцы смогли перерезать дорогу, связывающую Секешфехервар с Шерегейешем. Для снабжения советских частей в болотистой, фактически непроходимой местности эта дорога имела исключительное значение. По этой причине советское командование в течение 20 января 1945 года не раз отдавало приказ предпринять контратаку из Секешфехервара или с «южных» позиций,

чтобы вновь получить контроль над этой трассой. Но все попытки выполнить его оказались безуспешными. 1-я танковая дивизия смогла отразить все советские контратаки.

К северу от Секешфехервара измотанная в боях 23-я танковая дивизия (III танковый корпус) смогла отбить у советских частей совсем немного территории. В то же самое время концентрировавшаяся между населенными пунктами Бичке и Мань ударная группа I кавалерийского корпуса была готова начать наступление на советские позиции не раньше 21 января. В Будапеште попытка немецко-венгерской группировки отбить у советских частей остров Маргариты[1] закончилась полным провалом, который имел стратегическое значение.

Для продолжения наступления в штабе армейской группы Балка и в штабе IV танкового корпуса были запланированы следующие меры:

1) Для лучшей организации снабжения 25-я венгерская пехотная дивизия, находившаяся у канала Шио, переходила в подчинение командования IV танкового корпуса СС. Кроме этого, в данный район планировалось перекинуть еще несколько венгерских подразделений, что позволило бы снять с этих позиций танковый разведывательный батальон 23-й дивизии.

2) В подчинение командованию IV танкового корпуса СС переходил также штаб панцергренадерской дивизии «Фельдхеррнхалле». Ему поручалось удерживать позиции у того же канала Шио. Позже сюда должны были прибыть части 3-й венгерской армии. В армейской группе Балка не считали нужным проводить новую границу между позициями 3-й венгерской армии и IV танкового корпуса СС. Впрочем, изменение границ напрашивалось само собой — по какой причине это не было сделано, до сих пор остается неясным.

3) Танковые дивизии СС «Мертвая голова» и «Викинг» должны были прорываться к Дунаю, после чего им следова-

---

[1] В силу того, что защитники Будапешта употребляли разные названия для одних и тех же объектов (немцы — «Маргаретен», венгры — «Маргит»), в тексте книги приводится русский вариант данного географического названия — «остров Маргариты».

ло развернуть наступление на север, в направлении Будапешта.

4) Наиболее боеспособные подразделения дивизий «Мертвая голова» и «Викинг» должны были совместно атаковать позиции XVIII советского танкового корпуса в районы Абы, Перкаты и Шерегейеша. Данное наступление должно было закончиться окружением и полным уничтожением советского танкового соединения.

5) Мотопехота 1-й танковой дивизии оставалась привязанной к Секешфехервару. При этом танковые части 1-й дивизии совместно с танками дивизии «Мертвая голова» должны были продолжать наступление по южному берегу озера Веленце в направлении речушки Вали.

6) В Будапеште должны были начать подготовку к захвату аэродрома в Будаёрше. Но данная операция должна была начаться в завершающей фазе «Конрада III», когда, по замыслу немцев, деблокирование венгерской столицы являлось бы проблемой нескольких часов. Этот прорыв должен был держаться в строгом секрете, чтобы советское командование не успело принять соответствующие контрмеры.

В 22 часа 30 минут оперативный отдел Генерального штаба сухопутных войск был извещен о данном плане действий. При этом штабные офицеры группы армий «Юг» считали: необходимо сначала уничтожить мощные силы противника, расположенные в пространстве между Перкатой и Шерегейешем, и только после этого развивать наступление на север. В противном случае возникнет угроза нарушения снабжения наступающих частей. Зачистку захваченных территорий предполагалось поручить прибывающим пехотным подразделениям, поскольку у самих танковых дивизий для этого явно не хватало сил и возможностей.

В телефонной беседе с генералом Венком также рассматривалась возможность переброски 356-й пехотной дивизии. На тот момент дивизия подчинялась Главнокомандующему на юго-востоке (группа армий «Ф»). Венк согласился, что в армейской группе Балка 356-я пехотная дивизия «была бы более ценна и уместна». Кроме этого, обсуждались возможности подключения к Будапештской операции сил группы армий «Ф». Дело в том, что между двумя группами армий

(«Юг» и «Ф») существовало значительное свободное пространство, что могло позволить войскам 3-го Украинского фронта под командованием маршала Толбухина провести перегруппировку и вклиниться между двумя группами армий, нарушив сообщение между ними. Как показала история, эти опасения не были пустым звуком.

Третий день операции «Конрад III» был ознаменован замедлением наступления немецких частей. В первую очередь это было связано с тем, что немцы не ожидали столь стремительно принятых контрмер со стороны командования 3-го Украинского фронта. Советское контрнаступление ожидали, но не так рано. К тому же предполагалось, что советские части будут оказывать менее ожесточенное сопротивление. В данной ситуации немцы никак не могли обезопасить свое самое слабое место — участок фронта, протянувшийся от Шиофока через Шимонторнью к Дунапентеле. Этот участок удерживали всего лишь один венгерский пехотный полк и разведывательный батальон 3-й танковой дивизии. Это место само напрашивалось для нанесения мощного советского удара. К тому же опыт группы армий «А», сражавшейся в Польше, должен был подсказать, что именно так и будут развиваться дальнейшие события.

21 января 1945 года (воскресенье). Четвертый день операции «Конрад III»

«Как и прежде, легкий мороз. В первой половине дня туманно, местами сильный снегопад. Во второй половине дня наступила ясная погода, иногда сменявшаяся незначительной облачностью. Положение дорог неизменное».

На южном фланге немецкого наступления, в районе канала Шио, советские войска действовали очень осторожно. Территории предварительно разведывались несколькими танками и специальными штурмовыми отрядами. Лишь после этого советские войска закреплялись у переходов через канал. Так шагом за шагом советские войска продвигались вперед. Немецкое командование не могло оставить без внимания это продвижение, но у немцев не было сил в данном районе, чтобы предпринять хоть одну более-менее эффективную контратаку. Им оставалось довольствоваться тем,

что советские войска не шли в решительное наступление. При этом немцы и венгры делали все возможное, чтобы скрыть реальное соотношение сил в районе Шио. Судя по образу действий советских частей, Толбухин ожидал встретить там мощную группировку. Как только советскому командованию стало бы ясно, что Шио удерживался всего лишь венгерским пехотным полком и одним немецким танковым разведывательным батальоном, южный фланг немедленно бы рухнул под мощным ударом частей Красной Армии.

Одновременно с этим, окруженным южнее озера Веленце советским частям удалось ночью избежать полного уничтожения. Но, к слову сказать, эта задача была немцам не по зубам. Находившиеся в том районе немецкие части не имели достаточно сил, чтобы моментально справиться с этой задачей.

В треугольнике, ограниченном населенными пунктами Киш-Перката, Шарошд и Шерегейеш, в ночь на 21 января части XVIII танкового корпуса неприятеля пытались пробиться к советскому плацдарму у Дунафельдвара и установить связь с Херцегфальвой. Из-за явного недостатка пехотных частей нигде на данном участке фронта не удалось создать укрепленный оборонительный рубеж. Оборона на севере и юге осуществлялась силами мобильных отрядов дивизий «Викинг» и «Мертвая голова». Ситуация благоприятствовала нам, так как дивизии «Викинг» удалось разбить остатки XVIII советского танкового корпуса и присоединившиеся к ним стрелковые подразделения, что позволило продолжить наступление в северном направлении.

Передовые части дивизии «Мертвая голова» миновали Адонь и стали быстро продвигаться на север. Но к вечеру они прекратили свое движение. Командование танкового корпуса СС по настоянию штаба армейской группы Балка приняло решение отвести их назад, чтобы, во-первых, не увеличивать разрыв между передовыми подразделениями дивизий «Викинг» и «Мертвая голова», а во-вторых, ликвидировать оставшуюся в тылу советскую группировку. В те

дни в населенных пунктах Херцегфальва и Шарбогард оказались окруженными советские отряды, которые были достаточно мощными, чтобы нанести удар и нарушить всю систему снабжения немецких танковых дивизий. В данной ситуации немецкие танкисты, наверное, не раз пожалели, что за ними не следовали пехотные части. Подобные проволочки и множество других обстоятельств существенно замедляли немецкое продвижение к Будапешту. С другой стороны, все это позволяло советским войскам создать оборонительный рубеж в районе речушки Вали. Пожалуй, для немцев это стало самым существенным тактическим просчетом. Впрочем, в штабе группы армий «Юг» были готовы лишь косвенно признать это: «Для дальнейшего развития наступления к северо-востоку от озера Веленце в течение ближайшего дня у нас не имеется в распоряжении достаточного количества пехоты. Это вынуждает передовые танковые отряды все чаще и чаще переходить к обороне». Вообще остается непонятным, как немецкое командование планировало прорваться к Будапешту, не имея в своем распоряжении значительных пехотных сил. В условиях, когда не существовало сплошной линии фронта, а имелись лишь направления наступлений, в тылу немецких танкистов вполне успешно действовали советские отряды. Они не ограничивались глухой обороной, а периодически совершали дерзкие вылазки, уничтожая грузовики снабжения и обрывая линии связи. В этих условиях нет ничего удивительного, что в штабах не знали, где находятся передовые части. Об общей картине сражения не приходилось и говорить. Впрочем, бедственное положение в немецкой службе сбора и доставки донесений можно было объяснить и поразительно большими потерями среди немецких связистов.

В итоге дивизия «Викинг» почти весь день занималась тем, что пыталась взять «в щипцы» советские части у Абы и Шарошда. В 19 часов «викингам» удалось продвинуться до села Саболч, после чего основные силы эсэсовской дивизии устремились в направлении населенных пунктов Адонь и Иванчи, где вели бои передовые части дивизии «Мертвая голова».

К тому моменту разведывательный батальон дивизии «Мертвая голова», поначалу продвигавшийся к Вали, проводил разведку боем в направлении деревень Сент-Петер и Барачка. В тот момент основные силы дивизии «Мертвая голова» располагались в местечке Каполнаш-Ниек. 1-я танковая дивизия, ведшая бои неподалеку, у северных берегов озера Веленце, пыталась продвинуться на запад, чтобы там состыковаться с «Мертвой головой». В итоге советские части, располагавшиеся в деревнях Шуроко и Надар, атаковались с двух сторон: с востока —1-й танковой дивизией, с запада — дивизией «Мертвая голова». В конце концов отряды части Красной Армии утеряли связь Секешфехервара с окрестностями Будапешта, что и стало тактической предпосылкой для позднейшего захвата немцами такого важного стратегического пункта, как Секешфехервар. Отступление советских войск к Секешфехервару, к которому можно было добраться, сделав небольшую дугу с северо-востока, стало сигналом для немецких танкистов. Они вполне оправданно полагали, что красноармейцы были измотаны, а стало быть, не могли долго оказывать ожесточенное сопротивление.

К тому моменту стало ясно, что советское командование осознало в полной мере ту опасность, в которой оказалась расколотая надвое 4-я гвардейская армия. Об этом говорит хотя бы тот факт, что на помощь ей был перекинут 133-й стрелковый корпус, но при этом положение со снабжением боеприпасами оставалось катастрофическим. Дело в том, что во время стремительного броска передовых отрядов «Мертвой головы», во избежание их прорыва на другой берег, по приказу Толбухина были разрушены понтонные мосты у Дунапентеле и Дунафёльдвара.

Хельмут Беккер, командир танковой дивизии СС «Мертвая голова».

Несмотря на это обстоятельство, генерал Ваффен-СС Гилле приказал 1-й танковой дивизии продвигаться не на запад, а в северо-восточном направлении, чтобы захватить окрестности Вали. К тому моменту IV танковый корпус СС перенес свой штаб в Йенё (местечко, расположенное в 12 километрах на восток от Берхиды).

Во второй половине дня 1-я танковая дивизия ослабила свое наступление на Секешфехервар. Но советским войскам не суждено было расслабиться. С наступлением темноты на их позиции обрушились силы 23-й танковой дивизии. К тому моменту 1-я танковая дивизия была уже южнее города — проводилась перегруппировка танковых сил. Командир дивизии генерал-майор Тунерт с согласия командования IV танкового корпуса СС должен был атаковать Секешфехервар с юга, нанеся по советским позициям концентрированный удар в неожиданном месте. Кроме всего прочего, данный маневр значительно сокращал протяженность линии фронта, которую приходилось удерживать дивизии Тунерта. Как ни странно, немцам эта тактическая затея удалась.

Но в то же время их положение в Пилишских горах было далеко от идеального. Наступление I кавалерийского корпуса на Бичке и Мань откладывалось еще на день. Делалось это для того, чтобы «дождаться ослабления противника в результате собственного продвижения на отрезке между Дунаем и Веленце». Генерал Балк одобрил в качестве очередной даты наступления 22 января. Тем временем в Будапешт стали поступать боеприпасы. Только в ночь с 21 на 22 января в город было доставлено 117 тонн грузов. В итоге в 19 часов 25 минут генерал Вёлер в докладе Гудериану оценивал результаты этого дня как «весьма продуктивные». В качестве особой заслуги наступавших частей назывался срыв попытки 5-го советского кавалерийского корпуса создать усиленный рубеж обороны. Но в действительности генерал спешил с выводами. Его доклад никак не подкреплялся конкретными данными «с мест». К тому моменту повод для оптимизма могла дать только радиограмма, пришедшая из дивизии СС «Мертвая голова», о том, что ее разведывательный батальон смог достичь окрестностей речушки Вали. Но это отнюдь не значило, что эта территория уже была взята немцами.

Разочарование ожидало Вёлера на следующий день, когда уже в другой радиограмме из «Мертвой головы» подтверждалось, что действительно были достигнуты окрестности Вали, но дивизии не только не удалось взять расположенный на ее берегах населенный пункт, но даже проникнуть в него. Сообщения из дивизии «Мертвая голова» приходили скудные, а потому не всегда ясные. Но Вёлер предпочитал не отказываться от собственной оценки развития битвы. Он решил, что пришел тот самый долгожданный момент, когда в дело должен вступить I кавалерийский корпус. В наступлении его должны были поддерживать шесть батальонов мотопехоты, которые были усилены 40 бронетранспортерами. При этом он отдал приказ венгерским гусарам, дабы те начали очередное наступление в Вертешских горах. При этом венгры должны были наступать и на канале Шио. Предполагалось, что наступление даст возможность перекинуть разведывательный танковый батальон из этих мест на север, что должно было помочь скорейшему деблокированию Будапешта. Но где-то в глубине души Вёлер понимал, что все эти попытки обречены на провал, а потому запросил у Гудериана «силы оперативного реагирования». Гудериан пообещал предоставить их 25 января. Как и полагалось на вечернем телефонном совещании, Вёлер доложил в Верховное командование сухопутных войск свое видение оперативно-тактических задач на завтрашний день:

1) Дивизии СС «Викинг» и «Мертвая голова» при поддержке ударной группы 1-й танковой дивизии должны были продолжать наступление к Вали.

2) «Мертвая голова» должна была создать оборонительный рубеж на подходах к Дунафельдвару, где концентрировались постоянно прибывающие советские части.

3) Активное наступление венгерских частей в районе канала Шио должно было решить проблему со снабжением частей на передовой.

4) Секешфехервар должен был быть взят в ходе наступления, предпринятого в двух сторон (с юга и запада) частями 1-й и 23-й танковых дивизий.

5) В зависимости от развития ситуации под Вали планировалось начало наступления I кавалерийского корпуса.

При всем этом 2-я танковая армия получила приказ как можно быстрее, «невзирая на риск», начать наступление на Капошвар. По мере продвижения вперед 2-я танковая армия впервые натолкнулась на болгарские части — это было явным подтверждением того, что советское командование подтягивало к Шио силы, чтобы бросить их на север, ударив по правому флангу наступающих немецких танковых дивизий. Но при этом не исключалось, что свежие части могут быть брошены и на штурм Будапешта.

Конец наступления, по словам Вёлера, должен был наступить несколько дней спустя, когда в дело вступила бы «пара пехотных дивизий». В вопросе получения пехотных дивизий он хотел рассчитывать на Гудериана. Тот же не стал обнадеживать Вёлера, заявив, что их переброска во многом зависит от общей ситуации на Восточном фронте. Но при этом он предполагал убедить Главнокомандующего на юго-востоке предоставить пару данных дивизий. Забавность ситуации заключалась в том, что группа армий «Ф» подчинялась не Верховному командованию сухопутных войск, а его конкуренту — Верховному командованию Вермахта. То есть Гудериан хотел одновременно и не ослаблять Восточный фронт, и добиться победы под Балатоном за счет своих «конкурентов».

Но это были всего лишь планы. И когда они могли стать явью, было совершенно непонятно. К тому же на северном берегу Дуная немецкое командование ожидал очередной «советский сюрприз» — подготовка наступления конников Плиева. Почти ночью генерал Грольман в разговоре с генералом Венком мог лишь констатировать: «Крушение на севере может стоить нам всей битвы за Будапешт». Чтобы не оказаться зажатыми на этот раз в советские «щипцы», армейская группа Балка была вынуждена передать один из своих корпусов 8-й армии.

22 января 1945 года (понедельник). Пятый день операции «Конрад III»

«Температура — 6 °С. Местами пасмурно, видимость средняя, а местами безоблачно, даже ясно. Состояние дорог неизменное».

День начался с того, что штаб группы армий «Юг» ждало огромное разочарование относительно немецкого наступления на Валь. В адрес эсэсовских дивизий звучат едва ли не открытые обвинения:

«В течение первой половины дня выяснилось, что вчерашние радиограммы передовых отрядов IV танкового корпуса СС о том, что после прорыва вражеской обороны они достигли окраин населенного пункта Валь и намереваются развивать наступление, а также утренние радиограммы о том, что они продвигаются к Эрчи, Валю и Ракересттуру, относятся лишь к незначительным разведывательным группам. Только разведывательному батальону 5-й танковой дивизии СС «Викинг» удалось продвинуться в Валь северо-восточнее деревни Сент-Петер и создать рубеж обороны».

Но данный тактический успех вряд ли мог сравниться с ожиданиями того, чтобы танки уже вошли в Валь. Упреки в адрес эсэсовских танкистов были понятны. Но, с другой стороны, в штабе группы армий «Юг», видимо, услышали только то, что хотели услышать. В сообщениях из дивизии «Мертвая голова» не сообщалось ничего иного, кроме как о приближении к окраинам населенного пункта Валь обыкновенных разведывательных групп, а вовсе не мощных разведывательных танковых батальонов.

152-миллиметровое советское орудие, брошенное во время наступления IV танкового корпуса СС близ озера Веленце

Сообщения в течение того дня поступали очень редко. Но даже из этих редких, отрывочных сведений не вырисовывалось картины, дающей повод для оптимизма. Эсэсовским дивизиям было не до наступления, они с трудом могли отражать советские атаки (в данной ситуации вообще было сложно сказать, кто атаковал, а кто контратаковал). Балк и Вёлер были вне себя от гнева. Они направились к Гилле на командный пункт IV танкового корпуса СС. При этом сам Вёлер планировал перенести штаб группы армий «Юг» в Зирц (расположенный в 30 километрах на север от Веспрема), чтобы оказываться в расположении наступающих частей, не тратя лишнего времени. Позже он вспоминал: «Балк воспринял это мое намерение едва ли не как личное оскорбление». Прежде чем продолжить данный сюжет, рассмотрим общее положение IV танкового корпуса СС в районе боевых действий.

В окрестностях канала Шио царило относительное спокойствие. 25-я венгерская пехотная дивизия постепенно подводила сюда свои полки. Только после этого танковый разведывательный отряд 23-й дивизии начал перемещаться к каналу Шарвиз, прикрывая южный фланг 3-й танковой дивизии.

Основная же часть танков 3-й дивизии была отброшена советскими войсками от Херцегфальвы после неудавшейся попытки немцев взять этот населенный пункт. В итоге передовым частям 3-й танковой дивизии пришлось несколько отклониться на северо-запад. После проведения перегруппировки 3-я танковая дивизия около 16 часов начала новое наступление на Херцегфальву, уже с юго-запада. В то же самое время второй опорный пункт советских войск на южном фланге операции — местечко Шарбогард — продолжал свою оборону. Здесь отрядам Красной Армии удалось очистить все окрестности от немецких войск. На Дунайском острове напротив Дунапентеле началась концентрация советских войск, которые постоянно прибывали с восточного берега. Но в Адони дела обстояли несколько хуже — немцы смогли пробиться к примыкающему к берегу острову и выбить оттуда советские части.

К северу от Адони части дивизии СС «Викинг» натолкнулись на обширные минные поля. Но это не помешало «викингам» захватить Иванчу и располагавшуюся чуть севернее

небольшую железнодорожную станцию. После этого усиленный разведывательный танковый батальон так и не смог продвинуться за речку Вали и далеко отойти от села Сент-Петер. Он был встречен мощным советским артиллерийским огнем. В итоге немцам пришлось перейти в оборону. Основная же масса танков дивизии «Викинг» так и не смогла приблизиться к Вали. Занятый немцами берег речушки был значительно ниже, что давало значительное преимущество советским войскам. Советская артиллерия отлично простреливала все окрестности, не позволяя немцам приблизиться к речушке. В тот момент командир дивизии оберфюрер СС Ульрих, чудом избежав смерти, потерял машину, на которой располагался радиопередатчик. В итоге сообщения в штаб группы армий на какое-то время вовсе прекратились. Немцы полагали, что ситуацию в бою за речку Вали изменит 509-й танковый батальон, который был укомплектован 70-тонными «Королевскими тиграми». Но этому подразделению не удалось прорваться на другой берег. Он пытался начать штурм Барачки, но «вследствие сложного ландшафта и ураганного огня противотанковых орудий противника так и не смог переправиться на северо-восточный берег».

Теперь уже никто из немецких танкистов не сомневался, что советским войскам удалось подготовиться к обороне. О скорейшем форсировании Вали не могло быть и речи.

«Королевские тигры» готовятся прорвать советские позиции

Тем временем дивизия «Мертвая голова» вновь отражала советскую контратаку, в ходе которой красноармейцы пытались отбить у немцев северную часть Каполнаш-Ниека. С каждым разом советские контратаки становились все сильнее и сильнее. Немцам с трудом удавалось сдерживать не только советские танки, но и советскую пехоту. Впрочем, перелом в бою за это местечко еще не наступил. Во второй половине дня танкистам из «Мертвой головы» удалось реализовать свое тактическое преимущество, и они смогли захватить высоты, расположенные в 2,5 километра на юго-восток от этого прибрежного села.

Бои, которые не только занимали много времени, но и требовали больших жертв, никак не входили в планы немецкого командования. Вновь командование группы армий «Юг» не смогло воспользоваться своим главным и, по сути, единственным преимуществом — внезапностью наступления. Продвижение немцев стало замедляться, а общее наступление — распадаться на множество локальных боев.

Балк был вынужден констатировать, что сопротивление советских войск после прибытия на передовую пополненного II гвардейского механизированного корпуса значительно возросло. Он также был вынужден признать, что в очередной раз ошибся (накануне), дав весьма оптимистичную оценку развитию боевых действий близ речки Вали. К тому же выяснилось, что сообщения из IV танкового корпуса СС отнюдь не давали повода для подобной тактической жизнерадостности. А потому требовалась корректировка плана операции. В штабе группы армий «Юг» было решено следующее: «Собственное наступление оказалось связано с большими временными затратами и огромными жертвами, которые несут наши части, проламывая вражескую оборону... Подобная тактика кажется настолько неэффективной, что задача по деблокированию Будапешта требует от нас принятия нового решения».

Для продолжения наступления у немцев явно не хватало ресурсов. Передовые отряды за пять дней покрыли расстояние приблизительно в 100 километров (в среднем по 20 километров в день, что в другой обстановке было бы весьма неплохим для немцев результатом). Но ограниченность в во-

инских ресурсах привела к тому, что дивизии оказались вытянутыми в тонкую линию, а отнюдь не были концентрированным танковым кулаком. Прорыв подобной линии для советских войск был всего лишь вопросом времени. Вдобавок ко всему передовые части оказались на сотню километров удалены от тыла, где располагались склады с боеприпасами и продовольствием. Снабжение дивизий превратилось в очередную трату топлива. Но при этом нельзя сбрасывать со счетов тот факт, что прорыв советской линии обороны в начальной своей стадии немцам тем не менее удался.

В ходе операции «Конрад III» самым большим тактическим успехом для немцев стало взятие 1-й танковой дивизией города Секешфехервара. К 16 часам 22 января 1945 года он был уже под контролем немцев. В данной ситуации нельзя не упомянуть о том, что с тактической точки зрения абсолютно правильным было решение командования 1-й танковой дивизии провести перегруппировку и ударить с юга. Во многом этот маневр напоминал само окружение Будапешта, когда войска маршала Толбухина вышли через южные рубежи к венгерской столице и буквально за несколько дней смогли завершить ее окружение. Но Балка это явно не устраивало. Он отчитал командование дивизии «за неправомерные действия» и потребовал от Гилле принять меры. В этом и проявлялись основные различия между этими двумя генералами. Гилле планировал как можно быстрее использовать 1-ю танковую дивизию для деблокирования Будапешта. В ситуации, когда части дивизии «Мертвая голова» фактически застряли в местных боях, использование 1-й танковой дивизии могло привести к тому, что немецкие танки могли все-таки продвинуться к Будапешту. По большому счету это и было основной задачей армейской группы Балка. Если исходить из постановки стратегической цели, то дальновидное командование должно было сосредоточиться именно на ее достижении, а не на выполнении второстепенных задач.

Но реакция Балка, столь жаждавшего изменения ситуации на речке Вали, привела к прямо противоположному эффекту. Очередная перегруппировка привела лишь к потере времени. Именно с этого момента можно было бы говорить

о провале операции «Конрад III». Позже, уже после войны, в своих мемуарах Балк посчитает возможным переложить всю вину за провал операции на плечи Гилле. Он говорил, что самоуправство Гилле, несмотря на огромные потери советских войск, привело к военной катастрофе в Будапеште. Если говорить о советских потерях, то в своих мемуарах Балк приводит совершенно фантастические цифры — неизвестно, были ли вообще такие силы у Красной Армии на западном берегу Дуная.

В любом случае, после взятия Секешфехервара штаб армейской группы Балка отдал приказ провести четкую границу между территорией, на которой надлежало действовать IV танковому корпусу СС, и территорией, «отходившей» корпусной группе Брайта (III танковый корпус). В данной ситуации все привязывалось к предстоящему наступлению I кавалерийского корпуса. Слабая система оповещения и координации деятельности не раз играла с немцами злую шутку. Так произошло и 22 января. В то время как в штабе армейской группы Балка считали, что наступление 1-й танковой дивизии должно было происходить в «будапештском», северо-восточном направлении, Балк принял решение, что данный шаг является «бесперспективным». К вечеру 22 января он стал задумывать едва ли не новый план наступления. Но основными в тот вечер стали упреки в адрес системы связи и нежелания Гилле сообщать о местоположении своих частей. Балк сумел заразить таким настроением даже генерала Вёлера. В разговоре с Гудерианом он сообщил: «Сегодняшний день принес нам взятие Секешфехервара, но так и не закончился прорывом на участке между Дунаем и озером Веленце. Сообщения IV танкового корпуса о прорыве отдельных ударных групп оказались липовыми. Я послал капитана с радиостанцией, чтобы он сам мне докладывал о ходе боевых действий. Кроме этого, я планировал перенести штаб в Зирц, чтобы не тратить слишком много времени на длительные поездки». В ответ Гудериан отметил, что «фюрер считает нужным урегулировать ситуацию на западном берегу Дуная имеющимися в распоряжении средствами». «Урегулирование имеющимися средствами» фактически означало, что в бой на прорыв предстояло

посылать дивизии, которые уже почти три недели находились в постоянных боях. Понимая это, Гудериан обронил, что он решает вопрос о помощи с Главнокомандующим на юго-востоке. Если говорить об общем состоянии войск в армейской группе Балка, то к данному моменту некоторые из немецких подразделений были уже просто небоеспособны.

Этим вечером произошло еще одно знаменательное событие. Маршал Толбухин окончательно убедился, что острие немецкого танкового клина нацелено не на юг, а на северо-восток, к Будапешту. В этой ситуации он отказался от рискованной затеи — эвакуации части советских войск на восточный берег Дуная. Стало ясно, что самое сложное уже позади.

Той же ночью из Италии в расположение армейской группы Балка прибыла 356-я пехотная дивизия. Поначалу ее планировали направить в стоявшую на южном окончании озера Балатон 2-ю танковую армию, но затем перебросили на север. В группе армий «Юг» уже не скрывали опасений относительно того, что операция «Конрад III» могла закончиться котлом.

Расчет немецкого миномета ведет огонь по советским позициям у озера Веленце

В этих условиях командование IV танкового корпуса СС получило приказ силами трех танковых дивизий (1-я, «Мертвая голова» и «Викинг») при поддержке 403-го народно-артиллерийского корпуса начинать форсирование Вали и продвигаться на северо-восток к Будапешту. Вместо традиционной даты и часа наступления значилась пространная фраза: «Как можно быстрее». После разговора с генералом Балком было решено, что это произойдет утром 23 января. Однако в данной ситуации время играло отнюдь не на немцев. В ходе наступления I кавалерийскому корпусу удалось все-таки захватить Мань, но при этом он оказался контратакован с флангов — из Жамбека и Бичке. Сил корпуса явно не хватало, чтобы продвинуться еще хоть сколько-нибудь на юго-восток. В итоге ему пришлось провести перегруппировку. При таких обстоятельствах командование IV танкового корпуса СС должно было считаться с тем, что его ожидали мощные советские фланговые контратаки из окрестностей Бичке. Кавалеристам не удалось оттянуть на себя даже часть подразделений Красной Армии. Наоборот, проводя перегруппировку, они позволили большинству советских танковых частей повернуть на юг, чтобы отразить наступление немецких танковых дивизий.

23 января 1945 года (вторник). Шестой день операции «Конрад III»

«Температура — 8 °С. Безоблачно, но стоит сильный туман. Состояние дорог неизменное».

Еще ночью выяснилось, что для перегруппировки IV танкового корпуса СС, а именно подтягивания 1-й танковой дивизии, и в особенности артиллерии, требовалось значительно больше времени, чем это было запланировано в штабе Балка. В 4 часа 30 минут генерал-майор Гедке сообщал в штаб группы армий «Юг»:

«IV танковый корпус СС не может приступить к наступлению утром 23 января, как это было изначально намечено и приказано. Задержка, вызванная перегруппировкой 1-й танковой дивизии и народно-артиллерийского корпуса, может затянуться до вечера 23 января. Несмотря на эту задерж-

ку, командующий Балк намерен дождаться артиллерии, так как без оной есть риск, что наступление вообще не удастся. Для того чтобы не терять времени зря, приказано уничтожить в ходе небольших операций отдельные очаги вражеского сопротивления. Удар предполагается наносить там, где противник имеет слабые позиции».

Таким образом маскировалась ошибка во временных расчетах. Показательно, что данная ошибка была допущена не Гилле, а командованием армейской группы. Но при этом генерал-майор Гедке предпочитал опять же возлагать всю вину на эсэсовского генерала: «Есть мнение, что вчерашнее наступление 1-й танковой дивизии в Секешфехерваре хотя и привело к благоприятному исходу, но тем не менее значительно замедлило начало наступления корпуса на северо-восток».

Вот таким «элегантным» способом в германских войсках строились интриги. Как оказалось, взятие немцами Секешфехервара для армейского командования не имело никакого значения! Вдвойне примечательно, что когда Гилле предлагал взять этот город, никто в штабе армейской группы не возражал против данного намерения. Никто не сомневался в том, что сокращение северного фланга танкового корпуса и последующее использование 1-й танковой дивизии для наступления на Будапешт является вполне логичным (с военной точки зрения) шагом. И ни для кого не было секретом, что танковая дивизия «Мертвая голова» более не могла развивать наступление, двигаясь на северо-восток и одновременно в обратном направлении, по северному берегу озера Веленце. В данной ситуации никто не вспомнил, что именно такое «двустороннее» движение дивизии «Мертвая голова» дало фору советским войскам, которые в оперативные сроки смогли создать мощный рубеж обороны на берегу Вали. Но с житейской точки зрения все было предельно ясно — штабным чинам срочно был нужен «козел отпущения».

В 9 часов 55 минут Гедке сообщил в штаб группы армий «Юг», что 3-я венгерская армия, которая должна была удерживать окрестности канала Шио, получила команду пере-

меститься по всему южному флангу вплоть до берега Дуная. Штаб панцергренадерской дивизии «Фельдхеррнхалле», большая часть которой оказалась окруженной в Будапеште, вливался в «дивизионный штаб Папе». Последний командовал отныне не только танковыми разведывательными отрядами 1-й и 23-й дивизий, но и 25-й венгерской пехотной дивизией. Этот ход был вполне предсказуем, так как немцы не доверяли венгерским офицерам.

Во время вынужденного простоя командование IV танкового корпуса СС перенесло свой командный пункт из Йенё в Шерегейеш (то есть за день штаб проделал около 25 километров). Теперь Гилле предстояло отвечать за обстановку на юго-восточном фланге, на отрезке фронта, ограниченном Цеце и Дунапентеле. Именно здесь наиболее активно стали проявлять себя советские войска. Первая советская танковая контратака была нацелена на Херцегфальву. Но с первого раза советским войскам не удалось деблокировать окруженный там отряд красноармейцев. К вечеру этого дня фронт на этом участке проходил между Алапом и расположенным чуть севернее Шарбогардом (где продолжала держать оборону еще одна группа красноармейцев), на несколько километров южнее Херцегфальвы и по южным окраинам Дунапентеле. В итоге 3-я танковая дивизия оказалась втянутой в бой на юго-восточном фланге, а стало быть, не имела никакой возможности участвовать в прорыве к Будапешту.

Тем временем дивизия СС «Викинг» вновь попыталась развить наступление на север вдоль Дуная. Вновь оказавшись у Вали, немецкие танки опять попали под мощный огонь советской противотанковой артиллерии, ведущийся с противоположного, более высокого берега. Постепенно советские войска стали переходить в контратаки. В районе Сент-Петера советская контратака не увенчалась успехом, немцам удалось воспользоваться временным преимуществом. По обе стороны от узкоколейной железнодорожной линии, в единственном месте они смогли прорваться на другой берег Вали. Здесь возник крошечный плацдарм.

Тактических успехов в тот день у немцев было совсем немного. Дивизии «Мертвая голова» удалось захватить усадьбу

в пяти километрах на юго-восток от Каполнаш-Ниека. Но удерживать ее немцам удавалось только в течение нескольких часов. Предпринятая с двух сторон советская контратака выбила их оттуда.

Пока шли эти локальные бои, 1-я танковая дивизия и 403-й народно-артиллерийский корпус были на марше. Как и предполагалось, выйти на исходные позиции они могли только к вечеру. В итоге наступление на советские позиции близ Вали было запланировано на ночь. Пока развивались эти события, корпусная группа Брайта на правом крыле (23-я танковая дивизия) смогла продвинуться вперед и занять позиции на берегу речки Часаши-Виз. Позиции танковой дивизии теперь располагались между Замоем и озером Веленце. Но дальнейшее продвижение оказалось невозможным — советская линия обороны была фактически неприступной. Но в то же время советская оборона ослабла в Вертешских горах. Решив не упускать такого шанса, немецкое командование бросило в горы VIII венгерский армейский корпус. Развивавшееся в это самое время наступление I кавалерийского корпуса не принесло немцам значительного успеха. Находившиеся там советские части как минимум имели опыт боев со времен операции «Конрад I». В итоге, несмотря на мороз, советские солдаты применили особую тактику. Они закапывали танки по самую башню, превращая их фактически в неприступные огневые точки. Чтобы ликвидировать такой бункер, немцам приходилось снаряжать ночью специальные отряды, причем не всегда подобные вылазки заканчивались для них успехом. Многие из таких «танковых бункеров» находились под усиленным артиллерийским прикрытием. Стоит отметить, что за январь на северном участке фронта, в частности в горах, значительно выросло количество советской артиллерии. Во многом это было связано с тем, что обстрелы Буды (западного плацдарма Будапешта) теперь велись в основном с севера и северо-запада.

Примерно в 22 часа генерал Вёлер традиционно сообщал генерал-полковнику Гудериану сводку с мест боевых действий. Во время беседы Гудериан прервал собеседника достаточно откровенным вопросом: «А как вы считаете, что воз-

можно сделать имеющимися у вас в распоряжении силами?» Вёлер решил сохранять осторожность: «Это очень серьезный вопрос. После того как из-за недостатка пехоты наступление заглохло в нескольких местах, мы ожидаем прибытия 356-й пехотной дивизии. В любом случае имеющиеся в данный момент силы являются недостаточными для наступления. Впрочем, я надеюсь, что после прибытия 356-й пехотной дивизии и развития наступления в Вертешских горах фронт выровняется и мы сможем далее продолжать наступление».

Подумав, Гудериан сказал: «В крайнем случае нам придется перекинуть сюда еще части, которые были предназначены для других целей. Это слишком серьезный вопрос, чтобы пытаться его решить силами не самой мощной пехотной дивизии. Фюрер хочет полностью стабилизировать фронт по Дунаю».

К тому моменту было ясно как день, что немцам для успешного продолжения наступления явно недостаточно одной пехотной дивизии. В штабе группы армий «Юг» по этому поводу все чаще и чаще раздавались недовольные голоса. Но это характеризовало немецкий стиль командования, который к концу войны сводился к попыткам избежать предельно ясных решений. Гедке, дававший уклончивый ответ, был ярким примером проявления подобного стиля командования. Он вообще предпочитал говорить некими условностями: «Вот если сегодня ночью IV танковому корпусу удастся развить наступление через реку, а также будет выправлена линия фронта в Вертешских горах, то, возможно, мы обойдемся собственными силами». Хмыкнувший Гудериан бросил в ответ: «Ну, тогда мы поговорим об этом завтра в 10 часов утра».

На что, собственно, рассчитывало командование группы армий «Юг», на какой успех, остается непонятным. Если на наступление I кавалерийского корпуса, то даже Балк признавал, что чудес не бывает. Да, изначально было запланировано, что немецкие кавалеристы смогут продвинуться вперед только в случае успешного наступления IV танкового корпуса СС. Но обстановка диктовала иные условия. Теперь кавалеристы могли хоть как-то развить продвижение

вперед только в условиях танкового наступления, которое еще не началось.

Карл Ульрих, командир танковой дивизии СС «Викинг»

В 22 часа 55 минут Балк был вынужден признать, что вся операция в нынешнем ее состоянии была обречена на провал. При этом он просил у штаба группы армий «Юг», чтобы Верховное командование сухопутных войск прислало хотя бы две или три бригады штурмовых орудий (самоходных артиллерийских установок), «которые надо пустить в ход под Граном, чтобы не давать врагу ни минуты покоя». «Можно предположить, что вытеснение противника из Вертешских гор было бы для нас значительной потерей, так как эти войска пошли бы в наступление в более удобных местах. Посредством множества нападений надо вновь и вновь выискивать слабые места у неприятеля. Завтра в 10 часов штаб армейской группы сообщит, в чем мы конкретно нуждаемся, но 356-я пехотная дивизия для нас просто незаменима». Эти слова были безотлагательно переданы в Верховное командование. Итогом разговора стало решение Гудериана передать войска армейской группы Балка, находящиеся на северном берегу Дуная, под командование штаба 8-й армии. Теперь естественная граница между немецкими армиями проходила по великой европейской реке.

Той же ночью в ходе беседы с Главнокомандующим на юго-востоке было выяснено, что группа армий «Ф» готова предоставить как минимум четыре дивизии, дабы они в тесном взаимодействии со 2-й танковой армией (но не в подчинении у нее) нанесли удар по советским войскам в Южной Венгрии. Приблизительной датой начала этой операции называлось 6 февраля 1945 года. Подобное развитие событий не устраивало ни Гудериана, ни группу армий «Юг». В шта-

бе 2-й танковой армии вообще сказали, что 26 января у них запланировано наступление на Капошвар.

Конец всем этим дискуссиям положил пришедший буквально на ночь глядя приказ Гитлера. Он не только запрещал оперативное командование, но и существенно ограничивал свободу действий в чисто тактических операциях. Теперь даже для незначительной военной операции требовалось специальное разрешение фюрера. Гитлер все больше и больше возвращался в своих мыслях к идеям и категориям Первой мировой войны. По мере того как положение Германии становилось безнадежнее, Гитлер все чаще искал психологического убежища в приказах, «твердых как сталь». Но он ничего не мог исправить, лишь делал безысходную обстановку на фронтах еще более безысходной.

24 января 1945 года (среда). Седьмой день операции «Конрад III»

«Температура — 5 °С. Пасмурно, сильный снегопад. Дороги частично или полностью разбиты. Проехать можно только по крупным шоссе».

Утром немецкое командование поняло, что оказалось в западне. Советские войска смогли в кратчайшие сроки создать мощный оборонительный рубеж не только на юге (между Балатоном и Дунаем), но и на севере (между озером Веленце и Дунаем). Немецкая авиаразведка донесла, что к этим глубоко эшелонированным оборонительным рубежам, которые немецким дивизиям не под силу было прорвать с двух сторон (соответственно, с юга и с севера), приближались крупные советские войсковые формирования. Не надо было быть стратегом, чтобы понять, что маршал Толбухин готовил крупное стратегическое контрнаступление. Начало советскому контрнаступлению было положено — советскими войсками была отбита деревня Сентмиклош, располагавшаяся чуть южнее Шарбогарда. Затем последовали советские атаки в районе Дунапентеле. Впрочем, поначалу немцам удавалось их отбивать. В данном направлении танковые дивизии СС могли бы предпринять контратаку (советская оборона там была не слишком сильна), но именно в этот момент IV танковый корпус СС предпринял

активную атаку на советские позиции по берегу Вали. В ходе массированного танкового броска немецким дивизиям, сосредоточившим всю мощь на одном небольшом отрезке фронта, удалось прорвать советскую линию обороны на участке шириной в 20 километров (от устья Вали, впадающей в Дунай, до Барачки). Но даже этот прорыв не означал тактической победы — советские войска, как и прежде, продолжали ожесточенно сопротивляться.

Наибольшего успеха в ходе данного немецкого наступления удалось добиться танковой дивизии СС «Викинг». Несмотря на неблагоприятный ландшафт и советскую оборону, «викинги» углубились в позиции Красной Армии на участке шириной в пару километров где-то на километр. Произошло это чуть восточнее Сент-Петера. Во время этого броска подразделениям 5-й танковой дивизии СС удалось захватить неповрежденными два моста через Вали. В других условиях это было бы залогом для тактического успеха, так как в данном месте немцы могли бы сформировать неплохой плацдарм для дальнейшего разворачивания наступления. Но к 24 января у IV танкового корпуса СС не было не только резервов, но даже и собственных сил, чтобы можно было спешно продолжать наступление. Гилле всего лишь выполнял приказ, понимая всю его бессмысленность. В итоге, едва успев форсировать Вали, немецкие танковые подразделения попали под перекрестный огонь советской артиллерии. С ближайших позиций били противотанковые орудия, а с противоположного берега Дуная — тяжелая советская артиллерия.

Дивизия «Мертвая голова» смогла в ходе упорных боев проникнуть в южную часть Барачки. Здесь немецкие танкисты, фактически лишенные поддержки пехоты, оказались втянутыми в опасные для них уличные бои. Боясь оставить на улицах этого населенного пункта большую часть танков, командование «Мертвой головы» отдало приказ об отступлении.

В ходе данного наступления тяжелее всего пришлось 1-й танковой дивизии. У деревни Паттенд немецкие танки натолкнулись на противотанковые заграждения. Почти сразу же с флангов советские войска нанесли стремительный

удар. Не удалось достигнуть сколь-нибудь значимого тактического успеха и 23-й танковой дивизии, которая не могла даже на несколько метров прорваться сквозь оборонительный рубеж Красной Армии, расположенный к северу от озера Веленце.

I кавалерийский корпус во время своего наступления смог добиться только незначительных локальных успехов. Начав наступать в районе населенного пункта Мань, он окончательно увяз в затяжных боях на данном участке фронта. Советские войска зубами вцепились в промерзшую землю, ни на метр не отступая за линию Бичке — Жамбек. В течение дня красноармейцы предприняли несколько удачных контратак. Более того, теперь задача советских войск намного упрощалась. При массированной поддержке авиации и артиллерии части Красной Армии пытались проникнуть в Буду с севера и северо-запада. Концентрация войск в данном районе позволяла не только постепенно продвигаться в глубь западного плацдарма Будапешта, но и успешно отражать все нападения немецких кавалеристов.

В тот день произошло несколько штабных перемещений. Генерал Вёлер, как и заявлял ранее, перебрался в новый командный пункт в Зирц, откуда направился в штаб IV танкового корпуса СС, где «случайно» (как отмечалось в журнале боевых действий) объявился генерал Балк. Не застав Гилле на месте, они тут же устроили оперативное совещание относительно дальнейшего развития наступления. Итоги данного обсуждения были отражены в журнале боевых действий:

«Так как имеющийся на данный момент опыт показывает, что фронтальное наступление на участке фронта у Вали не может привести к разгрому противника, который создал глубоко эшелонированную линию обороны и сконцентрировал значительные силы, представляющие реальную угрозу для наших флангов, было принято решение нанести удар в сторону Будапешта частями IV танкового корпуса СС с территории, расположенной к северо-западу от озера Веленце. Для этого танковый корпус должен произвести разворот на участке между Вали и Веленце, чтобы во взаимодействии с передовыми частями III танкового корпуса (4-й

кавалерийской бригадой и 2-й венгерской танковой дивизией) и при активном участии находящегося в Вертешских горах VIII венгерского армейского корпуса уничтожить силы противника к востоку от р. Вали. После устранения опасности фланговых ударов неприятеля в районе р. Вали наступление вновь должно продолжаться в северо-восточном направлении».

Намеревавшийся покинуть штаб танкового корпуса Балк на обратном пути встретился с Гилле и передал ему приказ о нанесении удара в северо-западном направлении вдоль реки Вали. Наступление должно было начаться ночью преимущественно танковыми подразделениями. Главной целью данной тактической наступательной операции должна была стать ликвидация фронтовой дуги, возникшей к северу от озера Веленце, а также устранение угрозы фланговых ударов советских войск.

В штабе группы армий «Юг» согласились с данным намерением, но при этом предположили, что надо было бы остановить наступление I кавалерийского корпуса к юго-востоку от деревни Мань, так как оно не предвещало никакого тактического успеха. Одновременно с этим предусматривалась перегруппировка подразделений 6-й танковой дивизии, которая должна была привести к поддержке наступления VIII венгерского армейского корпуса в Вертешских горах. Балк высказал пожелание дождаться более подходящего времени, так как «высвободились силы II советского гвардейского механизированного корпуса, который был предназначен для борьбы с IV танковым корпусом СС».

В данной ситуации командование группы армий «Юг» наложило запрет на запланированную на 25 января 1945 года отвлекающую операцию «Ледокол», когда на советские позиции от южного окончания озера Балатон должны были наступать две дивизии. Скорее всего, это было связано с тем, что группа армий «Ф» не была готова до начала февраля предоставить для данной операции собственные силы. Как помним, первоначально данная операция была запланирована для 2-й танковой армии на 26 января. Однако по настоянию Верховного командования сухопутных войск ее

перенесли на день раньше — на 25 января. Но за день до ее начала изменились условия и обстоятельства. Во 2-й танковой армии сделали все возможное, чтобы повлиять через штаб группы армий «Юг» на Верховное командование: «На дивизиях, срочно приведенных в боеготовность, очень нехорошо отразится приказ об отмене наступательной операции». Но все было бесполезно. Никакие аргументы и уговоры не возымели действия. Гитлер был важнее и весомее всех приведенных доводов. Как ни странно прозвучит, но в данной ситуации он работал исключительно на маршала Толбухина, который весьма опасался такого флангового наступления немецких войск. В 21 час 30 минут генерал Венк сообщил в группу армий «Юг», что «фюрер готов ввести в бой 2-ю танковую армию, только если IV танковый корпус преуспеет в своем наступлении». Хотя с тактической точки зрения все должно было быть наоборот: 2-я танковая армия должна была оттянуть на себя часть советских войск, чтобы IV танковый корпус СС все-таки смог прорваться к Будапешту. Далее генерал Венк продолжил: «Если наступление IV танкового корпуса СС, как, собственно, ныне, будет буксовать, то противник сможет кинуть на 2-ю танковую армию слишком большие силы. Так, по крайней мере, считает фюрер».

В ответ на попытку повлиять на принятое решение («части уже готовы к наступлению») в 1 час 30 минут (уже 25 января) прибыло сообщение, что «наступление может начаться только по специальной команде».

В итоге группа армий «Юг» получила полную противоположность того, что планировалось вначале в ее штабе: там не хотели мириться с откладыванием наступательной операции 2-й танковой армии даже на один день, но в итоге она была отложена на более длительный, фактически неопределенный срок. Мало того, что терялся пресловутый эффект неожиданности, так как советские войска получали значительную передышку, в ходе которой могли провести перегруппировку и перенести эпицентр к каналу Шио, откуда части Красной Армии могли с юга ударить по немецким танковым частям, сражавшимся между Дунаем и речкой Вали. Но Гитлер ничего не хотел и слышать. В штабе группы

армий были вынуждены принять эту информацию к сведению и смириться.

Накануне этих событий в 11 часов утра (а не в 10, как обещал) генерал Балк сообщил в Генеральный штаб сухопутных войск, что, кроме 356-й пехотной дивизии, он также «остро нуждается в штурмовых орудиях». На вопрос Гудериана «Как они будут использованы?» штаб армейской группы Балка выдвинул следующий план:

«• 1-я очередь: устранение препятствий из-под Будапешта;

• 2-я очередь: устранение препятствий из района перед позициями 2-й танковой армии;

• 3-я очередь: урегулирование ситуации к востоку от Грана — это «стало бы предпосылкой для того, чтобы получить полный контроль над западным берегом Дуная, прежде чем неприятель смог бы создать систему обороны близ канала Шио».

Но подобная оценка ситуации оказалась в корне неверной, так как советские войска готовились близ Шио к наступлению, а не к обороне.

Показательно, что Балк в своих планах фактически брал на себя функции командующего группой армий «Юг». Это могло означать, что к тому моменту он в своей компетенции вышел далеко за рамки командующего армейской группой. Как видим, во второй очереди он планировал действия в связи со 2-й танковой армией, а в третьей очереди — в связи с 8-й армией, что входило в задачи именно командующего группой армий «Юг», но никак не Балка! Этот момент мы отметили, чтобы показать, насколько Балк настырно вмешивался в дела вышестоящего командования, активно влияя на командующего группой армий генерала Вёлера, и не только на него. Именно по этой причине в журнале боевых действий группы армий «Юг» армейской группе Балка (ее действиям и планам) уделялось не в пример больше внимания, нежели ее соседям —2-й танковой и 8-й армиям. Диспропорция остается очевидной, даже если принять во внимание тот факт, что основные боевые действия велись именно группой Балка. Впрочем, для нашего повествования это является положительным моментом, так как позво-

ляет лучше понять, как думал Балк и что им двигало. Это позволит лучше увидеть противоречия, существовавшие на данном участке фронта. Именно благодаря этим записям можно увидеть, как сначала непредвзятое отношение командования группы армий «Юг» в отношении Гилле и штаба IV танкового корпуса СС сменилось недоверием, а затем вылилось в откровенные антипатии.

Но вернемся в штаб. Поначалу Гудериан дал разрешение на перенос эпицентра наступления I танкового корпуса СС в северо-западном направлении. Но позже во время беседы он предложил новый план, на возможность которого уже ранее намекал генерал Венк: «Если продвижение на северо-западе не увенчается успехом, то IV танковый корпус СС должен провести перегруппировку и наступать в район Замоя».

Судя по всему, это было идеей Гитлера, так как часом позже, в 21 час 30 минут, генерал Венк еще раз обратил внимание начальника штаба группы армий «Юг» на то, что «фюрер ожидает своевременного решения о перегруппировке IV танкового корпуса СС, но только в случае, если наступление в северо-западном направлении не будет успешным». Далее Венк продолжал: «Согласно идее фюрера 1-я танковая дивизия и народно-артиллерийский корпус должны быть оставлены на берегах Вали, а эсэсовские танковые дивизии должны осуществить перегруппировку в районе Замоя».

Генерал Вёлер тут же поставил в известность об этом решении генерала Балка и потребовал от него немедленно принять необходимые меры. В ответ Балк самоуверенно заявил (это в 22 часа-то!): «Наступление в северо-западном направлении уже, наверное, началось».

Само собой разумеется, генерал Ваффен-СС Гилле хотел использовать организованный частями танковой дивизии СС «Викинг» плацдарм для развития дальнейшего наступления. Остается непонятным, почему генерал Балк никак не принимал в расчет плацдарм на «советском» берегу речки Вали, особенно если учесть, что этот берег был значительно выше, а стало быть, перегруппировка немецких дивизий должна была происходить буквально на глазах советских

солдат и офицеров. Те без труда могли понять, что удар танковых дивизий в ближайшее время будет нанесен в другом месте. Позже Балк как бы оправдывался: «Пробейся наступающие части до местечка Валь (приблизительно в 15 километрах на северо-запад от Барачки), тогда была бы возможность «малого решения», когда IV танковый корпус СС мог тесно взаимодействовать с наступающим из Замоя III танковым корпусом. В данном случае у нас еще сохранялись шансы на успех».

Самая неблагодарная роль в данной ситуации отводилась Гилле, он был вновь вынужден объяснять своим офицерам, почему, понеся большие потери, надо было вновь менять направление наступления, при этом опять же удаляясь от Будапешта, который, собственно, и являлся главной целью всей операции. Гилле, естественно, не знал о стратегических начинаниях Гитлера и Гудериана, но видел, что все нелепые приказы поступают к нему из штаба армейской группы Балка. А стало быть, считал автором данных команд именно генерала Балка. Сам же Балк считал ниже своего достоинства информировать Гилле обо всех хитросплетениях стратегических «игр», творившихся в Ставке Гитлера.

25 января 1945 года (четверг). Восьмой день операции «Конрад III»

«Легкий мороз. Сильная облачность. Местами сильный снегопад. Состояние дорог там, где выпал снег, очень плохое».

На южном фланге битвы, близ канала Шио, а также на отрезке между населенными пунктами Шимонторнья и Дунафёльдвар постепенно разворачивалось советское контрнаступление. Поначалу в дело вступали разведывательные роты, вслед за которыми шли ударные батальоны Красной Армии. Готовился плацдарм для мощного удара в северном направлении, то есть в тыл IV танковому корпусу СС. Частям 3-й венгерской армии, 3-й танковой дивизии и разведывательному батальону 23-й танковой дивизии с трудом удавалось сдерживать советский натиск.

В этот день в сообщениях, поступавших из IV танкового корпуса СС, фактически ни разу не упоминалась дивизия «Мертвая голова». Оставалось также непонятным, смогла

ли 3-я венгерская армия продвинуться до Дуная, где она должна была сомкнуть позиции с 3-й танковой дивизией. В тот день на фронте царил сплошной беспорядок. В штабе армейской группы Балка даже понятия не имели, что в действительности происходило на юге. Впрочем, почти всем было ясно, что именно здесь должны были начаться ожесточенные бои.

Как следствие, командный пункт II венгерского армейского корпуса был перенесен из Айки в Баконьский лес, на северный берег озера Балатон, в местечко под названием Балатонфюред. В связи с этим стало непонятно, где проходила граница между позициями IV танкового корпуса СС и 3-й венгерской армией. В штабе армейской группы Балка тоже не задавались этим вопросом. Одновременно с этим советские войска перешли в контратаку в районе реки Вали, в первую очередь они попытались ликвидировать немецкий плацдарм на северном берегу реки. Целый день по этому небольшому участку, удерживаемому «викингами», велся активный артиллерийский и минометный огонь.

Несмотря на то что в этот день ничего не сообщалось о дивизии «Мертвая голова», это отнюдь не значило, что она не принимала участия в боях. Танкисты из состава 3-й танковой дивизии СС вместе с подразделениями 1-й танковой дивизии (в основном со 113-м панцергренадерским полком) вели бои близ Барачки. Им так и не удалось захватить этот населенный пункт. Во время очередной советской контратаки немцы оказались выбиты с юго-западных окраин Барачки. А после очередной советской контратаки все переправы через речку Вали оказались в руках Красной Армии.

Перенесем наше внимание на участок фронта, расположенный несколько юго-западнее. Здесь силами 1-й танковой дивизии (1-й панцергренадерский полк, поддержанный эсэсовским батальоном «Норге») в ходе кровопролитного боя было захвачено село Петтенд. Об ожесточенности этого боя говорит хотя бы тот факт, что во время него было подбито 17 танков.

Приблизительно в это же время III танковый корпус смог продвинуться несколько восточнее Секешфехервара. В итоге возник выступ, углубившийся в советские позиции

в районе Вертешских гор. Но несмотря на это продвижение, корпусной группе Брайта так и не удалось сомкнуть свои позиции с левым крылом IV танкового корпуса СС. Согласно планам командования предполагалось, что это произойдет на северном берегу озера Веленце близ Капол-наш-Ниека.

I кавалерийский корпус безуспешно пытался отражать советские контратаки, которые предпринимались с двух сторон в районе населенного пункта Мань.

В Будапеште количество раненых немцев и венгров достигло 10 тысяч человек. Снабжение по воздуху опять прекратилось. Собственные силы Люфтваффе не могли даже нанести удар по советским позициям. Этому мешала не столько непогода, сколько господствовавшие в небе над Будапештом советские истребители.

Советские войска смогли выстоять под немецким ударом, и теперь линия обороны стала не только стабилизироваться, но и укрепляться с каждым часом. На любую попытку немцев атаковать советские позиции, красноармейцы отвечали не менее сильной контратакой. Становилось очевидным, что в сражении наметился перелом. Только в штабе армейской группы Балка разводили руками и смущенно сообщали в штаб группы армий «Юг», что «по невыясненным причинам продвижение IV танкового корпуса СС в северо-западном направлении затормозилось». Впрочем, причины этого были понятны и даже очевидны.

Если взглянуть на данную картину с немецкой стороны, то подобных причин можно было назвать несколько. Во-первых, основная часть немецких танковых дивизий была втянута в затяжные бои у реки Вали. Во-вторых, провести перегруппировку войск в условиях отражения постоянно усиливавшихся советских контратак было весьма затруднительно. Чтобы не нести огромные потери, немцы могли осуществить ее только с наступлением темноты. В итоге задержка была неизбежностью. Ко всему этому можно добавить сложный ландшафт, постоянные налеты советских штурмовиков, дороги, которые больше напоминали болота. В-третьих, самой существенной проблемой для IV танкового корпуса СС стало снабжение. Не только продовольствие,

но и боеприпасы доставлялись на передовую с огромным запозданием. Гилле сообщал об этом всем: и в штаб Балка, и в штаб группы армий «Юг». Но в штабах предпочитали никак не реагировать на эти донесения.

В тот день генерал Вёлер направился в Шерегейеш на командный пункт к Гилле, чтобы обсудить дальнейший ход операции. Примечательно, что в тот момент командование группы армий больше волновала обстановка на южном фланге сражения. Это нашло свое отражение и в журнале боевых действий:

«На южном крыле армейской группы Балка неприятель готовит контрнаступление, нацеленное на участок между Дунаем и каналом Шарвиз. На участке фронта от Будапешта до позиций 2-й танковой армии им сосредоточено от 5 до 7 стрелковых дивизий. Они стянуты на плацдарм близ Дунафёльдвара. Южнее сосредоточены штурмовые части XVIII танкового корпуса, в которые поступили новые танки «Шерман». На восточном берегу Дуная позиции занимает VII гвардейский механизированный корпус, который в любой момент может быть перекинут на плацдарм. Чтобы не ослаблять наступление в северном направлении, командование группы армий может направить на южный фланг только 3-ю танковую дивизию».

Утром, около 8 часов, генерал Вёлер прибыл к Гилле. Во время обсуждения между ними выявились разногласия относительно того, как действовать дальше. Спор чуть не закончился скандалом. Дело касалось 1-й танковой дивизии. В журнале боевых действий эти события нашли такое отражение:

«Предметом обсуждений стало запланированное наступление на северо-запад, между речкой Вали и озером Веленце. Обергруппенфюрер СС Гилле сообщил командующему группой армий, что отказался вчера в 15 часов 30 минут отдать приказ 1-й танковой дивизии. Сделано это было, по его словам, потому, что он воспринял поступившее сообщение не как приказ, а лишь как возможное намерение. К тому же силы 1-й танковой дивизии использовались для взятия Петтенда. Ко-

мандующий в ответ заявил, что 1-я танковая дивизия должна добиться тактического успеха уже в течение этого дня. Без взятия Петтенда было невозможно какое-либо развитие наступления в северо-западном направлении. Сам Гилле должен строго придерживаться плана, разработанного в штабе группы армий. Командующий заявил обергруппенфюреру СС Гилле, что тот обязан задаться вопросом, должен ли он наступать прежним порядком в старом направлении, или же, проведя перегруппировку, соединиться с III танковым корпусом. Отмечалось, что в сложившихся условиях любая перегруппировка была неизбежным злом, но в данной ситуации необходимо было прежде всего считаться с приказом фюрера».

Одновременно с этим штаб армейской группы Балка сообщил в группу армий «Юг», что IV танковый корпус СС не начал наступление на северо-запад из-за значительных трудностей со снабжением. Впрочем, Вёлер знал об этом от Гилле, как говорится, «из первых рук». В 10 часов 35 минут штаб армейской группы Балка сообщал, что «командующий группой армий прибыл в расположение IV танкового корпуса СС, чтобы заставить выполнить приказ о наступлении на северо-запад».

В данном сюжете интересно то, что неимоверные трудности, с которыми столкнулись дивизии Гилле, просто-напросто игнорировались. А само его поведение трактовалось исключительно как отказ выполнить отданный приказ. Но сам генерал Вёлер во время утренней встречи делал все-таки несколько иные акценты, что и было отражено в журнале боевых действий. Балк явно нагнетал обстановку, желая «сделать крайним» именно не полюбившегося ему Гилле.

И еще один интересный момент. В 10 часов 55 минут генерал-лейтенант Грольман уведомил генерала Венка, что «IV танковый корпус СС все еще не начал наступление в силу значительных трудностей со снабжением». А затем основное внимание было вновь уделено южному флангу, который все чаще и чаще стал именоваться «южным плацдармом». Сообщалось: «Противник продолжает подтягивать силы к южному флангу армейской группы Балка на плацдарм у Дунафёльдвара. На этот раз с восточного плацдарма в Будапеш-

те был перекинут еще один стрелковый корпус. Кроме того, разведка выявила, что на позициях перед 2-й танковой армией появилась 61-я гвардейская стрелковая дивизия». Интересен тот факт, что сам Балк говорил об иных силах и приводил иную картину расположения советских войск.

Сложно установить, когда в тот день Балк прибыл к Гилле. Известно, что в 10 часов 30 минут Балк выехал из своего штаба. Чтобы попасть на командный пункт к Гилле, он должен был проехать через Кишбер, Мор, Секешфехервар, то есть проделать как минимум 100 километров пути. В тех условиях на это потребовалось бы 3—4 часа. Если он выбрал путь через Зирц и Варпалоту, то потребовалось бы еще больше времени. То есть в лучшем случае он мог оказаться у Гилле лишь в 14 часов 30 минут. В это время генерал Вёлер вновь собирался к эсэсовскому генералу. Маловероятно, что он смог встретиться по пути с Балком. Известно лишь, что в 16 часов Гилле вновь звонил в штаб группы армий «Юг» и просил дать ему четкие разъяснения о том, что он должен делать. Отдельной просьбой было снятие внутренне противоречивых приказов, которые отдавал Балк:

«Я получил от Балка приказ начать во взаимодействии с III танковым корпусом наступление к Вали, где на западном фланге я должен прорвать советскую оборону. Но это совершенно иное приказание, нежели я получил от командующего группой армий. Приказы меняются едва ли не каждый день. В итоге ни в III танковом корпусе, ни в нашем танковом корпусе я не могу сообразить, в каком же все-таки направлении наступать. В этой связи возникает вопрос, мы должны освобождать западную часть Вали или все-таки прорываться к Будапешту? Мы не имеем ни сил, ни возможностей, чтобы так быстро выполнять столь противоречивые приказы. У нас каждый день число потерь достигает 300».

Впервые почти за четыре недели безуспешных наступлений генерал Ваффен-СС заговорил о потерях.

Генерал-лейтенант Грольман был весьма обеспокоен тем, что ему сообщил Гилле. По крайней мере, как только в 16 часов 35 минут командующий группой армий оказался у себя в

штабе, он тут же позвонил в штаб Балку, чтобы поинтересоваться дальнейшим развитием событий. В ответ генерал-майор Гедке сообщил, что «IV танковому корпусу СС приказано прекратить наступление на Вали и использовать все имеющиеся силы, за исключением тех, что будут держать оборону на южном берегу речушки, дабы совместно с частями III танкового корпуса наступать на Ачу». Словно оправдываясь, Гедке сказал: «Уничтожение советских сил к северу от озера Веленце по замыслу является лишь «первым актом», после которого последует наступление в уже привычном северо-восточном направлении». Опять же показательно, что Гилле ничего не знал о том, что данное наступление было всего лишь «первым актом», и уж подавно ничего не слышал о том, что ему предстояло впоследствии вновь пробиваться к Будапешту. Грольман тут же не преминул выразить свое недовольство: «Никто не отдавал приказ вновь пробиваться в северо-восточном направлении. Впрочем, это соответствует намерениям командования группы армий». В ответ на это в штабе IV танкового корпуса заверили, что к вечеру могут закончить приготовления для разворачивания наступления на северо-запад и в состоянии выступить из окрестностей Петтенда в направлении Ачи (этот населенный пункт располагался в 12 километрах на юго-восток от Чаквара). Атаку предполагалось начать с наступлением темноты. Но Гилле сделал оговорку, что к тому моменту корпус располагал только 50 готовыми к применению танками. Для ремонта остальных опять же требовалось время.

К этому времени из окрестностей Замоя в наступление должны были перейти 4-я кавалерийская бригада, бронетанковая группа 6-й танковой дивизии и отдельные подразделения 23-й танковой дивизии. Они должны были устремиться на восток к тому же пункту — Аче. Немецкое командование намеревалось ударами с двух сторон окружить и полностью уничтожить находившиеся здесь советские войска, тем самым получив полный контроль над территориями к северу от озера Веленце.

Одновременно с этим было задумано нанести удар из местечка Сар силами 6-й танковой дивизии и I кавалерийского корпуса. Эти немецкие части должны были двигаться по речке Вали в юго-восточном направлении, навстречу IV

танковому корпусу СС. Впрочем, Балк предпочел отказаться от данной затеи: «Предложенное использование 6-й танковой дивизии в Вертешских горах близ Сара с учетом труднопроходимого ландшафта представляется неразумным».

Однако справедливости ради скажем, что на тот момент, принимая во внимание силу группы армий «Юг» и силы 3-го Украинского фронта, который мог рассчитывать на резервы 2-го Украинского фронта, деблокирование Будапешта было не просто нереальной, а и вовсе фантастической задачей. Тем паче, что часть танковых дивизий надо было оставить на берегах Вали, чтобы обеспечивать оборону. Даже при самых оптимистичных оценках вряд ли немцы могли рассчитывать на победу.

К этому моменту штаб группы армий «Юг» охватила паника. В 19 часов 50 минут Балк беседовал по телефону с генералом Вёлером, и оба пришли к единодушному соглашению, что пора готовиться к обороне. Оценивая силы советских войск, скопившихся на плацдарме у Дунафёльдвара, они не увидели ни одной возможности остановить грядущее контрнаступление Красной Армии.

В Будапеште окруженная немецко-венгерская группировка вовсю голодала. За этот день к ним не было доставлено ни одной тонны грузов. Балк пытался исправить ситуацию, но погода была нелетной. В итоге все свое недовольство Балк вымещал на якобы «строптивом» Гилле, который из всех высших офицеров на данном участке фронта был, пожалуй, единственным, кто пытался выполнить поставленную перед ним задачу — деблокировать Будапешт.

26 января 1945 года (пятница). Девятый день операции «Конрад III»

«Оттепель, сильный ветер, снегопад и дождь. Дороги, покрытые скользким льдом, моментально заносятся снегом. Они почти непроходимы».

Части 3-й танковой дивизии на юге с трудом сдерживали контратаки советских войск, которые постоянно предпринимались по всему фронту от канала Шарвиз, Херцегфальвы и Надьвеньима до Дунапентеле. Пытаясь переходить в ответные атаки, немцы попадали в очень сложное положе-

ние, так как натыкались на обширные советские минные поля. Попытки разведывательных групп из состава II венгерского армейского корпуса переправиться с северного берега Балатона на южный были безуспешными.

Командование IV танкового корпуса СС оказалось освобожденным от необходимости заниматься снабжением сражающейся на «южном плацдарме» 3-й танковой дивизии. Штаб армейской группы Балка провел новые границы между позициями 3-й венгерской армии и IV танкового корпуса СС. Она проходила по линии Шарошд — Перката — Макад — южное окончание острова Чепель. Это отнюдь не облегчило задачу Гилле, так как теперь ему, кроме прочего, приходилось не только наступать на северо-запад, но и удерживать на юге линию обороны длиной почти в 40 километров.

Эта задача была поручена дивизии «Викинг», большая часть которой вела бои на Вали. Здесь советские войска предприняли очередную контратаку, выбив немцев с плацдарма у села Сент-Петер и значительно потеснив у Барачки. Для немцев ситуацию спасло наступление к северу от Веленца, когда ночью частям IV танкового корпуса удалось прорваться далеко вперед до Валь и северных окраин Вереба. На востоке эсэсовские дивизии смогли продвинуться до Пазманда. Один из передовых отрядов немцев даже смог создать плацдарм в районе села Кайясто-Сент-Петер (не путать с деревней Сент-Петер, располагавшейся южнее). Впрочем, этот плацдарм оказался недолговечным — уже во второй половине дня он был отбит советскими войсками во время стремительной атаки. В те часы в журнале боевых действий пытались зафиксировать даже малейшие тактические успехи немцев: «Двигаясь на запад и юго-запад, обе танковые группы объединились и в первой половине дня смогли достичь местностей чуть севернее Вереба. К тому времени панцергренадеры смогли взять Вереб. Мощные контратаки противника были отбиты здесь огнем десяти танков. Ночью части 1-й танковой дивизии взяли Пазманд, но в ходе вражеской контратаки он был отбит. Во время нового наступления к югу от Пазманда было уничтожено два неприятельских танка».

Однако даже из этих строчек видно, что немцам нечем было похвастаться. К вечеру стало окончательно ясно, что они так и не смогли сколь-нибудь значительно продвинуться вперед.

Чуть севернее на позициях III танкового корпуса в бой была пущена «боевая группа СС Нея», состоявшая из венгров. Почти сразу же они оказались втянутыми в затяжной бой, который шел на территории виноградников, растущих к востоку от Секешфехервара. Венгерские эсэсовцы моментально стали нести огромные потери. Не больший успех ожидал и штурмовые группы, составленные из подразделений 23-й танковой дивизии и 4-й кавалерийской бригады. Начав свое наступление, они тут же попали под огонь, который вели с флангов советские части. В итоге этой группе удалось продвинуться всего лишь на 100 метров.

В Вертешских горах обильный снегопад и дождь существенно замедлили перегруппировку VII венгерского армейского корпуса. Продвижение I кавалерийского корпуса было настолько незначительным, что Балк, не скрывая своих эмоций, разразился бранью в адрес его командира.

В сводке, которую генерал Балк представил в штаб группы армий «Юг», он излагал новую версию того, почему IV танковому корпусу СС надо было наступать именно на запад:

«Мы должны быть осторожны, чтобы уничтожать противника поодиночке, так как любое неосторожное действие в северо-восточном направлении на Будапешт будет использовано находящимся на берегах Вали готовым к отражению атаки II гвардейским моторизованным корпусом. До полудня надо было установить связь с передовыми отрядами близ Замоя, минуя позиции II гвардейского механизированного корпуса. Если бы это удалось, то располагающаяся к северу от Секешфехервара 23-я танковая дивизия могла быть использована в зависимости от обстановки либо для прорыва к Будапешту, либо для использования на южном плацдарме».

Во всем этом «прекрасном плане» была одна загвоздка — передовые части у Замоя, которые должны были образовывать один из зубцов «клещей», не преуспели в наступлении.

В итоге дивизиям IV танкового корпуса СС пришлось бы преодолевать 25 километров от Вереба до Замоя в условиях ожесточенных боев. Успеть это сделать ко второй половине дня было утопией хотя бы с временной точки зрения.

В какой мере подобную точку зрения разделяли в штабе группы армий «Юг», не имело никакого значения, так как в 10 часов 40 минут из Верховного командования сухопутных войск раздался звонок. Было сообщено, что «в настоящий момент западное решение является единственно возможным». Но на практике оказалось не все так складно, как говорил генерал Балк. Не нужно было даже задаваться вопросом, почему. IV танковый корпус, а точнее 1-я танковая дивизия и дивизия «Мертвая голова», не могли быстро продвигаться вперед, так как им постоянно приходилось отражать фланговые контратаки советских войск. К вечеру стало понятно, что даже к ночи они не достигнут своей цели.

В 18 часов 50 минут начальник штаба армейской группы Балка уведомил командование группы армий «Юг»:

«Командующий армейской группой задержался на командном пункте IV танкового корпуса СС. Он придерживается мнения, что предписанное наступление на северо-запад этой ночью было осуществлено удачно. Однако в ходе вынужденного поворота на запад возникли некоторые организационные трудности. В IV танковом корпусе СС намеревались провести перегруппировку с учетом направления нового наступления. Переход от занесенной снегом железнодорожной ветки Ловашберень — Ача не был простой задачей».

Действительно, снег шел постоянно. Откуда ни возьмись появились снежные заносы высотой в метр, которые вызывали трудности у обеих сражающихся сторон. Но больше всех от них все-таки страдали немцы, так как они окончательно лишились снабжения провиантом и боеприпасами. Однако это в очередной раз не волновало генерала Балка. Он вновь обрушился на командование IV танкового корпуса с гневной критикой.

Верное с тактической точки зрения решение командования дивизии СС «Мертвая голова» — назначить для флангового прикрытия танковый разведывательный батальон, поместив его в районе деревни Кайясто-Сент-Петер — было подвергнуто всеобщему порицанию. Балку казалось, что наступление развивалось слишком медленно, а потому он продолжал «рвать и метать»:

«В 21 час 15 минут командующий армейской группой Балк уведомил командующего группой армий «Юг» о том, что IV танковый корпус СС все еще не продвинулся на запад. В данных условиях наступление имело бы смысл начать уже в 23 часа. Танковый корпус СС задержал наступление из района Петтенда на 36 часов. Когда сегодня до полудня наступление могло привести к успеху, корпус даже не сдвинулся с места. Вместо этого ударные подразделения дивизии «Мертвая голова» продолжали напрасно удерживать плацдарм у деревни Кайясто-Сент-Петер, хотя им такого приказа не отдавалось. В итоге созданный разведывательным батальоном танковой дивизии СС «Мертвая голова» плацдарм был утрачен. Для обоснования задержки наступления на запад командование IV танкового корпуса указало, что оно сдерживало вражеские танки. Действительно, было обнаружено 15 подбитых танков неприятеля, но это не оправдывает откладывание наступления, так как те же танки можно было уничтожить, вторгнувшись в позиции противника. В ответ на это Главнокомандующий группой армий «Юг» хотел бы обсудить данный вопрос с генерал-полковником Гудерианом. А пока непосредственное командование танковым корпусом СС должно быть передано командующему армейской группой генералу Балку».

Вряд ли стоит комментировать данное сообщение. Можно лишь добавить, что «Мертвая голова» никак не могла удержать упомянутый выше плацдарм, так как перевес сил в данном случае был явно на советской стороне. Гилле не мог, да и не собирался бороться с интригами Балка. По большому счету, он даже не знал о них. Он даже не предполагал, что за его спиной творится что-то нехорошее. Но в итоге постоянные упреки, которые делал Балк, возымели свое действие на

командование группы армий «Юг»: «В сегодняшнем разговоре с генерал-полковником Гудерианом командующий группой армий «Юг» доложил о командовании IV танкового корпуса СС. В ответ Гудериан заявил, что он подготовит проверку деятельности командования IV танкового корпуса СС».

В данном случае для Балка все осложнялось тем, что Гудериан был лично знаком с Гилле и имел относительно него свое собственное мнение, на которое вряд ли могли повлиять Балк и Вёлер. Забегая вперед, можно сказать, что пресловутая «проверка», которой так добивался Балк, не дала ничего; и Гилле, и приближенные к нему офицеры остались на своих постах. Попытка сделать их «козлами отпущения» за то, что Будапешт был взят советскими войсками, не удалась.

А тем временем битва в Будапеште стала входить в завершающую стадию. Количество раненых немцев и венгров достигло 11 тысяч человек. Моральный дух окруженной группировки был окончательно подорван. В самом Верховном командовании сухопутных войск уже не рассчитывали на то, что к городу вообще можно будет прорваться, не говоря уже о том, чтобы отбить его обратно у советских войск. Возможно, именно это отчасти объясняет, почему Гилле с упорством фанатика все-таки хотел пробиться к венгерской столице. Он отмечал в журнале боевых действий:

«В ходе сегодняшнего наступления подтверждается мысль, что даже в условиях взятия Секешфехервара и образования крупного плацдарма в Вертешских горах, имеющимися в распоряжении силами невозможно прорваться к Будапешту, так как противник смог на всех потенциальных направлениях прорыва создать глубоко эшелонированные оборонительные рубежи. Поэтому, прежде чем начнется новое наступление на северо-восток, надо ликвидировать центры сопротивления, в особенности на фланговых высотах — последовательно, один за другим. Наиболее опасные вражеские центры обороны расположены едва ли не в тылу наших передовых частей. Они располагаются в квадрате Ловашберень, Надап, Пакозд, юго-восточные окраины Замоя. Противник подтягивает к этому району танковые части, чтобы наверное разбить наступающие на северо-запад наши подразделения».

Тем временем командующий группой армий «Юг» в разговоре с Гудерианом заявил: «Оценивая общее положение, хочу сказать, что, несмотря на катастрофическое положение Будапешта, его скорое деблокирование вряд ли возможно. Противника надо уничтожать по отдельности. При удачном разворачивании наступления 23-й танковой дивизии в направлении к Веребу, можно было бы вновь продолжить продвижение на северо-восток».

Но генерал-полковник Гудериан, в отличие от Балка, который, собственно, и являлся автором данной стратегической затеи, не был уверен, что взятие в «клещи» советской группировки к северу от озера Веленце могло что-то изменить. Сам Гудериан предложил штабу группы армий «Юг» следующий план: «Если наступление на запад не удастся, а стало быть, не будет возможности продвигаться и на северо-восток, надо обдумать перспективы наступления на южном фланге 2-й танковой армии. Само Верховное командование сухопутных войск при первом же удобном случае попытается перебросить в этот регион часть сил с Западного фронта».

На вопрос генерала Вёлера: «Должны ли до этого момента держаться защитники Будапешта?» — Гудериан дал утвердительный ответ, попросив при этом безотлагательно начинать разработку плана операции на южном фланге.

Самое интересное в данной ситуации заключалось в том, что Будапешт располагался слишком далеко от «южного плацдарма». Его снабжение по воздуху фактически прекратилось. Советские истребители уничтожали почти все транспортные самолеты. Красная авиация однозначно господствовала в воздухе над венгерской столицей.

Под конец дня командованию группы армий «Юг» удалось подвести к северу от Секешфехервара 356-ю пехотную дивизию, которая должна была сменить на данном участке фронта 23-ю танковую дивизию. Танкистов предполагалось в зависимости от обстановки использовать для продолжения наступления на одном из участков фронта. Впрочем, советскому командованию удалось на корню сорвать эти планы. Ближе к вечеру через Дунай были переброшены части 104-го стрелкового корпуса. Они тут же начали стремительно продвигаться к Аче (позиции 23-й танковой диви-

зии) и Петтенду (позиции 5-го кавалерийского корпуса). Теперь советское численное и тактическое превосходство стало очевидным. Положение в данном районе изменилось в корне. Чуть позже все три советских армейских корпуса объединились в 26-ю стрелковую армию.

27 января 1945 года (суббота). Десятый день операции «Конрад III»

«Температура — 3 °С. Сильная облачность. Обильные снегопады. Дороги покрыты огромными снежными заносами (высотой до 1 метра), труднопроходимы. Дунай на отрезке между Граном и Шюттё покрылся льдом. В 2 километрах вверх от разрушенного в Гране моста по льду могут пройти легкие танки».

Когда настало подходящее время и IV танковый корпус СС мог двинуться на запад, было предпринято генеральное советское контрнаступление. Маршал Толбухин планировал одним ударом отвоевать у немцев все захваченные ими с 18 января территории между озером Балатон, Дунафёльдваром, Вали и озером Веленце. На тогдашнем военном языке это звучало как «полностью урегулировать обстановку на западном берегу Дуная».

На «южном плацдарме» на участке между Дунаем и Шарвизом советский оперативный корпус при поддержке нескольких стрелковых дивизий широким фронтом атаковал позиции 3-й немецкой танковой дивизии. Позиции у канала Шио оставались и вовсе неприкрытыми. Наступающие подразделения Красной Армии, поддерживаемые танковыми группами (по 20 — 30 машин), почти моментально прорывали тонкую немецкую линию обороны и быстро устремлялись на север.

На северном фланге в атаку перешел 23-й советский танковый корпус. Силами, превышающими 100 танков, он форсировал Вали и попытался выйти в тыл IV танковому корпусу СС. Неся огромные потери, дивизия «Викинг» смогла на время остановить советское танковое наступление, выведя тем самым корпус из-под удара. Показательно, что еще накануне Гилле предупреждал Балка: «Из достоверных источников стало известно, что к нам приближается крупное танковое соединение противника». В ответ на это Балк лишь небрежно обронил: «На мой взгляд, это не является причиной, чтобы

останавливать наступление в западном направлении». Наутро стало ясно, что беспечность командующего армейской группой могла обернуться для немцев военным крушением.

Некоторое время дивизия «Викинг» могла контролировать небольшой участок побережья реки Вали. Это было в первую очередь связано с тем, что главный удар советских танков был нацелен от Барачки прямо на Секешфехервар. Прорыв был настолько мощным и стремительным, что части Красной Армии очень быстро приближались к поставленной цели. На этот раз под угрозой окружения оказались дивизия «Мертвая голова» и 1-я танковая дивизия, которые были обложены советскими войсками с севера, запада и востока. Их почти моментально выбили из Петтенда. Вернуть эту деревню немцам удалось только тогда, когда в контратаку перешел состоявший из норвежских добровольцев панцергренадерский батальон «Норге».

Потери в этот день были немыслимыми. Во время контратаки почти полностью был уничтожен батальон «Норге». Но большие потери несли и советские войска. Так, только за один день экипажи IV танкового корпуса СС в целом смогли подбить 122 советских танка. Цифра говорит сама за себя. Но при этом сам эсэсовский корпус был окружен со всех сторон. Гилле принимает решение перейти в круговую оборону.

Группа армий «Юг» пыталась контратаковать. Кое-где это удавалось. Так, например, полковая группа СС «Ней», состоявшая из венгерских добровольцев, с превеликим трудом смогла захватить высоту 182, располагавшуюся к востоку от Секешфехервара. Но удерживать долгое время ее не представлялось возможным. Несмотря на отчаянные попытки продолжить наступление, III немецкий танковый корпус не смог ни на метр продвинуться вперед в Вертешских горах. Подобная ситуация наблюдалась и у I кавалерийского корпуса. Более того, кавалеристы были вынуждены оставлять еще недавно занятые ими территории.

В тот день, даже если кто-то и имел иллюзии относительно судьбы Будапешта, вынужден был с ними распрощаться. У сам*о*й окруженной немецко-венгерской группировки также не оставалось никаких шансов на прорыв кольца окружения изнутри. Генерал-майор Гедке, не скрывая, оценивал поло-

жение венгерской столицы как безнадежное: «Боюсь, что провал операции на юге может привести к смене главной цели наступления». Неизвестно, продолжал ли все еще верить в возможность деблокирования обергруппенфюрер СС Гилле. В этот день он не говорил ничего по данному поводу. В любом случае от его желаний уже ничего не зависело. Он должен был наблюдать, как тысячи немецких и венгерских солдат приносились в жертву Гитлеру. Тот же в знак «благодарности» прислал очередной приказ. В нем фюрер от лица немецкого и венгерского народов благодарил «защитников Будапешта за их самоотверженность и героическую борьбу с общим врагом». Но самым «обнадеживающим» было последнее предложение: «Далекий Будапешт должен считаться неприступной крепостью, пока не пробьет час его освобождения». Почти открытым текстом говорилось, что окруженная группировка должна полностью погибнуть.

А тем временем советские войска сжимали клещи вокруг значительной части армейской группы Балка. Но даже в этой катастрофической ситуации Балк продолжал плести интриги. В 10 часов 20 минут в разговоре с генералом Вёлером он на полном серьезе утверждал: «В результате многочасовой задержки наступления IV танкового корпуса СС теперь весь северный фланг армейской группы вынужден перейти в оборону». Интересно, как бы своевременное наступление эсэсовского танкового корпуса могло помешать мощнейшему советскому контрнаступлению, нацеленному данному корпусу в тыл? Справедливости ради надо сказать, что именно задержка Гилле смогла спасти несколько немецких дивизий от неминуемого уничтожения. В ответ на заявленное генерал Вёлер лишь произнес: «Впредь прошу командующего армейской группой генерала Балка по возможности более эффективно руководить IV танковым корпусом СС». Учитывая характер и манеры Балка, не было ничего удивительного в том, что он уже начинал искать виновного в провале операции «Конрад III». Их было множество. В утренней сводке генерал-майор Гедке докладывал: «Досадно, что части Люфтваффе просмотрели переброску XXIII советского танкового корпуса через Дунай».

К полудню в штабе армейской группы Балка решили снять из-под Секешфехервара 23-ю танковую дивизию и перебросить ее к югу от города. Вне зависимости от общей обстановки в районе боевых действий, она должна была противостоять наступающим от Дуная советским войскам. Сменить дивизию на прежнем участке фронта должна была дивизионная группа Хольсте (4-я кавалерийская бригада и подчиненная ей 2-я венгерская танковая дивизия). 356-я пехотная дивизия, которая уже начинала разгружаться с железнодорожных составов в Веспреме, должна была также быть направлена под Секешфехервар.

В 14 часов генерал Балк ходатайствовал о том, чтобы подчинить 1-ю танковую дивизию, входившую в IV танковый корпус СС, III танковому корпусу. В некоторой мере это было оправданно, так как эсэсовские дивизии находились на определенном удалении, а немцам в срочном порядке надо было выпрямить дугу, возникшую к северу от озера Веленце. Предполагалось, что силами 1-й, 3-й и 23-й танковых дивизий можно было остановить советское контрнаступление. В первую очередь это касалось «южного плацдарма», где наступали три советских танковых бригады, а в ближайшее время предполагалось появление XVIII танкового корпуса. В данных условиях дивизионная группа Хольсте была подчинена Гилле. Этими силами предполагалось удержать фронт между Дунаем и озером Веленце по реке Вали. При этом дивизия СС «Мертвая голова» должна была двигаться вдоль южного берега Веленце в направлении Секешфехервара, где и должна была встретиться с дивизионной группой Хольсте. Затем они должны были объединиться с дивизией СС «Викинг».

Весь этот день проходил под знаком структурных преобразований. На северном фланге VIII венгерский армейский корпус перешел в подчинение I кавалерийского корпуса. На базе этого соединения была сформирована корпусная группа Хартенэка. Результатом данной перегруппировки стало то, что IV танковый корпус СС и I кавалерийский корпус, ранее являвшиеся южным и северным «соседями» III танкового корпуса, теперь имели общую границу. Сам же III танковый корпус планировалось перебросить на «южный плацдарм».

Когда в 17 часов 25 минут генерал-полковник Гудериан поинтересовался: «Может ли продолжать наступление IV танковый корпус СС?», Грольман дал однозначный ответ: «Нет». Лишь после этого Гудериан огласил приказ фюрера: IV танковый корпус должен перейти в глухую оборону, а атаковать надлежало силами 1-й и 3-й танковых дивизий, и то лишь на южном фланге сражения. 23-я танковая дивизия так и должна была остаться под Секешфехерваром, пока в распоряжении армейской группы Балка не появились бы более значительные силы. Гудериан специально подчеркнул: «Фюрер указал на то, что в районе Секешфехервара не должно случиться никаких сюрпризов».

В 17 часов 30 минут в штабе группы армий «Юг» эти «пожелания» Гитлера были превращены в конкретный план оперативных действий, который предполагал следующее:

1) Наступление IV танкового корпуса на северном фланге надо было немедленно остановить.

2) Дивизии IV танкового корпуса должны были занять оборонительные позиции на отрезке между рекой Вали и озером Веленце.

3) Из-под Секешфехервара на южный плацдарм к 3-й танковой дивизии следовало перебросить 1-ю танковую дивизию. 23-я танковая дивизия должна была оставаться вблизи Секешфехервара.

4) 23-я танковая дивизия должна была удерживать Секешфехервар, пока не будут доставлены свежие силы.

К вечеру в штабе выяснили, какие силы наступали на юге. В советском контрнаступлении принимали участие как минимум две танковые бригады из состава 18-го танкового корпуса и шесть стрелковых дивизий из состава 30-го и 133-го стрелковых корпусов. Генерал Балк не ожидал подобного развития событий. На юге явно не хватало сил, чтобы сдержать советскую лавину. Он понимал, что без 23-й танковой дивизии, оставшейся под Секешфехерваром, ему вряд ли бы удалось долго удерживать «южный плацдарм». Он требовал срочной переброски в этот район 356-й пехотной дивизии и народно-артиллерийского корпуса.

Но в штабе группы армий «Юг» не спешили принимать подобное решение. Там откровенно выжидали и перестра-

ховывались. «Приказ фюрера должен выполняться беспрекословно, а в нем значится лишь то, что при любых обстоятельствах надо удержать **только** Секешфехервар. Лучше смириться с поражением на севере или юге, чем потерять этот важный стратегический объект».

Часом позже генерал-лейтенант Грольман смог убедить генерал-майора Гедке перебросить в район Секешфехервара еще и 6-ю танковую дивизию, которая безуспешно пыталась наступать в Вертешских горах.

Уже 28 января 1945 года в 1 час 10 минут Верховное командование передало указание о подготовке к наступлению на «южном плацдарме» с целью овладения Дунафёльдваром.

Операция «Конрад III» завершилась. Как и две предыдущие одноименные операции, она закончилась неудачей. Судьба Будапешта была предрешена. Агония осажденного города продолжалась еще две недели.

Говоря о причинах неудач всех трех операций «Конрад», мы сразу же отбросим традиционные для германской историографии утверждения о явном численном превосходстве советских войск. Мы также не будем вдаваться в подробности взаимных обвинений, которые после войны немецкий генералитет выдвигал в адрес друг друга.

Причин неудачи немецких операций по деблокированию Будапешта можно выделить несколько:

1) Три операции «Конрад», нацеленные на прорыв кольца советского окружения вокруг венгерской столицы, не принесли ожидаемых результатов, так как, по словам генерала бронетанковых войск барона Гейера фон Швеппенбурга, «их было слишком много для столь небольших сил».

2) Отдельно стоит отметить почти полное отсутствие взаимодействия Верховного командования Вермахта с Верховным командованием сухопутных войск (о чем, собственно, уже говорилось выше). Сотрудничество этих двух инстанций осуществлялось исключительно через Гитлера, что не могло положительно сказаться на планировании военных операций. В качестве примера можно привести подготовку к операции «Ледокол», когда при участии группы армий «Ф» армейская группа Балка и 2-я танковая армия (группа армий «Юг») могли взять в клещи войска маршала Толбухина. Стоит отметить, что

и сам маршал очень опасался подобного развития событий. Осуществи немцы подобный замысел, и 3-й Украинский фронт, расколотый на несколько частей, оказался бы надолго выведенным из активных наступательных действий.

В данном пункте нельзя не отметить существенных различий в оперативной тактике. В то время как Гитлер был в буквальном смысле зациклен на обороне крупных пространств, которые надо было удерживать любой ценой (Демянск, Сталинград, Будапешт, Бреслау), в Генеральном штабе сухопутных войск делали ставку прежде всего на уничтожение советских войск как в наступлении, так и в обороне, что предполагало более гибкую тактику, в том числе и в вопросах удерживания территорий и объектов. Столь разное восприятие целей военных операций привело к тому, что перед немецкими войсками не ставились ясные задачи. Ко всему этому добавлялись многочисленные «разночтения», которые можно было наблюдать в штабах самого разного уровня.

3) Немцы не смогли оптимально использовать концентрацию сил. Подобные ошибки очень часто можно было наблюдать уже на стадии планирования военных операций, особенно наступательных. Вместо того чтобы сосредоточить все имеющиеся в распоряжении силы на достижении конкретной стратегической цели (например, деблокировании Будапешта), они раскидывались для решения второстепенных тактических задач («полное урегулирование ситуации на западном берегу Дуная», «уничтожение противника на нашем левом фланге» т.д.). Как результат, любое более-менее мощное советское контрнаступление ставило немецкое командование в тупик. В данной ситуации подчас использовались и вовсе нелепые отговорки («мы неправильно оценили численность советских войск», «внезапно была переброшена дивизия»). Возникало ощущение, что немецкие генералы не предвидели такой возможности. В результате принимались еще более пагубные (для немцев) решения о переносе эпицентра борьбы на другой участок фронта. Мол, это должно было держать советские войска в постоянном напряжении. Теоретически такой посыл мог быть правильным, если не принимать во внимание, что подобные действия все больше и больше удаляли командование армий и групп армий от достижения основной, первоначально

обозначенной цели. В итоге спланированная операция превращалась во множество затяжных боев локального характера.

4) В качестве «хронической болезни» немецкого генералитета можно выделить неправильно оцененный фактор времени. Стоило начаться операции, как выяснялось, что заданным темпам наступления мешали то плохая погода, то разбитые или заледенелые дороги. При этом отдельно хотелось бы обратить внимание на проблему подвоза дивизий, которая в итоге выливалась в не менее хронический «недокомплект». При этом дольше всего на исходные позиции выдвигалась артиллерия. Лишенные реальной артиллерийской подготовки, за ошибки командования платили простые немецкие солдаты, которые шли в наступление в не укомплектованных до конца дивизиях. Прямым продолжением «временного фактора» являлось ужасное снабжение немецких частей на передовой. В итоге, «экономя» на времени, немецким генералам приходилось вновь и вновь осуществлять повторные наступления.

5) По меньшей мере во время операции «Конрад I», а по большому счету — во время всех трех операций танковые дивизии использовались без адекватной (в первом случае вообще без всякой) поддержки других видов войск. В условиях прорыва глубокоэшелонированной советской обороны, которая сопровождалась активным использованием противотанковых пушек, минных полей, проволочных и противотанковых заграждений, «чисто танковое» наступление не могло иметь ни малейших шансов на успех. Причиной подобного была опять же спешка. Отсутствие пехотной или мотопехотной поддержки объяснялось тем, что прибытие данных подразделений на исходные позиции требовало гораздо большего времени. Операции «Конрад» могут войти в историю как «классический» пример того, как нельзя использовать танковые подразделения.

6) Танковые формирования могли внезапно вклиниваться в советские позиции, но при этом они подвергались реальной угрозе контратак с флангов, которые не были прикрыты пехотой. Появлявшиеся «пальцы» легко «ампутировались» в ходе двух встречных ударов с флангов.

7) Эффект неожиданности, на который так уповали в штабе группы армий «Юг», на самом деле имел место быть

только в начале операции «Конрад I». Во всех остальных случаях советское командование уже было готово к обороне (в чем отдельная заслуга маршала Толбухина). Поэтому непонятно удивление в штабе армейской группы Балка и в штабе группы армий «Юг», когда наступающие танковые части натыкались на мощные оборонительные рубежи Красной Армии. В итоге потери в наступающих частях были значительно выше, нежели планировалось при разработке операции.

8) Несмотря на имеющихся в распоряжении венгерских офицеров, немецкий генералитет (видимо, в силу недоверия к венграм) никак не использовал их знания местности, а самое главное — знание особенностей ландшафта в тех или иных погодных условиях. Оставив без внимания труднопроходимость дорог, лесных и горных массивов, изначально неправильно определялись сроки начала, развития и потенциального окончания операции. Остается непонятным, почему в январе не учитывались такие факторы, как снег, снег с дождем, гололед, снежные заносы, оттепели, превращавшие горные дороги в болотную жижу. В итоге территория как бы «шлюзовала» наступающие части, заставляя их вытягиваться в длинные колонны.

9) Отдельно хотелось бы отметить разделение органически единых подразделений (дивизий, полков). Особенно опасной подобная практика была для танковых дивизий, которые за редким исключением имели сработанные порядки. Хаотическое использование танковых подразделений приводило к тому, что на западном берегу Дуная возникали «беспризорные» танковые батальоны, которые были лишены всякого снабжения, а потому не могли долгое время эффективно участвовать в боевых действиях.

10) В силу очевидного в конце войны превосходства советской авиации, основные перемещения и перегруппировки должны были совершаться с наступлением темноты. Это, конечно, оберегало от советских штурмовиков и бомбардировщиков, но в то же время затрудняло командование отдельными подразделениями и соединениями в целом.

Часть 2

ПОДГОТОВКА К БОЛЬШОМУ БРОСКУ

Глава 1

ПЛАНЫ ГИТЛЕРА ПОСЛЕ АРДЕНН

Во время событий, описанных в предыдущих главах, на Западном фронте вовсю разворачивалось немецкое наступление в Арденнах. Генерал-полковник Гудериан заблаговременно рекомендовал отказаться от осуществления данной операции, так как даже в случае ее успеха затраты на ее осуществление были бы неимоверно большими. Тем не менее Гитлер, генерал-фельдмаршал Кейтель (Верховное командование Вермахта) и генерал-полковник Йодль (Штаб оперативного руководства Вермахтом) предпочли не принимать доводы Гудериана к сведению. Они полагали, что Арденнское наступление может стать переломным моментом во всей Второй мировой войне.

24 декабря 1944 года (в день, когда уже замкнулось кольцо окружения вокруг Будапешта) Гудериан прибыл в Ставку Гитлера «Орлиное гнездо», расположенную в Цигенберге (Гессен). Он намеревался категорично потребовать отмены запланированной на Западном фронте операции. Он считал ее ненужной тратой времени и сил, в которых он так остро нуждался на Восточном фронте. Он говорил о подавляющем численном превосходстве советских войск, о 15-кратном перевесе в наземных вооружениях и почти 20-кратном в воздухе. Причем эти слова не были каким-то преувеличением. Сам Гудериан знал о том, что советское командование планировало в районе 12 января начать генеральное наступление. Но Гитлера эти слова не тронули. Он равнодушно ответил: «Это самый большой обман Чингисхана. Кто сообщил вам подобную глупость?» Находив-

шийся рядом рейхсфюрер СС Генрих Гиммлер, который к тому моменту стал активно вмешиваться в военные дела, поддакнул: «Это всего лишь грандиозная дезинформация. Я твердо уверен в том, что на Восточном фронте ничего не происходит». Гудериан не смог ничего изменить. Более того, как мы помним, из Польши был отозван IV танковый корпус СС. Против воли Гудериана он был переброшен с Вислы в Венгрию.

Во время сражения в Арденнах, несмотря на предупреждения немецких стратегов, Гитлер так и не смог набраться духу, чтобы перенести эпицентр наступления от 6-й танковой армии, у которой «провисал» правый фланг, к 5-й танковой армии, которая более всего преуспела во время данной операции. Поскольку фюрер упрямо придерживался изначально придуманного им плана, то наступление вконец сбилось и заглохло. Когда 26 декабря все-таки было принято решение о переносе «центра тяжести» наносимого немцами удара, то (как, впрочем, часто в подобных ситуациях) было уже слишком поздно.

На громадном участке фронта немецкая армия почти моментально была вынуждена перейти от наступления к обороне. Но Гитлер не оставлял надежды все-таки успешно завершить Арденнское наступление. Он принял предложение Главнокомандующего на Западе генерал-фельдмаршала Рундштедта (начальник штаба — генерал кавалерии Вестфаль) начать отвлекающую операцию в Северном Эльзасе. Эта операция получила кодовое название «Северный ветер». Началась она одновременно с операцией «Конрад» 1 января 1945 года. Поначалу все шло достаточно неплохо, но к середине января и она стала затухать.

В первые дни 1945 года у Гитлера созрело новое решение. Он задумал отозвать из Арденн 6-ю танковую армию СС, пополнить ее, а после этого перебросить на Восточный фронт. Немецкое командование армии пока еще не было готово признать провал арденнского наступления, но в силу огромных человеческих и материальных потерь среди генералитета стало распространяться недовольство. Генерал Типпельскирх писал по этому поводу:

«Во время отступления мы потеряли танков и штурмовых орудий больше, чем во время всего наступления. Это был очень сильный удар по психологическому настрою в частях. Особенно угнетающе действовал вид подтянувшихся с Запада подразделений СС. Даже если они должны были быть пополнены, чтобы далее использоваться на другом участке фронта, все равно это производило неблагоприятное впечатление на армейские части, так как теперь основная тяжесть сражения должна была лечь на их плечи. Это было огромным психологическим просчетом, что, впрочем, никогда никак не сказывалось на фронтовых отношениях чинов СС и армейских служащих».

Показательно, что именно неудачно спланированная Гитлером арденнская операция стала отправной точкой его глубокого разочарования в собственных же формированиях Ваффен-СС. Английский историк Лиддел Гарт отмечал на этот счет: «Этот провал испортил всю репутацию Ваффен-СС».

Впрочем, адъютант Гитлера Отто Гюнше говорил об этом несколько иное: «В то время у меня не сложилось впечатления, что фюрер в провале Арденнского наступления винил именно части Ваффен-СС». Но к этому сюжету мы вернемся несколько позже.

Во время оперативного совещания, на котором присутствовали Главнокомандующий Люфтваффе рейхсмаршал Герман Геринг и командующий группой армий «Запад» генерал-фельдмаршал Рундштедт, Гитлер объявил о своем намерении снять с Западного фронта 6-ю танковую армию, чтобы создать на ее основе мощный резерв. В тот момент о переброске ее на Восточный фронт, как того требовал генерал-полковник Гудериан, не было произнесено ни слова.

Продолжительное время не удавалось начать отвод этого «резерва Верховного командования Вермахта», так как англо-американские войска почти со всех сторон атаковали 6-ю танковую армию. Кроме этого, ее исчезновение с Западного фронта было бы тут же отмечено западными самолетами-разведчиками. Переброска была связана также еще с одним риском — английская и американская авиация, господство-

вавшая в воздухе в данном регионе, могла нанести отходившей танковой армии огромный урон. В те дни западные штурмовики в буквальном смысле слова охотились за каждым транспортным средством, словно охотничьи собаки за зайцем. Как и на Восточном фронте, любые передвижения были возможны только ночью, но даже в этих условиях они были связаны с большими потерями. В то время как отвод 6-й танковой армии с Запада шел очень медленно, Гитлер принял решение все-таки перебросить ее после пополнения на Восточный фронт. Участок фронта, где должна была оказаться эта армада, еще не был определен.

Но события, стремительно развивавшиеся как на Восточном, так и на Западном фронтах, очень быстро повлияли на выбор Гитлера. 12 января 1945 года, в точности как и указывал Гудериан, началось генеральное наступление Красной Армии. День спустя активные действия начали и западные союзники. Гитлер пребывал в шоковом состоянии.

В ночь с 19 на 20 января 1945 года Рундштедт получил приказание готовиться в кратчайшие сроки вывести 6-ю танковую армию. В 19 часов 20 января начался отвод I танкового корпуса СС, который направлялся «на Восток под Берлин».

Действительно ли планировал Гитлер оставить 6-ю армию под Берлином, или речь шла всего лишь об уловке, обманном маневре, который должен был ввести в заблуждение советскую разведку, до сих пор неизвестно. Но в любом случае два дня спустя, 22 января 1945 года, советские войска вышли к Одеру, а на другом участке части 3-го Украинского фронта вместе с болгарской армией стали угрожать нефтедобывающему району, расположенному в Западной Венгрии и у озера Балатон.

В тот момент квартирьерский персонал 6-й танковой армии СС был направлен в Бад-Сааров — местечко, расположенное в 50 километрах от Берлина на озере Шармютцель. Согласно первоначальному плану именно там должна была расположиться 6-я танковая армия.

Но на самом деле в тот момент Гитлер уже планировал взять в клещи части 3-го Украинского фронта. Один удар предполагалось нанести мобильными подразделениями из-

под Секешфехервара (армейская группа Балка и 6-я танковая армия). Другой удар должны были осуществить несколько дивизий, форсировавших Драву (группа армий «Ф»). Они должны были наступать на город Печ. А еще один удар надо было нанести посередине, в районе города Надьканижи, то есть к югу от озера Балатон. Закрепившись в Западной Венгрии, Гитлер планировал обеспечить армию местной нефтью. После выполнения этой задачи большая часть танковых дивизий была бы направлена гораздо севернее на Вислу, в распоряжение командования группы армий «Центр».

В это время генерал-полковник Гудериан пытался увлечь Гитлера новыми идеями относительно использования на Восточном фронте высвободившихся на Западе танковых дивизий. Он предлагал атаковать с флангов клин советского наступления, пока оно еще не набрало обороты. Тщетно! Как всегда, Гитлер был непреклонен. Решение было принято, и уже ничто не могло заставить Гитлера его изменить. В те дни он бредил лишь «битвой за Венгрию во имя спасения нефтяных месторождений». На территорию Силезии эти дивизии могли быть перекинуты только тогда, когда в этой битве Германия одержала бы победу. Гудериан напрасно тратил время, пытаясь убедить фюрера перебросить 6-ю танковую армию на берега Одера. На все предложения Гитлер лишь иронично заметил: «Вы хотите наступать без нефти? Я не против, попробуйте, а я посмотрю, что у вас выйдет из этой затеи».

«Топливный вопрос» был тем самым определяющим фактором, который побудил Гитлера направить танковые дивизии СС не к Висле, в группу армий «Центр», а в Венгрию, передав их группе армий «Юг».

22 января генерал-полковник Йодль прокомментировал так называемую «позицию фюрера» (словосочетание, ставшее почти официальным оборотом):

«Фюрер вновь указал на огромное значение, которое имеют нефтяные области, расположенные к юго-западу от озера Балатон. Контроль над ними является решающим в деле дальнейшего ведения войны. А это обстоятельство тре-

бует от нас урегулировать ситуацию на пространстве между Будапештом и Балатоном. Это надо сделать немедленно всеми имеющимися силами, даже несмотря на то, что в результате подобного решения пострадают несколько оперативных соединений группы армий «А» и «Центр».

Точно так же свое решение обосновал Гитлер и во время беседы с Главнокомандующим военно-морскими силами Германии гросс-адмиралом Дёницем, которая состоялась 23 января в 16 часов:

«При обсуждении положения на Восточном фронте фюрер выстроил приоритетность связанных с ним задач. На первом месте стояли венгерская нефть и нефтедобывающая промышленность Венского бассейна, так как без этой нефти (а это 80% всей нефтедобычи) последующее ведение войны было просто бессмысленным. На втором месте располагалась бухта Данцига как естественная предпосылка для продолжения ведения подводной войны и промышленный район Верхней Силезии как главный центр военной промышленности и крупнейший в рейхе угольный бассейн».

Собственно, «топливный вопрос» и связанная с ним добыча нефти для нацистской Германии выходят далеко за рамки данной книги. А потому при рассмотрении и оценке военных операций на территории Венгрии в 1945 году всегда надо иметь в виду данную проблематику. Гитлер не забыл опыт Первой мировой войны, когда Антанта буквально «купалась» в нефти.

Глава 2
ПЕРЕБРОСКА 6-й ТАНКОВОЙ АРМИИ СС

Осуществление приказа Гитлера, который был передан Рундштедту, шло не так оперативно, как того ожидал фюрер. Отвод танковых частей с Арденнского фронта планировалось осуществить в какой-нибудь район к западу от Рейна. Предполагалось, что они будет пополнены в регионе, ог-

раниченном городами Битбург, Майен, Прюм, Ойскрихен. Главной причиной промедления можно было считать то обстоятельство, что отход, передвижение к одноколейной железной дороге, погрузка и, наконец, сама транспортировка через Рейн проводилась под бомбежками и налетами авиации союзников. Весь этот процесс, как и предполагалось, оказался связанным со значительными потерями. 8 января генерал-фельдмаршал Рундштедт передал приказ Гитлера по всем подчинявшимся ему группам армий. Но на практике оказалось не так-то просто снять с фронта танковую армию (4 танковых дивизии = 2 танковых корпуса) и, не обрушив линию обороны, переправить в тыл.

Верховное командование Вермахта некоторое время пыталось отделаться пространными отговорками. Так, например, в дежурном журнале от 11 января значится запись: «Переброска танковых дивизий совершается согласно полученным указаниям». На практике же это значило, что только именно 11 января начался отход **некоторых** подразделений 6-й танковой армии СС.

На самом деле к середине месяца Арденнский фронт смогли покинуть только отдельные танковые полки и штабы. При этом оставшиеся подразделения временно переходили под командование других штабов. В итоге ситуация на Арденнском фронте, и без того не самая легкая, рисковала запутаться вконец. Путаница возникала в те дни едва ли не постоянно — танкисты не могли разобраться, кому они подчиняются на этот раз и в какую дивизию входят. Кроме того, не стоило сбрасывать со счетов не самые лучшие зимние дороги, по которым вряд ли можно было оперативно добраться до назначенной цели. Днем пробираться по ним было небезопасно из-за постоянных налетов союзников, ночью — из-за сильного тумана и плохой видимости. В итоге почти все дороги и шоссе оказались забиты танковыми частями. Чтобы пробраться вперед, требовалось приложить немалые усилия. Когда должна была закончиться переброска, предположить не мог никто. Суета на дорогах усиливалась еще и потому, что они были предназначены не только для танков 6-й армии СС. В сторону фронта постоянно устремлялись машины с боеприпасами и провиантом. В то же время в тыл

мчались машины с ранеными. Ко всему этому добавлялась техника немецких дивизий, которые проводили перегруппировки и осуществляли передислокации. На многих дорогах возникали непроходимые заторы из танков, машин, бронетранспортеров, штурмовых орудий, тягачей, тянувших тяжелую артиллерию. Подобную картину можно было наблюдать фактически у каждого моста или железнодорожного переезда. С наступлением темноты откуда ни возьмись возникали контуры транспортных средств — начиналась новая фронтовая реальность, «война за дорогу». С заторами не могли справиться, несмотря на специальную радиосвязь, составление расписаний движения, особые наряды полевой жандармерии. В подобных военных «пробках» накапливались злость и разочарование.

Впрочем, для Гитлера все выглядело не столь сложно. Он планировал развернуть 6-ю танковую армию в Германию. Но, даже добравшись до Рейна, танкисты не избавились от всех проблем. Погрузка, а самое главное, транспортировка по железной дороге в условиях явного недостатка угля — была тоже задачей не из легких. К тому же значительная часть железнодорожного полотна была разрушена союзническими бомбардировками. По большому счету железнодорожное сообщение в те дни в Германии было парализовано. Но переход на собственном ходу был расточительной тратой топлива. В те дни бензин и солярка отпускались в основном только танкам и штурмовым орудиям.

Если обратиться к записям в дежурном журнале Верховного командования Вермахта, то можно обнаружить, что 12 января была сделана запись: «2-я танковая дивизия СС вновь временно используется».

А уже 14 января в том же журнале боевых действий командования Вермахта значилось: «На северо-западном берегу возник кризис. Почти совсем отведенные 2-я и 9-я танковые дивизии СС вновь используются». Естественно, речь шла о боевом использовании на фронте. Командование 6-й танковой армии СС также не могло в одночасье покинуть Арденнский фронт. После отвода I и II танковых корпусов СС оно приняло часть соседних армий. Именно

Немецкая техника не могла пробраться по забитым дорогам

этим можно объяснить записи, сделанные 15 января об участии 6-й армии в боевых действиях (на самом деле к тому моменту ее большая часть уже находилась на марше): «На левом фланге 6-й танковой армии (116-я танковая и 560-я народно-гренадерская дивизии) возникла кризисная ситуация. 2-я танковая дивизия СС «Рейх» вновь должна вступить в бой».

16 января 1945 года была сделана такая запись: «Левое крыло 15-й армии подверглось атаке противника. К отражению атаки привлечена 6-я танковая армия. На фронте вновь идут тяжелые бои... Для отражения наступления противника привлечена значительная часть сформированных резервов. Вынуждены вновь их использовать в бою».

А вот запись от 17 января 1945 года: «Продолжается оборонительное сражение в Арденнах. По данной причине вновь требуется использование 2-й танковой дивизии СС и гренадерской бригады. Несколько атак на границе между позициями 15-й и 6-й танковой армий».

Собственно, массовый отвод танковых дивизий начался лишь 18 января. Хотя натиск войск союзников на позиции 6-й танковой армии отнюдь не ослаблялся. Ожесточенные бои шли в районе Ст. Вита и восточнее Вилсальма. И лишь 20 января 1945 года, то есть через двенадцать дней после того, как Гитлером был отдан приказ, три из четырех танковых дивизий, составлявших 6-ю танковую армию СС, были от-

ведены с передовой: «1-я, 2-я и 12-я танковые дивизии СС отведены. Снежные заносы на дорогах значительно затрудняют передвижение». Полный сбор 6-й танковой армии в оперативном тылу состоялся только 22 января: «Все танки отведены. Позиции 6-й танковой армии заняты отчасти 5-й армией, а отчасти —7-й армией». Самым последним передовую покинула 9-я танковая дивизия СС «Гогенштауфен». Кстати, именно эта дивизия СС дольше всех находилась в резерве Верховного командования Вермахта при группе армий «Б», пока в конце концов не оказалась в новом районе боевых действий.

«Теперь все соединения СС отведены. Исключительно ясная погода делает передвижение днем невозможным. Ночью дороги плохо различимы. Вызывает обеспокоенность недостаток горючего». Записи этого периода, сделанные в дежурном журнале и журнале боевых действий Верховного командования Вермахта, примечательны хотя бы потому, что в них в связи с отходом 6-й танковой армии впервые поднимаются проблемы загруженности дорог и господства англо-американских летчиков над Западной Европой. Но поскольку добраться до железной дороги было еще полбеды (армию надо было в целости и сохранности перебросить по ней к месту назначения), то Гитлер отдал приказ приписать для охраны эшелонов, транспортирующих 6-ю танковую армию, III корпус зенитной артиллерии Люфтваффе. Зенитные орудия должны были передвигаться вместе с эсэсовскими соединениями, а затем так же, как и танковые дивизии, использоваться на Восточном фронте. Кроме того, при каждой дивизии, корпусе и армии в рейхе стали создаваться специальные противовоздушные подразделения, поскольку так называемая сухопутная зенитная артиллерия не являлась средством, достаточным для отражения налетов советской и союзнической авиации. Во многом это было связано с тем, что участились воздушные налеты на Цоссен, и в Верховном командовании Вермахта, равно как и сухопутные войска ощутили на себе степень опасности подобных бомбардировок.

Кроме всего прочего, использование сил III зенитного корпуса Люфтваффе способствовало наведению порядка на

железных дорогах, так как большинство поездов шли именно ночью, опасаясь бомбардировок и воздушных налетов. Наличие зенитных орудий помогало хоть как-то справиться с транспортным параличом, который распространялся даже на территории, расположенные восточнее Рейна.

Крайне необходимое для дальнейшего ведения боевых действий пополнение соединений СС, которые понесли потери в предыдущих боях, шло также отнюдь не по плану. Во-первых, в связи с транспортными проблемами и с обстановкой на фронтах неоднократно менялись места, где танковые дивизии СС должны были получать пополнение. Фронт приближался с каждым днем, а эшелоны с пополнением так и не прибывали. Во-вторых, танкисты не получали ни одного дня отдыха. В итоге командирам танковых дивизий приходилось едва ли не самим выбивать из военных комиссариатов себе пополнение. В определенный момент все танковые дивизии были полностью укомплектованы. Но в данном случае речь идет о численной комплектности, а отнюдь не о качественном составе. Впрочем, подобную картину можно было наблюдать повсеместно: в Ваффен-СС, в пехоту, в Люфтваффе, в военно-морские силы набирали фактически неподготовленных новобранцев, которые никак не отвечали требованиям, предъявляемым к солдату. В большинстве своем это были призывники, которых «вычесали» из школ, различных гражданских служб. За плечами у них была лишь пара недель военной подготовки.

Конечно, никто из новобранцев не готовился для конкретного вида войск. Поэтому одной из задач, вверенных танковым дивизиям СС, стала организация полевых учебных подразделений и подготовка в них «молодых кадров». Командование этими подразделениями было поручено опытным танкистам всех званий, которые прошли сквозь бои на фронте. Но даже они не могли подготовить полноценного, боеспособного солдата. По этой причине, когда мы говорим о танковых дивизиях СС в 1945 году, надо иметь в виду, что это были несколько иные соединения, нежели те же самые дивизии три или даже два года назад. Постоянное участие в боях и значительные потери не могли пройти бесследно. Постоянное использование форми-

рований Ваффен-СС, которые посылались как ударная сила из одной битвы сразу же в другую, существенно отразилось не только на их боевом духе, но и на боеспособности самих дивизий. Но при этом надо было учитывать такой фактор, как степень пополнения дивизии. В разных родах войск она была разной.

Танковые дивизии СС «Лейбштандарт», «Рейх», «Гогенштауфен» и «Гитлерюгенд» в условиях соблюдения строжайшей секретности перемещались через всю Германию на Восточный фронт. При этом перевозка 6-й танковой армии по маршруту Котбус — Форст — Губен — Франкфурт-на-Одере — Фюрстенвальде выглядела вполне правдоподобной. Командующий 6-й танковой армией генерал-полковник Ваффен-СС Зепп Дитрих не упускал случая, чтобы излишне «демонстративно» мелькнуть в какой-нибудь берлинской инстанции. Аналогичным образом вел себя и квартирьерский персонал дивизий. При этом осуществлялись ложные телефонные и телеграфные переговоры. Нечто подобное происходило и в Верховном командовании сухопутных войск, в чье распоряжение и прибыла 6-я танковая армия. Создавалась видимость того, что танковая армия СС должна была остаться под Берлином. Ежедневно офицеры служб снабжения и квартирмейстеры объезжали окрестности Берлина, «выясняя», где лучше было бы расположить танковые дивизии. Итоги изучения мест тут же телеграфом высылались командованию 6-й армии «на Запад».

24 января в условиях соблюдения такой же повышенной секретности танковые дивизии СС стали покидать Центральную Германию. Сначала через Дрезден и Прагу в окрестности Вены прибывала дивизия СС «Лейбштандарт». За ней с соблюдением некоторых промежутков времени последовали оставшиеся три танковых дивизии. При этом даже тогда, когда транспортировка всех эсэсовских соединений была завершена, к востоку от Берлина продолжали вестись «дезинформирующие мероприятия». Впрочем, советское командование уже знало, что 6-я танковая армия направляется «куда-то на Восток», так как эшелоны с танками были атакованы советскими летчиками на промежутке между Котбусом и Губеном.

Перемещение немецкой танковой техники по железной дороге

В начале февраля вслед за танковыми дивизиями с Запада прибыло командование 6-й танковой армии. До прибытия Зеппа Дитриха всеми делами в Вене заправлял начальник штаба армии генерал-майор Ваффен-СС Кремер. В середине февраля 1945 года настал черед снабженцев и квартирмейстеров. Они должны были незаметно для всех покинуть Бад-Сааров, официально сначала направившись в западном направлении, но затем изменив курс на Вену. В итоге общий срок переброски 6-й танковой армии составил несколько недель. Кроме соблюдения мер предельной осторожности, эти сроки еще объяснялись темпами перевозки, которые соответствовали цифре **4**, то есть в сутки могло отправляться не более четырех эшелонов с техникой и личным составом эсэсовских дивизий. Для того чтобы оценить, насколько малы были данные темпы, в качестве примера приведу сведения, что в 1941 году переброска танковых дивизий осуществлялась в **темпе 78!** То есть в 1945 году можно было смело говорить о почти полном параличе транспортной системы Германии. Около 20 февраля штаб 6-й армии, собственно танковые части и различные армейские службы вновь соединились. Произошло это в районе Дьёршёвеньхаза, городка, лежащего в 20 километрах на запад от Рааба. Судя по тому, что штаб армии получил условное наименование «Штаб высшего саперного командования Венгрии», до сих пор продолжали соблюдаться меры предельной осторожности. Сам Зепп Дитрих по тем же причинам пока оставался в Берлине. Собственно, в армию он прибыл только в начале марта, буквально накануне новой наступательной операции.

Глава 3

НОВЫЕ ПЛАНЫ ГРУППЫ АРМИЙ «ЮГ»

Как мы помним, во время попыток деблокирования Будапешта Гитлер вновь и вновь возвращался к идее «большого решения», которое предполагало «полное урегулирование ситуации на всем западном берегу Дуная». Он намеревался выбить части Красной Армии из Центральной и Западной Венгрии, что позволило бы ему без каких-либо проблем использовать местные нефтяные источники. Поначалу данную задачу должны были попытаться осуществить силы группы армий «Юг» и «местные» венгерские воинские формирования. В тот момент, когда операция «Конрад III» еще не закончилась полнейшим провалом, располагавшаяся у южного окончания озера Балатон 2-я танковая армия получила приказ начать подготовку к наступлению в направлении Капошвара. Как уже говорилось выше, данная операция должна была носить кодовое название «Ледокол».

Данный приказ был получен 19 января. А уже день спустя, 20 января, в Генеральном штабе сухопутных войск состоялось совещание, на котором присутствовал Главнокомандующий на юго-востоке (официально он подчинялся Верховному командованию Вермахта). На совещании обсуждались перспективы сотрудничества 2-й танковой армии и северного крыла группы армий «Ф», которые в ходе наступления должны были сковать силы 3-го Украинского фронта. Но для того, чтобы утвердить данное решение, требовалось не только согласие штаба оперативного руководства Вермахтом, но и санкция Гитлера. Прошло три дня, и генерал-полковник Гудериан сообщил в штаб группы армий «Юг», что «фюрер намеревается полностью урегулировать ситуацию на территориях к Западу от Дуная» (см. предыдущие главы). Главнокомандующий на юго-востоке, который был включен в состав штаба оперативного руководства Вермахтом, также связался с командованием группы армий «Юг». В разговоре он сообщил, что отдал приказ группе армий «Ф» подготовить четыре дивизии, ко-

торые должны были поддержать наступление 2-й танковой армии. Собственно, данные четыре дивизии должны были нанести удар по 3-му Украинскому фронту с территории Хорватии, на участке фронта между Осиеком (Эссегом) и Доньи Михольяц. Возможной датой начала совместного наступления называлось 6 февраля. Как уже говорилось выше, командование группы армий «Юг» в категоричной форме стало требовать, чтобы операция «Ледокол» началась на полторы недели раньше, то есть 26 января. В то время в дежурном журнале штаба Вермахта была сделана короткая запись: «Предусмотрено наступление 2-й танковой армии».

Одновременно с этим Гудериан потребовал разработать план операции, которая предусматривала нанесение удара по южному флангу 3-го Украинского фронта. При этом он намекнул, что для ее осуществления потребуется перебросить определенные силы с Западного фронта. В составленном для штаба оперативного руководства Вермахтом отчете о событиях второй половины января 1945 года полковник Мейер-Детринг отмечал следующее:

«Положение группы армий «Юг» характеризуется успешным наступлением, начатым отдельными соединениями северо-восточнее озера Балатон. Вчера (28 января) началось наступление на южном фланге. Не исключена концентрация вражеских сил для начала наступления на северном берегу Дуная в направлении Братиславы. В венгерский регион подвозятся два танковых корпуса с запада, а также уже частично прибыла с юго-запада 356-я пехотная дивизия. Предполагается данными силами смять южный фланг русских войск, что позволит высвободить собственные дивизии из-под Будапешта. В ходе данной операции может быть высвобождено около двенадцати дивизий, которые смогут принять участие в боях на Восточном фронте».

Все эти планы должны были стать составляющей «большого решения», о котором все чаще и чаще Гитлер говорил офицерам Генеральных штабов.

Для «урегулирования ситуации на территории, ограниченной Дунаем, Дравой, Балатоном и Треугольем»[1], командующий предложил два варианта «решения»:

«а) Большое решение должно урегулировать ситуацию сразу же на всей территории данного треугольника. В данном случае эпицентр наступления переносится на три дивизии, которые должны форсировать Драву близ Осиека. Находясь под фланговым прикрытием, они теснят советские войска от переправы через Дунай у Апатина, Бездана и Мохача. Наступление продолжается вплоть до достижения линии Байя — Батасек, где они могут приступить к взаимодействию с танковыми частями армейской группы Балка. При этом части, наступающие из района Доньи Михольяц, должны прикрываться усиленной дивизионной группой. Она же должна поддерживать наступление 2-й танковой армии, которая призвана нанести удар на восток с территории Надьбайома.

b) Менее крупное решение предусматривает возможность концентрированного наступления войск из района Доньи Михольяц на восток от Печа. Выбрав самый короткий путь, они двигаются к Надьбайому, где объединяются с частями 2-й танковой армии.

Силы, предполагаемые для участия в наступлении, с поправкой на состояние дорог и состояние погоды, а также в зависимости от действий противника, должны выйти на исходные позиции к Драве к 6 февраля 1945 года».

Главнокомандующий на юго-востоке на основе данных предложений, а также с учетом разработанных ранее в штабе 2-й танковой армии планов операции «Ледокол», скомбинировал для группы армий «Юг» новую наступательную идею. Армейская группа Балка с двумя танковыми корпусами (корпусная группа Брайта и IV танковый корпус СС) должна была наступать из района Секеш-

---

[1] Подразумевается место, где в одной точке сходятся границы Австрийской Штирии, Западной Венгрии и Словении.

«Правящий кабинет» 6-й танковой армии. В первом ряду слева – Кремер

фехервара строго на юг, к Домбовару и Сексарду. После этого им следует повернуть на восток.

В штабе 2-й танковой армии смогли согласовать операцию «Ледокол» лишь как наступление двух пехотных дивизий и моторизованной бригады из Капошвара на Домбвар в условиях, когда менее мощная группа должна была нанести удар из Домбвара в район, лежащий южнее Печа. При этом фланги наступающих частей должны были прикрываться хотя бы одной дивизией. Одновременно с этим группа армий «Ф» (Главнокомандующий на юго-востоке) силами любой из двух дивизий должна была атаковать из района Осиека в направлении Мохача и Байи. Вторая же дивизия должна была нанести удар из-под Доньи Михольяц на Печ. Теснимые с двух сторон советско-болгарские войска должны были либо оказаться в клещах окружения, либо отступить на восточный берег Дуная.

Само собой разумеется, штаб группы армий «Юг» тоже хотел принять участие в осуществлении данного плана.

В качестве предпосылок для участия группы армий «Юг» в данном предприятии выдвигались три момента. Во-первых, операция «Конрад III» смогла изолировать от южного плацдарма советские войска, расположенные между Дунаем и Вертешскими горами. Во-вторых, в расположении 8-й армии на северном берегу Дуная почти ничего не происходило. Позиции данной армии казались настолько хорошо укрепленными, что даже мощное советское наступление вряд ли могло принципиально изменить обстановку на данном участке фронта. В-третьих, кроме стандартного пополнения танковых дивизий, командованию группы армий

«Юг» должны были быть предоставлены в распоряжение еще 2—3 новых пехотные дивизии.

Свою позицию командование группы армий «Юг» обосновало в многочисленных сообщениях, направленных в Генеральный штаб сухопутных войск. Но при этом делалось все возможное, чтобы не указывать конкретной даты запланированного наступления. Также подобные сообщения направлялись Главнокомандующему на юго-востоке, которого кроме всего прочего просили прислать офицера штаба группы армий «Ф», уполномоченного обсуждать подробности взаимодействия обоих оперативно-стратегических соединений. В данной ситуации Гудериан несколько устранился от планирования операции, заявив, что определить дату начала наступления было не в его компетенции. В итоге было принято предложение Главнокомандующего на юго-востоке генерала-фельдмаршала Вейхса начать наступление не раньше 6 февраля 1945 года.

Уже из того, какие соображения были заложены в план данной операции, видно, что изначально предложенное Главнокомандующим на юго-востоке генералом-фельдмаршалом Вейхсом «большое решение» воспринималось как весьма «неуклюжее». По этой причине от него осторожно отказались. 29 января офицер штаба Главнокомандующего на юго-востоке, отвечающий за планирование операций, так называемый 1-й штабной офицер —1а — сообщил в штаб группы армий «Юг», что за основу берется «малое решение» и в соответствии с ним надо провести все необходимые исчисления. Именно в тот момент командование 2-й танковой армии сообщило о проблемах с венгерскими частями, которые едва ли не целыми подразделениями переходили на советскую сторону. Следствием этого непредвиденного обстоятельства могла стать задержка начала операции «Ледокол». По крайней мере, она стала бы набирать обороты не так быстро, как планировалось вначале.

В то время как шло планирование новой военной операции, Верховное командование сухопутных войск сообщило в штаб группы армий «Юг» о предоставлении ей

специального резерва командования. Но даже эту новость «дозировали». 29 января было сообщено о передаче группе армий I танкового корпуса СС (дивизии СС «Лейбштандарт» и «Гитлерюгенд»). И только 1 февраля поступила новость, что вслед за ними прибудет II танковый корпус СС (дивизии СС «Рейх» и «Гогенштауфен»). «Свежие соединения СС» сразу же завладели всеми мыслями штабных офицеров, которым не терпелось побыстрее направить их в бой. Но при этом надо было учитывать изменившееся соотношение сил, что автоматически должно было повлечь за собой и изменение стратегических планов.

В беседе с генералом Венком, которая состоялась 31 января, начальник штаба группы армий «Юг» генерал-лейтенант Грольман заявил по поводу напряженной обстановки, сложившейся вокруг все еще удерживаемого немцами Секешфехервара: «Группа армий могла бы успешно противодействовать врагу, если бы мы получили свежие части». Генерал Венк ответил, что прибытия оных «надо ожидать в течение ближайших пяти дней». Это были несколько оптимистичные сроки. Но в его словах прозвучало самое главное для командования группы армий: «Фюрер сам санкционировал их использование».

Для обсуждения плана нового наступления, которое получило кодовое название «Южный ветер», командующий группой армий «Юг» генерал Вёлер вылетел в Берлин. Там он два раза был в Ставке Гитлера — соответственно 8 и 9 февраля 1945 года. Непосредственная подготовка к наступлению началась с прибытия в Венгрию I танкового корпуса СС.

По мере того как советское командование концентрировало на северном берегу Дуная на плацдарме близ Грана значительные силы (были подтянуты кавалерийские части Плиева), Гитлер все больше озадачивался судьбой нефтеперегонных предприятий в Комароме. Он осознавал, что советское наступление на данном участке фронта угрожало не только придунайскому флангу армейской группы Балка, но и в случае успеха открывало Красной Армии путь на Вену. В итоге было принято решение

силами обоих танковых корпусов СС ликвидировать советский плацдарм в окрестностях Грана, а затем создать в том же районе четыре собственных плацдарма.

Рудольф Леманн, начальник штаба I танкового корпуса СС

10 февраля 1945 года начальник штаба I танкового корпуса СС оберштурмбаннфюрер СС Леманн получил инструкции от генерал-лейтенанта Грольмана. Он должен был ознакомиться с новыми боевыми задачами танкового корпуса. Ниже мы рассмотрим данный сюжет более подробно. При этом нельзя исключать, что во время своего визита в Берлин Вёлер получил от Гитлера не только приказ осуществить операцию «Южный ветер», но и указание модифицировать план операции «Юг», на осуществление которой Гитлер так и не дал своего согласия. Это значило только одно — надо было планировать очередное «большое решение», крупномасштабную акцию, в которой бы приняли участие все перекинутые в Венгрию воинские соединения. Сам Гитлер требовал предоставить ему итоги планирования новой операции как можно скорее.

22 февраля 1945 года командование группы армий «Юг» направило в Генеральный штаб сухопутных войск четыре варианта операции (А, В, С1 и С2), получившей название «Пробуждение весны». Каждый из четырех вариантов предусматривал отбрасывание советских войск за Дунай. Основная роль во всех вариантах, естественно, отводилась 6-й танковой армии. Собственно, уже из самого кодового названия следовало, что наступление было запланировано на начало весны, на первые числа марта 1945 года. Но, как мы увидим ниже, почти все правила имеют исключения.

Глава 4

«ПРОСАЧИВАНИЕ» 6-Й АРМИИ В ВЕНГРИЮ: РАЗМЕЩЕНИЕ И МАСКИРОВКА

Пока обсуждались планы всевозможных вариантов военных операций, в окрестности Вены стали прибывать первые эшелоны с I танковым корпусом СС. Именно тогда Верховное командование сухопутных войск решило открыть карты командованию группы армий «Юг».

29 января 1945 года в 6 часов утра в штаб группы армий было сообщено о скорейшем прибытии резерва Верховного командования — I танкового корпуса СС (дивизий «Лейбштандарт» и «Гитлерюгенд»). От штаба группы армий «Юг» требовалось не только принять и разместить эсэсовских танкистов, наладить систему снабжения, но и соблюдать меры предосторожности, которые выражались в маскировке прибывших дивизий. Формально I танковый корпус вошел в состав армейской группы Балка, но это касалось только вопросов снабжения. На самом деле элитные эсэсовские дивизии подчинялись только командованию группы армий «Юг».

Вечером того же дня, в 19 часов 25 минут, из штаба группы армий в Верховное командование был направлен запрос: «Должны ли мы разместить прибывшие части в переполненном войсками районе Рааба или же перевести их ближе к исходным позициям?» В соответствии с директивой Гитлера было принято решение разгружать танковые дивизии СС близ Рааба.

Бросается в глаза, что в приказах штаба группы армий «Юг» отсутствует даже намек на сохранение секретности. Она была введена уже несколько позже, когда Гитлером с подачи Верховного командования были подписаны «Указания о ведении оборонительных боев группой армий «Юг». В качестве мер по соблюдению секретности можно рассматривать строжайший запрет на взаимное посещение штабов дивизий, распространение данных о военном потенциале отдельных частей и соединений и т.д. Впрочем, не исключено, что подобные указания были переданы Гитлером генералу Вёлеру в устной форме, когда командующий группой

Операция «Конрад III». Положение на 22 января 1945 года

План командования 6-й танковой армии СС по осуществлению операции «Пробуждение весны»

Начало Венской наступательной операции.
Положение на 20 марта 1945 года

Генерал-полковник Гудериан (в черной форме танковых войск) с генералом Венком обсуждают положение на Восточном фронте

Гудериан покидает после совещания штаб одного из подчиненных ему корпусов

Рейхсфюрер Генрих Гиммлер

Оберстгруппенфюрер СС Зепп Дитрих. Снимок сделан в 1944 году, когда Дитрих был еще в звании обергруппенфюрера

Обергруппенфюрер Генрих Гилле.
Снимок сделан до 1944 года

Солдаты войск СС в бою

армий посещал Берлин. В любом случае фюрер и Верховное командование требовали соблюдения предельной осторожности и строжайшей секретности. В данных условиях солдат и офицеров «свежих» танковых дивизий СС нельзя было даже близко подпускать (до поры до времени) к передовой. Но вся эта секретность была нарушена, когда транспортные службы группы армий «Юг» передали сообщение, что в район Рааба прибыло крупное воинское соединение. На тот момент в штабе группы армий, по сути, еще ничего не знали, а потому сразу же запросили Верховное командование: «В 17 часов 55 минут 1-й штабной офицер подполковник Германи сообщил, что в район Рааба прибывают части крупного стратегического соединения. Подполковник Германи объяснил, что первое, не самое крупное тактическое соединение смогло успешно выгрузиться с эшелона, но второе — еще нет, так как у него не было на это никакого приказа, согласованного с фюрером». Напомним, что в тот момент было официально заявлено о передаче группе армий «Юг» только I танкового корпуса СС. Как видим, II танковый корпус СС не мог даже разгрузиться, не имея на это приказа от Гитлера. 1 февраля в 2 часа 30 минут в штаб группы армий пришло сообщение о том, что 6-я танковая армия в составе обоих танковых корпусов СС поступает в распоряжение Вёлера.

Только в этот момент командованию группы армий стало ясно, какие силы были присланы для участия в новой наступательной операции. Информация, поступившая ночью по телефону, в 16 часов была подтверждена официальной телеграммой-«молнией». «Кроме I танкового корпуса СС, группе армий «Юг» в качестве резерва Верховного командования сухопутных войск придается II танковый корпус СС в составе 2-й танковой дивизии СС «Рейх» и 9-й танковой дивизии СС «Гогенштауфен». Командование группы армий должно безотлагательно разместить прибывшие части, подобно тому, как это было сделано с I танковым корпусом СС».

В 18 часов 1 февраля 1945 года штаб группы армий «Юг» сообщал в Верховное командование о том, какие подразделения прибыли и разгружены:

Вернер Остендорф, один из командиров дивизии СС «Рейх»

• штаб абшнитта СС «Юг» (обслуживающий персонал; командование I танкового корпуса СС);

• эрзац-команда «Т» (пять эшелонов с танковым полком, один эшелон со штабом; 1-я танковая дивизия СС);

• эрзац-команда «W» (часть разведывательного батальона; 12-я танковая дивизия СС);

• учебное подразделение «Норд» (обслуживающий персонал, 2-я танковая дивизия СС).

То есть речь шла о 8 — 9 эшелонах.

По мере прибытия эшелонов с эсэсовскими дивизиями было предписано создать из сопровождавших их зенитных подразделений специальные части, которые бы занимались противовоздушной обороной нефтеперегонных предприятий, расположенных к востоку от Комарома. Кроме этого, Верховное командование напоминало о том, что с учетом предполагаемого советского наступления под Граном, одно из прибывших соединений должно быть направлено на северный берег Дуная. Это было вполне логично, так как изменение позиций на северном берегу Дуная не позволило бы эффективно использовать танковые соединения в весьма неудобной для подобного рода войск прибрежной зоне Комарома.

Впрочем, несколько позже Гитлер настоял на том, что танковые дивизии было необходимо разместить южнее Рааба, то есть на южном берегу Дуная. Усиление немецких позиций под Граном должно было быть осуществлено за счет других частей.

Данный приказ был несколько изменен, поскольку в группе армий «Юг» посчитали, что «существуют объективные причины, почему данные танковые соединения должны быть размещены севернее Рааба, включая небольшой

островок». Это было еще не изменение стратегических позиций на берегах Дуная, но явная подготовка к этому. Постепенно к подготовке данной операции стало привлекаться командование 8-й армии.

Прибытие танковых частей в Венгрию в большей мере напоминало «тайное просачивание». Шло оно очень медленно, под покровом ночи. Это было вызвано все теми же воздушными налетами союзной и советской авиации. Несмотря на то, что подготовка к операции мало чем напоминала энергичные действия, у данного обстоятельства был свой положительный для немцев момент. Прибытие в Венгрию крупной танковой армии удавалось долгое время скрывать от советской разведки. Естественно, что через агентов (в частности, среди местного населения) советской разведке становилось известно, что прибывали некие танковые части, но никто даже предположить не мог, что буквально по одному составу с запада в Венгрию могла быть переброшена целая танковая армия.

Тем временем Гитлер лично хотел взять под свой контроль осуществление операции «Ледокол». По этой причине он приказал командующему 2-й танковой армией генералу артиллерии де Ангелису прибыть в Берлин. 2 февраля 1945 года генерал оказался в Ставке фюрера. Кроме него, в Ставке чуть позже оказались командующий группой армий «Юг» и представители Верховного командования сухопутных войск. Все они должны были участвовать в обсуждении дальнейших операций, осуществляемых на территории Венгрии. Генерал Вёлер вылетел в Берлин 7 февраля. Однако прежде чем туда направился генерал де Ангелис, командование 2-й танковой армии и командование группы армий «Юг» согласовало «общее направление своих действий». В итоге был выработан план, который оба генерала должны были попытаться утвердить в Берлине.

Во-первых, они хотели получить в свои руки командование частями не только группы армий «Юг», но и группы армий «Ф» (Главнокомандующий на юго-востоке). Во-вторых, если армейская группа Балка не принимала участия в данных операциях, то 2-я танковая армия должна была как минимум рассчитывать на ее оперативно-мобильные части.

В-третьих, для более точного ведения артиллерийского огня наступающие части нуждались хотя бы в одном дивизионе АИР (артиллерийской инструментальной разведки).

Теоретически это были достаточно скромные желания, особенно если учесть, что Венгрия стала для Гитлера театром боевых действий № 1. Немецкое командование вполне положительно оценивало перспективы предстоящей операции «Ледокол». В ответ на требование предоставить 2-й танковой армии «оперативно-мобильные части» Гитлер потребовал от Верховного командования Вермахта перебросить из Италии (Главнокомандующий на юго-западе) 16-ю панцергренадерскую дивизию СС «Рейхсфюрер СС». Уже в 8 часов 30 минут 3 февраля та вышла на марш. Предполагалось, что эта механизированная дивизия СС прибудет в район Надьканижи (Гросс-Каниса), где будет временно выполнять функции резерва Верховного командования сухопутных войск. Там дивизия должна была получить пополнение. Для сохранения конспирации дивизия СС «Рейхсфюрер» почти во всех документах именовалась «группой пополнения 13-й горнострелковой дивизии СС «Ханджар». Такое наименование для нее использовалось в течение всех двух недель, пока осуществлялась ее переброска из Италии в Венгрию. Столь медленная переброска на этот раз объяснялась не действиями советской и союзнической авиации, а активными вылазками итальянских и югославских партизан. Кроме этого, нельзя было сбрасывать со счетов явный недостаток угля для эшелонов, на которых, собственно, и перебрасывалась данная дивизия.

Командующий 16-й дивизией СС «Рейхсфюрер» оберфюрер СС Отто Баум

Мероприятия по соблюдению секретности и маскировки повторялись из раза в раз. 5 февраля в 16 часов 5 минут Верховное командование сухопутных

войск отдало приказ «всем эрзац-командам и учебным подразделениям СС» (именно так стали именовать танковые дивизии СС) сохранять полное радиомолчание. Кстати, до сих пор остается непонятным, почему данный приказ не был отдан сразу же. Впрочем, данный приказ был во многом излишен, так как командование 6-й танковой армии СС отдало приказ сохранять радиомолчание еще во время отхода с Западного фронта. Так что для эсэсовских танкистов подобные меры предосторожности были само собой разумеющимися.

Несмотря на приказ Гитлера не делать никаких регулярных записей в журнале боевых действий, а лишь вести собственные, строго засекреченные документы, в журнале боевых действий группы армий «Юг» постоянно появляются упоминания о танковых дивизиях СС. Впрочем, упоминания делаются исключительно под «кодовыми именами». Чтобы облегчить читателю понимание происходящего, приведем список используемых в журнале боевых действий «кодовых наименований».

Штаб I танкового корпуса СС — штаб абшнитта[1] *СС «Юг».*

1-я танковая дивизия СС «Лейбштандарт» — эрзац-команда СС «Мертвая голова».

12-я танковая дивизия СС «Гитлерюгенд» — эрзац-команда СС «Викинг».

То есть танковые части I танкового корпуса СС были замаскированы в документах как запасные части IV танкового корпуса СС.

Штаб II танкового корпуса СС — учебный штаб «Юг».

2-я танковая дивизия СС «Рейх» — учебное подразделение СС «Норд».

9-я танковая дивизия СС «Гогенштауфен» — учебное подразделение СС «Юг».

---

[1] Абшнитт (с немецкого дословно — «участок»)— одно из основных подразделений в территориальной структуре СС. По численности соответствовал приблизительно армейской бригаде. В штаб абшнитта входили: командир, начальник штаба, личный референт командира и адъютант, а также референты по профессиональной подготовке, организационным вопросам, социальному обеспечению, спорту, связям с прессой, референты по противовоздушной обороне и химической защите, юрисконсульт и управляющий хозяйством.

Как видим, II танковый корпус СС был замаскирован под учебно-подготовительные части.

16-я панцергренадерская дивизия СС «Рейхсфюрер» — группа пополнения 13-й горнострелковой дивизии СС «Ханджар».

Прибывшее накануне начала наступления *командование 6-й танковой армии СС* в документах именовалось как *«Высшее саперное командование Венгрии».*

Все приказы командование армии и группы армий отдавало, строго следуя установленным «кодовым названиям».

Если говорить о размещении танковых дивизий СС, то выделенные поначалу для этого места оказались слишком малы. Почти повсюду в них уже располагались снабженцы и службы связи, входившие в состав армейской группы Балка. В некоторых из этих мест находились боевые подразделения. По мере того как в Венгрию прибывали новые и новые эшелоны с танками, размещение эсэсовских танкистов становилось все более и более проблематичным. По этой причине командование обоих корпусов потребовало от командования группы армий «Юг» принять соответствующие меры. 6 февраля 1945 года месторасположение прибывающих танковых дивизий СС было расширено на юг и на запад. Об этом тут же было уведомлено Верховное командование сухопутных войск. В самих дивизиях обращали пристальное внимание на то, чтобы первые прибывшие эшелоны (в особенности с танковыми подразделениями) размещались как можно восточнее, то есть максимально близко (в допустимых пределах) к фронту. При этом они должны были размещаться предельно плотно, не имея значительных «зазоров» в своих позициях. Само же командование 6-й танковой армии СС должно было располагаться в местечке Дьёршёвеньхаз. С 6 февраля при перемещениях по территории Венгрии офицеры должны были закрывать номера своих машин. Чуть позже это коснулось и грузовых автомобилей, и танков. Предпринимались беспрецедентные меры предосторожности. Но, с другой стороны, эта мера была предпринята слишком поздно, так как местность буквально «кишела» советскими разведчиками и советскими агентами из числа венгерского населения. Впрочем, некоторые из немецких офицеров прибегли к данной мере уже сразу же после выгрузки техники с эшелона.

7 февраля все еще ехавшие с севера части II танкового корпуса СС продолжали свое прибытие в Венгрию. В тот день Верховное командование сухопутных сил предписало, чтобы «учебное подразделение СС «Норд» было перенесено в район Комарома, дабы на отрезке между Комаромом и Нойхойзелем (Эршекуйвар — Новезамки) сформировать линию обеспечения за позициями танкового корпуса «Фельдхеррнхалле». И именно в этот день на свет появился «повторный приказ фюрера» относительно сохранения строжайшей секретности перемещения обоих танковых корпусов СС. Даже самое незначительное нарушение данного приказа должно было караться смертью.

Почти во всех штабах дивизий сформировался узкий круг офицеров, которые должны были следить за соблюдением секретности. Кроме собственно штабных офицеров, сюда попадали также офицеры связи.

В те дни в армейской группе Балка и 8-й армии, за позициями которых происходило сосредоточение сил 6-й танковой армии СС, царило относительное спокойствие. Советские войска сами остро нуждались в передышке, чтобы пополнить части, принимавшие участие в ожесточенных боях. Впрочем, в Верховном командовании сухопутных войск считали, что данное затишье продлится недолго. Предполагалось, что в ближайшее время советские войска начнут очередное массированное наступление в верхневенгерскую долину по обе стороны Дуная, чтобы прорваться к Вене и Братиславе.

Для того чтобы во всеоружии встретить эти советские части, 8 февраля 1945 года Верховное командование отдало приказ перекинуть три из собранных близ Рааба танковых дивизий к северному окончанию Баконьского леса, дабы прикрыть тем самым Комаром и Нойхойзель.

В соответствии с данным распоряжением командование группы армий «Юг» отдало приказ о подготовке к возможной обороне. Армейская группа Балка и I танковый корпус СС должны были занять так называемые «позиции Клары», которые проходили по плацдарму у Рааба. 8-я же армия и II танковый корпус СС должны были, как и ранее, находиться за позициями танкового корпуса «Фельдхеррнхалле». Для

обеспечения единого руководства во время операции Верховное командование предусмотрительно отдало приказ о временном подчинении сил II танкового корпуса командованию «Фельдхеррнхалле». В то же самое время отдельные части II танкового корпуса СС могли использоваться на плацдарме под Комаромом для обороны нефтеперегонных предприятий, находившихся на южном берегу Дуная.

Был объявлен приказ выступить маршем. Для половины танковых подразделений готовность к маршу составляла 6 часов, для второй половины —36 часов.

В это же время командование 2-й танковой армии получило приказ о размещении в условиях сохранения все той же предельной секретности прибывающей 16-й панцергренадерской дивизии СС «Рейхсфюрер».

Для защиты угольного бассейна, располагавшегося в районе Татабанья — Фельшёгалла, армейской группе Балка было приказано возводить оборонительные сооружения. Для строительных работ в первую очередь должны были привлекаться венгерские и словацкие части, которые считались «ненадежными солдатами». При всем этом темп возведения укреплений был очень медленным.

После провала операции «Конрад III» на фронте, удерживаемом группой армий «Юг», не происходило никаких активных боевых действий. Это касалось и Секешфехервара (южный фланг), и так называемого «горного фронта» (8-я армия), который проходил уже по территории Словакии. Собственно, немецкие действия ограничивались отдельными разведывательными вылазками, целью которых была информация о численности и силе советских войск. При этом само командование группы армий «Юг» предписало подчиненным ему армиям экономить боеприпасы, прежде всего артиллерийские снаряды. Строго-настрого запрещалось без необходимости открывать огонь на «спокойных» участках фронта. Боеприпасы должны были быть аккумулированы для выполнения более важных боевых заданий.

10 февраля после совещаний в Ставке фюрера и в штаб-квартире Верховного командования сухопутных войск из Германии вернулся генерал Вёлер. Почти сразу же он начал готовиться к уничтожению советского плацдарма к северо-

западу от Грана. Данная операция должна была исключить угрозу советского прорыва и создания новых плацдармов в районе Комарома и Нойхойзеля. К тому же данное начинание должно было прикрыть дунайский фланг позиций армейской группы Балка, а фронт, удерживаемый 8-й армией — изрядно сократиться.

В результате начавшегося передвижения сил в направлении фронта, в ходе подготовки операции «Южный ветер» значительно возрос обмен информацией между командованием группы армий «Юг» и штабами обоих танковых корпусов СС. Для того чтобы продолжать сохранять радиомолчание, в корпусные штабы было направлено по нескольку специально уполномоченных офицеров, которые должны были выполнять роль посыльных. Аналогичные офицеры существовали и при самом командовании группы армий.

Хотя передвижение 6-й танковой армии происходило не очень быстро, но зато во время него удалось избежать значительных инцидентов и поломок. В итоге все подразделения вышли на исходные позиции.

Глава 5
ПОДГОТОВКА К ОПЕРАЦИИ «ЮЖНЫЙ ВЕТЕР»

10 февраля 1945 года в штаб I танкового корпуса СС пришел приказ. Начальник штаба, на тот момент оберштурмбаннфюрер Ваффен-СС Леманн, должен был срочно прибыть на пункт командования группы армий «Юг». В 17 часов того же дня Леманн получил от Грольмана все необходимые разъяснения и инструкции. Если придерживаться текста официальных документов, то в журнале боевых действий группы армий «Юг» 10 февраля 1945 года было записано следующее:

«После того как I танковый корпус СС будет приведен в боевую готовность, он должен направиться к позициям 211-й народно-гренадерской дивизии. Данные силы вместе с 45-й пехотной дивизией и 44-й имперско-гренадерской дивизи-

ей «Магистры Тевтонского ордена» должны атаковать вражеский плацдарм, расположенный северо-западнее Грана. Наиболее вероятным считается наступление в направлении Немет Шельдин — Дол Макаш — Нана. Сначала наступление должно осуществляться дивизиями, подчиненными командованию танкового корпуса «Фельдхеррнхалле». Затем в наступление должны перейти части I танкового корпуса, которые будут подчиняться штабу корпуса «Фельдхеррнхалле». Целью операции является ликвидация вражеского плацдарма к северо-западу от Грана. При надлежащем развитии событий противник должен быть отброшен от Грана, а затем уничтожен к востоку от города. Все это вынудит неприятеля отвести часть сил от Кенигсберга. Начало наступления запланировано на 16 февраля.

Начальник штаба группы армий требует, чтобы наиболее боеспособные части I танкового корпуса были переброшены на восток от Нойхойзеля уже к ночи 13 февраля. Нуждающиеся в пополнении части должны оставаться на своих прежних позициях. Более подробные распоряжения начальник штаба I танкового корпуса СС получит позже».

Как видим, сама операция еще не была спланирована в деталях. Да и дата начала наступления была условной. Имелась лишь общая установка — уничтожение советской группы войск на западном берегу Дуная, что предполагало пресловутое «большое решение», одобренное Гитлером.

Ровно сутки спустя, 11 февраля, в 17 часов в штабе группы армий «Юг» состоялось очередное оперативное совещание. На нем, кроме командования группы армий, присутствовали командующий I танковым корпусом СС группенфюрер Присс, начальник штаба 8-й армии, командующий танковым корпусом «Фельдхеррнхалле» и оберквартирмейстер группы армий. Они получили не только письменные приказы, но и устные разъяснения.

Самой большой проблемой в предстоящем наступлении была переброска танков типа «пантера» и «тигр» через Дунай. Их можно было поодиночке перебросить по автодорожному мосту в Комароме. Однако данное мероприятие

затянулось бы на очень долгое время. По данной причине транспортные службы группы армий получили приказ подготовить переброску танков по железнодорожному мосту в том же самом Комароме, то есть в срочном порядке надо было найти необходимое количество эшелонов. Почти все присутствующие на совещании высказались именно за подобное решение проблемы. Оно существенно экономило, во-первых, время, а во-вторых — топливо. Буквально накануне вечером (в 20 часов 10 февраля) командование 8-й армии доложило, что начата концентрация войск для осуществления операции «Южный ветер». Она должна была продолжаться в течение пяти дней. То есть подтверждался ранее установленный срок начала операции —16 февраля.

А что в это время делали советские войска? Еще 3 февраля немецкая разведка сообщала, что «в районе боевых действий к северу от Дуная... не наблюдается никаких признаков того, что в ближайшее время готовится наступление противника». Впрочем, командование 8-й армии информировало штаб группы армий о том, что из перехваченной советской радиограммы следовало, что подготовка к наступлению должна начаться 8 февраля. Никто не мог сказать, шла ли речь о локальной акции или об очередной крупной советской операции. Но в любом случае это был «тревожный звоночек». В ответ на данные сведения генерал-полковник Гудериан потребовал укрепить фронт в районе Грана. Для этого требовалось как минимум подвести поближе к линии фронта зенитную артиллерию, которая могла противостоять советским танкам. На тот момент 88-миллиметровые зенитные орудия находились слишком далеко (в 8—10 километрах от передовой), чтобы быть в состоянии противодействовать советскому танковому прорыву.

4 февраля поступили данные, что советское командование отвело как минимум два оперативных корпуса 6-й гвардейской танковой армии от южного фланга немецкой 8-й армии. Они были переброшены к участку фронта, удерживаемому армейской группой Балка. А это могло означать только одно — советские позиции под Граном ослабились. В связи с этим командование 8-й армии стало безотлагательно планировать «наступление с целью ликвидации или,

по крайней мере, сокращения вражеского плацдарма к северо-западу от Грана». Но при планировании операции пришлось учитывать мнение Верховного командования. То же в свою очередь приказало вместо двух пехотных дивизий выдвинуть на плацдарм к Грану только одну —46-ю пехотную дивизию. Другая —357-я пехотная дивизия — должна была находиться в оперативном тылу 8-й армии в качестве мобильного резерва. В данных условиях командование 8-й армии по согласованию с командованием группы армий «Юг» стало разрабатывать план наступления с северо-запада и юго-востока. В ходе данного наступления предполагалось оттеснить советские войска до линии Кёбёлькут — Дол Макаш, чтобы приступить к их позднейшему полному уничтожению. Впрочем, советские силы были не настолько малы, чтобы немцы могли легко справиться с данной задачей. Так, например, только на плацдарме близ Грана находилось несколько советских дивизий. Принимая во внимание готовящееся советское наступление, в штабе группы армий решили не затягивать с подготовкой собственного наступления.

В то время как командующий группой армий «Юг» генерал Вёлер находился в Ставке Гитлера, Верховное командование сухопутных войск 7 февраля отдало приказ о переброске 2-й танковой дивизии СС «Рейх» в район к северу от Комарома. На тот момент в штабе 8-й армии еще ничего не знали об участии в предстоящей операции I танкового корпуса СС, а потому планировали наступление, не принимая в расчет данные силы.

Немецкая разведка информировала, что силы советских войск принципиально не менялись. Но при этом советские разведчики смогли взять в качестве языка одного венгерского офицера, служившего в частях связи. Сами венгры клятвенно утверждали, что он был захвачен партизанами. Но немцы не были склонны верить данной версии. Они также не исключали возможности, что он сам добровольно перешел на советскую сторону. Подобные случаи в те дни не были единичными. В любом случае никто не знал, какие сведения он мог передать советской разведке и не начали ли уже советские войска готовить ответные контрмеры.

В тот момент немцы еще не имели точных сведений относительно «оперативной армейской группировки Плиева» и советской 6-й гвардейской танковой армии. Они могли только гадать об их тактических намерениях. Предвидя возможный бросок на запад, в тылу уже начали разрабатывать план эвакуации 130 тысяч человек мирного населения из «крепости Пройсбург (Братислава)». В самой Братиславе началась всеобщая мобилизация, но решительных мер пока не принималось, так как «не до конца было ясно, какими силами располагает противник». 8 февраля опять не поступило никаких новых сведений. На участке фронта, удерживаемом танковым корпусом «Фельдхеррнхалле», равно как и близ Грана, не происходило никаких крупных боев. Сражающиеся стороны словно ждали удобного момента.

На карте в штабе группы армий «Юг», на расположении советских войск была сделана надпись: «8.02.45. Агент: здесь стоят 2 пехотные и 1 танковая дивизии». От этой надписи в сторону Грана была нарисована стрелка. В немецком штабе полагали, что подобная концентрация советских войск «могла позволить спокойно отразить любое их наступление». В тот же день, 8 февраля, в штабе группы армий обсуждалась общая обстановка на всем венгерском участке фронта. Все обсуждение можно было свести к трем следующим выводам:

1) Советское командование удерживает наиболее мобильные части на всем отрезке от озера Балатон до словацких гор (на юге — Секешфехервар, на севере — Нижние Татры). На всем участке фронта царило относительное затишье, что указывало на то, что советские части получали пополнение и проводили перегруппировку.

2) Как только будет закончена перегруппировка советских войск, можно ожидать возобновления массированных и мощных наступлений в направлении Братиславы и Вены.

3) Наибольшая концентрация советских войск наблюдается к западу от Будапешта (3-й Украинский фронт). Отчасти немецкая разведка располагает сведениями о находящихся там советских частях. Согласно перехваченной советской радиограмме с 10 февраля можно было ожидать наступления Красной Армии. Наступление именно на данном участ-

ке (к западу от венгерской столицы) благоприятствовало началу немецкой операции близ Грана.

В ответ на данный прогноз Верховное командование сухопутных сил отдало приказ об усилении обороны на указанных участках фронта и переносе на более ранний срок мероприятия, которое получило в документах наименование «перевода трех танковых дивизий СС из резерва Верховного командования». То есть дивизии срочно должны были выступать на исходные позиции. Должна была также ускориться переброска из Италии в Надьканижу 16-й панцергренадерской дивизии СС «Рейхсфюрер».

В оперативном штабе управления Вермахтом также заинтересовались предоставленной информацией. В ходе ее обсуждения был вынесен следующий вердикт: «8-я армия ведет бои местного значения. Но вскоре ожидается удар в направлении Братиславы и Вены. Остается неясным, будет ли производиться наступление через Будапешт или севернее Грана. Предполагается одновременное наступление на позиции 2-й танковой армии».

Прогноз оказался не только неточным, но и в корне неверным. А пока советские войска находились в 120 километрах от Братиславы. Казалось очевидным, что советское командование ориентировано на отбитие у немцев окрестностей Секешфехервара с последующим нанесением удара через словацкие горы.

В вышеупомянутом обсуждении было вынесено следующее решение относительно операции «Южный ветер»:

«1) С учетом местности острие наступления должно находиться на позициях 21-й пехотной дивизии. Удар должен наноситься в южном направлении между Вел Луднице и Кетом (1-я фаза операции).

2) Затем силами танковых частей будет осуществляться прорыв до реки по обе стороны от Дол Макаша (2-я фаза операции). При этом следовало избегать высот, расположенных вокруг Шаркана, чтобы правое, более мощное крыло наступления, повернуло на юго-восток на Перкань (3-я фаза операции).

3) Одновременно с этим 44-я имперско-гренадерская дивизия должна была нанести удар в юго-восточном на-

правлении, на Шельдин, чтобы в итоге взять Кёбёлькут и блокировать пути снабжения советских частей. Вследствие ожидаемых фланговых действий Красной Армии (противотанковая артиллерия) из лесных массивов к северо-западу от Кёбёлькута, а также близ Шельдина принципиально отказаться на данном участке фронта от использования танковой техники.

4) Командование 8-й армии должно запросить артиллерийское усиление. По согласованию с Верховным командованием сухопутных сил сюда можно направить 403-й народно-артиллерийский корпус.

5) Действующая на южном берегу Дуная армейская группа Балка должна поддерживать наступление на северном берегу, ведя артиллерийский огонь по советским позициям через реку. При соответствующем развитии событий она должна поддержать наступление, форсировав некоторыми частями Дунай и создав в тылу советских войск собственный плацдарм.

6) Бронетехника I танкового корпуса СС должна быть подвезена на исходные позиции по железной дороге.

7) Отдача письменных приказов о подготовке к наступлению категорически запрещается.

8) И наконец, 2-я танковая дивизия «Рейх» должна быть перекинута на участок между Комаромом и Нойхойзелем. В случае успеха на северном берегу Дуная, она должна быть готова начать действовать на южном берегу».

Конкретная дата наступления не определялась, но предусматривалось, что оно должно было начаться примерно 16—17 февраля.

Главнокомандующий на юго-востоке должен был в течение нескольких последующих дней начать наступление по реке Драва, чуть южнее Барча. Теперь Гитлер раздумывал о том, как в максимально короткие сроки отвоевать у Красной Армии указанные территории. Для этого к наступавшим через Драву дивизиям должно было присоединиться правое крыло 2-й танковой армии. Ему надлежало начать активные действия на участке фронта Барч — Надьатад. Армии отводилась едва ли не ключевая роль в операции на южном фланге. Именно по данной причине она должна срочно предоставить

все планы с указанием временных расчетов и используемых сил. Генерал де Ангелис, не лишенный ряда сомнений, все-таки прореагировал почти моментально. В качестве особо неблагоприятного для немецкого наступления фактора выделялась заболоченная местность Дравы. Затем в качестве такого же фактора указывалась медлительность «правого соседа» (Главнокомандующего на юго-востоке), который делал все возможное, чтобы данная операция не состоялась. Кроме этого, переведенная в резерв Верховного командования сухопутных войск 16-я панцергренадерская дивизия СС «Рейхсфюрер» срочно нуждалась в отдыхе и значительном пополнении.

Передвижение I танкового корпуса СС, равно как и перегруппировка танкового корпуса «Фельдхеррнхалле», начались 12 февраля 1945 года. При этом Гитлер решительно отверг просьбу подключить к данной операции 403-й народно-артиллерийский корпус. Он должен был оставаться на южном берегу Дуная. Группа армий «Юг» в данных условиях должна была обходиться передислокацией имевшихся в ее распоряжении других, менее крупных артиллерийских частей. В ночь на 13 февраля началась разгрузка эшелонов, перевозивших технику I танкового корпуса СС. Впрочем, прибытие обеих танковых дивизий СС не было равномерным. Более того, поезда грузились в спешке, что затрудняло их передвижение. Часть эшелонов, которые должны были быть на месте, давно уже были вывезены за пределы Рааба на восток. Чтобы исправить ситуацию, срочно приходилось подтягивать железнодорожные составы с запада.

Ситуацию хоть как-то смогли исправить стоявшие на запасных путях составы, которые доставляли 6-ю танковую армию СС из Берлина через Вену. На сей раз с учетом прошлого печального опыта расположение штабов отельных дивизий поручалось группе армий «Юг», которая лучше ориентировалась на местности. Самая мощная оперативная группа 6-й танковой армии СС находилась на усадьбе близ Дьёршёвеньхаза, местечка, расположенного в 20 километрах к западу от Рааба.

Именно 13 февраля Главнокомандующий на юго-востоке наконец-то передал командованию группы армий

«Юг» свой план действий. При этом он не скрывал своего сомнения относительно того, стоит ли использовать в данной операции 2-ю танковую армию. Он вообще полагал, что данную операцию поздно было проводить, так как на северном берегу Дравы было сосредоточено более пяти болгарских дивизий. Впрочем, все эти возражения возымели действие на Верховное командование Вермахта, так как в тот же самый день в 16 часов 10 минут генерал-майор Гелен сообщал, что операция находится под угрозой срыва. Как и в большинстве случаев, когда планировалось крупное наступление, в немецких военных инстанциях и различных штабах началась нешуточная борьба за получение подкрепления и частей усиления. Каждая дивизия, каждая армия пыталась «стартовать» с наиболее выгодных позиций. Не была исключением и Венгрия февраля 1945 года. Как командование танкового корпуса «Фельдхеррнхалле», так и командование 8-й армии постоянно забрасывали штаб группы армий просьбами предоставить им части пехотного и артиллерийского усиления. Стоит отметить, что уже несколько дней господствовавшая в Венгрии оттепель превратила почти все ее просторы в бескрайние болота, так что сомнительным казалось использование даже гусеничной техники, не говоря уже об обыкновенных грузовиках. В итоге все хором говорили, что операция должна была стать «чисто пехотным предприятием, поддержанным мощным артиллерийским огнем».

Зная о запрете Гитлера перебрасывать 403-й народно-артиллерийский корпус, в штабе группы армий пообещали командованию корпуса «Фельдхеррнхалле», что им будет придана для наступления 959-я артиллерийская бригада из резерва Верховного командования. Но при этом в штабе решительно отказали 8-й армии в использовании для наступления 153-й полевой учебной дивизии, которая служила главным источником всех пополнений на данном участке фронта.

В штабе не хотели наступать на одни и те же грабли. Дело в том, что данную дивизию по приказу Гитлера уже использовали в боях в декабре 1944 года. На тот момент в штабе группы армий «Юг» еще не знали, что «источник» пополне-

Немецкие танковые колонны готовятся к операции «Южный ветер».

ния фронтовых частей «иссяк» — Гитлер подписал приказ о преобразовании учебно-полевой дивизии в регулярную, а стало быть, она должна была использоваться в боях на фронте.

Начавшаяся оттепель изрядно замедлила переброску танковых дивизий. 13 февраля из 8-й армии и штаба группы армий «Юг» сообщали, что, «возможно, наступление придется отложить на один день». Генерал-лейтенант Грольман тут же передал это известие генерал-майору Гелену.

На тот момент разведке 8-й армии удалось выяснить, какие советские силы должны были противостоять ей в предстоящем наступлении:

«Мы исходим из того, что в глубине плацдарма находятся поддерживаемые танками силы IV гвардейского механизированного корпуса, в то время как восточнее Грана располагаются части двух оперативных корпусов 6-й гвардейской танковой армии, IX гвардейский механизированный и V гвардейский танковый корпуса. С началом боевых действий весьма вероятно, что данные соединения в качестве подкрепления получат также части армии Плиева. Наступление надо будет начинать в условиях концентрации всех имеющихся в распоряжении пехотных и танковых частей, которые будут поддерживаться переброшенным I танковым корпусом СС, что, впрочем, приведет к ослаблению позиций на остальных участках фронта. Наступление предполагается начать в день X в 5 часов утра с мощного артиллерийского обстрела позиций противника на северном участке его плацдарма под Граном. Концентрированный удар позволит отбить у него окрестности Наны, Кицинда, Кеменда, Бины.

Танковый корпус «Фельдхеррнхалле» совместно с 44-й имперско-гренадерской дивизией «Магистры Тевтонского ордена» начнет наступление на северо-восточном участке. 46-я пехотная дивизия должна взять Вел Лудинце, 211-я пехотная дивизия — окрестности Кета, а танковая группа корпуса «Фельдхеррнхалле» — окрестности Фарнада. В районе Немет-Шельдина и Барта удар по противнику будет нанесен с двух флангов. Высоты к югу и юго-востоку от Немет-Шельдина, а также часть речки близ Барта находятся под усиленным прикрытием вражеской пехоты и противотанковой артиллерии, которая должна быть уничтожена силами I танкового корпуса СС. Для этого надо выйти к ним в тыл с юга. Наступление надо осуществлять стремительно и неожиданно. Для этого I танковый корпус СС еще ночью накануне наступления расположится на стратегическом плацдарме между Нойхойзелем и чуть восточнее Надьшурани. Оттуда он выйдет на исходные позиции северо-западнее Фарнада. Во втором рывке он должен перенести эпицентр сражения на высоты, лежащие к востоку от Кёбёлькута, чтобы впоследствии создать тактические предпосылки для наступления в направлении Грана. Надо избегать боев в самом Кёбёлькуте, но следует взять его, блокировав силы противника с юго-востока.

Затем I танковый корпус при поддержке пехотных частей должен атаковать на отрезке Мусла — Бела. При этом пехота имеет задание взять жилые кварталы, расположенные на восточных и юго-восточных высотах. После этого они должны завладеть Либадом и Белой. Как только поступит команда из танкового корпуса «Фельдхеррнхалле», дивизии должны перейти в оборону, чтобы отразить вражеское контрнаступление».

Кроме этого, предусматривались следующие «параллельные» мероприятия:

«а) Накануне наступления 271-я народно-гренадерская дивизия вместе с несколькими дежурными частями должна занять небольшой плацдарм по Дунаю близ Грана, введя тем самым противника в заблуждение относительно действительного места начала наступления.

b) Усиленной полковой группе из состава армейской группы Балка следует в первую ночь после начала наступления создать плацдарм на другом берегу Дуная, юго-западнее Грана. Это позволит установить непосредственную связь между частями, сражающимися как к северу, так и непосредственно к западу от Грана.

I танковый корпус с тактической точки зрения должен следовать указаниям командования 8-й армии. Но при этом оба танковых корпуса СС продолжат действовать самостоятельно, не подчиняясь друг другу».

Последнее указание, казалось, было само собой разумеющимся. Оно нашло упоминание в журнале боевых действий скорее всего потому, что две дивизии I танкового корпуеа СС действовали на слишком большом расстоянии друг от друга, а корпус «Фельдхеррнхалле» при этом продолжал быть «сжатым кулаком». Данное обстоятельство, естественно, тут же вызвало кучу нареканий у командования 6-й танковой армии СС. В любом случае в 18 часов группа армий сообщила телеграммой в Верховное командование сухопутных войск о готовности начать операцию «Южный ветер».

Тем временем в штабе I танкового корпуса СС доложили о результатах разведки, касающихся возможностей наступления по линии Комаром — Нойхойзель. Командование 8-й армии дополнило эти сведения оценкой местности, в которой сообщалось о «возможных трудностях использования танковой техники в связи с наступившей оттепелью и, как следствие, заболачиванием или полным затоплением прибрежных низин». Но при этом сам штаб танкового корпуса дважды (в 10 и 12 часов) информировал о том, что «наступление при любых обстоятельствах должно было начаться 17 февраля в 5 часов утра». При этом штаб также сообщал о повышенной активности советской авиации в районе Грана, предполагая, что там проводилась срочная авиаразведка позиций. Сами же немецкие летчики смогли увидеть около 25 советских танков, сосредоточенных на северо-западном участке плацдарма близ Левы. Вслед за этим командование 8-й армии получило приказ в срок до 15 февраля сообщить, «ка-

кие дополнительные мероприятия предприняты, чтобы в ходе операции «Южный ветер» предотвратить вражеское наступление в районе Левы». Почти сразу же последовал ответ, что для подготовки отвлекающего наступательного маневра к северу от Рыбника выделено 30 единиц бронетанковой техники. При этом было оговорено, что данное «ложное» наступление начнется только в условиях, если действительно под Левой будет предпринята советская атака.

Одновременно с этим в штаб группы армий из армейской группы Балка сообщали, что вечером первого дня наступления на северный берег Дуная будет переброшена самая мощная полковая группа 96-й пехотной дивизии (группа «Сигнал»). «Она должна создать плацдарм предположительно в окрестностях Эбеда, если к тому моменту передовым частям 8-й армии удастся занять территорию плацдарма близ так называемого Парижского канала». Если бы наступление осуществлялось не столь быстрыми темпами, то «армейская группа дождалась бы наступления темноты для осуществления собственной операции». В штабе группы армий «Юг» традиционно делали ставку на эффект неожиданности, но при этом предпочли проинформировать штаб 8-й армии о планах армейской группы Балка. Командование 8-й армии в ответ обратило внимание на то обстоятельство, что «аэросъемка окрестностей Парижского канала и плацдарма к северо-востоку от Грана показала, что из-за оттепели наводнение и затопление ряда местностей стали значительной преградой, которая может весьма существенно затормозить развитие наступления».

Но при этом атака боевой группы «Сигнал» была подготовлена настолько хорошо (с точки зрения немцев), что она могла начаться в любой момент — необходимо было лишь отдать соответствующий приказ. Однако наступление при свете дня могло повлечь за собой большие потери в составе группы, а потому Балк продолжал настаивать на ее использовании ночью или поздним вечером, даже если это затормозило бы ее наступление на сутки.

Интересна в данной обстановке позиция командования 6-й танковой армии СС, которое оставалось некой «безмолвной инстанцией» и фактически никак не принимало участия в планировании операции «Южный ветер». Подобное поло-

жение совсем не устраивало начальника штаба 6-й армии генерал-майора Ваффен-СС Кремера. Используя свои каждодневные контакты с командованием группы армий «Юг», он пытался повлиять на ход планирования предстоящей военной операции, в которой его не устраивало очень многое. Во-первых, его смущало, что танковая армия окажется разделена. Во-вторых, он считал неприемлемым бросать в бой еще не до конца укомплектованные части. В-третьих, он ориентировался на «большое решение», которое было предписано Гитлером, а отнюдь не на локальные операции в районе Грана. Участие новых танковых дивизий СС в операции «Южный ветер» он считал опасным хотя бы еще потому, что оно полностью дезавуировало бы факт наличия в Венгрии танковых корпусов СС. Участие их в не самых крупных боевых действиях поставило бы крест на всей маскировке, которую немецкие танкисты тщательно сохраняли еще с Франкфурта-на-Одере. В первые же дни боев советскому командованию стало бы ясно, что, несмотря на все кодовые названия, I танковый корпус СС находится отнюдь не под Берлином, а в Венгрии. Не надо было быть великим мудрецом, чтобы понять, что где-то поблизости находился и II танковый корпус СС, входивший в состав все той же 6-й танковой армии. Но эти возражения эсэсовского генерала не возымели никакого действия на армейские чины. Собственно, у штаба группы армий «Юг» не было никакого выбора — он был по рукам и ногам связан приказом Гитлера. Все должно было идти по уже согласованному плану.

В ночь с 15 на 16 февраля, то есть за день до начала операции «Южный ветер», танковая группа из состава корпуса «Фельдхеррнхалле» начала «ложное» наступление северо-западнее Лева. Поддерживающая данное наступление усиленная полковая группа 271-й народно-гренадерской дивизии смогла почти сразу же закрепиться на восточном берегу речки Гран (не путать с городом), перерезав железнодорожную линию, которая связывала позиции 2-го Украинского фронта с Левой, Тимаце и Козмаловце. Для подавления советских контратак, предпринятых утром, в ход было брошено множество немецких самолетов.

Тем временем в армейской группе Балка приняли решение перебросить под Гран имевшуюся в их распоряжении батарею ПВО из состава 15-й зенитно-артиллерийской дивизии. Данный факт мы упоминаем только затем, чтобы показать, насколько «мелким» стал стиль командования Балка после того, как он не смог удачно осуществить ни одну из операций «Конрад». К февралю 1945 года влияние на командование группы армий «Юг» оказывали уже другие люди (не стоит забывать, что в Венгрию еще не прибыл «легендарный» Зепп Дитрих — «гладиатор Гитлера»). А самого Балка волновали уже отнюдь не грандиозные стратегические задачи. Его беспокоило, что по Дунаю шла большая паводочная волна (около 3,5 метра высотой), которая должна была достигнуть его позиций в ближайшие несколько часов. Естественно, это существенно затрудняло наступление боевой группы «Сигнал».

Но это не мешало готовиться к началу операции «Южный ветер». Казалось, приготовления к ней шли как по часам. В данной ситуации случилось даже уникальное событие — наступление было решено перенести на час раньше. Впрочем, настроение командованию группы армий «Юг» «портило» наводнение, которое превратило окрестности Парижского канала в непроходимую жижу. В итоге было решено, что танковые части будут более активно использоваться при наступлении в западном направлении.

Глава 6

ОПЕРАЦИЯ «ЮЖНЫЙ ВЕТЕР»

17 *февраля 1945 года (суббота). Первый день операции «Южный ветер»*

«Температура 5 °С выше нуля. В целом безоблачно, местами ясно. Проходимы только специально укрепленные шоссе. Остальные дороги проходимы только для гусеничного транспорта, колесные машины повсеместно увязают в грязи».

Как и задумывалось, в 4 часа утра, в так называемое «воровское время», пехотные дивизии танкового корпуса «Фельдхеррнхалле» обрушились на советский плацдарм

под Граном. Во всех штабах, начиная от штаба немецких дивизий и заканчивая Генеральным штабом сухопутных войск, с нетерпением ожидали сообщений о первых результатах наступления. О том, насколько немецкое командование рассчитывало на успех данной операции, можно судить по записям журнала боевых действий группы армий «Юг». Сюжеты, связанные с Граном, в данном документе превращались прямо-таки в некое эпическое повествование, начинавшееся с успеха советских войск в первых числах января 1945 года, безуспешных контратак на протяжении всего данного месяца и, казалось бы, затухания боев на данном участке фронта. Если обратиться к судьбе 20-й танковой дивизии, которая пыталась «урегулировать ситуацию под Граном», то обнаружим, что она была после пополнения переброшена на северо-восток, в состав группы армий «Центр». Не очень благополучной была ситуация и в 6-й советской гвардейской танковой армии. За время зимних боев она потеряла также много танков, а потому нуждалась в подкреплении. Еще в конце января 1945 года казалось, что боевые действия под Граном затихли. Но тем не менее на данный плацдарм подтягивались крупные советские силы. Красная Армия готовилась нанести решающий удар. В штабе группы армий «Юг» понимали нависшую над этим участком фронта опасность. Командование оценивало обстановку следующим образом:

«Затишье, царящее на плацдарме под Граном, не может скрыть того факта, что он являлся и будет являться впредь центром притяжения советских войск, которые намереваются пробиться в долину Верхней Венгрии. Как только ударные части противника, понесшие большие потери в прошедших боях, будут пополнены, неприятель вновь возобновит попытки осуществить свой стратегический замысел — прорваться по обоим берегам Дуная к Братиславе, что открыло бы ему путь на Вену. До тех пор, пока не ликвидирован плацдарм противника под Граном, группа армий всегда будет вынуждена держать на северном берегу Дуная крупные резервы. Если эта опасность будет устранена, то группа армий «Юг» вновь обретет свободу действий на юж-

ном берегу Дуная. Прорыв противника на северном берегу Дуная, осуществленный в начале января, доказал, что мы не в состоянии использовать все имеющиеся силы для разгрома противника под Будапештом».

Но вернемся в 17 февраля. Пресловутая оттепель превратила еще недавно промерзшую землю в месиво. Парижский канал, который в условиях морозов не представлял для немцев никаких трудностей для форсирования, после наводнения превратился в мощную естественную преграду, которую можно было преодолеть, только приложив немало усилий. Но даже для этого требовалась предварительная тщательная подготовка. Немцы прекрасно понимали, что советское командование не преминет воспользоваться полученными преимуществами, чтобы удержать в своих руках выгодный стратегический плацдарм. Теперь немцам предстояло прорваться не только сквозь пользующиеся страшной славой противотанковые заграждения, прикрываемые с флангов советской артиллерией. Если говорить о климатических условиях применения немецких танков, то в данной ситуации они были максимально невыгодными. Но командование группы армий уже учло прошлые ошибки, а потому танки должны были идти в бой, прикрытые с флангов немецкой пехотой.

Как и предполагалось, наступление стало полной неожиданностью для советского командования. 44-я имперско-гренадерская дивизия «Магистры Тевтонского ордена» почти мгновенно смогла прорвать советскую линию обороны западнее местечка Маг. При поддержке танковой группы из состава корпуса «Фельдхеррнхалле» немецкие гренадеры устремились к Немет-Шельдину. В этом же направлении двигались солдаты оказавшейся в эпицентре сражения 46-й пехотной дивизии. К 8 часам утра они достигли «заветного» населенного пункта.

В те часы 211-я народно-гренадерская дивизия вела ожесточенные бои по обе стороны от Барта. I танковый корпус СС выдвинулся со своих исходных позиций, расположенных к северо-западу от Фарнада. Он устремился в

Немецкое наступление под Граном. Венгерский крестьянин указывает дорогу

проделанный 46-й пехотной дивизией «разлом» в советской линии обороны. Но очень скоро радужное настроение немецкого командования стало улетучиваться. Оказалось, что части Красной Армии весьма неплохо приготовились к обороне данных территорий, создав местами мощные оборонительные рубежи. К полудню ни 46-я пехотная дивизия, ни танки I корпуса СС так и не смогли прорваться сквозь линию противотанковых заграждений под Немет-Шельдином. Завязла в боях под Бартом и 211-я народно-гренадерская дивизия. Прошло несколько часов, а ее солдаты не смогли отбить у красноармейцев ни метра земли. Советское командование, наученное прошлым горьким опытом, в особенности операциями «Конрад», стало срочно готовить ответные меры. Уже днем 17 февраля немецкая авиаразведка обнаружила значительные скопления советских войск в Кицинде, Кеменде, Пальде. Все эти части Красной Армии быстро двигались к Грану. Только к Бине устремлялась целая механизированная колонна (более 50 машин). Опасаясь, что наступление заглохнет, так и не успев начаться, командование группы армий «Юг» подключило к операции «Южный ветер» 4-й воздушный флот. Летчики Люфтваффе пытались постоянно атаковать советские колонны, двигавшиеся к передовой.

Исход данного сражения во многом зависел от того, успеют ли красноармейцы соорудить оборонительные рубежи по берегам Парижского канала, или немцы успеют раньше форсировать данную водную преграду. К вечеру 17 февраля части 46-й пехотной дивизии и I танкового корпуса СС (основные ударные силы в данной операции) все-таки смогли в нескольких местах приблизиться к Парижскому каналу. Но тут их ждал «сюрприз» — все мосты через эту разлившуюся речку оказались предусмотрительно взорванными. Почти сразу же было решено с наступлением темноты попытаться форсировать реку. По этой причине командование 8-й армии сообщало в штаб группы армий, что «еще сегодня намерено создать наступательные плацдармы на берегах Парижского канала». Поэтому командование должно было побудить армейскую группу Балка в предельно короткие сроки «образовать силами полковой группы плацдарм на северном берегу Дуная близ Эбеда».

Впрочем, Балк в свойственной ему манере счел нужным отметить, что еще не сложились предпосылки для форсирования Дуная, а именно, наступающие части не только не создали плацдармов на берегах Парижского канала, но даже не смогли закрепиться на «собственном», северном берегу речушки. При этом сам Балк указывал, что когда наступающие части смогут преодолеть советский оборонительный рубеж, протянувшийся от Либада к Мусле, то он тут же отдаст 96-й пехотной дивизии приказ о наступлении через Дунай.

Между тем к Дунаю была подтянута немецкая полевая артиллерия, которая с южного берега Дуная вела огонь по советским позициям в Нане и Камп-Дармоти. Поздно вечером у командования группы армий «Юг» была уверенность, что в районе 23 часов Парижский канал был форсирован в двух местах, то есть было создано два небольших немецких плацдарма. Эти сведения подкреплялись информацией о том, что северо-восточнее Кёбёлькута в Парижском канале был обнаружен брод, по которому на другой берег могли свободно переехать танки.

Все указывало на то, что 96-я пехотная дивизия должна была начать штурм северного берега Дуная в районе Эбеда.

В 23 часа 45 минут ударный батальон боевой группы «Сигнал», не встретив никакого существенного советского сопротивления, высадился на северный берег, создав тем самым плацдарм для переброски всей полковой группы.

Буквально за полчаса до этого генерал Вёлер докладывал Гудериану: «Наибольшие перспективы открываются в связи с наступлением через Дунай 96-й пехотной дивизии. Противник пока ограничивается только тем, что собирает силы, чтобы создать новый оборонительный рубеж». Между тем концентрация советских войск происходила не только на северном, но и на южном берегу Дуная. Маршал Толбухин хотел вернуть такой важный стратегический объект, как город Секешфехервар. Предвидя подобное развитие событий, командование армейской группы Балка создало в данном районе из 1-й и 3-й танковых дивизий некое подобие мобильно-оперативного резерва.

На небольшом «отвлекающем» плацдарме под Рыбником армейской группе Балка, естественно, не удалось добиться никаких результатов. Впрочем, и советским войскам не удалось его ликвидировать. Но его продолжали постоянно атаковать со всех сторон. Не исключено, что советское командование считало прорыв в данном направлении куда более опасным, нежели сокращение или ликвидацию плацдарма под Граном. Активным атакам советских войск подвергалось также левое крыло 8-й армии, располагавшееся в Нижних Татрах. Частям Красной Армии в нескольких местах даже удалось удачно развить наступление. В итоге командованию 8-й армии, чтобы «залатать» прорыв, пришлось бросить в бой последние резервы.

Вечером в штаб группы армий из Ставки фюрера пришел приказ, что отныне оба танковых корпуса подчиняются исключительно командованию 6-й танковой армии. Впрочем, в качестве исключения до окончания операции «Южный ветер» было решено, что I танковый корпус будет находиться на снабжении 8-й армии. Уже из этой оговорки было видно — немецкое командование считало, что операция «Южный ветер» в ближайшее время закончится «победой германского оружия».

18 февраля 1945 года (воскресенье). Второй день операции «Южный ветер»

«Ночью легкий мороз. Днем температура до 6 °С выше нуля. Небольшая облачность. Местами солнечно. Состояние дорог по сравнению с предыдущим днем неизменное».

В ночь с 17 на 18 февраля немцам удалось закрепиться в нескольких местах на южном, «советском» берегу Парижского канала. Именно так были созданы плацдармы, которые должны были стать базой для продолжения наступления I танкового корпуса СС.

Значительно дальше на север советские атаки продолжали отражаться левым крылом 8-й армии. На юге Красная Армия вновь атаковала позиции IV танкового корпуса СС близ озера Веленце. Предпринятые эсэсовцами контратаки закончились провалом. В штабе группы армий «Юг» очень болезненно отреагировали на данную информацию. Там требовали удержать любыми способами побережье озера.

На остальных участках фронта, удерживаемого группой армий «Юг», не происходило никаких крупных боевых действий. То есть без большого риска немцы могли продолжать наступление на советский плацдарм на северном берегу Дуная.

Наступление танкового корпуса «Фельдхеррнхалле» и одновременно соседствовавшей с ним с юга боевой дивизионной группы Штаубвассера привело к захвату территории по обе стороны от села Баторкеси. Имперско-гренадерская дивизия «Магистры Тевтонского ордена» смогла не только продвинуться по заснеженным лесам севернее Баторкеси, но и взять штурмом Кёбёлькут. Взятию данного населенного пункта способствовало то, что по нему с двух сторон был нанесен удар силами танковой группы корпуса «Фельдхеррнхалле». Немцы уверенно продвигались в юго-восточном направлении к Беле.

I танковый корпус СС, прикрываемый мотопехотой дивизии «Гитлерюгенд», входившей в его состав, смог преодолеть Парижский канал. Эсэсовские части взяли под свой контроль пересеченную местность, покрытую редким лесом, к востоку от Кёбёлькута. Здесь им предстояло вступить в бой с ожесточенно сопротивлявшимися частями Красной

Армии. Но в силу того, что все мосты через речку были разрушены, подтягивание немецких танков к месту боя затягивалось. Дивизия СС «Лейбштандарт» смогла расширить позиции своего плацдарма у Шаркана, что позволило ей попытаться продолжить свое наступление в южном направлении, к Мусле.

После того как в распоряжении 46-й пехотной дивизии оказалась тяжелая артиллерия, она во второй половине дня продолжила свое наступление в восточном направлении. Ей предстояло сломить сопротивление частей Красной Армии, окопавшихся на высотах близ Либада. 211-й народно-гренадерской дивизии, находившейся чуть севернее на левом фланге, несмотря на все ожидания немецкого командования, так и не удалось взять Барт. Части Красной Армии все чаще и чаще пытались переходить в контратаки. В некоторые моменты казалось, что народно-гренадерская дивизия вот-вот перейдет от наступления к обороне. К подавлению немецкого наступления подключилась советская авиация. Бомбардировщики и штурмовики обрушили огонь на передовые части немцев. Немецкие истребители, оказавшиеся сосредоточенными в небе над Граном и у моста в Буне, не могли ничего противопоставить «красным соколам». Они едва ли могли справиться со своими задачами даже в основных местах своей концентрации.

До этого момента советские войска пытались возвести новый оборонительный рубеж, который должен был проходить по линии Барт — Либад — побережье Дуная. Неожиданно для немцев в Барте «обнаружился» 4-й гвардейский механизированный корпус. Впрочем, это только подтверждало предположение немецкого командования, что 6-я гвардейская танковая армия все еще находилась на северном берегу Дуная. По мере того, как развивалось немецкое наступление, более оживленным становилось встречное движение советских войск на северо-запад. Но пока еще было рано говорить о переброске крупных свежих войсковых соединений. Пока прорыв предполагалось ликвидировать силами уже сражавшихся советских частей, которые перекидывались из-под располагавшегося дальше на востоке города Ипольшаг. Отражение силами Красной Армии всех атак 211-й народно-гренадерской диви-

зии, нацеленных на Барт, говорило о том, что несколько позднее надо было ожидать советской контратаки в районе местечка Бина. Не исключалось, что советская контратака будет предпринята по обе стороны от данного пункта. Штаб 8-й армии сообщал:

«В качестве центра будущих контратак и наиболее ожесточенного сопротивления противника можно рассматривать пространство между Бартом и Биной. Именно там мы столкнулись с наиболее активными действиями авиации противника. Очевидно, что из данного района запланирован фланговый удар. До сих пор не установлено, отводит ли противник свои части с западного участка плацдарма, от Баторкеси».

Но, воодушевленное первыми успехами наступления, Верховное командование сухопутных войск поспешно предположило, что «противник не сможет достаточно оперативно бросить в бой имеющиеся в его распоряжении силы». Подобный вывод мотивировался тем, что для этого советскому командованию потребовалось бы создать целую череду небольших плацдармов, начиная от Грана и заканчивая рекой Ипель.

Немецкие минометчики ведут огонь из захваченного советского окопа

По этой причине для продолжения наступления командование 8-й армии приказало:

1) Наступление I танкового корпуса СС сосредоточить на Беле, что впоследствии позволило бы наступать на Муслу.

2) Наступление 46-й пехотной дивизии должно проходить по обоим берегам Парижского канала в восточном направлении, чтобы затем взять высоты к востоку от Либада и к западу от Кеменда.

3) 211-я народно-гренадерская дивизия должна временно перейти в оборону под Бартом, что позволит ей подготовиться к отражению советского контрнаступления.

В дальнейшем командование 8-й армии рассматривало возможность ликвидации собственного «ложного» плацдарма к северо-западу от Левы, что позволило бы не только выровнять линию фронта на данном участке, но и высвободить несколько пехотных батальонов, которые должны были быть направлены в качестве подкрепления 211-й народно-гренадерской дивизии, которая «понесла большие потери во время боев за Барт».

Ближе к полудню немецкие саперы закончили наводить переправы в нескольких местах через Парижский канал. В итоге тяжелые танки I танкового корпуса СС устремились на южный берег. В штабе группы армий считали, что это было отличным продолжением начатого день назад наступления. Тем более что боевой группе «Сигнал» (полковая группа 96-й пехотной дивизии) удалось перебросить через вышедший из берегов Дунай 20 штурмовых орудий. Все они оказались на плацдарме-пятачке близ Эбеда. Сам же Балк нетерпеливо просил скорее закончить ликвидацию «Гранского плацдарма», так как нуждался в силах для реализации собственных стратегических замыслов в Вертешских горах и близ Фельшёгаллы. Однако на тот момент у немецкого командования некоторые опасения вызвала лишь ситуация в районе Барта. Но и здесь планировалось в ближайшее время «урегулировать обстановку», для чего в окрестности Барта предполагалось перебросить 12-ю танковую дивизию СС «Гитлерюгенд». Но штурмовать Барт она должна была лишь после того, как немцы захватили бы Муслу. До этого момента дивизия «Гитлерюгенд», как и весь I танковый корпус СС, должна была

двигаться в юго-восточном направлении. На тот момент никто бы не решился «разжать танковый кулак». Когда плацдарм советских войск был бы в целом ликвидирован, на штурм Барта могли быть брошены и остальные ударные части (дивизия СС «Лейбштандарт», 44-я имперско-гренадерская дивизия «Магистры Тевтонского ордена», 46-я пехотная дивизия).

Но в какой-то момент командование группы армий «Юг» решило не посылать 46-ю пехотную дивизию на южный берег Парижского канала. Оставив ее на северном берегу, командование предполагало исключить опасность советских атак с флангов из-под Барта. Затем вместе с пехотинцами на этих позициях была оставлена часть танкового корпуса «Фельдхеррнхалле».

К вечеру в бой с наступавшими немцами стали вступать новые советские части. Так, например, в располагавшейся северо-западнее Грана Нане была сформирована советская ударная танковая группа, включавшая в себя 30 машин. Командующий 8-й армией в 19 часов 45 минут сообщал генералу Вёлеру: «Удивительно, что противник до сих пор не сформировал для обороны плацдарма мощные танковые группы. Но не исключено, что нам просто не передают эти сведения, так как в передовых частях СС очень плохо поставлена система оповещения». Стоит заметить, что почти сразу же начальник штаба I танкового корпуса гневно, не без нотки язвительности прореагировал на данный упрек:

«В журнале боевых действий группы армий упомянута претензия командующего 8-й армией о плохой системе связи и оповещения, существовавшей в I танковом корпусе СС. Запись сделана 18 февраля, то есть день спустя после начала наступательной операции. Но и сам командующий провел к себе телефонную связь только на третий день наступления. Наши же танкисты сталкивались с тем, что армейские связисты протягивали линии совершенно не там, где это требовалось. Начальник службы связи I танкового корпуса СС в итоге был вынужден подсоединяться к линии располагавшегося по соседству танкового корпуса «Фельдхеррнхалле». Вероятно, командующий 8-й армией был возмущен именно этим обстоятельством?»

Итог второго дня можно охарактеризовать одной фразой: требовалось как можно скорее взять Кёбёлькут и связаться с «Сигналом» в Эбеде. Если бы это произошло, то немцы могли бы высвободить значительные силы для штурма Барта. Именно такие задачи были поставлены перед наступающими дивизиями на ближайшие 24 часа. Показательно, насколько плохо у немцев обстояли дела с резервами. Снятые из-под Левы два пехотных батальона стали объектом активной борьбы. Командование группы армий «Юг» предполагало направить их на усиление 211-й народно-гренадерской дивизии. Но генерал-полковник Гудериан намеревался послать их в Словакию, в Зволен (Альтсоль). Он считал, что надо было любыми средствами сохранить тамошний промышленный район. В ответ штаб группы армий «Юг» испросил разрешения у Верховного командования перекинуть 2-ю танковую дивизию СС «Рейх».

19 февраля 1945 года (понедельник). Третий день операции «Южный ветер»

«Ночью — мороз. Днем до 6 °С выше нуля. В целом солнечно и ясно. Неукрепленные дороги начинают просыхать».

Этот день стал весьма благоприятным для немцев. На правом фланге наступления им удалось сломить сопротивление советских войск. Опасаясь окружения, части Красной Армии оставили территорию, ограниченную Дунаем и Парижским каналом. Быстро продвигавшаяся вперед боевая группа Штаубвассера рано утром заняла территории между Бучем и Баторкеси. 44-я имперско-гренадерская дивизия «Магистры Тевтонского ордена» добралась фактически до Дуная. В ее руках оказались Мусла и Кёбёлькут. Началась зачистка территории. I танковый корпус СС, несмотря на налеты советской авиации, смог добраться до Грана. Там он достиг плацдарма-пятачка в Эбеде, откуда, в свою очередь, в сторону Муслы и Перкани двигалась боевая группа «Сигнал». Ею были захвачены не только высоты Белы, но и Нана. Наступление на Перкань было поддержано разведывательным батальоном 711-й пехотной дивизии. Немцы вступили в Перкань одновременно с разных сторон. 46-я пехотная дивизия и танковые дивизии СС, действуя совместно, захватили Белу и Либад. Но в то же время им не удалось развить наступление и с налета взять Дар-

моть и Кеменд. Советские войска продолжали мужественно держаться. Они были блокированы в Барте и Дармоте.

Согласно приказу, отданному под Бартом, 211-я народно-гренадерская дивизия перешла в глухую оборону. Если не брать во внимание Барт и Дармоть, то на северном берегу Дуная советские войска продолжали проявлять активность лишь на участке фронта, ограниченном Кёртелешем и Граном. Именно там не стихал артиллерийский огонь советских орудий. Красная Армия не собиралась надолго оставлять данные территории. Советское командование намеревалось «взять реванш» — готовилось контрнаступление. Именно по этой причине командование армейской группировки Балка опасалось, что советское наступление на Гран начнется через Пилишские горы. А потому Балк ходатайствовал о возможно скорейшем возвращении на южный берег Дуная боевой группы «Сигнал». Тем паче что Эбед был уже в относительной безопасности. Но здесь столкнулись тактические интересы двух армий: 8-й и 6-й (армейской группы Балка).

Кроме того, наземное господство немцев близ Грана еще не означало их господства в воздухе. А здесь несомненное преимущество было у советских летчиков. Не зная проблем с горючим, они без каких-либо трудностей «клевали» передовые части I танкового корпуса СС, причиняя немецким танкистам немалый урон. «В силу того что днем воздушное пространство в треугольнике Гран — Перкань — Мусла находилось в руках врага, любые передвижения были весьма проблематичными». Чтобы перебросить зенитные батареи из Комарома, требовалось специальное разрешение Гитлера. Оно прибыло только вечером следующего дня. Батареи можно было перебросить в Гран только при условии, что «сохранится противовоздушная оборона нефтеперегонных заводов близ Комарома». Эдакая «квадратура круга» конца Второй мировой войны. Но даже если бы эти зенитные орудия можно было перебросить, то в Гране они оказались бы лишь через день.

Воодушевленное легким успехом командование 8-й армии уже планировало перегруппировку войск для продолжения наступления. На 20 февраля им были запланированы следующие задачи:

1) Танковая дивизия СС «Лейбштандарт» должна охватить Дармоть с юга.

2) 12-я танковая дивизия СС «Гитлерюгенд» вместе с 44-й имперско-гренадерской дивизией «Магистры Тевтонского ордена» должна была провести перегруппировку и направиться на север в район Барта.

3) Вечером, после наступления темноты, остатки советского плацдарма должны быть взяты в клещи двумя мощными ударами с юга и с севера.

Впрочем, в тот момент никто из немецкого генералитета не задавался вопросом: а где же находится легендарная советская 6-я гвардейская танковая армия? Хотя не исключено, что подобный вопрос приходил в голову Гудериану. Не исключено, что именно по этой причине он не разделял восторгов командования группы армий «Юг» и требовал как можно быстрее «закончить урегулирование близ Грана».

Если принимать в расчет потенциально быстрое окончание операции «Южный ветер», то нет ничего удивительного в том, что Гитлер не менее быстро «модифицировал» свой первоначальный замысел, потребовав продвижения вплоть до реки Ипель (Айпель). Но чтобы настолько развить начавшееся наступление, требовались как минимум несколько плацдармов восточнее Грана. Только так можно было сковать резервы 2-го Украинского фронта. Но одновременно с этим командование 8-й армии получило приказ снять со своих позиций 2-ю танковую дивизию «Рейх» («с учетом предстоящей переброски других дивизий СС на юг»). На южном берегу Дуная уже расчищали место для операции будущего «большого решения». Но 19 февраля отнюдь не оказалось последним днем операции «Южный ветер».

20 февраля 1945 года (вторник). Четвертый день операции «Южный ветер»

«Ночью — мороз, днем температура достигала 7 °С выше нуля. Небольшая облачность. Бывает ясно и солнечно. Местами лежит плотный туман. Проселочные дороги стали проходимы только этой ночью».

В этот день немецкие части в основном занимались перегруппировкой. В принципе предполагался день отдыха.

Кто-то из танкистов после нескольких дней наступления хотел выспаться. В южной части грановского плацдарма 44-я имперско-гренадерская дивизия сменила убывавшие на юг 12-ю танковую дивизию СС «Гитлерюгенд» и боевую группу «Сигнал».

Некоторые части продолжали свои боевые действия. Ночью танковая дивизия СС «Лейбштандарт» и 46-я пехотная дивизия с двух сторон попытались взять Дармоть. Затея провалилась. С рассветом на немцев обрушился мощный огонь. Окруженные части Красной Армии не намеревались сдаваться. Поддержка им оказывалась с противоположного берега Дуная. Еще недавно по советскому плацдарму был открыт ураганный огонь из орудий и минометов Красной Армии. Немцам в буквальном смысле слова пришлось вжиматься в землю. К артиллеристам присоединились советские штурмовики, которые под прикрытием истребителей открыли форменную охоту на немецкие танковые колонны. Одновременно с этим был открыт мощный огонь по позициям 711-й пехотной дивизии (южный берег Дуная). Город Гран оказался весь в огне. В штабе группы армий «Юг» могли лишь испуганно констатировать, что к югу от города концентрировались огромные силы Красной Армии. Точных данных никто не знал, так как почти все немецкие самолеты-разведчики уничтожались советскими истребителями.

Учитывая, что Будапешт был взят советскими войсками, не было ничего удивительного в том, что с его стороны к передовой потянулись длинные колонны. Кто-то в те дни говорил о «3600 машинах», которые были обнаружены на пути к Ипольшагу и Балашшадьярмату. В штабе группы армий «Юг» даже предположить боялись, какие силы в ближайшее время обрушатся на них. Кроме этого, никто из немецких генералов не знал, было ли в планах советского командования нанести концентрированный удар по Грану (например, силами армии Плиева и 6-й гвардейской танковой армии) или же развернуть наступление по всему фронту от Лева до Дуная. Впрочем, судя по тому, с каким мужеством сражались окруженные в некоторых населенных пунктах красноармейцы, немцы предполагали, что со дня на день на данном участке фронта стоило ожидать советского контрнасту-

Во время наступления немецкие гренадеры использовали каждую минуту, чтобы вздремнуть

пления. Да, действительно, было бы наивно полагать, что все силы, высвободившиеся после кровавого штурма Будапешта, будут перекинуты далеко на север к словацким горам.

Если говорить о перегруппировке немецких дивизий, то переброска 12-й танковой дивизии СС «Гитлерюгенд» к юго-западу от Барта была возможна только ночью. Повторялась уже когда-то случавшаяся ситуация. Любая движущаяся цель становилась объектом для атаки советских летчиков. Поэтому дивизию вывести можно было только небольшими группами в ночь с 20 на 21 февраля.

На следующий день командование 8-й армии поставило следующие задачи:

«1) Продолжить наступление дивизии СС «Лейбштандарт» и 46-й пехотной дивизии на Дармоть.

2) После наступления темноты силами танковой дивизии «Гитлерюгенд», 211-й народно-гренадерской дивизии и частей 46-й пехотной дивизии ликвидировать остатки советского плацдарма в треугольнике Барт — Кеменд — Бина.

3) Части 96-й пехотной дивизии (полковая группа «Сигнал») и 44-я имперско-гренадерская дивизия «Магистры Тевтонского ордена» должны быть переправлены на южный берег Дуная».

Мажорная (для немцев) часть «интермеццо Гран» закончилась, танковые дивизии СС возвращались на свои позиции.

21 февраля 1945 года (среда). Пятый день операции «Южный ветер»

«Ночью легкий мороз. Днем — температура до 5 °С выше нуля. Небо в целом безоблачное. Состояние дорог улучшается».

В ночь с 20 на 21 февраля 1-я танковая дивизия СС «Лейбштандарт», поддерживаемая ударными отрядами 46-й пехотной дивизии с юга и запада, проникла в Дармоть. Почти тут же все немецкие части стали нести огромные потери, так как попали под прицельный огонь советской артиллерии, который дополнялся усиленными бомбардировками. Бой длился почти весь день, лишь к вечеру немцы захватили данный населенный пункт. Сообщение об этом было послано в штаб 8-й армии в 21 час 20 минут. Почти до ночи длилась перегруппировка 12-й танковой дивизии СС «Гитлерюгенд». В итоге ее участие в боях было запланировано только на 22 февраля.

К Грану подтягиваются советские войска. Вероятнее всего, советское командование ожидало продолжения немецкого наступления, а потому хотело перехватить его восточнее этого города. Только этим можно было объяснить то обстоятельство, что, имея определенное преимущество, советские войска не попытались отбить грановский плацдарм у немцев.

Почти идеальный исход операции «Южный ветер» вдохновил командование группы армий «Юг» вновь вернуться к планам «ликвидации всех советских войск на южном берегу Дуная». В 18 часов в штабе группы армий «Юг» командование вместе со штабами 6-й танковой армии и армейской группы Балка обсуждало планы предстоящей операции «Пробуждение весны».

22 февраля 1945 года (четверг). Шестой день операции «Южный ветер»

«Ночью — мороз. Днем — температура до 6 °С выше нуля. Погода меняется с ясной на пасмурную. Дороги становятся суше».

Остатки окруженных частей Красной Армии продолжают мужественно сопротивляться. Отчасти им в этом помогает достаточное количество боеприпасов, в том числе артиллерийских снарядов. Огонь по немцам ведется и с основной линии фронта, и с другого берега Дуная. Но это не мешает частям дивизий «Лейбштандарт» и «Магистры Тевтонского ордена» закончить зачистку территорий вокруг Дармотя.

Дивизия СС «Гитлерюгенд» с боями врывается в Барт. Начинаются многочасовые уличные бои. Они затихают лишь к вечеру. Барт почти полностью в руках эсэсовцев. Единственным очагом советского сопротивления остается Бина, которую командование 8-й армии намерено захватить в кратчайшие сроки. К этому моменту обе танковые дивизии СС понесли достаточно большие потери, которые составили 1200 человек и 30 танков. Командующий I танковым корпусом СС не без тревоги сообщал, что «дивизии ослаблены настолько же, как и две недели назад». Но тем не менее командование 8-й армии планировало, что эти две дивизии СС возьмут Бину. «Лейбштандарт» должен был нанести удар с юга, а «Гитлерюгенд» — с запада. Единственной поблажкой прозвучали слова: «Чтобы избежать высоких потерь, особенно от огня тяжелой артиллерии с другого берега, новое наступление должно быть основательно подготовлено и осуществлено ночью».

В данной ситуации в дело вступил начальник штаба 6-й танковой армии СС, который настоятельно просил «проверить необходимость участия танковых дивизий СС в столь малозначимых боевых акциях в ущерб операции «Пробуждение весны». Но тут командование группы армий «Юг» смогло заручиться мнением Верховного командования. Обоснование для участия в ликвидации советских войск под Граном было очень простое: «Остатки советского плацдарма могут стать зародышем для весьма неблагоприятного развития событий на северном берегу Дуная, что может

весьма негативно сказаться на осуществлении операции на южном берегу Дуная».

Дунай во время весенних боев

Однако, несмотря на то что значительное пополнение танковых дивизий СС было весьма спорным вопросом, командование 8-й армии не стало отказываться от их использования в операции по ликвидации остатков советского плацдарма. Там считали, что только максимальная концентрация сил позволит завершить операцию в предельно короткие сроки и с минимальными потерями. Впрочем, опыт дивизии «Гитлерюгенд» показывал, что взятие Барта было сопряжено с огромными потерями, а ведь впереди у 6-й танковой армии СС была еще операция «Пробуждение весны»! Да и само намерение командования 8-й армии завершить операцию к 28 февраля отнюдь не ассоциировалось с быстрыми и оперативными действиями.

23 февраля 1945 года (пятница). Седьмой день операции «Южный ветер»

«Температура до 6 °С выше нуля, пасмурно. В полдень небо временно прояснилось. Состояние дорог неизменное».

Для уничтожения остатков мощного когда-то советского плацдарма немецкие войска были вынуждены вновь провести перегруппировку. Между тем на передовой и в окрестностях Грана с каждым днем нарастал артиллерийский и минометный огонь Красной Армии. Из-за плохой видимости в этот день почти не действовала авиация. По этой причине немецкие войска могли передвигаться небольшими группами даже днем. Ночью 85 немецких танков атаковали советские позиции на участке фронта Бина — Каменд. Немцы пытались продвинуться на восток, расширив на этот раз уже собственный плацдарм.

В штабе группы армий до сих пор ничего не было известно о силах Красной Армии, сосредоточенных восточнее Грана. Опять же никто не знал, где находится советская 6-я гвардейская танковая армия. Но в любом случае немецкому командованию было ясно, что Красная Армия отказалась от идеи контратаковать Гран. Предполагалось, что командование 2-го Украинского фронта готовится отразить немецкое наступление на фронте между Ипелем и Граном, а потому все советские части перешли в оборону. Но в штабе 8-й армии имелись совершенно иные сведения:

«Из допросов языков и перехваченных русских радиосообщений следует, что на Гран готовится наступление четырех пехотных и четырех танковых дивизий противника. При этом неприятель особенно яростно обстреливает из артиллерии нижний Гран (*часть города, расположенная на южном берегу. — Авт.*). В Кеменде и Бине артиллерийский огонь менее плотный. Нет никаких признаков того, что Гран будет атакован из окруженных остатков плацдарма противника. Напротив, подтвердилось, что северо-восточнее Левы, в район Рыбника, направляется крупное артиллерийское соединение, которое согласно данным авиаразведки насчитывает 89 орудий. В данном случае речь могла идти о предшествующем плацдарме, созданном здесь накануне наступления на Гран.

24 февраля 1945 года (суббота). Восьмой день операции «Южный ветер»

«Температура до 6 °С выше нуля. Сильная облачность. Ветрено. Местами легкие осадки. Неукрепленные дороги и низины вновь залиты водой. Они плохо проходимы даже для гусеничного транспорта».

Это был день фактического завершения операции «Южный ветер». Несмотря на все расчеты штаба 8-й армии, наступление на Кеменд оказалось связано с гораздо большими потерями, нежели предполагалось. На участке фронта между Граном и Кемендом советские войска смогли укрепиться и подготовиться к обороне. Дивизии «Лейбштандарт» пришлось наступать под огнем 37 советских тяжелых противо-

танковых орудий. Элитная дивизия СС тут же стала нести громадные потери. К полудню «Лейбштандарт», прикрываемый 44-й имперско-гренадерской дивизией «Магистры Тевтонского ордена», все-таки смог прорваться на окраины Кеменда. Завязались ожесточенные бои за каждый дом. Несмотря на мужество советских солдат, немцам все-таки удалось закрепиться в городе. Не менее трагические события разыгрывались и на западных окраинах, которые атаковала 46-я пехотная дивизия. Прежде чем немцы смогли их все-таки захватить, они по два раза переходили из рук в руки. Отступающие советские части были внезапно накрыты огнем немецкой полевой артиллерии. Нередко советские части попадали под собственный же артиллерийский огонь, который велся здесь сплошной стеной. При отступлении красноармейцы подорвали все мосты.

В тот же самый день развернулись бои за Бину. 12-я танковая дивизия СС «Гитлерюгенд» нанесла удар по данному населенному пункту одновременно с севера и с запада. К полудню она смогла занять примерно половину поселка. И лишь после этого к наступлению присоединилась 211-я народно-гренадерская дивизия. К концу дня советские солдаты были вынуждены оставить поселок и пробиваться к

Форсирование одного из многочисленных ручейков в Западной Венгрии

линии фронта. Когда на северном участке грановского плацдарма были ликвидированы очаги советского сопротивления, можно было говорить о том, что операция «Южный ветер» подходит к своему завершению, а все цели, поставленные перед немецкими войсками, достигнуты. В 17 часов 20 минут штаб 8-й армии сообщил о «полном урегулировании ситуации на плацдарме близ Грана». В 17 часов 45 минут штаб группы армий «Юг» сообщил в Верховное командование сухопутных войск об успешном окончании наступательной операции «Южный ветер».

В ходе ее обе сражающиеся стороны понесли огромные потери. В качестве примера достаточно привести только несколько цифр. Красная Армия во время боев под Граном потеряла 4 тысячи человек убитыми, 700 взятыми в плен. Потери в технике составили 90 танков и 334 орудия. Но при этом в I танковом корпусе СС из 102 единиц бронетанковой техники в исправности сохранилось только 43 машины. Изрядно потрепанные эсэсовские дивизии вечером 24 февраля собрались покинуть район Комарома. Покинем и мы данное печальное место, чтобы перенестись в Секешфехервар, где уже находился IV танковый корпус СС. Именно туда направлялись и прочие танковые дивизии СС. Именно там, между озерами Веленце и Балатон, разыгралось последнее крупное танковое сражение Второй мировой войны.

Глава 7

«СРАЖЕНИЕ НА БУМАГЕ» ПЕРЕД СРАЖЕНИЕМ

Во второй половине февраля 1945 года, в то время как разворачивалась операция «Южный ветер», шла активная подготовка к уничтожению советских войск в треугольнике Дунай — озеро Балатон — Драва. Определенные трудности в согласовании планов боевых действий вызвала позиция Главнокомандующего на юго-востоке. У двух групп армий («Ф» и «Юг») не совпадали как минимум времен*ны*е рамки начала операции. Генерал-фельдмаршал Вейхс заявлял, что был готов уже 25 февраля 1945 года силами четырех дивизий

форсировать Драву и начать наступление на Осиек (Эссег). Подобные сроки никак не устраивали командование группы армий «Юг». Оно не могло начать операцию «Пробуждение весны» в столь ранние сроки хотя бы потому, что еще не была завершена операция «Южный ветер». Ни о какой подготовке наступления к данной дате не могло быть и речи. Верховное командование сухопутных сил соглашалось с этими доводами. Но они не устраивали Верховное командование Вермахта и лично Гитлера, которые в силу неуклонно ухудшающегося положения на фронтах хотели начать грандиозное наступление как можно раньше. Таким образом, планирование операции началось с заведомо нереальных сроков ее начала.

21 февраля в штабе группы армий «Юг» состоялось совещание, в котором, кроме командования группы армий, принимали участие начальник штаба 6-й танковой армии СС Кремер и генерал Балк. Командование армейской группы Балка еще 20 февраля представило свои предложения в письменном виде, что однозначно указывало на то, что Балк намеревался если не сыграть решающую роль в предстоящем наступлении, то как минимум оказать значительное влияние на его подготовку.

В начале совещания один из офицеров штаба группы армий доложил обстановку в районе предстоящих боевых действий. Отмечалось, что вдобавок к мощной группировке советских войск к западу от захваченного Будапешта, маршал Толбухин значительно усилил воинскую группировку, находящуюся между Дунаем и озером Балатон (советские и болгарские войска). В итоге можно было выделить два «эпицентра» средоточия войск 3-го Украинского фронта:

1) к югу от линии озеро Веленце — канал Шарвиз;

2) к северу от Секешфехервара.

Взявший слово генерал Балк изложил свое в*и*дение данной операции. По его мысли, 6-я танковая армия должна была атаковать силами обоих танковых корпусов СС участок западнее канала Шарвиз. Затем ее правое крыло должно было продвигаться на юг к линии Шиофок — Эньинг — Калоз. Целью танковой армии был захват территории северо-восточнее Печа (Фюнфкирхен).

Днем позже армейская группа Балка (III танковый корпус с тремя приданными ему дивизиями) стала бы продвигаться на восток от канала Шарвиз, в направлении линии Аба — Шерегейеш, после чего предприняла бы атаку в северо-восточном направлении, между Дунаем и озером Веленце, продвигаясь к линии Адонь — Киш-Веленце, прикрывая тем самым наступающие части от находящихся на западе от Будапешта советских войск.

В третьей фазе операции две танковых дивизии из III танкового корпуса должны вклиниться между Дунаем и каналом Шарвиз. Достигнув местечка Сексард, они бы прикрыли левый фланг 6-й танковой армии. При этом весь западный берег Дуная удерживался бы силами двух пехотных дивизий, что помешало бы советскому командованию перебросить сюда дополнительные силы. При этом в данном плане не предусматривалось специального наступления из района Секешфехервара, так как «находящиеся там силы IV танкового корпуса СС гарантировали, что противник не сможет прорваться в данном направлении». При обсуждении данного плана был выявлен ряд достоинств и недостатков. При этом главным достоинством было то обстоятельство, что наступление между Балатоном и каналом Шарвиз не потребует много времени для того, чтобы прийти на помощь более слабой 2-й танковой армии (южное окончание озера Балатон). Но при этом в плане было множество минусов:

1) Предполагаемая перегруппировка войск заняла бы много времени, а стало быть, 6-я танковая армия не могла вовремя ударить между Дунаем и озером Веленце.

2) Фланг 6-й танковой армии по каналу Шарвиз оставался бы некоторое время под угрозой, так как не был прикрыт от советских войск.

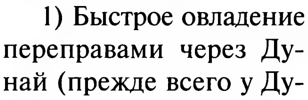
3) Оборона, осуществляемая на отрезке Веленце — Дунай силами двух пехотных дивизий, была слишком слабой, и советские войска к западу от Будапешта могли бы ее прорвать без проблем.

Позже в Верховном командовании сухопутных войск данный план получит наименование **«Решение С1»**.

Генерал-лейтенант Грольман рекомендовал изменить план Балка так, чтобы главное направление удара пришлось восточнее канала Шарвиз. При этом советские войска, располагавшиеся западнее Будапешта, должны были быть взяты в кольцо окружения в результате прорыва пяти танковых дивизий. Для танковых дивизий в данном плане было несколько преимуществ:

С началом оттепели пришлось счищать зимнюю белую камуфляжную окраску с «тигров»

1) Быстрое овладение переправами через Дунай (прежде всего у Дунафёльдвара), моментальная ликвидация расчетов противотанковых орудий, исключение угрозы флангового контрнаступления Красной Армии с востока.

2) Охватывающим маневром уничтожение советских войск к югу от озера Веленце.

3) Силами двух танковых и одной пехотной дивизий прорыв между Дунаем и озером Веленце, во время которого значительные танковые части устремляются на юг.

Позже этот вариант получил обозначение **«Решение С2»**.

Командование 6-й танковой армии СС весьма одобрительно отнеслось к варианту Грольмана и наотрез отказалось соглашаться с предложениями Балка. Генерал-майора Ваффен-СС Кремера никак не устраивала перспектива наступать с незащищенными флангами и весьма вытянутой линией снабжения. К тому же он не хотел получить в тыл удар из Будапешта. Вообще план Балка рисковал превратиться в новый котел. Для этого советским войскам было достаточно предпринять контрнаступление от Секешфехервара в направлении Варпалоты, Веспрема, а затем — чуть далее на север, к Вертешским горам. В условиях почти

катастрофической ситуации со снабжением пути подвоза боеприпасов являлись важнейшей предпосылкой для удачного наступления танковых частей СС. Кроме того, в штабе 6-й танковой армии СС не сомневались в боевой мощи IV танкового корпуса СС (пусть и не такой огромной, как прежде). Но все равно полагали, что его сил было явно недостаточно для ведения эффективной обороны, особенно если ему предстояло отражать крупное советское наступление.

По этой причине командование 6-й танковой армии СС предложило свой собственный план действий. После некоторых оборонительных боев, главной целью которых было удержание промышленных районов Надьканижи, Секешфехервара и Комарома, надо было предотвратить прорыв Красной Армии в направлении Вены. С данной точки зрения наиболее вероятным местом наступления Красной Армии были Секешфехервар и Вертешские горы. На это указывал хотя бы тот факт, что к западу от Будапешта были сконцентрированы огромные силы Красной Армии. Немалые советские силы находились также и в Пилишских горах, к северу от Секешфехервара, и недалеко от Мора и Фельшёгаллы. Именно по этой причине на данном участке надо было использовать не очень надежные венгерские дивизии. По мнению Кремера, это должно было спровоцировать советское командование на наступление. Кремер предлагал «проколоть красный нарыв» к западу от Будапешта. Когда советские войска, потеснив венгров, пошли бы в наступление, их бы взяли в клещи. Для этого надо было сформировать две ударные танковые группы, которые размещались бы по обе стороны от озера Веленце. При этом разворачивалось бы наступление и пехотной группы, которая должна была располагаться к северу от Жамбека. Продвигаясь в восточном направлении, она позволила бы соединиться с частями 2-й танковой армии. Этот план получил название **«Решение А»**.

Четвертый вариант операции — **«Решение В»** — был представлен начальником штаба группы армий «Юг». Судя по всему, Грольман намеревался претворить в жизнь именно его. Данное решение, активно поддерживаемое генералом Вёлером, предусматривало «частичное уничтожение сил противника к западу от Будапешта посредством атаки,

предпринятой частями армейской группы Балка из района Бичке, которые должны двигаться в южном и юго-восточном направлениях». Одновременно с этим 6-я танковая армия должна была нанести удар по советским позициям между Дунаем и озером Веленце. Главной целью наступления было уничтожение советских войск в треугольнике Веленце — Секешфехервар — Бичке и последующее создание оборонительного рубежа по линии Эрчи — Барачка — Бичке. Собственно, данное наступление должно было стать лишь предпосылкой для наступления пяти танковых дивизий на юг. Ликвидация советских войск к северу от Веленце должна была, в первую очередь, устранить возможность нанесения советских ударов с флангов, а также прервать линии снабжения частей Красной Армии, оставшихся к западу от Будапешта. При этом в качестве оперативного резерва должен был выступать IV танковый корпус СС, расположенный на тот момент, по плану, между Веленце и Дунаем. Главными недостатками данного плана были:

1) Общая задержка начала операции по сравнению с готовностью 2-й танковой армии и дивизий Главнокомандующего на юго-востоке.

2) Частичные потери до начала наступления в южном направлении.

Но в основных чертах данный план удовлетворил командование 6-й танковой армии, которое считало, что надо было устранить в первую очередь угрозу контрнаступления со стороны Будапешта и прилегающих к нему с запада территорий. Однако при этом все присутствующие на совещании отказались от предложения Кремера наступать по обе стороны озера Веленце. Отказ был связан со сложностью ландшафта в данных краях, что в свое время испытала на себе армейская группа Балка.

При расчете, что операция «Южный ветер» закончится 24 февраля, начало нового наступления было запланировано на 5 марта 1945 года. В 22 часа генерал Вёлер в беседе с генерал-полковником Гудерианом сообщил, что в ходе совещаний было выработано три варианта осуществления операции (предложение Кремера по каким-то причинам не было учтено как отдельный вариант). 22 февраля все карты и пояснительные

записки оказались на столе у Гудериана. 25 февраля Вёлер сам прибыл в Верховное командование сухопутных войск, чтобы дать все необходимые комментарии. В разговоре с ним Гудериан заявил, что лично он склоняется к осуществлению «Решения В» и вообще не представлял бы на рассмотрение проект «Решения С2». Но при этом он оговорился, что в данный момент все зависит от решения Гитлера, который в большей степени прислушивается к Йодлю. Вечером того же дня стало известно, что Гитлер одобрил именно «Решение С2», а отнюдь не проект, предложенный командованием группы армий «Юг». Еще не начавшись, операция «Пробуждение весны» была фактически уже обречена.

Geheime Kommandosache

Anlage zu Obkdo.d.H.Gr. Süd, Ia Nr. 64/45 g.Kdos. Chefs.
v. 22.2.45.

Lösungsmöglichkeiten für den Angriff
"Frühlingserwachen"

Chefsache!
Nur durch Offizier!

Losung A): (ohne Karte, da m.E. abzulehnen)

Tempo 1: Vernichtung der zwischen Budapest, Donauknie, Vertes-Gebirge und Velencze-See stehenden Feindkräfte und Gewinnen der gesamten Donau-Front südl. Budapest, Donauknie bei aitzen und Gran.

Tempo 2: Umgruppierung zur Operation Richtung Süden mit dem Ziel, Feindkräfte vor Südfront Armeegruppe Balck, 2. Pz.Armee und Drau-Front des Ob. Südost im Zusammenwirken mit diesen zu zerschlagen sowie die Donau zwischen Drau-Mündung und Budapest zu gewinnen.

Vorteile:
a) Völlige Vernichtung der Feindkrafte im Raum westl. Budapest und damit
b) Rückenfreiheit sowie
c) usschalten von Feindangriffen südl. der Donau in westl. bzw. sudwestl. Richtung während des Tempos 2.

Nachteile:
a) Eigene Krafte zu schwach,
b) zu grosser Zeitbedarf zum Anlaufen des Tempos 2,
c) Festkämpfen der schnellen Verbände in dem westl. Stadtgebiet von Budapest sowie im Gebirge nordwestl. davon,

Страница из приказа о начале операции «Пробуждение весны»

Часть 3

ФИНАЛЬНЫЙ РЫВОК

Глава 1

МАРШ ПО ГРЯЗИ

Для начала операции «Пробуждение весны» 6-я танковая армия была значительно пополнена. В ее состав были введены имперско-гренадерская дивизия «Магистры Тевтонского ордена» и дивизии I кавалерийского корпуса. Для того чтобы выйти на исходные позиции, данные соединения должны были быть перекинуты в места промежуточного сбора. Чтобы упростить восприятие данной информации, представим ее в виде таблицы:

Соединение	Путь следования	Место сбора
I танковый корпус СС		
1-я танковая дивизия СС «Лейбштандарт»	Комаром, Рааб, Романд, Жирк, Веспрем	Веспрем, Ошкю, Надьэстергар, Баконьтомаши, Чот, Баконьбел, Марко
12-я танковая дивизия СС «Гитлерюгенд»	Комаром, Рааб, Тет, Папа, Варошлёд, Марко (Веспрем)	Марко, Баконьбел, Чот, Папа, Дака, Варошлёд
Корпусные группы	вслед за дивизиями	в основной массе за 12-й танковой дивизией СС
Танковые группы	по железной дороге	Веспрем
II танковый корпус СС		
2-я танковая дивизия СС «Рейх»	Рааб, Зирц, Варпалота	Варпалота, Баконькути, Шур, Баконьбанк, Романд

Соединение	Путь следования	Место сбора
9-я танковая дивизия СС «Гогенштауфен»	Рааб, Кишбер, Мор (Секешфехервар)	Баконькути, Бодайк, Мор, Кишбер, Баконьбанк
Корпусные группы	вслед за дивизиями	в основной массе за 2-й танковой дивизией СС
Танковые группы	по железной дороге	Варпалота, (Веспрем)
44-я имперско-гренадерская дивизия «Магистры Тевтонского ордена»	Комаром, Кишбер, Мор, (Секешфехервар)	Ёши, Шаркези, Мор
I кавалерийский корпус		
3-я кавалерийская дивизия	Тата, Бокод, Мор, Замой, (Секешфехервар)	Мадьаралмаш, Чокакё, Бодайк
4-я кавалерийская дивизия	Тата, Бокод, Мор, Шаркерестеш	Секешфехервар, Шаркерестеш, Мадьаралмаш, Искасентдьёрдь
Корпусные группы	вслед за 3-й дивизией	—
Моторизрованные группы	по железной дороге	Веспрем

В данном плане переброски 6-й танковой армии можно было сразу же увидеть несколько слабых мест. Во-первых, шоссе Кишбер — Мор — Секешфехервар должно было испытать неимоверно большую нагрузку. По нему должно было пройти очень большое количество танков и транспортов. Это касалось «сухопутной» части переброски как минимум четырех дивизий — «Гогенштауфен», «Магистров Тевтонского ордена», 3-й и 4-й кавалерийских дивизий. Передвижение затруднялось еще и тем обстоятельством, что все эти дивизии подчинялись еще недавно штабам разных армий. Кроме всего прочего, по данной трассе шла переброска войск армейской группы Балка. Все это накладывалось друг на друга и приводило к заторам на дороге. Труднее всего приходилось тяжелой артиллерии, которая не могла обойтись объездными путями и для транспортировки которой требовались либо тягачи, либо тяжелые гру-

зовики. Обозначенное время наступления можно было соблюсти только в условиях точнейших просчетов транспортных потоков, но этим, как и прежде, почему-то никто не удосужился заняться. Вообще «логистика» в германской армии была поставлена из рук вон плохо. Передвижение осложнялось опять традиционной проблемой — скрываясь от советских штурмовиков и бомбардировщиков, колонны перемещались преимущественно по ночам.

Второй проблемой стало переподчинение части соединений. Так, например, в штабе армейской группы Балка только начали планировать переброску кавалерийского корпуса, как он был передан в подчинение командования 6-й танковой армии. Сами же танкисты не предполагали, что им придется заниматься еще и проблемами кавалерийских частей.

Тревожные сообщения, поступавшие из штабов танковых корпусов о заторах на дорогах, побудили командующего 6-й танковой армией Зеппа Дитриха послать штабного офицера для проведения детальной рекогносцировки на местности. Рано утром 1 марта данный офицер на полугусеничном бронетранспортере отбыл в командный пункт IV танкового корпуса СС. Когда он прибыл на место, то понял, что почти панические сообщения отнюдь не были преувеличением — обстановка была едва ли не катастрофическая. Повсюду виднелись увязшие в грязи и болотине грузовики. Многие из них были уже поломаны. Починить их на местности, да еще в такой грязи, не представлялось возможным. Отдельные солдаты пытались бороться со слякотью, подкладывая под шины связки прутьев и поленья, но все было напрасным. Ситуацию могли бы исправить тягачи, которые были в состоянии вытащить машины из грязи, но они были уже далеко, так как доставляли артиллерию. Не имея возможности сдвинуться с места, застрявшие транспортные колонны сначала были замечены советской авиаразведкой, а затем стали достоянием советских бомбардировщиков и штурмовиков. Об эффекте неожиданности говорить вообще не приходилось, так как было ясно, что немцы готовили крупную операцию где-то между озерами Веленце и Балатон. Кстати, территория между этими озерами во время весенних оттепелей была сущим кошмаром — от озера к озеру тянулись многокилометровые

В начале операции «Пробуждение весны» немецкая техника увязала в грязи

илистые болота, которые высыхали ближе к лету. Чем ближе к исходным позициям приближались части 6-й танковой армии СС, тем чаше они обнаруживали, что эти территории находились под водой, а потому не могли использоваться в качестве стратегического плацдарма для наступления. К слову сказать, на более возвышенной, «советской», стороне линии фронта все было не так уж страшно. Советское командование даже не было озабочено разлившимся Дунаем.

По возвращении в штаб 6-й танковой армии откомандированный офицер доложил, что находит поступавшие сведения вполне оправданными. Более того, он отметил, что выход на исходные позиции в установленные сроки вряд ли возможен, а потому говорить о начале наступления 5 марта не приходится. В лучшем случае оно может начаться только днем 6 марта. Без пехотного подкрепления танковое наступление на совершенно открытой местности сразу же исключалось. Артиллерия могла бы быть укрыта в отдельных селах и усадьбах, если ее вообще удастся своевременно доставить к линии фронта. То же самое касалось и кавалерии, и зенитной артиллерии. Именно в это время Зепп Дитрих вспоминал слова генерала Ваффен-СС Гилле, который, уже хорошо зная

эти края, заранее предупреждал о «коварстве» ландшафта в Западной Венгрии. Единственной трассой, которая была более-менее проходима, было шоссе Веспрем — Варпалота — Секешфехервар. Но она шла едва ли не перпендикулярно тому курсу, по которому должны были следовать немецкие части. Единственное, что в той обстановке проходило без сбоев, так это доставка техники по железной дороге. Но в сложившейся обстановке это уже почти не играло никакой роли — начало наступления надо было откладывать.

Проклиная погоду, немецкое командование ожидало ее изменения. В резкое потепление и прекращение дождей почти никто не верил, а потому все ожидали сильных морозов, которые были в состоянии почти моментально сковать глинистую кашу, раскинувшуюся на многие километры. Но и в одном, и в другом случае требовалось время. Собственно, «стратегические» поправки «на погоду» были новинкой только для командования 6-й танковой армии. В армейской группе Балка уже давно привыкли к этому и теперь почти не ошибались в расчетах со временем. Непредвиденные оттепели в этих краях уже не в первый раз играли злую шутку с немцами. Первый раз это было в декабре 1944 года, когда во время операции «Поздний сбор винограда» тогдашний командующий группой армий «Юг», генерал-полковник Фриснер, отказался посылать танки в болотину. Вторым случаем стала описанная выше операция «Южный ветер». Но тогда оттепель еще не полностью вступила в свои права, а потому ситуация для немцев под Граном оказалась не столь безнадежной. А третьим случаем стала сорванная Главнокомандующим на юго-востоке операция «Лесной дьявол», когда вышедшая из берегов Драва не позволила начать наступление в задуманном направлении. В данной ситуации показательной была бездеятельность большинства командных инстанций, в особенности штаба группы Балка, любившего похвалиться тем, что «к нему прислушивался даже Гитлер».

Несмотря на опасность вызвать гнев Гитлера, Зепп Дитрих все-таки решился сообщить о сложившейся ситуации в Ставку фюрера и уведомить об этом Верховное командование сухопутных войск. Более того, он лично позвонил в Цоссен генерал-полковнику Гудериану, чтобы рассказать о своем затруднительном положении. Судя по всему, «наверху»

данные сведения не посчитали утрированным преувеличением. Об этом говорит хотя бы тот факт, что уже на следующий день к Зеппу Дитриху был послан с самолетом офицер Генерального штаба. В расположение 6-й танковой армии он прилетел во второй половине дня 2 марта. Видя серьезность положения, он срочно связался с оперативным отделом Верховного командования, потребовав срочно предоставить дополнительный транспорт. У командования 6-й танковой армии появилась надежда, что, возможно, начало наступления отложат на день или два.

Но в то же самое время в командовании группы армий «Юг» и не думали предпринимать каких-либо экстренных мер. В дневной сводке всего лишь указывалось: «Состояние дорог в силу затянувшейся оттепели предельно ухудшилось. В особенности это касается позиций армейской группы Балка. Даже в условиях морозов дороги были труднопроходимыми для автомобилей и грузовиков». Ни одного слова о фактическом срыве сроков начала военной операции! В данной ситуации активность проявлял только Зепп Дитрих. Ни Грольман, ни Вёлер не пытались предпринять никаких мер, хоть сколько-нибудь напоминавших прошлые действия Фриснера.

До того момента пока Гитлером не было принято новое решение, все ориентировались на то, что наступление должно начаться 6 марта. А пока немецкие части получали довольно стандартные приказы: «Вперед, любыми силами! Календарные сроки наступления не должны срываться. Их надо соблюсти во что бы то ни стало». И завязнув по уши в грязи, немецкие части пытались двигаться вперед. От недавнего энтузиазма, вызванного успехом операции «Южный ветер», не осталось и следа. Полевые командиры только качали головами. Низший состав начинал едва ли не открыто выражать свое недовольство. Но у младших командиров была только одна отговорка: «Так приказал фюрер». В журнале боевых действий группы армий «Юг» в те дни было записано: «Передвижение по дорогам очень сильно страдает от ежечасно меняющейся погоды. То проливные дожди сменяются жаркой, почти весенней погодой. То наступает жара, и только что замерзшая земля вновь превращается в грязь и жижу». Для восстановления дорог, вытягивания грузовиков и прочей техни-

ки были привлечены не только венгерские солдаты, но и все местные жители. Инженерно-строительные батальоны оказались отозванными даже с передовой. Самые большие трудности ожидали 44-ю имперско-гренадерскую дивизию «Магистры Тевтонского ордена», которая за несколько дней так и не смогла существенно продвинуться на юг от Комарома. А в сообщениях штаба группы армий «Юг» значилась лишь сухая фраза: «Имеются сомнения, что данная дивизия сможет достичь исходных позиций к установленному сроку».

К организации движения были привлечены все силы полевой жандармерии, но и их не хватало. К тому же после боев в Арденнах и активных бомбардировок в распоряжении 6-й танковой армии была всего лишь жандармская рота. Обещанное пополнение находилось еще в пути.

Ко всем этим трудностям добавился Главнокомандующий на юго-востоке, который начал открыто сомневаться в необходимости осуществления запланированной операции. Для обсуждения этого вопроса он послал в штаб группы армий «Юг» подполковника Дойнзина, который, не стесняясь, заявил, что «наступление XCI (91-го) армейского корпуса из-за недостатка тяжелой артиллерии и сложности территории может не достигнуть желаемой цели».

В этих условиях весьма необычно выглядит поразительное спокойствие советского командования. На фронте все чаще и чаще стали появляться части новых союзников СССР — румын и болгар. В районе Грана, фактически затопленного разлившимся Дунаем, были замечены свежие советские кавалерийские эскадроны, что говорило о приближении армии Плиева к передовой.

Хлопоты немцам доставляла и позиция венгров. Именно в эти дни начала формироваться так называемая «Красная венгерская освободительная армия». Ежедневно из венгерских дивизий скрывалось в неизвестном направлении или переходило на советскую сторону по нескольку человек. Командование группы армий «Юг» распорядилось больше не посылать в разведку венгерские батальоны. Нередко отряды разведчиков просто-напросто не возвращались. В командовании венгерских дивизий утверждали, что они наверняка были схвачены «русскими». Но немцы не верили этому. Чтобы предотвратить

Оттепели превращали венгерские ландшафты в непролазную грязь

массовое бегство, венгерские части вводились в состав немецких дивизий. При этом их позиции охранялись некоторым подобием немецких «заградительных отрядов». Любого попытавшегося скрыться расстреливали на месте. Кроме этого, немецкие офицеры стали нести личную ответственность за численность венгерских подразделений. Именно по этой причине в немецких частях к венграм стали относиться не как к союзникам, а как к обузе и лишней головной боли.

Чтобы справиться с хаосом на дорогах, в армейской группе Балка было решено ввести так называемые «дорожные суды». Это был карательный орган, который без суда и следствия расстреливал на месте «виновных» в возникновении пробок и заторов. В 6-й танковой армии отказались от подобной практики, так как она не дала бы никакого положительного эффекта, а только еще больше озлобила бы солдат. Собственно, и сам Балк не рассчитывал на положительный эффект от подобных «судов». Он лишь хотел произвести хорошее впечатление «наверху». По сути же подобные меры были выражением его собственной беспомощности.

Непонятно как, но к 5 марта части 6-й танковой армии все-таки смогли выйти на свои исходные позиции. В 2 часа ночи (с 4 на 5 марта) Зепп Дитрих расположил свой штаб в Кестхее (северо-западное побережье озера Балатон). В его распоряжении было несколько корпусов:

• *II венгерский армейский корпус* в составе 20-й пехотной и 9-й резервной дивизий занимал позиции от Кестхея до Балатоналмади (северное побережье Балатона). Командный пункт — в Балатонфюреде (приблизительно в 15 километрах южнее Веспрема).

- *I кавалерийский корпус* в составе 3-й и 4-й кавалерийских дивизий и подчиненной им частями 25-й венгерской пехотной дивизии занимал позиции от Балатоналмади до Эчи (юго-восточный берег Балатона). Командный пункт — в Папкеси (приблизительно в 14 километрах на восток от Веспрема).

Зильвестер Штадтлер, командир танковой дивизии СС «Гогенштауфен»

- *I танковый корпус СС* в составе дивизий «Лейбштандарт» и «Гитлерюгенд» и подчиненной им частями 25-й венгерской пехотной дивизии занимал участок от Эчи до канала Шарвиз. Командный пункт — в Ласломире (в 2 километрах на север от Полгради).
- *II танковый корпус СС* в составе дивизий «Рейх», «Гогенштауфен», «Магистры Тевтонского ордена» и 23-й танковой дивизии занимал позиции от канала Шарвиз до Шерегейеша. Командный пункт — в Иноте (в 8 километрах на запад от Секешфехервара).

Далее на севере, на левом фланге, шли позиции армейской группы Балка. При этом непосредственными соседями 6-й танковой армии были IV танковый корпус СС и III танковый корпус, в который, кроме 1-й и 3-й танковых дивизий, вошла 356-я пехотная дивизия.

Прежде чем отправиться к себе на командный пункт, Зепп Дитрих еще раз оказался в штабе группы армий «Юг», где попросил генерала Вёлера перенести сроки наступления. Но об этой просьбе в журнале боевых действий группы армий не содержится ни строчки. Там лишь лаконично записано: «Командующий 6-й танковой армией оберстгруппенфюрер СС Дитрих посетил командующего группой армий «Юг», чтобы обсудить детали наступления «Пробуждение весны».

Как и следовало ожидать, Вёлер отказал Дитриху в просьбе. Он ссылался на приказ фюрера, на общее положение на фрон-

тах, на советскую авиаразведку и т.д. В данной ситуации Дитрих был вынужден довольствоваться тем, что большая часть его войск вовремя прибыла на исходные позиции. За целый день он так и не смог изменить сложившейся ситуации и, собрав вечером офицеров, заявил им: «Завтра мы будем наступать! Если наши танки увязнут в грязи, то нам придется наступать пешком». В ночь с 5 на 6 марта 1945 года в немецких штабах не спали, там кипела бурная деятельность. Выход 6-й танковой армии на указанные в приказах позиции закончился только за два часа до начала наступления — в 2 часа ночи 6 марта 1945 года.

Глава 2
СООТНОШЕНИЕ СИЛ

Если говорить в целом, то военные действия в Западной Венгрии вокруг озера Балатон включали в себя несколько операций. На тот момент группа армий «Юг» насчитывала 36 дивизий и 1 моторизованную бригаду, то есть 36,5 дивизии. Из них 11 дивизий принимали участие в операции «Пробуждение весны», а еще 4 — в операции «Ледокол». То есть 40% состава группы армий «Юг» должны были принимать участие в боевых действиях у берегов Балатона. К этим 15 дивизиям надо добавить еще 4 дивизии, выделенные Главнокомандующим на юго-востоке для операции «Лесной дьявол». При этом образовывался фронт протяженностью в 380—400 километров, который должен был удерживаться силами оставшихся 21,5 дивизии (60% состава группы армий «Юг»), которые в большинстве своем должны были находиться в резерве или использоваться для пополнения сражавшихся частей.

Если говорить о боеспособности дивизий, то она была разной — у каждой дивизии своя собственная. По состоянию на 3 марта 1945 года можно сказать, что между отдельными дивизиями имелись сильные различия как в личном составе, так и в материальном обеспечении. В качестве подобных показателей могут выступать, например, численность и сила имеющихся в распоряжении боевых батальонов, количество тяжелых вооружений, артиллерийских батарей, а также степень мобильности определенных частей и соединений. С этой точки зрения ка-

жется не совсем верным утверждение о том, что формирования Ваффен-СС были вооружены или обмундированы лучше, чем соединения других видов войск. Люди, допускающие подобные утверждения, возможно, не знают, что на протяжении всей Второй мировой войны все сражающиеся немецкие части должны были **ежемесячно** сообщать в организационное управление Верховного командования о состоянии частей. При этом данный документ не был пустой формальностью или отпиской. Заполнявший его командир должен был учитывать множество самых разных факторов:

- штатную и реальную численность;
- положенное и имеющееся в распоряжении количество оружия;
- машины для снабжения;
- количество бронированной и небронированной техники, с отдельным указанием, сколько процентов на ходу, а сколько — в ремонте;
- наличие мобильных частей (указывалась доля мотопехоты) и т.д.

На данном сообщении ставилась так называемая «оценка командира», после чего в вышестоящем штабе делалось соответствующее заключение, в котором учитывались такие факторы, как: уровень подготовленности солдат; настроения, царившие в части; возникающие трудности. Только после этого делался вывод о боеспособности части и возможности ее применения в боях.

Собственно, данная оценка выносилась традиционно по четырехбалльной системе:

I — пригодна для участия в наступлении;

II — ограниченно пригодна для наступательных задач;

III — полностью пригодна для ведения обороны;

IV — пригодна к обороне лишь в особых условиях.

Со временем к данной классификации и к ежемесячным отчетам стала применяться практика составления кратких еженедельных бюллетеней, в которых учитывались следующие показатели:

- наименование подразделения (с указанием имени и звания командира);

• количество боевых батальонов (пехота и саперы), которые распределялись по своей боевой силе. Последняя указывалась по нехитрой шкале градаций (из расчета численности батальона):

— *сильный* = более 400 человек

— *в целом сильный* = от 300 до 400 человек

— *умеренный* = от 200 до 300 человек

— *слабый* = от 100 до 200 человек

— *ослабленный* = менее 100 человек

Кроме этого, в «еженедельниках» указывалось наличие артиллерийских батарей, количество противотанкового оружия и единиц бронетехники, уровень мобильности (для мотопехоты); боеспособность, измерявшаяся по указанной выше четырехбалльной системе.

Так вот, если мы обратимся к данным документам, составленным на начало операции «Пробуждение весны», то увидим следующую картину:

Соединение	Состояние на 3 марта 1945 года	Еженедельный бюллетень от 10 марта 1945 года
2-я танковая армия		
16-я панцергренадерская дивизия СС «Рейхсфюрер»	II	II
71-я пехотная дивизия	III	II
1-я народная горнострелковая дивизия	II	II
118-я егерская дивизия	III	III
6-я танковая армия		
I кавалерийский корпус		
3-я кавалерийская дивизия	III	II
4-я кавалерийская дивизия	II	II
I танковый корпус СС		
1-я танковая дивизия СС «Лейбштандарт»	II	II
12-я танковая дивизия СС «Гитлерюгенд»	II	II
II танковый корпус СС		
2-я танковая дивизия СС «Рейх»	II	II
9-я танковая дивизия СС «Гогенштауфен»	II	III

Соединение	Состояние на 3 марта 1945 года	Еженедельный бюллетень от 10 марта 1945 года
44-я имперско-гренадерская дивизия «Магистры Тевтонского ордена»	?	I
23-я танковая дивизия	II	II
Армейская группа Балка (6-я армия)*		
III танковый корпус		
1-я танковая дивизия	II	II
3-я танковая дивизия	II	II
356-я пехотная дивизия	III	III

* Без учета IV танкового корпуса СС (дивизии СС «Мертвая голова» и «Викинг»).

Из таблицы видно, что к началу операции «Пробуждение весны» оценку I имела только имперско-гренадерская дивизия «Магистры Тевтонского ордена». То есть на всю группу армий «Юг» имелась только одна-единственная дивизия, которая могла без каких-либо формальных ограничений полноценно участвовать в наступательной операции. Почти все танковые дивизии могли ограниченно принимать участие в наступлении, а еще четыре дивизии годились лишь для оборонительных операций. При этом спустя несколько дней после начала наступательной операции 3-я кавалерийская и 71-я пехотная дивизии понесли такие потери, что заслужили еще более низкую оценку боеспособности, чем неделю назад. Если говорить о 3-й танковой дивизии СС «Мертвая голова», которую первоначально также планировалось привлечь к наступательной операции, то ее состояние было настолько плохим, что было решено оставить ее в резерве. В начале марта дивизия едва ли могла насчитать полностью укомплектованный танковый полк. Примечательно, что в наступление немецкие дивизии посылались безотносительно того, были они «предназначены» для атаки или только для обороны. В данной ситуации подобные оценки теряли всяческий смысл. В ходе боев в конце войны немцам было уже не до оценок боеспособности соединений.

Если говорить о боевом составе дивизий, то надо немного вернуться назад. В ходе ожесточенных боев 1943 года, кото-

Гуго Краас, командир танковой дивизии СС «Гитлерюгенд»

рый стал поворотным во Второй мировой войне, немцы понесли огромные потери, которые не могли возместить такими же «квалифицированными» военными кадрами, имевшими за своими плечами не только месяцы подготовки, но и огромный боевой опыт. В данной ситуации самыми тяжелыми (для немецкой армии) были потери офицеров и унтер-офицеров. В итоге к 1944 году воинские соединения стали несколько мельче, нежели они были в 1941—1942 годах. Боевой состав роты официально сократился где-то на 100 человек. Это должно было облегчить командование молодым немецким офицерам, не имевшим достаточного боевого опыта. Впрочем, сохранялась «троичность» воинского деления. Именно в силу этого сократилась численность дивизий (чтобы ими было удобнее командовать). В итоге к концу 1944 года мы могли бы увидеть следующую картину.

Пехотная дивизия состояла из двух полков по три батальона каждый = шесть батальонов. К ним надо было добавить саперный батальон = семь батальонов. В дивизии также должен был иметься артиллерийский полк, состоящий из двух-трех батальонов, по шесть-восемь батарей из четырех орудий в каждом. В итоге это давало на дивизию огневую мощь приблизительно полусотни орудий (большинство из которых — легкие полевые 105-миллиметровые орудия и несколько тяжелых 150-миллиметровых орудий). Если к этому приплюсовать противотанковую оборону, разведывательные группы, подразделения связи, снабженцев и т.д., то получится, что штатная пехотная дивизия должна была в 1944 году состоять из 12—13 тысяч человек.

Егерские дивизии были более мобильной, более «легкой» версией пехотных дивизий. Маневренность и оператив-

ность достигались за счет меньшей численности и преобладающего легкого вооружения. Егерская дивизия обычно состояла из двух полков по три батальона каждый, одного артиллерийского полка и саперного батальона. То есть в ней должно было числиться 10—11 тысяч человек.

Народно-гренадерские дивизии, которые начали создаваться только осенью 1944 года, во многом напоминали традиционные пехотные, за исключением того факта, что имели в своем составе меньшее количество снабженцев. В результате этого боевой состав дивизии должен был быть приблизительно равен личному составу. Но при этом численность народно-гренадерской дивизии была равна егерской — 11 тысяч человек. Надо отметить, что почти все служащие подобных дивизий были новобранцами и потому имели меньше опыта, а стало быть, сами подобные дивизии были менее боеспособными. То же самое касается и добровольческих формирований Ваффен-СС. Но в этой связи не надо путать народно-гренадерские дивизии с ***имперско-гренадерскими.*** Последние, в частности, дивизия «Магистры Тевтонского ордена», были элитными формированиями Вермахта.

Горнострелковые и народные горнострелковые дивизии применялись преимущественно (как и следует из названия) в горной местности. Но при этом не исключалось, что их нередко «использовали не по назначению». Впрочем, данные дивизии всегда считались элитными. Общая численность горнострелковых дивизий обычно составляла 12 тысяч человек.

Панцергренадерские (мотопехотные, механизированные или мотострелковые) дивизии состояли из двух полков по три батальона каждый = 6 батальонов. К ним добавлялся традиционный саперный батальон = 7 батальонов. При этом в каждом полку хотя бы один батальон оснащался бронетранспортерами, которые должны были поспевать за танками во время наступления. К этой структуре присоединялся танковый батальон либо батальон штурмовых орудий. В случае с танками каждый батальон состоял из двух-трех рот легких танков и одной роты тяжелых. Но нередко танковые батальоны отсутствовали (в силу разных причин) в структуре панцергренадерской дивизии, а потому ее командованию прихо-

дилось довольствоваться несколькими батареями штурмовых орудий. В итоге штатный состав подобного рода дивизий предполагал 13 — 14 тысяч человек.

Танковые дивизии имели в своем составе к 1945 году, как правило, один танковый полк из двух-трех батальонов по 48 танков каждый. Иногда к ним добавлялся батальон штурмовых орудий по 36 орудий в каждом. Впрочем, это не исключало, что к концу войны существовали дивизии вообще из двух батальонов. Но крупные танковые соединения должны были обязательно иметь в своем составе роту «тигров» (реже «Королевских тигров»). Не стоит полагать, что танковые дивизии состояли только из танков. В их состав входили также два панцергренадерских полка по два-три батальона каждый. С учетом артиллерийских подразделений танковая дивизия должна была насчитывать 14—18 тысяч человек. В данной ситуации немецкие «танковые бригады» на деле могли оказаться лишь несколько усиленными танковыми батальонами.

Если возвратиться к боевым действиям в районе Балатона, то весьма существенно расходятся цифры в советских и немецких источниках. В советских документах указывалось, что в операции принимали участие 9 танковых дивизий, 3 пехотные и 2 кавалерийские дивизии. При этом данная группировка насчитывала 147 тысяч человек, а на ее вооружении (по советским документам) состояло 807 танков и штурмовых орудий, более 3200 пехотных орудий и тяжелых минометов. Немецкие документы показывают несколько иную картину. У готовящейся к наступлению группировки было чуть больше 300 танков и штурмовых орудий. При этом в послевоенной советской литературе приводятся просто фантастические цифры. Приведу их, воздержавшись от каких-либо комментариев. «Для операции против 3-го Украинского фронта была сформирована группировка из 310 тысяч человек, которая имела примерно 6 тысяч орудий и минометов, 1600 танков и штурмовых орудий, 800 тысяч бронетранспортеров и броневиков, 859 самолетов». Если бы эти цифры были правдой, то бои у берегов Балатона могли вполне спокойно «затмить» сражение под Прохоровкой.

Но попытаемся определить реальную численность немецкой группировки.

6-я танковая армия		
Командование вместе с армейскими частями		1416
Командование I корпуса вместе с корпусными частями	3883	
1-я танковая дивизия СС «Лейбштандарт»	18671	
12-я танковая дивизия СС «Гитлерюгенд»	17423	**40177**
Командование II корпуса вместе с корпусными частями	3036	
2-я танковая дивизия СС «Рейх»	19542	
9-я танковая дивизия СС «Гогенштауфен»	17229	**39807**
ИТОГО		**81400**
Командование I кавалерийского корпуса вместе с корпусными частями	2600	
3-я кавалерийская дивизия	7000	
4-я кавалерийская дивизия	8000	**17600**
44-я имперско-гренадерская дивизия «Магистры Тевтонского ордена»	14000	
23-я танковая дивизия (резерв группы армий)	12000	**26000**
6-я армия (армейская группа Балка)		
Командование III танкового корпуса с корпусными частями	3000	
1-я танковая дивизия	16000	
3-я танковая дивизия	15000	
356-я пехотная дивизия	11000	**45000**
ИТОГО ДЛЯ СЕВЕРНОЙ АТАКУЮЩЕЙ ГРУППЫ		**170000**
Атакующая группа 2-й танковой армии		**50000**
ИТОГО НЕМЕЦКАЯ ГРУППИРОВКА, НАСТУПАЮЩАЯ ПОД БАЛАТОНОМ		**220000**

При этом надо учитывать, что в данной таблице речь идет не о «боевом составе», а о численности, куда были включены раненые, больные и пропавшие без вести за последние 4 недели.

Если говорить о боевой мощи и вооружениях данной группировки, то на основании документов получается следующая картина: 6-я танковая армия (без учета 25-й венгерской пехотной дивизии, но с учетом 23-й танковой дивизии), кроме всего прочего, имела:

- 57 саперных и пехотных батальонов;
- 320 танков и штурмовых орудий (еще 220 единиц бронетанковой техники находилось в ремонте);

• 136 тяжелых противотанковых орудий;

• 272 полевых орудия (68 батарей);

• 48 минометов (7 батарей);

• 72 орудия из состава 403-го народно- артиллерийского корпуса.

Даже если к этим цифрам добавить зенитные орудия, корпусную артиллерию и артиллерию резерва, то все равно никак не получаются цифры, указанные в отечественной литературе.

При ширине «фронта наступления» 6-й танковой армии СС в 40 километров, можно рассчитать среднестатистическую «тактическую плотность». В данном случае она составляет 700 метров фронта на 1 батальон. При этом на один километр фронта должно было приходиться 8 исправных танков, 3,5 противотанкового орудия, 10 полевых орудий. Впрочем, все эти цифры — лишь статистическое баловство, которое вряд ли способно передать реальную обстановку, так как в зависимости от тактических задач тактическая плотность на отдельных участках могла быть больше или меньше.

Отражение немецкого наступления «Пробуждение весны» стало важнейшей задачей для маршала Ф.И. Толбухина, командующего 3-м Украинским фронтом. На тот момент позиции 3-го Украинского фронта раскинулись от Вертешских гор до Дравы.

Согласно указаниям Ставки, необходимо было создать линию обороны. Главными задачами были:

1) отражение массированного немецкого танкового наступления;

2) в случае прорыва советской линии обороны — предотвращение быстрого продвижения немецких частей вперед;

3) обеспечение свободы действий частям 3-го Украинского фронта на время всей оборонительной операции.

Для выполнения данных задач было подготовлено несколько оборонительных рубежей. В силу того, что некоторые плацдармы не отличались тактической глубиной, отдельные оборонительные укрепления находились на значительном расстоянии друг от друга. Тем не менее оборона могла опираться на хорошо подготовленную систему траншейных укреплений. Особое внимание командование 3-го Украинского фронта уделяло вопросам противотанковой обороны. К унич-

тожению немецких танков были подключены все рода войск. При этом специальные заграждения и минные поля могли обеспечить предотвращение внезапного прорыва немецких танков. Наибольшее количество противотанковой артиллерии было сосредоточено на участке фронта, ограниченном озером Веленце и каналом Шарвиз. Именно эта местность благоприятствовала активному использованию немецких танков, штурмовых орудий и бронетранспортеров.

Сам 3-й Украинский фронт при этом делился на две части и отдельную резервную группу:

1-й эшелон 3-го Украинского фронта (оборона)		
4-я гвардейская армия	8 дивизий	Гант — озеро Веленце — канал Шарвиз (50 километров)
26-я армия	10 дивизий	Канал Шарвиз — юго-восточный берег озера Балатон — севернее Марцали (50 километров)
57-я армия	6 дивизий	Южный берег озера Балатон — Надьбайом — Драва (80 километров)
1-я болгарская армия	6 дивизий	Окрестности Дравы близ Барча (80 километров)
	30 дивизий	
2-й эшелон 3-го Украинского фронта (за позициями 4-й и 26-й армий)		
27-я армия		
37-й стрелковый корпус	4 дивизии	На западном берегу Дуная
15-й гвардейский стрелковый корпус	5 дивизий	На восточном берегу Дуная
33-й стрелковый корпус	4 дивизии,	
	Итого —43 дивизии	
Оперативная резервная группа 3-го Украинского фронта		
18-й танковый корпус		Юго-западнее Адони
23-й танковый корпус		Севернее Пазманда
1-й гвардейский механизированный корпус		Северо-западнее Дунафёльдвара
5-й гвардейский кавалерийский корпус с тремя кавалерийскими дивизиями		Западнее Пакаша

Кроме этого, в распоряжении маршала Толбухина были 17-я воздушная армия и специальная Дунайская флотилия. А также в качестве резерва Ставки на данном участке фронта имелась 9-я гвардейская армия. Она должна была принять участие в запланированной на 15 марта 1945 года Венской наступательной операции. Она стояла юго-восточнее Будапешта.

Если оценивать силы 3-го Украинского фронта, которые можно было привлечь для отражения немецкого наступления, то картина выглядит следующим образом:

- 407 тысяч человек;
- 6890 орудий и минометов;
- 407 танков и самоходных артиллерийских установок;
- 965 самолетов.

Советское превосходство ощущалось не только в численности войск. У Красной Армии на тот момент был весьма высокий боевой дух. К тому же советские части фактически не знали никаких трудностей со снабжением. Топливо, боеприпасы, провиант, необходимое пополнение — все это поступало в нужные сроки.

Для того чтобы более реально соотносить немецкие и советские силы, необходимо сделать несколько замечаний относительно построения советских частей:

Советская стрелковая дивизия, как правило, состояла из трех стрелковых полков, саперного батальона, артиллерийского полка и отдельных групп снабжения, связи и противотанковой обороны. В целом она соответствовала немецкой пехотной дивизии, хотя советское соединение было несколько меньше — оно насчитывало 9—10 тысяч человек. В советской армии не было танковых и панцергренадерских дивизий. Им приблизительно соответствовали ***танковые и механизированные корпуса***. Танковым и гренадерским полкам соответствовали ***танковые и механизированные бригады.***

Традиционный ***советский танковый корпус*** времен Второй мировой войны состоял из трех танковых бригад по 60 танков каждая = 180 танков, одной механизированной бригады и стрелкового полка, одного полка самоходных артиллерийских установок и одного полка противотанковой артиллерии. То есть общая численность советского танкового корпуса составляла 11 тысяч человек. Столько же человек насчитывал и ***со-***

ветский механизированный корпус, за тем исключением, что в нем менялось количество танков и механизированных бригад. Болгарские и румынские части во многом соответствовали немецкой военной классификации. При этом по большей части они были вооружены немецким оружием.

Сама же советская оборона была разделена на три последовательно эшелонированных оборонительных рубежа. За передним рубежом, чья глубина составляла 5 километров, на расстоянии 3—8 километров (в зависимости от условий ландшафта и особенностей территории) располагался второй рубеж, чья глубина составляла 3—4 километра. И, наконец, на расстоянии от него в 20 километров располагался так называемый тыловой рубеж обороны. Стоит отметить, что даже немцы признавали, что красноармейцы были мастерами возводить оборонительные укрепления. «Нередко лопатой они орудовали лучше, чем винтовкой».

К моменту весеннего немецкого наступления в Венгрии части 3-го Украинского фронта смогли построить 1500 километров оборонительных сооружений. Было выкопано 2400 километров траншей и окопов, установлено 250 тысяч противотанковых и пехотных мин. Не стоит забывать, что все это было сделано в зимних условиях.

Подобная подготовка к обороне наглядно показывает, что советское командование считало прибывшую на Восточный фронт 6-ю танковую армию СС очень опасным и серьезным противником.

Если оценивать общее соотношение немецких и советских сил, то оно выглядит приблизительно следующим образом:

- пехота 3:4;
- артиллерия 1:1;
- бронетехника 4:1;
- авиация 1:1.

Как видим, немцы значительно превосходили части Красной Армии только в количестве танков, штурмовых орудий и бронетранспортеров. По остальным показателям у них явно не было того численного преимущества, которое надо было иметь перед началом крупномасштабной наступательной операции.

Вероятно, для операции «Пробуждение весны» немцы хотели воспользоваться следующими слабыми моментами 3-го Украинского фронта:

1) Левое крыло фронта (1-я болгарская армия) несколько «подвисло».

2) Плацдарм на западном берегу Дуная имел тактическую глубину от 25 до 40 километров. В то же самое время советский плацдарм у озера Балатон имел глубину до 120 километров. Все это могло затруднить перегруппировку советских войск.

3) Дунай являлся широкой водной преградой, находившейся в тылу плацдармов, что затрудняло снабжение советских войск на западном берегу.

4) Озеро Балатон своими просторами могло помешать своевременному началу советского наступления.

Но при всем этом у маршала Толбухина было несколько преимуществ, которыми он смог (как показала практика) грамотно воспользоваться:

• Несмотря на все меры секретности и предосторожности, советское командование уже в конце февраля 1945 года знало о предстоящем немецком наступлении. Немецкие танки ожидали на хорошо подготовленных к этому оборонительных рубежах. То есть немцы потеряли свое пресловутое преимущество — «фактор неожиданности».

Отто Кумм, командир 1-й танковой дивизии СС «Лейбштандарт Адольф Гитлер»

• II танковый корпус СС не смог своевременно выйти на исходные позиции. В итоге он был вынужден начинать наступление, так сказать, «вполсилы». В результате этого появилась возможность советского удара во фланг I танковому корпусу СС, располагавшемуся чуть севернее.

• Неожиданное заболачивание местности не позволило немцам использовать танки и штурмовые орудия широким фронтом. Наступление могло

осуществляться лишь по нескольким направлениям. По этой причине в первых рядах атакующих была немецкая пехота и мотопехота. Поэтому быстрый прорыв мощных советских оборонительных рубежей был невозможен. У немцев не было ни одной предпосылки для удачного осуществления операции «Пробуждение весны».

Глава 3
ОПЕРАЦИЯ «ПРОБУЖДЕНИЕ ВЕСНЫ»

6 *марта 1945 года (вторник). Первый день операции «Пробуждение весны»*

Около 2 часов ночи командующие I кавалерийским корпусом и I танковым корпусом СС, а также командующий артиллерийскими частями 6-й танковой армии доложили о том, что они вышли на исходные позиции и готовы начать наступление. К тому времени II танковый корпус СС все еще находился на марше. На исходных позициях были лишь некоторые танковые и артиллерийские подразделения. Предполагалось, что в 4 часа утра можно было начать наступление ограниченными силами. Данные обстоятельства изрядно смутили командование 6-й танковой армии, которое планировало начать наступление всеми силами. Но дожидаться подхода всех частей II танкового корпуса СС оно все равно не стало.

«Температура около 0 °С. Сильная облачность. Снегопад. Плохая видимость на местности. Состояние дорог из-за выпавшего снега и вновь начинающейся оттепели опять начинает ухудшаться... Противник активно использует свою боевую авиацию к югу от озера Веленце, а также в районе Сенткереста, Альтсоля и Нойсоля. Наши военно-воздушные силы поддерживают наступление между озером Балатон и каналом Шарвиз. Несмотря на плохую погоду, во второй половине дня совершено около 45 вылетов штурмовиков и истребителей».

Немецкая наступательная операция «Пробуждение весны» начиналась в следующих условиях. Около часа ночи XCI (91-й) армейский корпус (Главнокомандующий на юго-востоке) в пяти различных местах форсировал Драву (операция «Лесной дьявол»). В условиях незначительного

сопротивления болгарских и советских частей немцам удалось создать на северном берегу плацдарм, который располагался чуть севернее Валпово и Доньи Михольяц. Именно с этих позиций немецкие части должны были нанести удар дальше на северо-восток.

Около 4 часов утра 2-я танковая армия после недолгой артиллерийской подготовки начала наступление по обе стороны от Надьбайома. С одной стороны советские позиции атаковал LXVIII (68-й) армейский корпус (три дивизии), с другой стороны — XXII горнострелковый корпус (одна дивизия). Передовым частям 2-й танковой армии не удалось сколь-нибудь значительно продвинуться вперед. Даже утром большинство из наступающих частей продолжали находиться под мощным огнем советской артиллерии. Наиболее ожесточенное сопротивление советские части оказывали в районе Надьбайома и Капошвара. В некоторых местах подразделения Красной Армии переходили в контратаки, в ходе которых они откинули немцев на их исходные позиции. В итоге немецкие части были вынуждены дожидаться наступления темноты, чтобы под ее прикрытием провести необходимую перегруппировку. Только в этих условиях можно было продолжать наступление к югу от озера Балатон (операция «Ледокол»).

Танковый экипаж на исходных позициях перед началом операции «Наступление весны»

6-я танковая армия также своевременно начала наступление на правом фланге (I кавалерийский корпус) и в центре (I танковый корпус СС). Они атаковали советские позиции между озером Веленце и каналом Шарвиз, продвигаясь на юг. Но и здесь немцев не ждал крупный успех. Как сообщалось в журнале боевых действий, «из-за мощного сопротивления противника, ожидавшего наступления, и слож-

ного заболоченного ландшафта, который не позволял активно использовать танки и тяжелую артиллерию, удалось занять лишь небольшие участки территории».

Части кавалерийского корпуса вообще не смогли продвинуться вперед. На неожиданную атаку 4-й кавалерийской дивизии части Красной Армии ответили моментальной контратакой. После ожесточенного боя стороны разошлись по своим позициям. Был сохранен «статус-кво». Нечто аналогичное происходило и на позициях 3-й танковой дивизии. Реально продвинуться вперед удалось только I танковому корпусу СС. Но и здесь вряд ли приходилось рассчитывать на крупный тактический успех, так как у танкистов ощущался недостаток боеприпасов, а местность, превратившаяся в сплошные болота, не позволяла осуществлять фронтальные атаки.

Только 12-й танковой дивизии СС «Гитлерюгенд» с огромным трудом удалось «зацепиться» за незначительные участки территории по обе стороны от Кишланга. В итоге к концу дня I танковому корпусу СС удалось прорваться сквозь советские минные поля и продвинуться в направлении канала Шарвиз, к Шопонье. На участке между Кишлангом и Шопоньей одно из танковых подразделений продвинулось на 2 километра в юго-восточном направлении. Но в ходе этой атаки немцами было потеряно слишком много танков. Только сейчас в командовании 6-й танковой армии стали вспоминать о предупреждениях венгерских офицеров, которые отговаривали вести боевые действия в «период тины» — во время венгерской распутицы.

Вильгельм Биттрих, командующий II танковым корпусом СС

На тот момент II танковый корпус СС участвовал в наступлении только посредством своей артиллерии, которая вела огонь по советским позициям. Несмотря на отправленные ранее сообщения, он фактически не был готов атаковать. Все попыт-

ки ограниченными силами прорвать советскую линию обороны закончились полным провалом. В грязи танки оказались фактически бесполезными. Собственно, наступление частей (пусть и не полностью укомплектованных) II танкового корпуса началось в 18 часов 30 минут, то есть почти с полуденным запозданием. Они пытались продвигаться в восточном направлении к каналу Шарвиз между позициями I танкового корпуса СС и III танкового корпуса. Из скудных сообщений, поступавших в штаб 6-й танковой армии, становилось ясно, что на тот момент в боях принимали участие только передовые разведывательные отряды танкового корпуса.

III танковый корпус (армейская группа Балка) также начал наступление в 4 часа утра. Его силы атаковали советские позиции по обе стороны от Шерегейеша, где был создан небольшой наступательный плацдарм. Но взять с налета Шерегейеш немецким танкистам не удалось. Лишь несколько подразделений смогли приблизиться к его северным окраинам. На этом участке действовали 1-я танковая и 356-я пехотная дивизии. 3-я танковая дивизия не смогла вовремя выйти на исходные позиции, а потому «должна была остаться в резерве». Как видим, и III танковому корпусу не удалось значительно продвинуться вперед.

В этот момент было объявлено о том, что II венгерский армейский корпус не переходит в оперативное подчинение командованию 6-й танковой армии (что, собственно, было задумано с самого начала). Находясь на северо-западном берегу озера Балатон, он был подчинен командованию армейской группы Балка. Что заставило командование группы армий «Юг» принять столь странное решение, до сих пор остается неизвестным.

В тот момент штаб II танкового корпуса по приказу командования 6-й танковой армии был перенесен в населенный пункт Шарсентмихай (юго-восточнее Секешфехервара). Одновременно с этим определенное участие в операции «Пробуждение весны» принял и IV танковый корпус СС. Его разведывательным отрядам удалось захватить некоторые территории северо-восточнее Секешфехервара. Чуть севернее бои вела 3-я венгерская армия, которой с каждым разом все сложнее и сложнее удавалось отражать советские атаки.

Первый день наступления «Пробуждение весны» прошел для немцев крайне плохо. Впрочем, ожидать чего-то другого было по меньшей мере легкомысленно. Ошибочное сообщение, поступившее из штаба II танкового корпуса, привело к тому, что основная «нагрузка» наступления легла на плечи других дивизий. В условиях распутицы и «жуткого» ландшафта надо было отложить наступление, что в свое время сделал генерал-полковник Фрисснер. Но на этот раз подобного приказа не поступило.

В тот день в журнале боевых действий группы армий «Юг» появилась запись:

«Погода весьма неблагоприятна для наступления танковых частей. Если дороги и территории и успели немного просохнуть за прошедшие дни, то новые снегопады и оттепель вновь превратили их в болота. Противнику удалось блокировать основные трассы огромными минными полями и заградительными батареями противотанковых орудий. При данной погоде фактически нереально обойти их с флангов. Все это не позволяет сколько-нибудь эффективно использовать танковые части. Вследствие ограниченности боезапасов и непродолжительности артиллерийской подготовки, предшествовавшей наступлению, первый удар на себя вынуждены были принять исключительно пехотные подразделения».

К вечеру 6 марта 1945 года сложилось следующее положение. На правом фланге 2-й танковой армии немецкие части смогли прорвать советскую оборону, приблизившись к Надьбайому и Капошвару. В дальнейшем командование танковой армии планировало развить наступление и двигаться в направлении Капошмерё. В то же самое время левое крыло 2-й танковой армии отнюдь не преуспело в наступлении. На этом участке немцы фактически не смогли захватить сколько-нибудь значительных территорий. По этой причине командование 2-й танковой армии решило перенести центр тяжести наступления на южный, правый фланг. Но данное намерение было ограничено командованием группы армий «Юг». В итоге была проведена лишь перегруппировка 1-й народной горнострелковой дивизии.

Огонь из 80-миллиметрового немецкого миномета по советским позициям у канала Шио

О положении 6-й танковой армии можно узнать из журнала боевых действий: «После вечерней сводки, предоставленной штабом 6-й танковой армии, выяснилось, что I танковый корпус СС смог частично прорвать вражескую оборону к западу от канала Шарвиз. Ему удалось кое-где вклиниться в позиции противника, но так как основная масса танков не может применяться, нигде не осуществлено принципиального прорыва».

Далее штаб 6-й танковой армии сообщал, что противник пытается контрактовать близ побережья озера Балатон, атакуя правое крыло танковой армии:

«Неприятелем также использована новая дивизия для контратаки позиций кавалерийского корпуса. Сам же кавалерийский корпус смог продвинуться лишь на 300 метров по обе стороны в направлении трассы Шиофок — Лепшень. Противник предпринимает постоянные контратаки из района Эньинга. Взятые в плен красноармейцы показали, что им было объявлено о запланированном на 3 марта собственном наступлении. В 21 час 5 минут в беседе с командующим группой армий командующий 6-й танковой армией заявил, что в ходе

первого дня наступления танковый прорыв был невозможен. Состояние дорог — катастрофическое. Грязь и вновь выпавший снег еще более ухудшают их состояние. Окружающие территории непроходимы для танков. Единственные пути, по которым могли бы ехать танки, перегорожены противотанковыми укреплениями противника и минными полями.

В итоге вражескую линию обороны вынуждены взламывать пехотные части. Это предполагает затяжные бои, но командующий надеется, что противник будет более слабым, нежели ранее. Основной проблемой до сих пор остаются артиллерийские боеприпасы. Поскольку пехоту не могут поддержать танки, то она должна быть поддержана хотя бы артиллерией. Части кавалерийского корпуса вынуждены отказаться от фронтального наступления. Наиболее остро данный вопрос стоит в отношении территорий, расположенных к востоку от Эньинга. Там атака возможна только с флангов. Впрочем, надо дождаться прибытия тяжелой артиллерии. Без нее вряд ли вообще возможно прорвать линию вражеской обороны».

Силы III танкового корпуса (армейская группа Балка) к концу дня смогли все-таки захватить часть Шерегейеша. Здесь части Красной Армии оказывали немцам наиболее ожесточенное сопротивление. Немецким войскам удалось создать небольшой плацдарм глубиной в полтора километра, но его было явно недостаточно для того, чтобы в полной мере использовать силы 3-й танковой дивизии. Командование III танкового корпуса опасалось, что в силу непролазности путей подхода и недостатка транспортных средств подвоз тяжелой артиллерии к Шерегейешу может затянуться. Кроме того, 3-я танковая дивизия не могла из-за грязи и плохой проходимости вовремя оказаться на указанном плацдарме.

По этим причинам командование армейской группы Балка предполагало использовать железнодорожную насыпь, шедшую от Фалубаттьяна к Шерегейешу. Для подхода по ней танков и тяжелых орудий надо было всего лишь демонтировать рельсы и шпалы.

Для продолжения наступления на следующий день были запланированы следующие шаги:

1) На фронте по Драве предполагалось расширение плацдармов к северу от Валпово и Доньи Михольяц;

2) 2-я танковая армия должна была провести перегруппировку, но при этом продолжать атаковать к северу и югу от Надьбайома. Силы, прорвавшие линию советской обороны на правом фланге, должны были взять Капошвар.

3) Командование 6-й танковой армии должно было:

— провести перегруппировку сил кавалерийского корпуса, который был отброшен на исходные позиции. В ходе его предстоящего наступления надо было взять Эньинг и двигаться в направлении Мезё Комарома;

— I танковый корпус СС должен был продвигаться в прежнем направлении к Дегу, блокировав при этом советские позиции в Калозе;

— II танковый корпус СС должен был наступать в направлении Шаркерестура и Шарошда, отрезав от основных сил советские части в Абе.

4) Командованию армейской группы Балка надлежало расширить плацдарм под Шерегейешем, зачистить от остатков советских войск близлежащие территории и начать наступление в двух направлениях: на юго-восток в направлении Перкаты и на север в направлении Динньеша. После этого часть немецких войск должна была быть высвобождена для нанесения удара между Дунаем и озером Веленце.

Около полуночи генерал Вёлер связался с генерал-полковником Гудерианом, которому описал итоги первого дня наступления следующим образом:

«Я недоволен сегодняшними событиями. Но грязь и мокрый снег сделали свое гнусное дело. Мы едва ли можем использовать наши танковые войска. Танки не могут передвигаться по местности, а все дороги перегорожены или закрыты минными полями. Поэтому наступает только пехота. Произошло то, чего и следовало ожидать. Пехота не смогла обеспечить моментального прорыва. Более того, в ожесточенных боях она почти полностью истратила свои боезапасы. Скоро солдаты останутся без патронов. Противник ожидал нашего наступления, причем именно такого мощного, как мы запланировали. Впрочем, он не знал времени и места. Самой боль-

шой неожиданностью для него стало форсирование Дравы. Пожалуй, это и есть самый крупный успех. Так удалось создать плацдарм на северном берегу, не встретив почти никакого сопротивления противника. Но при этом 2-я танковая армия столкнулась с силами, значительно ее превосходящими. Наступление между двумя озерами осуществляется очень медленно. Особую досаду вызывает тот факт, что в бой так и не смог вступить в полную силу II танковый корпус СС».

Во время этого разговора генерал Вёлер открыто обвинил командование 6-й танковой армии в том, что оно если не саботировало его приказы, то как минимум дезинформировало штаб группы армий относительно сроков начала наступления. Данная фраза была во многом связана с тем, что Зепп Дитрих пытался заступиться за офицеров II танкового корпуса. В ответ Гудериан лишь потребовал, чтобы наступление в полную силу началось как можно быстрее.

После того как советскому командованию стало известно направление основного удара (по обе стороны от канала Шарвиз), командующий 3-м Украинским фронтом маршал Ф.И. Толбухин предпринял ответные меры:

- находившийся в резерве 18-й танковый корпус должен был использоваться к югу от Шерегейеша;
- находившаяся во втором эшелоне обороны 27-я стрелковая армия должна была быть направлена на участок между Шарвизом и озером Веленце;
- использовавшийся как оперативный резерв 133-й стрелковый корпус должен был быть переброшен от южных берегов озера Балатон на северо-восток.

Все эти меры позволили значительно усилить советскую оборону, что не было не замечено немецким командованием.

7 марта 1945 года (среда). Второй день операции «Пробуждение весны»

«Температура до 4 °С выше нуля. Погода переменчивая. Легкий снегопад. Неукрепленные дороги и открытые участки местности размыты».

Как только наступила летная погода, немецкие летчики стали атаковать советские линии снабжения. Для снабжения час-

тей 3-го Украинского фронта через Дунай была построена канатная дорога. К этому моменту почти все мосты были разрушены в ходе боев, а из-за начавшегося ледохода перевозка при помощи речных судов была очень рискованной. В те дни над Дунаем развернулись форменные воздушные баталии. Впрочем, официальная советская историография предпочитала умалчивать об этих боях, упоминая лишь ледоход. Именно он назвался главной причиной разрушения восьми понтонных мостов, каждый из которых имел пропускную способность от 10 до 60 тонн. Так или иначе, но по канатной дороге ежедневно на западный берег Дуная переправлялось от 1200 тонн грузов. В первую очередь это были боеприпасы. Горючее же предпочитали переправлять по некоему подобию трубопровода.

Как уже говорилось выше, на второй день немецкого наступления советская оборона не только не ослабела, но стала еще сильнее. Повсеместно части Красной Армии переходили в более-менее успешные контратаки. Нередко красноармейцев поддерживали танки. Немцы писали по этому поводу: «Второй день наступления, собственно, как и первый, был тяжелым для пехоты. Снегопады и оттепель, сменявшиеся недолгими морозами, как нельзя лучше подходили для обороны, но отнюдь не содействовали нашему наступлению».

Но главным врагом в командовании 6-й танковой армии на тот момент считали все-таки грязь и болотину. Они лучше любой советской авиации мешали доставить тяжелую артиллерию, которая должна была поддерживать немецкую пехоту. Прорыв советской обороны рисковал сорваться, фактически не начавшись. Немцы могли похвастать лишь расширением плацдармов на берегах Дравы, но и это происходило лишь потому, что части Красной Армии не создали здесь глубокоэшелони-

Герман Прис, командующий I танковым корпусом СС

рованных оборонительных рубежей. Впрочем, это не значило, что ничего не делалось. За ночь советские части смогли создать оборонительный рубеж у плацдарма к северу от Валпово. К тому же немцам не удалось навести мосты через Драву. Каждая попытка срывалась советскими артиллеристами. Это обстоятельство заставило командование группы армий «Юг» требовать от Главнокомандующего на юго-востоке изменить направление основного удара, перенеся его от Мохача несколько западнее, ближе к Печу. В данном случае немецкие части, форсировавшие Драву, могли взаимодействовать со 2-й танковой армией. Но это предложение не было принято, так как Главнокомандующий на юго-востоке полагал, что данный маневр обнажит восточный фланг наступавших частей.

На тот момент 2-я танковая армия так и не смогла добиться успеха на своем левом фланге. Силы постепенно перегруппировывались на правый фланг, к югу от Надьбайома. Именно туда были направлены 71-я пехотная дивизия и 16-я панцергренадерская дивизия СС «Рейхсфюрер». Они вступили в бой в 11 часов, но, несмотря на все усилия, им не удалось в корне переломить ситуацию и захватить значительные территории. Они лишь слегка продвинулись к северо-востоку от Надьбайома.

Вечером, в 17 часов 25 минут, командование 2-й танковой армии официально заявило о желании провести перегруппировку войск, так как продолжение фронтального наступления не предвещало успеха. Нужен был прорыв в самом слабом месте советской обороны. Таковой командованию 2-й танковой армии виделся на юго-восточном фланге болгарской армии, близ Чёкёля. В штабе группы армий «Юг» вновь ответили отказом — наступление надо было продолжать в прежнем направлении. «Нет ничего хорошего в том, что армия каждый день будет проводить перегруппировку войск».

Но несколько часов спустя командование 2-й танковой армии вновь повторило свою просьбу. На этот раз оно подкрепило ее советскими картами, обнаруженными у захваченного в плен офицера Красной Армии. Дело в том, что на данных картах была нанесена система советских оборонительных укреплений. Предлагалось нанести удар в юго-восточном направлении, откуда можно было вновь повернуть на северо-

восток в направлении Капошвара. Но генерал Вёлер вновь заявил, что наступление надо было продолжать в направлении трассы Надьбайом — Капошвар, то есть сохранять прежнее направление. Если бы эта задача была выполнена, то 2-я танковая армия могла бы провести перегруппировку уже на новом, более выгодном плацдарме.

Неудача преследовала и 6-ю танковую армию, и III танковый корпус (армейская группа Балка), которые продолжали безуспешно сражаться на участке между озерами Балатон и Веленце. Советские войска здесь не намеревались отступать ни на шаг. Более того, немецкая разведка доложила в штаб, что от Дега к Эньингу направлялось около 80 советских грузовиков с подкреплением. Шопонья, удерживаемая тремя батальонами Красной Армии, тоже была не по зубам немецким частям.

Если говорить о наступлении I кавалерийского корпуса, то 4-я кавалерийская дивизия не смогла продвинуться ни на метр, а 3-я кавалерийская дивизия захватила лишь незначительные территории. Последняя, в частности, взяла высоту 163, расположенную восточнее Эньинга. Именно здесь кавалеристы смогли сомкнуть позиции с частями I танкового корпуса СС.

Потеснить советские части удалось лишь I танковому корпусу СС. 12-я танковая дивизия СС «Гитлерюгенд» (на картах она обозначалась старым кодовым именем — «Эрзац-команда СС «Викинг») смогла захватить накануне село Ёдён. На следующий день (то есть 7 марта) она смогла продвинуться до линии село Фекете — село Араньош (юго-восточнее высоты 163).

1-я танковая дивизия СС «Лейбштандарт» (эрзац-команда СС «Мертвая голова») обошла с запада городок Калоз, отрезала его от трассы, связывающей с Шимонторньей, после чего обогнула населенный пункт и нанесла удар с юга. В ходе ожесточенных боев за Калоз немцам все-таки удалось захватить его. Хорошо построенная советская оборона оказалась беспомощной против нехитрого маневра и удара с тыла. Разбитые здесь советские части небольшими отрядами пытались пробиться на восток. Но далеко не всем удалось вырваться из этой заболоченной местности.

Истребители танков из состава «Лейбштандарта» в бою

К вечеру первые тактические успехи стали появляться и на счету II танкового корпуса СС. Немецкие танкисты, атакуя к востоку от Шарвиза, смогли прорваться сквозь советские противотанковые заграждения. В уничтожении советских «противотанковых гнезд» активно принимали участие штурмовики Люфтваффе. Не исключено, что именно благодаря авиационной поддержке танковым дивизиям СС удалось углубиться в советские позиции на 6 километров.

К тому времени 44-я имперско-гренадерская дивизия «Магистры Тевтонского ордена» смогла пробиться северо-западнее Абы. Именно в этот момент 2-я танковая дивизия СС «Рейх» вела бои в 4 километрах на запад от Шарощда, а 9-я танковая дивизия СС «Гогенштауфен» захватывала одну за другой усадьбы к юго-западу от Шерегейеша. В ходе этого наступления немецкими танковыми дивизиями была перерезана дорога, соединявшая Шерегейеш с Шарощдом. По сравнению с прошлым днем это было несомненным тактическим успехом.

Вечером в штабе 6-й танковой армии состоялось традиционное совещание. Несмотря на предыдущие трудности, Зепп Дитрих был преисполнен уверенности в том, что на следую-

щий день удастся сокрушить советскую оборону и совершить долгожданный прорыв. В 21 час 10 минут Дитрих беседовал с командующим группой армий «Юг». В разговоре он подчеркнул, что «6-я армия намеревалась прорваться на юг к Шимонторнье и Калозу, захватив значительную часть территорий на западном берегу Шарвиза». Но при этом он не исключал, что советское командование могло предпринять попытку фланговой контратаки, а потому просил побудить армейскую группу Балка ускорить наступление на Адонь, что исключало возможность очень опасного для танковых дивизий СС удара с фланга.

Командование 6-й танковой армии с самого начала операции настороженно наблюдало за событиями на своем левом фланге. Именно по этой причине Зепп Дитрих поддерживал постоянный контакт с командованием I танкового корпуса СС. Он хотел знать о любых изменениях в соотношении сил к северу от озера Веленце. Он понимал, что наличие почти в тылу мощной советской группировки было дамокловым мечом для 6-й танковой армии.

Указание Зеппа Дитриха о необходимости наступления армейской группы Балка не было случайным. Несмотря на предыдущее продвижение, 7 марта III танковый корпус так и не смог выполнить поставленных перед ним задач, даже когда активное наступление II танкового корпуса СС уменьшило советское давление на данном участке фронта: «За весь день они так и не предприняли ни одной реальной попытки наступления на Шерегейеш. Весь день армейская группа была занята тем, что ремонтировала дороги и строила мосты, а потому велись только бои местного значения». Можно было считать это мелкой местью Балку, который постоянно кляузничал на эсэсовское командование. Теперь настало время оправдываться генералу Балку. В вечернем разговоре с командующим группой армий он заявил, что «даже завтра III танковый корпус не сможет приступить к наступлению на Шерегейеш, так как из-за медленного подвоза строительных материалов не будут готовы необходимые для этого мосты». В качестве некоего успокоения он заверял, что пока не наблюдалось концентрации значительных сил Красной Армии, которая «судя по всему, еще не оправилась от предыдущих

Начало наступления

ударов». И продолжал: «Как только погода улучшится, нас ждет несомненный успех». Показательно, но и сам Гудериан не стал сильно возражать против временной приостановки наступления сил III танкового корпуса.

Тем же вечером командующий группой армий «Юг» в разговоре с начальником оперативного отдела Генерального штаба сухопутных войск заявил, что «имеются все признаки того, что противник начинает слабеть». В качестве подтверждения этого приводились сведения об использовании командованием 3-го Украинского фронта оперативных резервов. В принципе данный аргумент, равно как и надежда на улучшение погоды, которая превратилась в важнейший стратегический фактор, были обыкновенным самообманом.

Приблизительно таким же образом выглядела беседа генерала Вёлера и Гудериана: «Можно предположить, что силы противника уже разбиты. Он еще не использовал свои оперативные резервы, но они уже находятся на передовой». При этом неким козырем стало исключительное применение пехоты накануне. Мол, у нас были еще задействованы в боях танковые дивизии, которые могут очень быстро прорваться на восток. При этом сам Вёлер не скрывал, что его весьма разочаровали действия 2-й танковой армии (находящейся, кстати, в его же подчинении). Он полагал, что из-за перегруппировки наступление осуществлялось очень медленно.

Еще один примечательный факт. Вёлер так и не сообщил Зеппу Дитриху о том, что даже 8 марта армейская группа Балка

не будет предпринимать активных наступательных действий. Хотя к вечеру он прекрасно об этом знал. На этот день было запланировано лишь несколько разведывательных вылазок силами 5-й танковой дивизии СС «Викинг», которые в лучшем случае могли закончиться мелкими тактическими успехами в районе Секешфехервара. В остальном же армейская группа Балка должна была сосредоточиться на отражении нескольких советских атак близ «северного» изгиба Дуная.

8 марта 1945 года (четверг). Третий день операции «Пробуждение весны»

«Температура около 0 °С. Погода переменчивая. Местами идет небольшой снег. Кое-где наблюдается туман. В ранние часы, когда еще морозно, состояние дорог является удовлетворительным, но с наступлением дня оно вновь ухудшается».

Этот день ознаменовался тем, что американские бомбардировщики атаковали Комаром. Самолеты западных союзников залетали в воздушное пространство над группой армий «Юг» уже с начала года, но, как правило, это не были организованные налеты. Американцы, скорее всего, избавлялись от лишних бомб. На этот раз ситуация была несколько иная. Бомбардировщики целенаправленно бомбили именно указанные объекты во взаимодействии с советской авиацией. Собственно, американских бомбардировщиков было не так уж много, всего четыре штуки, да и сама бомбардировка была всего лишь «жестом доброй воли», но этот жест был очень символичным.

Между тем советское командование, раскрывшее замыслы немцев, продолжало принимать экстренные меры. Из района к юго-западу от Будапешта одна дивизия была перекинута к Драве, к немецкому плацдарму у Доньи Михольяц. Еще одна дивизия была направлена к Надьбайому. Вслед за ней последовало еще одно соединение, которое должно было атаковать на берегах озера Балатон западное крыло немецкого кавалерийского корпуса. На тот момент наибольшую угрозу, по мнению командования 3-го Украинского фронта, представлял возможный прорыв немецких частей из района Шарошда и Шерегейеша к берегам Дуная. Красная Армия ни при каких условиях не должна была утратить плацдарм у Дунафёльдвара, который имел огромное значе-

ние в снабжении частей 3-го Украинского фронта. В случае если бы немцы смогли прорваться сквозь мощную линию обороны на высотах близ Шарошда, в данный район планировалось срочно перекинуть XVIII танковый корпус. Между тем у Шарошда и Шерегейеша уже начались танковые бои.

Если рассматривать отдельные участки сражения, то можно сказать, что подразделениям Главнокомандующего на юго-востоке так и не удалось расширить свои плацдармы на северном берегу Дравы. Они постоянно находились под огнем советской артиллерии. Днем и ночью на них сыпались бомбы и их атаковали советские штурмовики. Единственным достигнутым здесь результатом стал отвод из-под Будапешта ряда советских частей. Но предпосылок для развертывания стратегического наступления в данном направлении у немцев не было никаких. Кроме болгарской армии, на данном участке фронта немцев атаковали с флангов две партизанские дивизии Тито. Немецкое командование опасалось, что если в этот район будет направлена 6-я советская танковая армия, то плацдармы по Драве будут моментально ликвидированы. А это значило, что «большое решение» на западном берегу Дуная (безотносительно успеха или поражения 2-й и 6-й танковых армий на севере) потерпело крах.

Никаких результатов не принесло и продолжавшееся наступление 2-й танковой армии. Впрочем, наступлением эти бои назвать было очень сложно. Сосредоточив немалые силы, немцы смогли захватить к югу от озера Балатон всего лишь 1,5 километра. И это на участке, где они максимально глубоко вклинились в советские позиции! Впрочем, и Красной Армии не удавалось переломить ситуацию. К северу от Надьбайома, близ местечка Марцали, советскими войсками было предпринято несколько контратак. Все они оказались безуспешными — немцы смогли их отразить. Хотя переход немцев к обороне тоже был значимым событием. Отмечалось, что потери 2-й танковой армии были настолько велики, что у нее фактически не оставалось сил, чтобы непрерывно атаковать советскую линию обороны. В штаб группы армий постоянно летели сообщения о незапланированных высоких потерях и очень высоком уровне потребления боеприпасов. «Передовые части потеряли уже до одной четверти своего боевого состава».

По данной причине командование 2-й танковой армии вновь выступило с предложением изменить направление наступления. На этот раз оно должно было быть нацелено дальше на юг. После длительных консультаций генерал-полковник Гудериан все-таки утвердил данное изменение направления наступления. Командование 2-й танковой армии было извещено об этом в 0 часов 30 минут (уже 9 марта). В ответ командование танковой армии сообщило, что для осуществления перегруппировки ей требовался день, а потому наступление заново могло начаться не раньше первой половины 10 марта. Как видим, наступление 2-й танковой армии к югу от озера Балатон не привело к ожидаемой «разгрузке» северных территорий. Советские войска смогли справиться с этим наступлением, фактически не перебрасывая крупных воинских соединений от Шарвиза и озера Веленце. В итоге 6-я немецкая танковая армия приняла на себя основной удар. Она должна была не только прорываться в ожесточенных боях сквозь мощную советскую оборону, но и «выручать» своих южных «партнеров» (2-я армия и дивизии Главнокомандующего на юго-востоке). Ситуация была полностью иной, нежели было изначально запланировано. Не второстепенные удары оттягивали советские войска от 6-й танковой армии, а 6-я танковая армия аккумулировала вокруг себя дивизии Красной Армии, не позволяя им моментально ликвидировать плацдармы на юге.

Подбитый немецкий танк пытаются буксировать по снежной жиже

Для самой же 6-й танковой армии этот день прошел более благоприятно, чем предыдущие два. По существу, на своих прежних позициях оставались лишь части I кавалерийского корпуса. 3-я кавалерийская дивизия смогла провести перегруппировку, что могло позволить ей продолжить наступление. После того как в советских минных полях были проделаны проходы, в 21 час одновременно с I танковым корпусом СС она перешла в неожиданное наступление.

К вечеру этого же дня 12-я танковая дивизия СС «Гитлерюгенд» вышла в район, расположенный к северо-западу от Дега, после чего перерезала трассу, ведущую на Эньинг. 1-я танковая дивизия СС «Лейбштандарт» вела ожесточенные бои в районе Шопоньи, намереваясь выйти в тыл Дегу и нанести удар с противоположной стороны. Даже ночью I танковый корпус продолжал наступать в южном направлении. Наступление II корпуса завязло в глубокоэшелонированной советской обороне по линии Аба — Шарошд. Несмотря на поддержку Люфтваффе, немцы не могли продвинуться вперед. Столь же безуспешными были попытки продвижения располагавшейся чуть севернее 44-й имперско-гренадерской дивизии «Магистры Тевтонского ордена». В какой-то момент «имперцам» пришлось перейти в оборону, из района Абы их атаковали два советских батальона, поддерживаемые танками.

Танковые дивизии СС «Рейх» и «Гогенштауфен» в силу сильного советского артиллерийского огня с флангов долгое время не могли продвинуться вперед по территории к западу от Шарошда. Не изменила ситуацию и бомбардировка данных позиций силами Люфтваффе. Уже вечером, в 19 часов 15 минут, было возобновлено наступление этих дивизий в направлении Шаркерестура. В целом успехи 6-й танковой армии, о которых сообщалось в вечерней сводке, ограничивались прорывом, который был осуществлен силами I танкового корпуса СС. В ближайших планах его командования было продвижение вдоль канала Шарвиз к Шопонье и Калозу, что открывало путь для наступления на Цеце.

При этом командование группы армий «Юг» настаивало на том, чтобы силы I кавалерийского корпуса не использовались без лишней на то надобности, так как они могли быть израсходованы раньше времени, а им еще предстояло выпол-

нить важную тактическую задачу. В ответ командование 6-й танковой армии сообщало, что «берегло кавалерийский корпус», а сам прорыв планировало осуществить исключительно танковыми частями.

В то же самое время Зепп Дитрих с обеспокоенностью наблюдал за открытым левым флангом своей армии. Еще большую обеспокоенность вызвал тот факт, что этот фланг мог стать его «ахиллесовой пятой», так как он планировал перекинуть большую часть II танкового корпуса вслед за I танковым корпусом в район Калоза. Дитрих намеревался именно в этом месте прорвать линию советской обороны и через этот прорыв начать развертывание своих танковых дивизий.

В тот момент III танковый корпус (армейская группа Балка) в ходе ожесточенных боев все-таки смог взять Шерегейеш. Но в остальном его ожидала неудача. На прилегающих к городу территориях армейские танкисты смогли продвинуться вперед всего на пару километров, что, естественно, не прикрывало северный фланг 6-й танковой армии.

IV танковый корпус СС в тот день, подобно остальным частям от Дуная до Вертешских гор, не сообщал о каких-либо активных действиях. Он вел бои местного значения, которые в большинстве своем ограничивались разведывательными вылазками и артиллерийской дуэлью с советской стороной. Примечательно, что в тот день в журнале боевых действий Верховного командования Вермахта была сделана следующая запись: «Группа армий «Юг»: никаких существенных изменений. 2-я танковая армия отражает контратаки. На фронте по реке Драва... плацдарм у Валпово был расширен на 2 километра. Противник здесь атакует. Форсирование реки осуществляется на двух 8-тонных паромах. Ему угрожают вражеские артиллерийские батареи... 8-я армия ведет бои у Шемница». И ни одного слова о 6-й танковой армии. Очевидно, что в Верховном командовании Вермахта не считали, что она играла центральную роль в «большом решении» на западном берегу Дуная.

Когда вечером командование 6-й танковой армии сообщило о своих планах на ближайшее время, генерал-лейтенант Грольман указал на то, что «прорывы и атаки надо использовать для наступления вперед, а не для сворачивания

направо и налево, как это происходило у Дега». Поразительной глупости фраза. Штабной офицер, очевидно, не понимал, что хорошо укрепленный город нельзя было взять посредством фронтальной атаки. Вообще рассчитывать на то, что наступление танковых войск на широком фронте может закончиться успехом, было весьма наивно.

Для продолжения наступления были намечены следующие задачи:

1) Главнокомандующий на юго-востоке должен был отразить все советские контратаки и попытаться расширить плацдармы по реке Драва;

2) 2-я танковая армия должна была перенести острие своего наступления несколько южнее, что позволило бы ей ударить во фланг 1-й болгарской армии, которая считалась менее боеспособной, нежели части Красной Армии — на осуществление перегруппировки давался всего один день;

3) 6-я танковая армия:

а) силы I танкового и кавалерийского корпусов должны были выровнять правый фланг танковой армии, продолжая наступать в направлении канала Шио;

На берегах канала Шарвиз

b) 25-я венгерская пехотная дивизия должна была принимать участие в данном наступлении, находясь на стыке кавалерийского и танкового корпусов;

c) II танковый корпус должен был продолжать наступление в направлении Шаркерестур, прокладывая путь на юго-восток;

d) 23-я танковая дивизия должна была занять позиции за 44-й имперско-гренадерской дивизией «Магистры Тевтонского ордена», а дальше действовать по обстановке.

4) Планировалось наступление III танкового корпуса (армейская группа Балка) в направлении Адони к Дунаю, а также некоторыми частями в северо-восточном направлении между Дунаем и озером Веленце.

Ближе к полуночи генерал Вёлер связался с Гудерианом. В докладе он упомянул следующие сведения:

«Противник подтянул к Шарошду XVIII танковый корпус. По разным источникам, его сила составляет от 60 до 150 танков. Очень странно, что в этом районе не появились остальные мобильные части противника. Остается непонятным, где находится VII гвардейский механизированный корпус. Между Будапештом и Дунафёльдваром наблюдается активное движение. Можно предположить, что неприятель перекидывает свои части из-под озера Веленце на юг, хотя данные сведения являются только предположением и они не проверены».

На самом деле командование 3-го Украинского фронта усиливало артиллерийские подразделения, находившиеся на передовой. Плотность артиллерийского огня особенно возросла на южных берегах Балатона. На второй день операции «Пробуждение весны» она увеличилась (по сравнению с предыдущими днями) в три раза, а к 8 марта — в четыре раза.

9 марта 1945 года (пятница). Четвертый день операции «Пробуждение весны»

«Ночью стоит мороз. Днем температура достигает 0 °С. Пасмурно и ветрено. Местами идет небольшой снег. Проходимость неукрепленных дорог улучшается».

Те незначительные тактические успехи, которых удалось добиться немецким дивизиям у Дравы и 2-й танковой армии

у южных берегов Балатона, были сведены на нет советскими контратаками. Впрочем, у Балатона 16-й панцергренадерской дивизии СС «Рейхсфюрер» при поддержке народной горнострелковой дивизии удалось несколько продвинуться вперед в направлении Надьбайома, но от города их все равно отделяло 4 километра, что в сложившихся условиях было почти фантастическим расстоянием. Складывалась патовая ситуация: немцы не могли прорвать советскую оборону, но и части Красной Армии были не в состоянии предпринять мощное контрнаступление, чтобы смести немецкие дивизии.

В этих условиях командование 2-й танковой армии запросило у группы армий «Юг» еще 24 часа на завершение начатой перегруппировки. Однако генерал Вёлер не дал такой отсрочки. Пока 6-я танковая армия Дитриха не углубилась достаточно далеко на юг, 2-я танковая армия должна была предпринимать активные наступательные действия. Запланированное наступление в новом, более южном направлении должно было непременно начаться утром 10 марта.

В итоге командование танковой армии было вынуждено принять следующий план. 10 марта в 11 часов 16-я панцергренадерская дивизия СС «Рейхсфюрер» при поддержке 71-й пехотной дивизии должна начать наступление на Надькорпад, обойдя с фланга Куташ и Киш-Байом. В штабе группы армий «Юг» нашли, что данный план имел много слабых мест. Кроме этого, тактическая цель наступления «находилась слишком близко», а потому могла быть только задачей для первого действия. Наступление 2-й танковой армии должно было быть более глубоким.

Командование 6-й армии уже планировало добиться успеха к западу от канала Шарвиз: «I кавалерийский корпус и I танковый корпус СС могут продвинуться глубоко на юг, где позиции противника разрозненны. В итоге планируется занять высоты севернее канала Шио».

Левое (внутреннее) крыло I кавалерийского корпуса, образованное 3-й кавалерийской дивизией, действительно очень активно продвигалось вперед. Немцам удалось не только прорвать советскую оборону, но и взять в плен множество красноармейцев, захватить множество трофейного оружия. В руках немцев оказалась вся трасса Дег — Эньинг.

В то же самое время 4-я кавалерийская дивизия не смогла развить столь стремительного наступления. Ее подразделения все еще вели бои на северных подходах к Эньингу. В середине дня командование кавалерийского корпуса получило приказ развивать наступление на Мезё Комаром, после чего, выровняв фронт, соединиться с передовыми частями I танкового корпуса СС.

Сами же части I танкового корпуса продолжали развивать наступление, захватывая все новые и новые территории. 12-я танковая дивизия СС «Гитлерюгенд» рвалась к городку Озора, стоявшему на канале Шио. Ее стремительное наступление остановили лишь обширные советские минные поля. Кроме этого, отойдя от Дега, вновь стали ощущаться проблемы с заболоченной местностью. К вечеру дивизия, сбавившая темпы, смогла достигнуть только высот близ Силаш-Балхаша.

В это время дивизия «Лейбштандарт», энергичным броском захватившая село Яношхаза, пыталась прорваться сквозь противотанковые укрепления близ Шимонторньи. Но это было нелегкой задачей, так как советская артиллерия вела прицельный огонь по немецким танкам с противоположного, более высокого берега Шио. Кроме того, позиции «Лейбштандарта» были очень рискованными, так как дивизия не смогла захватить находившиеся в тылу по флангам сёла Хусар и Фанч. Там до сих пор шли кровопролитные бои.

Вытянувшийся почти на 20 километров открытый левый фланг I танкового корпуса вызывал все большую и большую озабоченность у Зеппа Дитриха. В данной ситуации стремительное наступление немецких танкистов могло обернуться для них военной катастрофой. Успешная контратака, предпринятая частями Красной Армии с восточного берега канала Шарвиз, могла отрезать передовые части «Лейбштандарта». Чтобы избежать подобного развития событий, с Дега был переброшен 403-й народно-артиллерийский корпус. Здесь он мог выполнять одновременно две задачи: вести огонь по советским позициям, на которые наступал II танковый корпус СС, и прикрывать левый фланг I танкового корпуса СС, предотвращая возможную советскую контратаку. Но этого было явно недостаточно. А потому Зепп Дитрих потребовал от командования группы армий «Юг» перебросить в район канала

Шарвиз 23-ю танковую дивизию. Она должна была развить наступление на Цеце, откуда совместными силами можно было бы прорваться к Дунафёльдвару. Теоретически это соответствовало указаниям Гудериана, а на практике давало мощное фланговое прикрытие I танковому корпусу СС. Кроме того, в данных условиях можно было бы развивать наступление не только на юг, но и на восток — в направлении Шарбогарда. В данной ситуации восточный берег Шарвиза был бы захвачен не броском с севера, а танковым ударом с запада. Дитрих почти не сомневался в возможности реализации этого плана, а потому заранее повез строительные батальоны, которые должны были возводить мосты через Шарвиз.

Имелись все основания полагать, что восточный берег Шарвиза вряд ли можно было захватить рывком с севера. Так, например, генерал-майор Ваффен-СС Кремер полагал, что в сложившейся ситуации вообще вряд ли можно было продвинуться куда-то дальше Шарошда. В данной ситуации он надеялся, что форсирование канала значительно южнее позволило бы нанести удар с тыла сражающимся в данном районе частям Красной Армии. Только в этих условиях части II танкового корпуса могли попытаться прорвать советскую оборону на восточном берегу Шарвиза. В штабе группы армий «Юг» согласились с приведенными доводами. Для того чтобы обсудить детали данной операции, генерал Вёлер даже лично выехал в штаб 6-й танковой армии. Но при этом Гудериан выразил легкое недоумение, почему оба танковых корпуса СС оказались втянутыми в бои за небольшой участок местности, ограниченный Дегом и Эньингом. Еще больше его изумляло, почему наступление обоих корпусов развивалось в южном, а не в юго-западном направлении (в сторону Дуная). В ответ на это генерал-лейтенант Грольман пояснил, что направление наступления было предопределено особенностями территории в данное время года. «Впрочем, танковая армия намерена сохранить изначально запланированное направление наступления».

Эта беседа показывает, что в Верховном командовании сухопутных сил до сих пор не очень ясно себе представляли, какие сложности во время зимней оттепели представлял местный ландшафт. А потому «наверху» даже не допускали мысли

о том, что танковые корпуса можно было применять не по «классической формуле». Нечто похожее можно было сказать и про Верховное командование Вермахта, за тем исключением, что там даже не пытались разобраться в сложившейся ситуации.

Тем временем части II танкового корпуса СС приблизились к главному советскому оборонительному рубежу, который в буквальном смысле слова был нашпигован противотанковыми минами и специальными заграждениями. Части Красной Армии, несмотря на высокие потери, продолжали ожесточенно сопротивляться продвижению немцев вперед. Но гораздо большие потери несли сами немцы. В безрезультатных атаках была уничтожена почти половина боевого состава немецких пехотных дивизий. По данной причине командование II танкового корпуса СС приняло решение перенести центр своего наступления на правый фланг, прикрыв тем самым 44-ю имперско-гренадерскую дивизию «Магистры Тевтонского ордена». Предвидя подобное развитие событий, советские части предприняли несколько отчаянных контратак, нанеся танковый удар с востока по позициям II танкового корпуса СС. Немцам удалось их отразить, но тем не менее Красной Армии удалось отвоевать территории, лежащие к западу от Шарощда. В данной ситуации это можно было считать тактическим успехом. Чтобы исправить обстановку, подразделения 44-й имперско-гренадерской дивизии были вынуждены наступать на Шаркерестур. В противном случае части II танкового корпуса СС не могли возобновить свое наступление. Вдобавок ко всему 2-я танковая дивизия СС «Рейх» в тот день потеряла своего командира. На пути следования из штаба дивизии в легкий вездеход, в котором находился командир дивизии, попал снаряд. Сопровождавший командира дивизии офицер тут же погиб. Сам генерал-лейтенант Ваффен-СС Остендорф получил очень тяжелое ранение. Он скончался 1 мая в военном госпитале в Бад-Ишле. Уже в последние дни войны, 6 мая 1945 года, он был посмертно награжден «Дубовыми листьями» к Рыцарскому кресту. Поначалу командование дивизией принял на себя командир артиллерийского полка штандартенфюрер Ваффен-СС Крейц.

Около 12 часов командование 6-й танковой армии сообщило в штаб группы армий о своих дальнейших намерениях: «II танковый корпус СС силами полка может атаковать на западном берегу канала Шарвиз, между Шопоньей и Калозом, что в итоге позволит сформировать плацдарм, с которого можно будет с фланга атаковать противника, находящегося на берегах канала у Шаркерестура». Во второй половине дня вновь продолжилось наступление I кавалерийского корпуса и I танкового корпуса СС. В 15 часов 30 минут кавалеристы из состава 4-й дивизии смогли прорваться на окраины Эньинга. Подразделения 3-й кавалерийской дивизии атаковали на высотах, расположенных чуть северо-западнее Мезё Комарома.

12-я танковая дивизия «Гитлерюгенд» перерезала дорогу Дег — Озора, которая проходила западнее Силаш-Балхаша. Этот населенный пункт продолжал удерживаться частями Красной Армии. Танковая дивизия «Лейбштандарт» вела бои на высотах к северу от Шимонторньи, где советские части имели очень выгодные позиции. Здесь проходил хорошо укрепленный оборонительный рубеж, который тянулся от Шар-Эгреша до Цеце. Сложности немецким танкистам также добавляло то обстоятельство, что здесь было сосредоточено значительное количество советских противотанковых орудий. О результатах наступления в 17 часов 15 минут сообщалось в группу армий «Юг»:

«Командование 6-й танковой армии считает, что противник на данном направлении смог соорудить мощные противотанковые укрепления, которые удерживаются близ Шимонторньи не только пехотой и многочисленными противотанковыми орудиями, но и мощным артиллерийским огнем с южного берега канала. Кроме того, можно было наблюдать оживленное передвижение частей противника в юго-западном направлении к Шимонторнье и восточнее Цеце. На данный участок было бы целесообразно направить части 23-й танковой дивизии и 1-й танковой дивизии СС «Лейбштандарт». На западный берег канала необходимо перебросить боевую группу II танкового корпуса СС, чтобы та развивала наступление в направлении Калоза и продолжала двигаться на восток».

Начальник штаба 6-й танковой армии при этом выступил с идеей, что 25-я венгерская пехотная дивизия должна присоединиться к кавалерийскому корпусу и начать наступать по берегу озера Балатон. При помощи венгров предполагалось стабилизировать фронт от Балатона до Эньинга. При этом части кавалерийского корпуса должны были двигаться сугубо на юг, к Озору.

В ответ на это предложение командование группы армий «Юг» санкционировало **временное** использование 25-й пехотной венгерской дивизии для зачистки территории вокруг Эньинга. При этом не исключалось, что наступление по берегу озера Балатон должно было осуществляться силами двух венгерских батальонов, входивших в состав армейской группы Балка. Однако этого не состоялось, так как Балк предостерег, что «венгры патологически не способны выполнить данное задание». Впрочем, он сам не возражал, чтобы батальоны были переданы под командование кавалерийского корпуса. В данной ситуации командование 6-й танковой армии предпочло отказаться от подобного «подарка». В итоге венгерские батальоны были переведены в резерв на позициях под Эньингом.

Истребитель танков из 1-й танковой дивизии СС «Лейбштандарт»

Между тем советское командование пустило в ход под Шимонторньей казачьи части. Узнав об этом, немецкое командование небезосновательно пришло к выводу, что 5-й советский кавалерийский корпус был переброшен на передовую. В итоге было принято решение о том, что подразделения 23-й танковой дивизии, равно как и весь I танковый корпус СС, должны были быть сосредоточены на восточном берегу канала Шарвиз, чтобы не дать возможности советским войскам окружить «запертый» под Шарошдом II танковый корпус СС. Немецкий генералитет не исключал возможности, что в данный момент на этот участок фронта советское командование перебросило бы XVIII танковый корпус, который должен был атаковать эсэсовцев по обе стороны от Шарошда.

В этот день III танковый корпус фактически не продвинулся вперед. Наступление удалось развить только 1-й танковой дивизии, но и ее успех был весьма относительным. В ходе этих боевых действий был захвачен мост у Шерегейеша. Произошло это буквально накануне наступления темноты, так что в 18 часов 15 минут части 3-й танковой дивизии могли начать формирование плацдармов на обоих берегах канала. Ранним утром предстоящего дня операции «Пробуждение весны» отсюда должно было продолжиться наступление в восточном направлении.

Собственно III танковый корпус наступал в двух направлениях — восточном и северо-восточном. В итоге командование армейской группы Балка предлагало установить фронт наступления по линии озеро Веленце — Ловашберень. Там IV танковый корпус СС (дивизии «Мертвая голова» и «Викинг»), усиленный 6-й танковой дивизией, мог начать наступление к северу от Секешфехервара. Это должно было помешать советскому командованию свободно действовать на территориях, примыкающих с запада и юго-запада к Будапешту. То, что в данной ситуации речь шла о старом и отвергнутом плане, не смущало ни Балка, ни начальника его штаба Гедке. Кроме того, остается непонятным, почему в расчет принимался IV танковый корпус СС, чьи силы вряд ли можно было использовать для успешного наступления против превосходящих в несколько раз частей Красной Армии. Командование 6-й танковой армии отнеслось без энту-

зиазма к данной затее. Для Зеппа Дитриха намерение послать ослабленный IV танковый корпус со специально подготовленного оборонительного рубежа у Секешфехервара куда-то на восток, на передовую, было равноценно самоубийству. Неудивительно, что подобной точки зрения придерживался и генерал Ваффен-СС Гилле. Он предвидел бесславный конец данной тактической авантюры.

В 21 час 35 минут генерал Вёлер связался с генерал-полковником Гудерианом и передал ему планы развития наступления на следующий день:

1) Дивизии «Лейбштандарт» и «Гитлерюгенд» вместе с I кавалерийским корпусом должны в срочном порядке создать плацдармы на берегах канала Шио северо-западнее Мезё-Комарома, Озоры и Шимонторньи.

2) 25-я венгерская пехотная дивизия должна сменить на позициях части I кавалерийского корпуса, дабы те предприняли наступление в южном направлении.

3) 23-я танковая дивизия должна следовать за 1-й танковой дивизией СС «Лейбштандарт», чтобы впоследствии развернуть наступление и создать наступательный плацдарм на восточном берегу канала Шарвиз близ Шар-Эгреша, что откроет путь для наступления II танкового корпуса СС на Дунафёльдвар.

4) С той же самой целью боевая группа II танкового корпуса СС должна начать наступательные действия на западном берегу канала Шарвиз между Шопоньей и Калозом. Эти действия позволят поддержать наступление основных сил II танкового корпуса СС ударом с юга. Впоследствии 44-я имперско-гренадерская дивизия «Магистры Тевтонского ордена» должна также начать наступление на Калоз.

5) На предстоящий день армейская группа Балка должна запланировать наступление в восточном и северо-восточном направлениях с плацдарма, сформированного близ Шерегейеша.

6) Кроме этого, армейская группа Балка должна подготовить наступление IV танкового корпуса СС к северу от Секешфехервара, которое постепенно должно будет устремляться в восточном направлении. В отличие от ранее предполагавшегося усиления IV танкового корпуса СС, 6-й танковой дивизии теперь этого делать не предполагалось. Она должна была

остаться оперативным резервом, который в любой момент мог потребоваться на любом направлении наступления.

К великому удивлению Гилле и Зеппа Дитриха, генерал-полковник Гудериан почти сразу же согласился с идеей использования в наступлении IV танкового корпуса СС. Генерал Вёлер (не без ехидства) объяснял подобное решение тем, что II танковый корпус СС не смог добиться ощутимых результатов при прорыве прежних советских оборонительных рубежей: «В условиях, когда на эти рубежи был подведен советский 18-й танковый корпус, у вас нет никаких шансов».

Самое поразительное заключалось в том, что в Верховном командовании Вермахта в те часы рассматривали возможность развития («основного») наступления по реке Драва, которое должно было увенчаться успехом после того, как в ближайшие 48 часов на севере будет окончательно сломлено советское сопротивление. В журнале же боевых действий Верховного командования Вермахта при этом вообще ни одним словом не упомянуты бои, которые вела 6-я танковая армия. Это еще раз наглядно показывает, что в Верховном командовании Вермахта не имели реального представления (или не хотели иметь) относительного того, где разворачиваются основные бои у озера Балатон.

Загрузка боеприпасов в одной из венгерских деревень

В то же самое время командование 3-го Украинского фронта стало сосредотачивать свежие советские части на втором эшелоне оборонительных сооружений. Незадолго до этого юго-западнее Будапешта была заново сформирована 9-я гвардейская армия (она преимущественно состояла из стрелковых дивизий). Ее предполагалось использовать для наступления на Вену (Венская наступательная операция), однако маршал Толбухин ходатайствовал перед Сталиным, чтобы ее оставили для ведения оборонительных боев. Ставка отказала Толбухину. В тот же день вышла директива, которая предполагала использование новых соединений не для обороны, а исключительно для наступления. Они должны были перейти в наступление не позднее чем 15—16 марта 1945 года. Впрочем, Ставка разрешила использовать эти свежие силы для того, чтобы разгромить у озера Балатон наступающие немецкие части, что должно было стать стратегической предпосылкой для наступления на Вену.

10 марта 1945 года (суббота). Пятый день операции «Пробуждение весны»

«Температура опять колеблется в районе 0 °С. Небо затянуто плотным слоем облаков, идет снег с дождем. Состояние территорий и дорог ухудшается прямо на глазах. Они вновь превращаются в болотину и трясину».

Буквально накануне командование группы армий «Юг» и командование 6-й танковой армии надеялись, что погода улучшится, а стало быть, дороги и прилегающие к ним территории просохнут и станут более проходимыми для техники. По крайней мере, можно было бы вовсю использовать танки и штурмовые орудия. Но резкая перемена погоды поставила крест и на всех этих планах и перечеркнула все надежды. Даже само название операции, «Пробуждение весны», выглядело как какая-то ироничная стратегическая усмешка.

В то время как XCI (91-й) армейский корпус Главнокомандующего на юго-востоке пытался хоть как-то закрепиться на плацдармах по реке Драва, 2-я танковая армия начала свой отвлекающий маневр у южного окончания озера Балатон. В принципе данная операция была необходима, так как советские войска могли в любой момент сбросить немецкие части в

Драву. Как и предполагалось ранее, в отвлекающем наступлении принимали участие 71-я пехотная дивизия и 16-я панцергренадерская дивизия СС «Рейхсфюрер». Оба эти соединения должны были нанести удар несколько южнее, нежели предпринимались все попытки ранее. Сразу же можно сказать, что им не удалось достигнуть потрясающего тактического успеха. К концу дня немецким дивизиям, которым приходилось отражать отнюдь не одну советскую контратаку, удалось продвинуться в глубь позиций Красной Армии всего лишь на 5 километров. Произошло это главным образом близ Киш-Байома. Впрочем, и этот относительный успех немцев позволил им расширить свое наступление. Но все это компенсировалось тем, что на остальных участках фронта у южного окончания Балатона немцам с каждым разом все сложнее удавалось отражать советские танковые атаки. В итоге 2-я немецкая танковая армия вместо запланированного наступления (за исключением одного участка) перешла в глухую оборону.

На пятый день наступления не предвиделось никаких успехов и у 6-й танковой армии. Грязь и повсеместная болотина не позволяли использовать ударную силу армии — танки. В данных условиях вновь возрастало значение пехоты. Поэтому появление на передовой 25-й венгерской пехотной дивизии для немцев оказалось очень кстати. Весь день венгры вели бои за Эньинг, который оказался взятым ими уже к концу суток. Ближе к ночи 25-я венгерская пехотная дивизия, подчиненная I кавалерийскому корпусу, смогла выйти к высотам, располагавшимся за пределами этого населенного пункта. В данных условиях собственно кавалерийские подразделения продолжали наступление в южном направлении. 3-я кавалерийская дивизия, усиленная боевой группой 4-й кавалерийской дивизии, смогла достичь Мезё Комарома. Кроме того, она смогла отбросить советские войска с высот по берегу Шио, находившихся чуть западнее. Но это еще не означало успешного наступления немцев по всему каналу Шио. Более того, командование I кавалерийского корпуса получило приказ не медлить у каждого укрепленного пункта, который удерживался красноармейцами, а как можно быстрее двигаться вперед в северо-западном направлении от Мезё Комарома. В этих условиях 25-я венгерская пехотная дивизия должна была на-

ступать от Эньинга на Шиофок, а затем — на село Сабади. Одновременно с этим I танковый корпус СС, которому была подчинена 23-я танковая дивизия, должен был стремительно продвигаться вперед, ликвидируя советские оборонительные рубежи по восточной части Шио (в Озоре, Шимонторнье, Шар-Эгреше). По данному поводу в журнале боевых действий группы армий «Юг» сообщалось:

«Здесь противник стремится сконцентрировать на оборонительных рубежах значительные силы, используя в качестве главных опорных пунктов Шимонторнью и Озору. Здесь ими запланирован прорыв, для чего предпринимаются многочисленные контратаки на Яношхазу, что позволяет им удерживать дорогу, связывающую Шимонторнью и Цеце. Пока все контратаки противника успешно отражены».

12-я танковая дивизия СС «Гитлерюгенд» к вечеру с огромным трудом смогла захватить Силаш-Балхаш, который считался одним из опорных пунктов Красной Армии на южном фланге. Но при этом 1-я танковая дивизия СС «Лейбштандарт» вела бои едва ли не в тылу дивизии «Гитлерюгенд» — там оставались огромные территории, которые продолжали удерживаться красноармейцами. Чтобы справиться с данной задачей, на этот участок фронта пришлось перебросить 403-й народно-артиллерийский корпус, штаб которого обосновался в Деге. Все делалось для того, чтобы сформировать на берегах Шио несколько немецких плацдармов.

Но при этом отнюдь не все поставленные задачи выполнялись тут же и оперативно. Весьма затянулась переброска 23-й танковой дивизии с западного берега канала Шарвиз. Еще в 9 часов 25 минут утра генерал-майор Ваффен-СС Кремер сообщал командованию группы армий «Юг», что «дивизия все еще находится на марше близ Калоза». «Вероятно, — продолжал он, — причиной данной задержки явился артиллерийский огонь противника, который велся с противоположного берега канала. Боевая группа II танкового корпуса СС, состоявшая из разведывательного батальона, саперов и тяжелой артиллерии, смогла согласно плану выдвинуться между Калозом и Надьлангом, чтобы атако-

вать противника с фланга близ Шаркерестура. Однако неприятель заметил передвижения 23-й танковой дивизии, а потому смог оперативно принять соответствующие контрмеры, встретив ее огнем с восточного берега».

То есть видно, что задача 23-й дивизии — сформировать близ Шар-Эгреша плацдарм, чем предполагалось оттянуть часть советских войск и облегчить действия II танкового корпуса СС — не выполнялась. Сам же II танковый корпус СС смог лишь незначительно продвинуться вперед к Шаркерестуру. Большую часть дня немецкие танкисты на этом участке фронта были заняты не столько наступлением, сколько отражением советских контратак. Ситуация (для немцев) осложнялась тем, что дивизионная артиллерия фактически осталась без боеприпасов.

В журнале боевых действий в тот день было записано:

«II танковый корпус СС вместе с 44-й имперско-гренадерской дивизией «Магистры Тевтонского ордена» при непосредственной поддержке 2-й танковой дивизии СС «Рейх» в ожесточенной борьбе, сопряженной с огромными потерями, смогли взять виноградники к юго-западу от Шаркерестура. В итоге соединениям удалось пробиться до дороги, связывающей Шарощд и Шаркерестур. Была также взята под контроль развилка дороги в 2 километрах юго-восточнее Шарощда, что весьма помогло в отражении последовавшей контратаки неприятеля. Вражеская контратака, предпринятая силами шести танков, была нацелена на высоты, расположенные в 4 километрах на запад от Якабзаллаша. Продолженное после отражения контратаки собственное наступление было встречено находящимся в обороне подразделением вражеских танков».

О том, насколько ожесточенными были бои в те дни, говорит хотя бы такой показатель: только за пять дней мартовских боев 1945 года немецкими саперами 6-й танковой армии (а не всей группы армий!) было обезврежено около 15 тысяч мин. Среди обезвреженных мин встречались и немецкие. Скорее всего они попали в руки Красной Армии со складов новых болгарских и румынских союзников.

Советское танковое наступление

Одновременно с этим части III танкового корпуса (3-я танковая и 356-я пехотная дивизии) смогли незначительно продвинуться вперед по обе стороны от Шерегейеша. В это же время входившая в состав того же корпуса 1-я танковая дивизия смогла захватить на южном берегу озера Веленце населенные пункты Динньеш и Гардонь. В принципе, эта дивизия повторяла путь, по которому в январе уже однажды следовала танковая дивизия «Мертвая голова». На участке фронта, который удерживался IV танковым корпусом СС (к северу от Секешфехервара), в тот день не происходило никаких крупных боевых действий.

Изрядная задержка и фактическая остановка немецкого наступления, вызванная очередным заболачиванием местности, непроходимыми дорогами, была на руку советскому командованию. Красная Армия получила время, чтобы усилить свои оборонительные позиции. В первую очередь это касалось пространства между каналом Шарвиз и озером Веленце.

Командование группы армий «Юг» понимало, что ситуация складывалась не в его пользу, а потому искало наиболее эффективные решения. Так, например, была начата подготовка к наступлению 23-й танковой дивизии на Шарбогард, кото-

рое должно было помочь II танковому корпусу СС, завязшему в продолжительных боях на «южном выступе». Одновременно с этим тактический успех 1-й танковой дивизии должен был позволить в полную силу применить III танковый корпус. По этой причине командование армейской группы Балка получило приказ максимально быстро подтянуть 6-ю танковую дивизию к позициям III танкового корпуса. Она должна была находиться в оперативном резерве, в то время как 1-я и 3-я танковые дивизии должны были начать наступление в юго-восточном направлении на Адонь. Их главной целью была Перката и последующий прорыв к Дунаю.

В то же самое время командование 2-й танковой армии всерьез задумалось над тем, стоило ли продолжать наступление в юго-восточном направлении, к Печу, чтобы встретиться там с войсками Главнокомандующего на юго-востоке. Учитывая, что последние так и не смогли прорваться на сколько-нибудь значимое расстояние от реки Драва, весьма логичным было наступление в северо-восточном направлении, где части 2-й танковой армии могли встретиться с дивизиями I кавалерийского корпуса. Вечером этого дня в разговоре с генералом Вёлером генерал-полковник Гудериан подтвердил, что «в первую очередь надо искать объединения с кавалерийским корпусом». «Подобного мнения придерживается и сам фюрер», — подытожил Гудериан. А вот насчет целесообразности использования армейской группой Балка IV танкового корпуса СС у Гудериана, судя по всему, существовали изрядные сомнения. На вопрос, какие резервы имелись у IV танкового корпуса СС, командующий группой армий поспешил заверить, что у дивизий «Викинг» и «Мертвая голова» имелось достаточное количество резервов. Гудериан подчеркнул, что на наступление силами неполных дивизий можно было бы решиться, если бы к северу от Секешфехервара было бы не очень много советских войск. Но по имевшимся сведениям количество частей Красной Армии на данном участке фронта возрастало с каждым днем. Однако генерал Вёлер поспешил разубедить Гудериана. Это поспешное решение имело для группы армий «Юг» плачевные последствия, особенно если принять во внимание то, что в Верховном командовании Вермахта про-

должали считать бои у канала Шарвиз и у озера Веленце второстепенным театром военных действий. Чтобы определиться с дальнейшими действиями, Верховное командование сухопутных войск затребовало у командования 6-й танковой армии полный отчет относительно понесенных потерь и боевого состава дивизий. Представленные в Берлин данные приведены ниже в форме нескольких таблиц. Приводим их полностью, так как они могут представлять значительный интерес для историков.

ПОТЕРИ В ЛИЧНОМ СОСТАВЕ 8 МАРТА 1945 ГОДА

Соединения	А. Погибло			В. Ранено			С. Пропало без вести			A+B+C
	O	U+M	S*	O	U+M	S	O	U+M	S	Итого
1-я танковая дивизия СС «Лейбштандарт»	1	56	57	3	260	263	—	1	1	321
12-я танковая дивизия СС «Гитлерюгенд»	2	19	21	6	100	106	—	8	8	135
I танковый корпус СС	*3*	*75*	*78*	*9*	*360*	*369*	-	*9*	*9*	*456*
2-я танковая дивизия СС «Рейх»	—	18	18	2	82	84	—	—	—	102
9-я танковая дивизия СС «Гогенштауфен»	—	29	29	5	79	84	—	2	2	115
II танковый корпус СС	-	*47*	*47*	7	*161*	*168*	-	*2*	*2*	*217*
23-я танковая дивизия	1	—	1	1	16	17	—	—	—	18
44-я имперско-гренадерская дивизия «Магистры ТО»	2	12	14	—	56	56	—	—	—	70
3-я кавалерийская дивизия	—	23	23	1	96	97	—	—	—	120
4-я кавалерийская дивизия	—	—	—	—	1	1	—	—	—	1
I кавалерийский корпус	-	*23*	*23*	*1*	*97*	*98*	-	-	-	*121*
6-я танковая армия	*6*	*157*	*163*	*19*	*690*	*708*	-	*11*	*11*	*882*

* O — офицеры, U+M — унтер-офицеры и солдаты, S — в сумме.

ШТАТНЫЙ И БОЕВОЙ СОСТАВ СОЕДИНЕНИЙ НА 8 МАРТА 1945 ГОДА

Соединения	Штатный состав	Боевой состав	
		численность	%
1-я танковая дивизия СС «Лейбштандарт»	12461	4288	34,,4%
12-я танковая дивизия СС «Гитлерюгенд»	11299	5173	45,,8%
I танковый корпус СС	**23760**	**9461**	**39,,8%**
2-я танковая дивизия СС «Рейх»	9259	3893	42,,1%
9-я танковая дивизия СС «Гогенштауфен»	9739	5010	51,,45%
II танковый корпус СС	**18998**	**8903**	**46,,9%**
23-я танковая дивизия	11261	5105	45,,3%
44-я имперско-гренадерская дивизия «Магистры ТО»	10161	4494	44,,2%
3-я кавалерийская дивизия	6259	1869	29,,9%
4-я кавалерийская дивизия	4052	1558	38,,5%
I кавалерийский корпус	**10311**	**3427**	**33,,2%**
6-я танковая армия	**74491**	**31390**	**42,,1%**

СОСТОЯНИЕ БРОНЕТЕХНИКИ

Соединения	Готовы к применению			В ремонте			Безвозвратные потери		
	Pz*	StG	SPW	Pz	St G	SPW	Pz	StG	SPW
1-я танковая дивизия СС «Лейбштандарт»	23	7	133	41	15	49	—	—	—
12-я танковая дивизия СС «Гитлерюгенд»	18	2	116	38	29	77	—	—	—
I танковый корпус СС	***41***	***9.***	***249***	***79***	***44***	***126***	-	-	-
2-я танковая дивизия СС «Рейх»	26	22	75	35	27	149	4	1	—
9-я танковая дивизия СС «Гогенштауфен»	43	27	139	28	20	69	—	—	—
II танковый корпус СС	***69***	***49***	***214***	***63***	***47***	***218***	***4***	-	-

Соединения	Готовы к применению			В ремоите			Безвозвратиые потери		
	Pz*	StG	SPW	Pz	St G	SPW	Pz	StG	SPW
23-я танковая дивизия	25	22	82	30	20	17	—	—	—
44-я имперско-гренадерская дивизия «Магистры ТО»	—	6	—	—	4	—	—	7	—
3-я кавалерийская дивизия	2	12	4	—	10	4	—	—	—
4-я кавалерийская дивизия	4	9	8	—	45	4	—	—	—
I кавалерийский корпус	***6***	***21***	***12***	-	***55***	***8***	-	-	-
501-й танковый батальон («Королевские тигры»)	31	—	9	23	—	2	—	—	—
560-й тяжелый батальон истребителей танков	6	4	1	10	18	—	—	—	—
6-я танковая армия	***178***	***111***	***567***	***205***	***188***	***371***	***4***	***1***	-

* Pz — танки; StG — штурмовые орудия; SPW — бронетранспортеры.

Поскольку в 6-й танковой армии было готово к использованию лишь 46% танков, то вряд ли можно было говорить (даже не принимая в расчет погоду и состояние местности) о каком-либо классическом танковом наступлении.

11 марта 1945 года (воскресенье). Шестой день операции «Пробуждение весны»

«Температура 4 °С выше нуля. Ночью была очень ветреная погода. С наступлением дня погода несколько улучшилась, хотя видимость остается по-прежнему низкой. Состояние дорог плохое, но сильный ветер способствует их высыханию».

На реке Драва дивизии, находящиеся под началом Главнокомандующего на юго-востоке, сражались, что называется, «с переменным успехом». Они оказались полностью блокированными на нескольких плацдармах на берегу реки, после чего были вынуждены уйти в глухую оборону. В этот день против немцев были пущены в действие новые болгарские соедине-

ния. В результате Главнокомандующий на юго-востоке считал «продолжение наступления с плацдарма к северу от Доньи Михольяц малоперспективным». В вечерней сводке, которую он послал в 20 часов командованию группы армий «Юг», он высказал намерение «встретиться с передовыми частями 6-й танковой армии для того, чтобы создать единый плацдарм в районе Валпово». Поскольку XCI (91-й) армейский корпус не смог начать взаимодействие (как было ранее запланировано) со 2-й танковой армией, то рушился весь план операции. При этом сам Главнокомандующий на юго-востоке не мог приказать ничего командованию 2-й танковой армии, а командование группы армий «Юг» ничего не могло приказать XCI (91-му) армейскому корпусу. По этой причине генерал Вёлер мог принять данную информацию только к сведению, в лучшем случае оказывая косвенное влияние на генералов, подчиненных Верховному командованию Вермахта.

Впрочем, в самом командовании группы армий «Юг» уже задумывались над тем, чтобы перевести дивизии, находящиеся на берегах Дравы, в подчинение Верховному командованию сухопутных сил. Однако данный вопрос мог решить только сам Гитлер. Это было его исключительной компетенцией.

В то же самое время наступление, начатое 16-й панцергренадерской дивизией СС «Рейхсфюрер», не увенчалось сколько-нибудь заметным успехом. Советское командование бросило навстречу эсэсовцам свежие силы, в том числе болгарские подразделения. В итоге части дивизии «Рейхсфюрер» были остановлены на подступах к Надькорпаду. Но при

Советские контратаки были столь же яростными, сколь и оборона

этом командование 2-й танковой армии решило не отказываться от наступления в прежнем, «южном» направлении. Оно предполагало, что дивизии были все еще в состоянии прорваться к Надькорпаду, откуда они должны были повернуть на восток в направлении реки.

Но для осуществления данного замысла у 2-й танковой армии явно не хватало сил и боеприпасов. Об этом не раз сообщалось командованию группы армий «Юг», но генерал Вёлер и слышать ничего не хотел про эти проблемы. Он требовал как можно быстрее восстановить предыдущее направление наступления — на восток к Надьбайому. Единственной уступкой в данном вопросе было время — его давали для того, чтобы «провести основательную подготовку». Армия должна была провести перегруппировку и 13 марта начать новое наступление. «Командование армии должно выбрать самое слабое место в позициях противника и бросить туда максимальное количество имеющихся в распоряжении сил».

В ответ командование 2-й танковой армии заявляло, что готово начать новое наступление лишь 15 марта. В ответ в штабе группы армий «Юг» считали данные сроки неприемлемыми и вновь требовали начать наступление 13 марта, хотя бы с наступлением темноты: «Имеющийся опыт показывает, что в сложившихся условиях данное время суток наиболее благоприятно для прорыва вражеской линии обороны. К завтрашнему дню командование армии должно предоставить предварительные соображения относительно предстоящего наступления».

Некоторых тактических успехов удалось добиться 6-й танковой армии.

Частям I кавалерийского корпуса удалось потеснить Красную Армию от берегов канала Шио. При этом правое крыло корпуса (25-я венгерская пехотная дивизия) продвинулось приблизительно на 3 километра по берегу озера Балатон, северо-восточнее Шиофока. Впрочем, 4-я кавалерийская дивизия не могла похвастать такими успехами — она так и не смогла взять Балатон-Сабади. 3-й кавалерийской дивизии на южном берегу Шио пришлось столкнуться с мощной советской группировкой, которая активно поддерживалась артиллерией. В итоге командование корпуса отдало приказ дивизии не выдвигаться на южный берег, а заняться зачисткой территории

на северном берегу и осуществлением разведывательных мероприятий, которые помогли бы найти переходы через Шио. В то же самое время I танковый корпус СС с его тремя дивизиями активно продвигался вперед по северному берегу канала в направлении между Озорой и Шимонторньей. Здесь также проводилась разведка в поисках бродов. Находившаяся под Шар-Эгрешем 23-я танковая дивизия смогла прорвать советскую оборону, однако не смогла воспользоваться своим кратковременным успехом. Советские войска предприняли моментальную контратаку, а потому в итоге 23-я дивизия была вынуждена проводить перегруппировку, перейдя к обороне.

На западном берегу канала Шарвиз часть I танкового корпуса проводила перегруппировку. После ее осуществления «боевая группа Крага» (2-я танковая дивизия СС «Рейх») смогла форсировать Шарвиз северо-восточнее Калоза. Однако и здесь немцев ожидала неудача. Под давлением советских войск они были вынуждены отойти обратно на западный берег, планируя повторить атаку несколько позже.

II танковый корпус СС также увяз в тяжелых боях. 2-я танковая дивизия «Рейх» пыталась прорваться вперед между Абой и Шарошдом. Но продвинуться ей удалось лишь до села Хайнрих. Во время боя за это село немцами было уничтожено шесть советских танков и три противотанковых орудия. Но, продвинувшись, некоторые части корпуса оказались под угрозой советских атак с флангов. В первую очередь это касалось участка Шарошд — Шаркерестур.

44-й имперско-гренадерской дивизии «Магистры Тевтонского ордена» не удалось взять Абу. Более того, находившаяся по соседству 9-я танковая дивизия СС «Гогенштауфен» была вынуждена постоянно отражать советские атаки, в итоге так и не перейдя от обороны к наступлению.

В итоге опорные пункты советской обороны по Шарвизу (Аба, Шарошд, Шаркерестур) так и не были взяты немцами. Все это значительно облегчало решение задач, стоящих перед командованием 3-го Украинского фронта. В качестве положительного момента можно отметить, что II танковый корпус окончательно «запутался» в своих перегруппировках, а потому ему вряд ли было под силу прорвать линию советской обороны. Несколько иначе складывалась обстановка в III

танковом корпусе, который осуществлял фронтальное наступление между Шерегейешем и Гародонью. 1-я танковая дивизия почти без проблем захватила село Чириб. Командование танкового корпуса возлагало большие надежды на 6-ю танковую дивизию, которая при поддержке 3-й танковой дивизии должна была захватить Адонь. Но при этом нельзя было не отметить, что, пустив в ход все свои резервы, армейская группа Балка весьма существенно ослабила свои позиции. Но Балк в запале битвы не хотел (или не мог) заметить, что данным обстоятельством намеревалось воспользоваться советское командование, которое концентрировало части Красной Армии на обоих берегах Дуная.

Более того, по решению маршала Толбухина должна была быть усилена оборона на всех участках фронта, где наступала 6-я танковая армия. Для этого в окрестностях озера Веленце была проведена перегруппировка 27-й армии, а на юго-западном участке —26-й армии. По итогам осуществления немцами авиаразведки в штаб группы армий «Юг» поступали сведения о том, что в районе Эрчи через Дунай перебрасываются советские танки. Радиоперехваты позволяли немцам судить о том, что армия Плиева переводилась под Гран. Все это говорило о том, что советское командование готовит масштабное контрнаступление. Впрочем, в своем вечернем разговоре с генералом Вёлером генерал-полковник Гудериан высказал сомнения относительного того, что Красная Армия предпримет

Советская техника следует мимо уничтоженных немецких подразделений

контрнаступление под Граном. Равно как он не верил и в то, что советские войска вообще предпримут крупную наступательную операцию в Венгрии. На этот раз он ошибался.

Для продолжения наступления на следующий день было приказано:

• 2-й танковой армии — продолжать обороняться, пока не будет завершена перегруппировка, которая должна привести к прорыву советской линии обороны силами 1-й народной горнострелковой дивизии и 16-й панцергренадерской дивизии СС «Рейхсфюрер».

• 6 танковой армии:

a) I кавалерийскому корпусу — урегулировать обстановку на северном берегу канала Шио, после чего вечером силами разведывательных батальонов форсировать реку и начать наступление, создав в ночь с 12 на 13 марта несколько плацдармов на южном берегу Шио;

b) I танковому корпусу — занять позиции на уже готовых плацдармах, чтобы готовиться нанести удар по советским позициям к западу от Озоры и чуть западнее Шимонторньи. После этого другие части корпуса должны начать форсирование канала Шарвиз близ Шар-Эгреша; данная атака должна была закончиться захватом Цеце. Стратегической целью корпуса был выход к Дунаю.

c) II танковому корпусу — продолжать наступление между Шаркерестуром и Шарощдом. Постепенно атака, нацеленная на юг, должна была перенацелиться на Абу, обеспечивая тем самым фланговое прикрытие 9-й танковой дивизии СС «Гогенштауфен». Отдельная боевая группа СС должна была форсировать Шарвиз близ Калоза, чтобы нанести удар по Шаркерестуру с другой стороны.

• III танковому корпусу (армейская группа Балка) — продолжать вести оборонительные бои близ Шерегейеша. 6-я танковая дивизия должна была атаковать село Саболч. 1-я танковая дивизия по возможности должна была наступать на северо-восток.

Для полноты картины нужно отметить, что в этот день командующего группой армий «Юг» посетил командующий 3-й венгерской «королевской» армией генерал-полковник Хешленьи. Судя по всему, речь шла об использовании в бо-

ях полка СС под командованием Нея, который состоял из венгерских добровольцев. В ходе этого разговора генерал Вёлер отметил: «Я считаю необходимым, чтобы штурмбаннфюрер СС Ней как можно быстрее присоединился к нам вместе со своей частью Ваффен-СС».

В журнале Верховного командования сухопутных сил в тот день была сделана запись, которая позволяет судить об уровне потерь Красной Армии за время осуществления операции «Пробуждение весны»: «По имеющимся сообщениям, в период с 6 по 11 марта 1945 года противник понес следующие потери: 1077 убитых, 140 взятых в плен, 34 уничтоженных танка, 36 орудий, 109 противотанковых пушек, 55 захваченных противотанковых ружей, 15 гранатометов, 8 сбитых самолетов и 20917 обезвреженных мин». Судя по всему, Верховное командование специально запросило у командования 6-й танковой армии информацию, касающуюся уровня советских потерь.

12 марта 1945 года (понедельник). Седьмой день операции «Пробуждение весны»

«Температура около 0 °С. В целом облачно. Местами наблюдаются осадки. Состояние дорог плохое. Неукрепленные дороги и открытые территории непроходимы даже для гусеничного транспорта».

На берегах Дравы фактически ничего не изменилось. Советские и болгарские войска продолжали свои атаки, не останавливаясь ни на час. Главнокомандующему приходилось довольствоваться тем скромным фактом, что его дивизии не выбили с занятых ранее плацдармов. Как следствие, не стоило ожидать каких-либо грандиозных стратегических изменений на западном берегу Дуная, так как ни одна из направляющих немецких «щипцов», в которые должны были быть взяты войска маршала Толбухина, фактически не продвинулась вперед ни на километр.

2-я танковая армия фактически свернула свое наступление. Ночью ее части смогли отразить несколько советских атак. Днем Красная Армия также прекратила все боевые действия. Это обстоятельство позволило командованию 2-й танковой армии относительно успешно осуществить перегруппировку войск. Теперь 16-я панцергренадерская дивизия СС «Рейхсфю-

Советская артиллерия занимает позиции в талой воде

рер» должна была атаковать советские позиции под местечком Марцали, а 1-я народная горнострелковая дивизия — под селом Кетей. Чтобы более эффективно осуществить данное наступление, обе дивизии были подчинены командованию XXII горнострелкового корпуса. Общее наступление 2-й танковой армии на восток должно было начаться 14 марта. За несколько дней этой не самой сильной армии предстояло проделать 70—80 километров, чтобы достичь канала Шио!

6-я танковая армия начала создавать плацдармы к западу от Мезё Комарома (I кавалерийский корпус) и непосредственно к западу от Шимонторньи (I танковый корпус СС). В основном в этот день упомянутым соединениям приходилось отражать советские контратаки. В то же самое время 23-й танковой дивизии, продолжавшей наступать на Шар-Эгреш, не удалось добиться никакого успеха. При этом стало затухать и наступление 25-й венгерской пехотной дивизии. Ей все чаще и чаще приходилось переходить к обороне, отражая со всех сторон атаки частей Красной Армии.

Неожиданно ночью 4-й кавалерийской дивизии удалось отбить у Красной Армии приличный кусок территории, на котором был создан плацдарм глубиной в два и шириной в три километра. Данные позиции были тут же укреплены

частями 3-й кавалерийской дивизии, которая сама располагалась в тот момент к северо-западу от Мезё Комарома. На тот момент дивизии могли отражать советские атаки, только объединив свои усилия. Во время одного из боев немецкие кавалеристы даже смогли подбить один советский танк.

Успехи I танкового корпуса были больше, чем у прочих соединений 6-й танковой армии. Ночью 12-я танковая дивизия СС «Гитлерюгенд» несколько раз безуспешно пыталась форсировать канал у деревни Кула (севернее Озоры). С этой задачей смогла справиться только 1-я танковая дивизия СС «Лейбштандарт», которая была усилена гренадерским полком из состава дивизии СС «Гитлерюгенд». В 4 часа 30 минут они смогли создать плацдарм к западу от Шимонторньи и закрепиться на нем. Данный плацдарм имел глубину в полтора и ширину в два километра. Одновременно с этим части дивизии «Лейбштандарт» после ожесточенных боев смогли проникнуть на окраины Шимонторньи.

23-я танковая дивизия почти весь день безуспешно пыталась штурмовать хорошо укрепленный Шар-Эгреш. Но эти атаки не только не увенчались успехом, но и закончились тактическим поражением дивизии. Во время очередной контратаки советские войска смогли отбросить 23-ю дивизию на несколько километров от города. На время частями Красной Армии было даже освобождено село Яношхаза.

Определенного успеха удалось добиться в этот день и II танковому корпусу СС. 44-я имперско-гренадерская дивизия «Магистры Тевтонского ордена», прикрываемая частями 2-й танковой дивизии СС «Рейх», с двух сторон (с севера и востока) проникла в Абу. К вечеру после ожесточенных боев городок пал. Одновременно с этим «боевой группе Крага» удалось форсировать канал Шарвиз и начать развивать наступление. В ходе кровопролитных боев эта ударная группа СС достигла села Сентимре, расположенного юго-западнее Шаркерестура. Теперь немцы штурмовали этот населенный пункт с трех сторон: с севера, востока и юго-запада. Но укрепившиеся в Шаркерестуре красноармейцы продолжали сражаться, мужественно держа оборону. Ситуация на этом участке фронта была очень сложной. С одной стороны, немцы отчаянно пытались взять Шаркерестур, а с другой — они были вынуждены непрерывно отра-

жать советские контратаки, предпринимаемые с флангов. Наиболее кровопролитные бои происходили в селе Хайнрих, на улицах которого они шли до самого утра следующего дня.

Между тем 9-й танковой дивизии СС «Гогенштауфен» не удалось сколько-нибудь значимо улучшить свое положение под Шарошдом. Дивизия постепенно свернула свое наступление и ушла в глухую оборону. Несмотря на то, что в ходе ожесточенных, связанных с громадными потерями боев II танковому корпусу СС удалось взять Абу, это не изменило ситуации в целом. Наступление на юг не стало развиваться более стремительно. Более того, сопротивление советских войск с каждым днем становилось все более сильным. Ощущалось увеличение в частях Красной Армии артиллерии. Немцы же, напротив, с каждым днем становились все слабее и слабее. III танковый корпус в составе своих трех танковых дивизий смог лишь на 2 километра продвинуться в направлении села Саболч. Определенного успеха удалось добиться 1-й танковой дивизии, которая к югу от Гардони захватила несколько высот. Во время этого боя 509-му батальону тяжелых танков удалось уничтожить 20 советских самоходных артиллерийских установок. Казалось, это был потрясающий результат, но даже такие потери с советской стороны не позволили немцам прорвать линию обороны Красной Армии. По большому счету, III танковый корпус так и не смог переломить ситуацию на своем участке фронта. В расположении 3-й венгерской армии и IV танкового корпуса СС царило относительное затишье.

Поскольку битва при Балатоне подходила к своему кульминационному моменту, имеет смысл показать несколько эпицентров сражения, в которых в основном принимали участие подразделения 6-й танковой армии:

a) канал Шио, в 5 километрах восточнее Аданда (25-я венгерская пехотная дивизия, 4-я кавалерийская дивизия);

b) местность в 5 километрах юго-восточнее Аданда (3-я и 4-я кавалерийские дивизии);

c) 2 километра на восток от Шимонторньи (12-я танковая дивизия СС «Гитлерюгенд» и 1-я танковая дивизия СС «Лейбштандарт»);

d) 2,5 километра на юго-восток от Шимонторньи (1-я танковая дивизия СС «Лейбштандарт» и 23-я танковая дивизия);

Штандартенфюрер СС Карл Кройц

е) 2,5 километра на северо-восток от Шаркерестура (44-я имперско-гренадерская дивизия «Магистры Тевтонского ордена» и 2-я танковая дивизия СС «Рейх»);

f) 1,5 километра на юго-запад от Якабзаллаша (2-я танковая дивизия СС «Рейх» и 9-я танковая дивизия СС «Гогенштауфен»).

Очень скоро стали сказываться успехи правого крыла 6-й танковой армии. Стабилизировав фронт по каналу Шио, немцам удалось не только закрепиться на его берегах, но и успешно отразить все советские контратаки. Этот успех настолько впечатлил генерала Вёлера, что тот самолично направился на командный пункт 6-й танковой армии, чтобы обсудить с Зеппом Дитрихом план дальнейших действий.

Для продолжения наступления на следующий день было приказано:

— 2-й танковой армии — продолжать перегруппировку, которая была предпосылкой для наступления в восточном направлении. Одновременно с этим должна была осуществляться разведка, которая была призвана выяснить численность сил Красной Армии, расположенных вдоль южного берега озера Балатон.

— 6-й танковой армии:

а) I кавалерийскому корпусу — закончить урегулирование ситуации на северном берегу канала Шио, после чего расширить плацдарм близ Мезё Комарома для того, чтобы впоследствии нанести удар в юго-западном направлении. Одновременно с этим части кавалерийского корпуса должны были обеспечивать «состыковку» со 2-й танковой армией.

b) I танковый корпус СС должен был после создания плацдарма на отрезке Озора — Шимонторнья нанести удар в юж-

ном или юго-восточном направлении, а затем начать подготовку к форсированию Шарвиза близ Цеце.

c) II танковый корпус должен был захватить Шаркерестур и взять высоту к югу от Хантоша.

— армейской группе Балка:

a) III танковому корпусу — блокировать дороги, связывающие Киш-Веленце и село Саболч, после чего захватить Саболч. По выполнении этих задач корпус должен был развернуть наступление в восточном направлении, чтобы прикрыть фланг II танкового корпуса СС.

b) IV танковому корпусу СС и 3-й венгерской армии — готовиться к осуществлению наступления к северу от Секешфехервара (данный план не конкретизирован).

13 марта 1945 года (вторник). Восьмой день операции «Пробуждение весны»

«Температура до 6 °С выше нуля. Местами облачно. Кое-где наступает ясная погода. Хорошая видимость. Состояние дорог плохое, но они начинают подсыхать».

LXXXXI (91-й) армейский корпус Главнокомандующего на юго-востоке оказался втянут в затяжные оборонительные бои. Обстановка на этом участке фронта была настолько тяжелой (для немцев), что не исключалась возможность скорейшей ликвидации немецкого плацдарма близ Доньи Михольяц — настолько там были большие потери. Впрочем, концентрация советских и болгарских войск у этого плацдарма позволила командованию 2-й танковой армии беспрепятственно осуществить перегруппировку войск под Марцали и Кетейем. Так возник новый эпицентр сражения, шириной в 10—20 километров, у юго-западного окончания озера Балатон. Вечером этого дня 16-я дивизия СС «Рейхсфюрер» и 1-я народная горнострелковая дивизия были готовы приступить к наступлению, чтобы соединиться с I кавалерийским корпусом. Но неожиданно для командования 2-й танковой армии советские войска атаковали немецкие позиции северо-западнее Надьбайома. Немецкая операция оказалась под угрозой срыва. Можно было бы попробовать десантировать ударные группы обеих дивизий с озера Балатон. Но и от этого плана пришлось отказаться, так как южные берега озера были покрыты тонким льдом, не при-

годным для перемещения по нему, но в то же время очень сильно мешавшим передвижению лодок. В силу подобных затруднений был риск, что весь немецкий десант будет уничтожен советскими войсками, еще не высадившись на берег.

Все планы сорвались в тот день и на участке фронта между озером Балатон и озером Веленце. Именно здесь наблюдалась предельная концентрация советских войск. Лучше всего обстановку здесь характеризовало сообщение, которое командование 6-й танковой армии открытым текстом отослало в штаб группы армий «Юг»:

«День прошел под знаком вражеских контратак в местах наших предполагаемых наступлений. I кавалерийский корпус во время своей атаки был отброшен на исходные позиции восточнее Аданда. Пока еще есть возможность предотвратить дальнейшее продвижение противника, но стоит ожидать его дальнейших атак. I танковый корпус СС на плацдарме под Шимонторньей утратил высоту 220, которую, однако, вернул во время последовавшей контратаки. На данном участке стоит ожидать новых наступлений противника. Возведение моста длиной 30 и шириной 4,5 метра постоянно срывается из-за мощного вражеского артиллерийского огня. Несмотря на поддержку Люфтваффе, атаки на Шар-Эгреш не закончились успехом. Следует по-новому оценить обстановку. Вражеские контратаки говорят о появлении у противника свежих сил, с которыми нельзя не считаться. Особенно активно противник атакует позиции II танкового корпуса СС. Имея почти четырехкратное преимущество в танках, 18-й танковый корпус атаковал сразу же в семи местах. Почти все эти атаки были отражены. Самые мощные атаки исходят из Шарошда. Предполагается, что свежие силы противника занимают позиции между Дунаем и каналом Шарвиз, а также на плацдармах у Дунафельдвара и Дунапентеле. Планы на 14 марта остаются неизменными».

Как следует из приведенного выше документа, I кавалерийский корпус не только не смог расширить свой плацдарм, но, с точностью до наоборот: только мобилизовав все резервы, кавалеристам с трудом удавалось удерживать от-

К концу операции «Пробуждение весны» советская артиллерия имела многократное превосходство

дельные участки на южном берегу Шио. Советские войска фактически без боя взяли Лайошкомаром и подступили вплотную к Мезё-Комарому. Но в тот момент гнев командования группы армий «Юг» обрушился в первую очередь на 25-ю венгерскую пехотную дивизию. Еще утром командование этой дивизии сообщило в штаб группы армий о том, что вместе с «подстрекателями» (сленговый дословный перевод названия легких венгерских штурмовых орудий «Хетцерн») пехотинцы вступили в Шиофок. Проверка показала, что в этой информации не было и доли истины. Дивизия даже не начинала наступления. В итоге генерал Вёлер передал через командование I кавалерийского корпуса, что ожидает от полковника Калько, командира 25-й пехотной дивизии, взятия этого населенного пункта к вечеру текущего дня.

I танковый корпус СС был вынужден вести оборонительные бои у Шимонторньи. Несмотря на поддержку с воздуха, немцам никак не удавалось форсировать Шарвиз, чтобы закрепиться на плацдарме у Цеце. В то же самое время подразделения 23-й танковой дивизии вели бои едва ли не за каждый дом в Шар-Эгреше. Командование корпуса было раздосадовано тем, что не удавалось навести переправу через Шио, а потому не оставалось ничего иного, как пытаться

удержать плацдарм у Озоры и Шимонторньи. Но и здесь вряд ли немцы могли рассчитывать на тактический успех — огонь советской артиллерии усиливался с каждым часом.

II танковый корпус, вклинившийся в советские позиции несколькими днями ранее, пожинал плоды своего тактического успеха. Части Красной Армии постоянно атаковали его с флангов. 44-я имперско-гренадерская дивизия «Магистры Тевтонского ордена» не только не взяла (как было запланировано) Шаркерестур, но с трудом удерживала ранее захваченные территории. 2-я танковая дивизия СС «Рейх» оказалась в эпицентре ожесточенного сражения, когда ей приходилось отражать советские атаки одновременно с нескольких сторон. Самое пекло творилось у деревни Хайнрих. В тот день там было подбито четыре советских танка (в том числе два — из фаустпатронов). Тогда из штаба 6-й танковой армии сообщали:

«В целом наши передовые части сегодня ни на одном участке фронта не смогли добиться успеха. День был ознаменован многочисленными вражескими контратаками, которые также не увенчались успехом. Противник настолько усилился на участке между Шарвизом и Дунаем, что наше последующее

Один из немногих советских самолетов, сбитых немецкой зенитной артиллерией над Западной Венгрией

наступление здесь вряд ли представляется возможным. За семь прошедших дней наступления части понесли огромные потери и полностью вымотаны недельными боями».

Подобная формулировка означала только одно — командование 6-й танковой армии не видело дальнейших перспектив операции «Пробуждение весны».

III танковый корпус после перегруппировки сосредоточил свои ударные силы северо-западнее Саболча. 1-я танковая дивизия должна была отражать советские контратаки, которые поддерживались огнем десятков тяжелых орудий. Немецкое наступление заглохло и на этом участке фронта. III танковому корпусу противостояла 163-я советская стрелковая дивизия, которая входила в состав 27-й армии.

Именно в этот день были подведены очередные итоги относительно потерь и боеспособности немецких соединений.

ПОТЕРИ В ЛИЧНОМ СОСТАВЕ В ПЕРИОД С 6 ПО 13 МАРТА 1945 ГОДА

Соединения	А. Погибло			В. Ранено			С. Пропало без вести			A+B+C
	O	U+M	S*	O	U+ M	S	O	U+M	S	Итого
1-я танковая дивизия СС «Лейбштандарт»	6	205	211	16	1059	1075	1	148	149	1435
12-я танковая дивизия СС «Гитлерюгенд»	5	143	148	19	637	656	—	153	153	957
I танковый корпус СС	***11***	***348***	***359***	IB35	***1696***	***1731***	***1***	***301***	***302***	***2392***
2-я танковая дивизия СС «Рейх»	9	123	132	20	659	679	3	191	194	1005
9-я танковая дивизия СС «Гогенштауфен»	11	142	153	25	511	536	—	105	105	794
II танковый корпус СС	***20***	***265***	***285***	IB45	***1170***	***1215***	***3***	***296***	***299***	***1799***
23-я танковая дивизия	5	58	63	9	245	254	—	3	3	320

Соединения	А. Погибло			В. Ранено			С. Пропало без вести			А+В+С
	О	U+M	S*	О	U+M	S	О	U+M	S	Итого
44-я имперско-гренадерская дивизия «Магистры ТО»	4	95	99	31	364	395	—	3	3	497
3-я кавалерийская дивизия	6	81	87	24	409	433	—	13	13	533
4-я кавалерийская дивизия	3	67	70	10	290	300	—	8	8	378
I кавалерийский корпус	*9*	*148*	*157*	*34*	*699*	*733*	-	*21*	*21*	*911*
6-я танковая армия	*49*	*914*	*963*	*154*	*4174*	*4328*	*4*	*624*	*628*	*5919*
2-я танковая армия	*34*	*474*	*508*	*87*	*2810*	*2897*	*1*	*156*	*157*	*3562*
Армейская группа Балка	*12*	*462*	*474*	*64*	*2029*	*2093*	-	*310*	*310*	*2877*
Группа армий «Юг» (только части, принимавшие участие в операции)	*95*	*1850*	*1945*	*30 5*	*9013*	*9318*	*5*	*1090*	*1095*	*12358*
Части Главнокомандующего на Ю-В	-	-	*506*	-		*1798*	-	-	*156*	*2460*
Немецкие потери за неделю наступления	-	-	*2451*	-		*11116*	-	-	*1251*	*14818*

* О — офицеры, U+M — унтер-офицеры и солдаты, S — в сумме.

ШТАТНЫЙ И БОЕВОЙ СОСТАВ СОЕДИНЕНИЙ НА 13 МАРТА 1945 ГОДА

Соединения	Штатный состав	Боевой состав	
		численность	%
1-я танковая дивизия СС «Лейбштандарт»	12075	3492	29%
12-я танковая дивизия СС «Гитлерюгенд»	12295	4594	37%

Соединения	Штатный состав	Боевой состав	
		численность	%
I танковый корпус СС	**24370**	**8086**	**33%**
2-я танковая дивизия СС «Рейх»	9143	3344	37%
9-я танковая дивизия СС «Гоген-штауфен»	8029	4320	54%
II танковый корпус СС	**17172**	**7664**	**45%**
23-я танковая дивизия	11443	3817	33%
44-я имперско-гренадерская дивизия «Магистры ТО»	8989	4013	45%
3-я кавалерийская дивизия	4479	1421	32%
4-я кавалерийская дивизия	4275	1548	36%
I кавалерийский корпус	**8754**	**2969**	**34%**
6-я танковая армия	**70728**	**26549**	**38%**

СОСТОЯНИЕ БРОНЕТЕХНИКИ ПО СОСТОЯНИЮ НА 13 МАРТА 1945 ГОДА

Соединения	Готовы к применению			В краткосрочном ремонте			В капитальном ремонте			Безвозвратные потери		
	Pz*	StG	SPW	Pz	St G	SPW	Pz	StG	SPW	Pz	StG	SPW
1-я танковая дивизия СС «Лейбштандарт»	86	22	198	26	10	28	32	—	18	12	1	—
12-я танковая дивизия СС «Гитлерюгенд»	54	67	194	20	27	22	19	22	55	5	2	—
I танковый корпус СС	***140***	***89***	***392***	***46***	***37***	***50***	***51***	***22***	***73***	***17***	***3***	-
2-я танковая дивизия СС «Рейх»	51	56	223	40	39	90	—	—	—	4	5	—
9-я танковая дивизия СС «Гогенштауфен»	56	57	224	33	30	36	—	—	37	4	—	—
II танковый корпус СС	***107***	***113***	***447***	***73***	***69***	***126***	-	-	***37***	***8***	***5***	-
23-я танковая дивизия	53	29	98	16	9	19	25	13	13	6	3	1

Соединения	Готовы к применению			В краткосрочном ремонте			В капитальном ремонте			Безвозвратные потери		
	Pz*	StG	SPW	Pz	St G	SPW	Pz	StG	SPW	Pz	StG	SPW
44-я имперско-гренадерская дивизия «Магистры ТО»	—	10	—	—	5	—	—	—	—	—	—	—
3-я кавалерийская дивизия	—	22	8	—	13	6	—	—	—	—	—	—
4-я кавалерийская дивизия	4	16	12	2	15	4	—	—	—	—	—	—
I кавалерийский корпус	***4***	***38***	***20***	***2***	***28***	***10***	-	-	-	-	-	-
6-я танковая армия	**304**	**279**	**957**	**137**	**148**	**205**	**76**	**35**	**123**	**31**	**11**	**1**

* Pz — танки; StG — штурмовые орудия; SPW — бронетранспортеры.

Несмотря на сложность положения, на следующий день приказы, отданные соединениям, остались неизменными:

1) На позициях 2-й танковой армии 16-я панцергренадерская дивизия СС «Рейхсфюрер» и 1-я народная горнострелковая дивизия должны были начать наступление в восточном направлении. Их первой целью должно было стать взятие Шомодьвара и Ёреглака.

2) 6-я танковая армия должна была вновь попытаться атаковать советские позиции. В качестве первоочередных задач рассматривались наступление с юго-запада и северо-востока на Шаркерестур и ликвидация советского плацдарма у Шар-Эгреша.

3) III танковый корпус (армейская группа Балка) должен был взять высоту 145 и перерезать дороги, соединяющие Шерегейеш, Перкату и Солгаедьхазу.

Тем временем командование 3-го Украинского фронта направляло на советские оборонительные рубежи свежие ударные силы (9-я гвардейская армия и 6-я танковая гвардейская армия).

14 марта 1945 года (среда). Девятый день операции «Пробуждение весны»

«Температура до 13 °С выше нуля. В целом тепло и солнечно. Дороги просыхают, по территории можно передвигаться на гусеничном транспорте».

Самым примечательным событием этого дня стал налет американской авиации на Комаром. На этот раз это был уже не символический акт. Во время бомбежки было уничтожено почти 70% нефтеперерабатывающих предприятий города. Можно было предположить, что данный налет был непосредственно связан с готовящимся советским наступлением. Он был настолько мощным, что ни использование зенитной артиллерии, ни вылеты истребителей Люфтваффе не смогли уберечь столь драгоценных для Гитлера заводов. Германия окончательно утратила свое господство в воздухе.

В сложившейся ситуации уже вряд ли что-то могло изменить обстановку в Западной Венгрии. Наступление на Печ полностью провалилось. Об «урегулировании обстановки на западном берегу Дуная» не могло быть и речи.

Согласно разработанному плану в 9 часов утра дивизия СС «Рейхсфюрер» и 1-я народная горнострелковая дивизия, входившие во 2-ю танковую армию, начали свое наступление в восточном направлении. Им предстояло совершить невероятное — прорваться сквозь хорошо устроенную линию советской обороны, которая, кроме традиционных заграждений, была оснащена обширными минными полями. За целый день этим двум немецким дивизиям удалось вторгнуться в советские позиции на три километра — это был неплохой тактический успех, но отнюдь не ожидаемый стратегический прорыв. Тем не менее командующий 2-й танковой армией генерал де Ангелис продолжал надеяться, что «наступление преуспеет завтра, когда будет пробита первая линия советской обороны».

В этот день частям 6-й танковой армии удалось отразить несколько советских атак на немецкие позиции вдоль канала Шио. I кавалерийский корпус мог только обороняться. 25-я венгерская пехотная дивизия не только не заняла ни одного населенного пункта, но и не могла даже толком держать оборону. По большому счету, теперь венгры были немцам не помощниками, а скорее обузой. В итоге 3-я и 4-я кавалерийские

Советские самоходные артиллерийские установки IX гвардейского механизированного корпуса входят в венгерский город. Весна 1945 года

дивизии только 14 марта умудрились отразить восемь советских атак, которые главным образом предпринимались с плацдарма к востоку от Аданда. К слову сказать, во время одной из таких атак было задействовано 15 советских танков.

I танковый корпус СС смог немного расширить свой плацдарм близ Шимонторньи. По сути, это было единственное немецкое соединение, которое продолжало атаковать. Во время одной из атак немцам удалось отбросить части Красной Армии за Шар-Эгреш, но за этим последовало неожидавшееся наступление II танкового корпуса на Шаркерестур, а еще более ожесточенные советские контратаки. К тому же немцы были почти полностью подавлены огнем советской артиллерии и минометов. Это была уже не артиллерийская дуэль, а исключительно советский огневой шквал. Выбив немецких летчиков из воздушного пространства над Западной Венгрией, советские штурмовики постоянно «утюжили» позиции II танкового корпуса СС.

К этому моменту советское командование нащупало слабые места в немецкой обороне. Так, например, удар по позициям I танкового корпуса был нанесен у села Белшё Сари (между Озорой и Мезё Комаром). Это село удерживалось самыми слабыми подразделениями дивизии СС «Гитлерюгенд». Советским войскам даже удалось кое-где пробиться на северный (немецкий) берег Шио. Впрочем, командование I танкового корпуса не собиралось бездействовать. Дивизия СС «Лейбштандарт», усиленная несколькими батальонами из состава дивизии «Гитлерюгенд», смогла расширить свой плацдарм у Шимонторньи, продвинувшись вперед на два километра до высоты 115. При этом танкистам «Лейбштандарта» приходилось не только наступать, но и отражать советские контратаки. Однако советская артиллерия делала свое дело. Одним из снарядов была уничтожена переправа через Шио, и в итоге немцам вновь пришлось наводить мосты через канал. Можно сказать, что повезло и 23-й танковой дивизии. После трехдневных изматывающих и кровопролитных боев немецким танкистам удалось отбросить части Красной Армии от Шар-Эгреша. Советские войска были вынуждены отойти на другой берег Шио.

Тем временем II танковый корпус СС продолжал вести безуспешные бои за Шаркерестур. Советское командование посылало сюда все новые и новые части. Пехотные части постоянно предпринимали контратаки, поддерживаемые танковыми подразделениями из 10—20 машин. Огромные потери несли обе сражающиеся стороны. Но успех был на стороне Красной Армии — немцев потихоньку вытесняли с плацдарма под Калозом.

III танковый корпус не мог развить наступление и перешел к глухой обороне. Становилось все более очевидным, что операция «Пробуждение весны» провалилась и наступление имеющимися в распоряжении у немцев силами продолжать далее нельзя. Они хотели в одночасье получить все, но не добились ничего.

Чем яснее становилось, что 6-я танковая армия со дня на день начнет отступать, тем чаще взоры командования группы армий «Юг» устремлялись на оборонительные рубежи армейской группы Балка, которая не принимала столь активного участия в операции «Пробуждение весны». Именно

в этот день из штабов IV танкового корпуса СС и 3-й венгерской армии стали приходить сообщения о том, что были замечены двигающиеся в сторону фронта крупные советские соединения. Сообщалось о приблизительно тысяче машин с красноармейцами, которые устремлялись к передовой. В штабе группы армий «Юг» предположили, что местом нового советского прорыва должно было стать «венское направление», а именно Татабанья и Мор. Эти выводы подтверждались сведениями, которые предоставлялись немецкой авиаразведкой. Более того, летчики сообщали о еще более грандиозном количестве машин и транспортных средств. Теперь уже ни у кого не было сомнений в том, что со дня на день должно было начаться крупное советское наступление.

В данной ситуации советское наступление могло не просто обрушить, а смести неприкрытое левое крыло армейской группы Балка. Однако Балк в своей характерной манере предпочитал либо строить воздушные замки, либо интриговать, но отнюдь не готовиться к обороне. Он полагал, что наступление будет осуществляться всего лишь силами двух советских корпусов, а потому для отражения их натиска будет вполне достаточно имеющихся сил. По его «оценкам», 6-я гвардейская танковая армия «должна» была действовать на другом берегу Дуная. Когда же стало ясно, что такие неосмотрительные суждения не имели под собой никакой почвы, в армейской группе в пожарном режиме стали мобилизовываться все мыслимые и немыслимые резервы. В итоге под угрозу было поставлено снабжение 6-й танковой армии. Но Балка это мало интересовало. Он, как и прежде, излучал «беспричинный оптимизм». Он наивно полагал, что имеющаяся в его распоряжении противотанковая и зенитная артиллерия могла остановить советские танки.

Между тем командование 6-й танковой армии видело, в какую ловушку могла попасть вся группа армий «Юг». Зепп Дитрих понимал, что маршал Толбухин вряд ли отказался бы от окружения четырех танковых корпусов. В данной ситуации в венгерском котле могли оказаться как минимум восемь немецких танковых дивизий. Если бы стал развиваться подобный сценарий, то более ничто не преграждало бы Красной Армии путь на Вену. В чем-то это напоминало ситуацию

1805 года, когда в сражении под Ульмом войска Наполеона окружили австрийскую армию, вынудив ее капитулировать.

Но осознать серьезность положения в данной ситуации было недостаточно. Командование группы армий «Юг» оказалось перед серьезным выбором: отвести танковые части и тем самым спасти их или же продолжать бессмысленное наступление, как того хотели Гитлер и генералы Верховного командования.

Эсэсовские панцергренадеры отступают от Балатона

Началось типично «телефонное сражение». В 21 час 25 минут генерал-лейтенант Грольман связался с Зеппом Дитрихом, предложив определиться, как им надлежало действовать далее. Сам Грольман уже не сомневался в провале операции «Пробуждение весны». В противном случае он не произнес бы весьма рискованную фразу: «Продолжение наступления ввиду предпринятых противником мер является опасной и рискованной затеей». В разговоре выдвигалось множество вариантов проведения перегруппировки, но у всех них был один существенный минус — на это требовалось три или даже четыре дня.

Сам Дитрих заявил, что видит только одно-единственное решение в сложившейся ситуации. Надо было снять I танковый корпус с берегов канала Шио и перебросить его на восточный берег канала Шарвиз. Собрав воедино танковый кулак, состоящий из трех танковых корпусов (I СС, II СС и III), надо было ударить в направлении Дуная. Прорвав советскую оборону на небольшом участке фронта, после достижения реки надо было повернуть на север и пройтись по незащищенным тылам Красной Армии, окружив тем самым продвигавшиеся вперед советские части. Однако тут же Дитрих оговорился, поставив крест на данном плане: «Предпосылкой для данной операции должна была являть-

ся хорошая и проходимая почва. В нынешнем состоянии перегруппировка затянулась бы до двадцатых чисел марта».

Вместе с тем Дитрих не отрицал, что надо было срочно отводить I танковый корпус СС и 23-ю танковую дивизию, пока они не попали в «мешок». Предполагалось, что они должны были быть сосредоточены к юго-западу от Секешфехервара. Эта мысль около полуночи была передана по телефону в Генеральный штаб сухопутных войск. В разговоре открытым текстом говорилось, что вряд ли надо было испытывать иллюзии по поводу продолжения операции «Пробуждение весны». Одновременно с этим подчеркивалось, что «объединенная мощь I танкового корпуса СС, II танкового корпуса СС и III танкового корпуса представляла чудовищную силу». Наступление этой танковой армады могло бы начаться 20 марта.

Но при ведении данного разговора нужна была определенная тактика, так как почти всем была известна недальновидность Гитлера, когда речь заходила о выборе между необходимым и осуществимым. Уже ночью генерал Вёлер связался с Гудерианом. Командующий группой армий «Юг» говорил о «необходимости постановки более четких глобальных задач как единственной возможности все еще исправить положение». Выслушав предложения о перегруппировке, Гудериан заверил, что доложит об этом фюреру. И тут же поинтересовался, можно ли было осуществить ее за 48 часов? Генерал Вёлер не стал клятвенно утверждать, что в подобные сроки можно было уложиться, но пообещал, что командование 6-й танковой армии сделало бы все возможное для этого. Пошли мучительные часы. И в очередной раз Гитлер сделал Толбухину неоценимый подарок. Он отказался санкционировать перегруппировку танковых дивизий. Чтобы хоть как-то исправить ситуацию, командование 6-й танковой армии начало готовить подроб-

Немцы не смогли перехватить стратегическую инициативу в Западной Венгрии

ное обоснование предложенного плана. Но в очередной раз последовал отказ.

Утром уже наступившего 15 марта 1945 года Зепп Дитрих разослал по дивизиям 6-й танковой армии телеграмму-«молнию», в которой давал оценку сложившейся ситуации. В ней говорилось, что погода и особенности ландшафта позволили Красной Армии выиграть время для создания новых мощных оборонительных рубежей, что стоило ожидать советского наступления, что надо продолжать наступление, что единственным выходом является атака на советские позиции, которая должна закончиться уничтожением частей Красной Армии. Для этого в течение четырех ночей надо было скрытно провести перегруппировку. Позже Зепп Дитрих попадет в опалу за то, что ослушался приказа Гитлера. Впрочем, даже предпринятые этим эсэсовским генералом меры вряд ли могли что-то существенно исправить в сражении за Западную Венгрию. Сражение у берегов озера Балатон входило в решающую фазу.

15 марта 1945 года (четверг). Десятый день операции «Пробуждение весны». Кульминация сражения

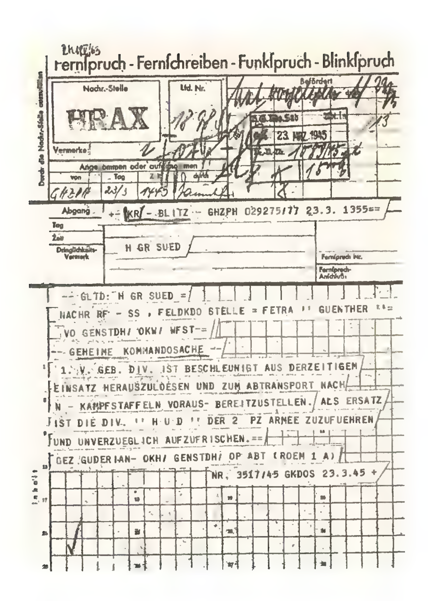
«Температура до 9 °С выше нуля. Туманно, видимость плохая. Местами идут дожди».

Предположение генерала Балка о том, что советские части будут атаковать немецкие позиции с ходу, не подтвердилось. Советское командование было не столь неосмотрительным, чтобы сразу же наступать на широком фронте. Тем не менее 15 марта 1945 года считается кульминационной точкой операции «Пробуждение весны», когда положение на западном берегу Дуная окончательно изменилось в пользу Красной Армии. По сути, это была дата, когда закончилось немецкое наступление.

Несмотря на все попытки убедить Гитлера в том, что необходимо провести перегруппировку для образования нового «танкового кулака», фюрер продолжал настаивать, чтобы сражение продолжалось на прежних позициях. В итоге, как и во многих подобных случаях, была «спровоцирована» его бурная реакция, когда сам Гитлер не хотел признавать себя виновным за собственные же решения, но занимался поиском виноватых. Дивизии Главнокомандующего на юго-востоке были окончательно загнаны на свои прошлые позиции. Болгарские

и советские войска почти вытеснили их с плацдарма к северу от Доньи Михольяц.

Обе наступавшие дивизии из состава 2-й танковой армии в ожесточенных боях понесли такие потери, что едва ли могли продолжать действительное наступление. Но им все-таки удалось прорвать советскую оборону. 16-я панцергренадерская дивизия СС «Рейхсфюрер» взяла населенный пункт Боронка, а 1-я народная горнострелковая дивизия приблизилась к Тотсентпалу. Но это было продвижением на последнем издыхании. Сокрушения всего оборонительного рубежа Красной Армии близ южных берегов озера Балатон достичь не удалось, да и не представлялось возможным.

Fernspruch - Fernschreiben - Funkspruch - Blinkspruch

Nachr.-Stelle: HRAX

23 MRZ 1945

Angenommen oder aufgenommen: von GHZPH, Tag 23/3, Zeit 1445

Abgang: + KR - BLITZ - GHZPH 029275/77 23.3. 1355==

H GR SUED

-- GLTD: H GR SUED =

NACHR RF - SS , FELDKDO STELLE = FETRA '' GUENTHER ''=

VO GENSTDH/ OKW/ WFST-=

-- GEHEIME KOMMANDOSACHE --

1. V. GEB. DIV. IST BESCHLEUNIGT AUS DERZEITIGEM EINSATZ HERAUSZULOESEN UND ZUM ABTRANSPORT NACH N - KAMPFSTAFFELN VORAUS- BEREITZUSTELLEN. ALS ERSATZ IST DIE DIV. '' H U D '' DER 2 PZ ARMEE ZUZUFUEHREN UND UNVERZUEGLICH AUFZUFRISCHEN.==

GEZ GUDERIAN- OKH/ GENSTDH/ OP ABT (ROEM 1 A)

NR. 3517/45 GKDOS 23.3.45 +

Страница из журнала боевых действий группы армий «Юг»

Части 6-й танковой армии несколько расширили свой плацдарм по берегам канала Шио. Предпринятая атака в районе Мезё Комарома фактически поставила крест на попытках Красной Армии в этот день закрепиться на северном берегу Шио и создать там хотя бы один наступательный плацдарм. Весь день продолжались бои у Шаркерестура, но ни одна из сражавшихся сторон не смогла одержать верх. Как и накануне, советские войска продолжали оказывать ожесточенное сопротивление немцам, обстреливая их позиции из тяжелой артиллерии. Как и ранее, плотность и активность советского артиллерийского огня постоянно возрастала. Некоторого успеха удалось добиться «боевой группе Крага» из состава дивизии СС «Рейх» — она все-таки смогла форсировать Шарвиз и закрепиться близ Калоза. Одновременно с этим саперный батальон 44-й имперско-гренадерской диви-

зии «Магистры Тевтонского ордена» смог возвести под не прекращавшимся ни на час огнем советской артиллерии два моста через Шарвиз, по которым можно было перебраться на другой берег немецким танковым войскам.

Части III танкового корпуса в течение дня безуспешно пытались штурмовать высоты, расположенные к северо-востоку от Шерегейеша. Но каждая атака заканчивалась провалом. На высотах советское командование сосредоточило значительное количество противотанковой артиллерии, а также был отдан приказ врыть в землю по башню несколько танков. Итогом этих боев стал один подбитый советский танк и потеря немцами пяти собственных.

Между тем сообщения немецкой армейской разведки, радиоразведки и авиаразведки сходились в одном — в сторону передовой направлялись огромные силы Красной Армии. В результате попыток создать картину этих перемещений, на карте в штабе группы армий «Юг» возникла какая-то феерическая картина. Все окрестности к западу от Будапешта были испещрены красными стрелками, рядом с которыми значились поясняющие подписи: «900 машин», «250 грузовиков», «200 транспортных средств», «раздавался лязг гусениц» и т.д. Отдельного упоминания достойны так называемые «красные пункты», которыми помечались места наиболее активных советских бомбардировок. Предполагалось, что именно здесь будет осуществляться советский прорыв: Татабанья — Комаром — Мор — Рааб — Веспрем — Зирц. В журнале боевых действий группы армий «Юг» в тот день было записано:

«Несмотря на ожидания, противник сегодня так и не предпринял наступления на участке фронта между Секешфехерваром и Вертешскими горами. Из плотного тумана авиаразведка смогла разобрать лишь небольшие перемещения. Но при этом якобы активные действия предпринимаются к югу от Замоя. V корпус штурмовиков, ранее располагавшийся в районе Ипольшага, направлен к югу от Будапешта, где прикрывает 2-й гвардейский механизированный корпус. Можно с уверенностью говорить, что силы данного корпуса в ближайшее время будут пущены в дело. Нет никаких сведений относительно расположения 6-й гвардейской танковой армии и армии Плиева».

Показательно, что лишь в этот критический момент в журнале боевых действий Верховного командования Вермахта появляются упоминания о 6-й танковой армии. Но и в данном случае это делается лишь в связи с «русской угрозой».

В этих условиях в самой группе армий «Юг» началась «борьба за резервы». Во время наступления две дивизии из состава 2-й танковой армии потеряли буквально за день едва ли не треть своего боевого состава. В итоге они обратились с просьбой помочь резервами к Главнокомандующему на юго-востоке. После того как 92-я гренадерская моторизованная бригада была передана в распоряжение армейской группы Балка, 2-я танковая армия осталась без каких-либо резервов. Но и прозвучавшая просьба осталась без ответа.

Вместо резервов командование 2-й танковой армии получило из штаба группы армий «Юг» указание «продолжать активные действия в лесной зоне, чем можно было бы сковать действия противника». Но судя по всему, это было простой отпиской. Положение 2-й танковой армии уже почти никого не волновало. У нее забрали даже 6-й полицейский полк.

Именно в этот момент в дело стали вмешиваться силы из Берлина. На все звучавшие упреки генерал-лейтенант Гролльман отвечал, что «план массированного рывка в юго-восточном направлении мог привести к успеху». Чтобы избежать об-

Балатонская оборонительная операция для Красной Армии превратилась в Венскую наступательную

винений в отказе выполнять приказ Гитлера, он добавлял: «Речь шла лишь о более ясной формулировке главных задач, но отнюдь не о принципиальном изменении имевшегося плана». Но при этом он не смог удержаться от некоторой критики плана операции, который шел не в соответствии с его предложениями и даже не в соответствии с предложениями, сделанными командованием 6-й танковой армии: «В штабе группы армий «Юг» с самого начала подчеркивали, что эпицентром сражения должен был стать восточный берег канала Шарвиз, что позволяло использовать благоприятный для танков ландшафт, а затем отрезать противника от его баз снабжения».

Собственно, весь день прошел в переговорах. Гудериан связывался с Вёлером, пытаясь понять, «правильная ли точка зрения командования группы армий «Юг» была изложена прошлой ночью фюреру». Подобная осторожность была вызвана тем, что он опасался, что командование 6-й танковой армии доложит Гитлеру обстановку раньше, чем он сделал это сам. В конце войны это было весьма распространенной практикой, когда офицер связи Ставки Гитлера связывался напрямую с командующим какой-нибудь армией и получал от него всю необходимую информацию, минуя Верховное командование и командование группы армий. Прошло несколько часов, прежде чем командование 6-й танковой армии смогло успокоить Грольмана и Гудериана. Потянулись часы в ожидании очередного принятия решения фюрером. В 20 часов 35 минут, не выдержав напряженного ожидания, штаб группы армий «Юг» связался с оперативным отделом Верховного командования, но там сообщили, что пока ничего не известно. Лишь в 21 час 30 минут Гудериан позвонил генералу Вёлеру и сообщил, что «фюрер утвердил предложенный вариант перегруппировки». С данным мероприятием предлагалось поспешить, так как она должна была быть закончена в три дня. А от себя Гудериан добавил: «В вашей ситуации было бы логично закончить ее за 48 часов». Такой «временной шантаж» не был новинкой. Даже той же группе армий «Юг» уже не раз приходилось сутками ожидать решения фюрера, чтобы затем срочно наверстывать потраченные впустую часы. Теоретически все можно было бы провести в кратчайшие сроки, если бы:

- это позволяла сделать до сих пор не просохшая земля;

• было бы в изобилии топлива;

• не велся бы постоянный советский артиллерийский огонь, а в воздухе над Западной Венгрией не господствовала бы советская авиация;

• части Красной Армии не готовились бы к грандиозному наступлению.

Уже на ночь глядя известие о решении фюрера разрешить перегруппировку стало распространяться по дивизиям. Собственно, ночь с 15 на 16 марта 1945 года прошла без каких-либо крупных боевых действий. Но это затишье было обманчивым. Утром 16 марта части Красной Армии начали крупное наступление, которое вошло в историю под названием «Венской наступательной операции».

Командованию 6-й танковой армии не потребовалось проводить столь долго ожидаемую перегруппировку. Буквально за пару недель немецкие части оказались выбитыми с территории Венгрии. 6-я танковая армия закончила свой боевой путь под Веной, а 2-я танковая армия — в Штирии. Гитлер не мог скрыть своей ярости, обрушив всю свою злость за поражение на дивизии так еще недавно любимых им Ваффен-СС. Хотя вряд ли они могли сдержать советское наступление, которое в немецких источниках осталось под названием «красный потоп».

Глава 4

РЕАКЦИЯ ГИТЛЕРА

Завершить сюжет с боями у озера Балатон и сражения за Западную Венгрию было бы логичнее повествованием о приказе Гитлера, который предписывал ряду эсэсовских дивизий снять нарукавные ленты-нашивки с наименованием оных дивизий. Этот сюжет нашел широкое освещение в послевоенной литературе. При этом в различных книгах он был дополнен сведениями, нередко придававшими его трактовке и вовсе фантастический характер.

Наиболее полное изложение событий того дня можно найти в книге Георга Майера «Драма между Будапештом и Веной». Дело в том, что Георг Майер был штабным офице-

Дивизия СС «Рейхсфюрер» отступает в Штирию

ром 6-й танковой армии, который дежурил как раз в тот самый момент, когда прибыла телеграмма с данным приказом. Летом 1950 года с Майером связался Пауль Хауссер, который в тот момент как раз работал над книгой «Войска СС в бою». В ответ на письмо Майер ответил бывшему эсэсовскому генералу, что «в штабе 6-й танковой армии приняли подобный приказ фюрера, но никогда его не передавали Зеппу Дитриху». В итоге в книге Пауля Хауссера появилась такая строчка: «Справедливости ради надо сказать, что Адольф Гитлер был введен в заблуждение, а потому и отдал приказ о снятии нарукавных лент. Впрочем, этот приказ никогда не был передан». Во втором издании книги Хауссера данный сюжет был изложен в следующей трактовке:

«Гитлер требовал сражаться до последнего на всех фронтах. Однако положение было безнадежным — удержать фронт не представлялось возможным. Соединения отходили все дальше и дальше. Рисковал рухнуть и венгерский участок Восточного фронта, который удерживался 6-й танковой армией. В ответ Гитлер отдал приказ дивизиям, входившим в данную армию, чтобы те сняли свои нарукавные ленты. Однако этот приказ так и не был передан».

Теперь уже трактовка несколько изменилась. Согласно комментариям Майера, данный приказ не был осуществлен, так как Зепп Дитрих самолично запретил передавать его по частям. Но в данной ситуации получается, что Зепп Дитрих все-таки получил этот приказ, чего не следовало из первоначального письма Георга Майера. Подобные разночтения серьезно подрывают достоверность воспоминаний Майера, но тем не менее они остаются единственным более-менее надежным источником по данному вопросу. Забегая вперед, можно предположить, что отказ выполнить данный приказ был вызван не «возмущенно-фрондерской позицией» Дитриха, а бессмысленностью самого полученного приказа. Дело в том, что в тот момент ни одна из дивизий, входивших в 6-ю танковую армию, не носила нарукавных лент с названиями дивизий, так как они были сняты еще во время следования в Венгрию. Эта мера, как помним, была продиктована мерами по сохранению повышенной секретности. В марте 1945 года подобные ленты носил сам Зепп Дитрих, да, пожалуй, еще несколько штабных офицеров. Во время боев даже на картах штаба группы армий «Юг» части 6-й танковой армии обозначались кодовыми наименованиями. Впрочем, 18 марта меры повышенной секретности в силу их очевидной бесполезности были отменены. С этого момента дивизии 6-й танковой армии вновь обрели на картах свое истинное наименование. Теоретически, все вновь могли носить свои прежние нарукавные ленты, но в тот момент активно отступавших немецких танкистов волновали отнюдь не эти проблемы. В итоге нарукавные ленты носили лишь несколько высших офицеров.

В целом же данный приказ почти во всей литературе обозначался как «моральная экзекуция». Это могло означать только одно — в глазах Гитлера части Ваффен-СС перестали быть элитными воинскими соединениями. Но подробности данного сюжета так и остались невыясненными. Многие бывшие офицеры СС считали, что данное взыскание было совершенно несправедливым и излишним.

В тот момент, когда поступил данный приказ, 6-я танковая армия вела оборонительные бои у канала Марцаль (низовья Рааба). Как вспоминал Георг Майер, 27 марта рано утром, где-то между 5 и 6 часами, офицер штаба группы армий

Танки дивизии «Рейх» на своем последнем рубеже – на одном из венских мостов

«Юг» передал ему телеграмму-«молнию», поступившую из Ставки Гитлера. По прошествии многих лет Майер затруднялся передать точный текст данного документа, равно как и его исходные данные. Но общий смысл его сводился к тому, что все дивизии 6-й танковой армии за невыполнение приказов и проявленную трусость должны были сдать свои нарукавные ленты. Но Георг Майер точно помнил, что телеграмма была подписана не Гитлером, а Генрихом Гиммлером. Собственно, ни подтвердить, ни опровергнуть данное утверждение не представляется возможным, так как сама телеграмма не была обнаружена ни в одном из немецких архивов. Опираясь на все эти сведения, Майер утверждал, что истинным автором данной телеграммы был не Гитлер, а рейхсфюрер СС. Он даже не исключал того, что Гитлер должен был отдать приказ о торжественном возвращении нарукавных лент-нашивок. Свою точку зрения Георг Майер подкреплял отрывками из воспоминаний оберстштурмбаннфюрера СС,

полковника Ваффен-СС Отто Гюнше, который в то время был личным адъютантом Гитлера. В одном месте он описывал напряженную беседу между Гитлером и Гудерианом. Это был тот самый момент, когда стало ясно, что наступление в Арденнах провалилось и решалась судьба 6-й танковой армии СС. Сам Гюнше писал по данному поводу:

«У меня не было впечатления, что фюрер обвинял в провале Арденнского наступления именно дивизии Ваффен-СС. Но уже тогда он говаривал, что во времена Фридриха Великого, который, невзирая на безвыходность положения, никогда не терял веру в победу, император требовал от своих гвардейских полков особой стойкости и мужества. При этом он упоминал, что Фридрих Великий не боялся лишать отступавшие полки их почетных наград и полевых знамен».

То есть Гитлер уже был одержим этой идеей, ему нужен был лишь повод, чтобы применить ее на практике. Подобный повод нашелся 26 марта, когда до Гитлера дошли слова генерала Балка, адресованные генералу Вёлеру: «Если «Лейбштандарт» не в состоянии удержать свои позиции, то что же вы хотите от нас!» Гитлер был неистов, он кричал, что «Лейбштандарт» (полное название «Лейбштандарт Адольфа Гитлера») недостоин носить его имя. Присутствовавшие 26 марта 1945 года на совещании погрузились в гробовую тишину. Когда прозвучало требование Гитлера лишить дивизии нарукавных лент, слово взял Герман Геринг. Он тоже находился в опале, но тем не менее не побоялся возразить Гитлеру: «Ваффен-СС, в частности «Лейбштандарт», храбро сражались с самого начала на всех фронтах. В боях сменился не один состав дивизии. Подобное решение является несправедливым прежде всего по отношению к Зеппу Дитриху». Но Геринга никто не поддержал (или не решился поддержать). Гитлер же напряженно молчал. Наконец он приказал, чтобы в имперскую канцелярию прибыл Генрих Гиммлер. Это произошло пару часов спустя. Тогда Гитлер передал ему приказ, который Гиммлер лично должен был адресоватьЗеппу Дитриху. При этом сам рейхсфюрер СС ни словом не вступился ни за Дитриха, ни за 6-ю танковую армию. Именно так приказ поступил в штаб 6-й танковой армии.

Но в этой связи возникало множество вопросов: касался ли приказ только «Лейбштандарта»? Или ещё и входившей вместе с ним в I танковый корпус дивизии «Гитлерюгенд»? Или же это относилось ко всем эсэсовским дивизиям, входившим в 6-ю танковую армию? Относилось ли это к IV танковому корпусу СС, входившему в состав армейской группы Балка?

Зепп Дитрих – командующий 6-й танковой армией СС

Не исключено, что именно по этой причине Дитрих не стал разбираться в тонкостях данного приказа, а просто не дал ему хода. Тот факт, что приказ фюрера поступил за подписью Гиммлера, не добавлял ни малейшего желания его выполнять. Традиционная версия состоит в том, что Гиммлер выступил лишь как передаточное звено, некий «почтальон». Несмотря на то что приказ не был передан по частям, слухи о нем очень быстро расползлись по дивизиям, в том числе и не входившим в состав 6-й танковой армии. Именно этим объясняется нелепая версия о том, что будто бы Дитрих направил свои награды Гитлеру в ночном горшке. Этот факт лишь отчасти наличествовал в дивизии «Гётц фон Берлихинген». Некоторые офицеры (не исключаю, что навеселе) **только предлагали это сделать**. Но на следующее утро отказались от рискованной затеи. Именно этим объясняется такая странная подробность, что якобы ночной горшок с наградами Зеппа Дитриха был перевязан нарукавной, а именно — лентой дивизии «Гётц фон Берлихинген». Здесь, как говорится, не разбирая, все валили в одну кучу.

27 марта 1945 года Зепп Дитрих, если верить Г. Майеру, все-таки проинформировал командиров танковых дивизий. Те были весьма возмущены. Особо бурную реакцию демонстрировал Гилле (дело в том, что генерал Балк послал ему копию данного приказа «для ознакомления»). По сути, это было открытое оскорбление.

Но самое интересное в данной ситуации то, что в журнале боевых действий группы армий «Юг» не было ни одного упоминания об инциденте с «приказом о лентах». А ведь телеграмма из Берлина пришла именно в штаб группы армий «Юг»! Замечание о том, что приказ касался только дивизий Ваффен-СС, не выдерживает никакой критики, так как все эти дивизии не были обособленными соединениями, а входили в состав группы армий и подчинялись ее командованию. Стало быть, в журнале должна была остаться отметка о данной телеграмме. Не меньшее удивление вызывают воспоминания многих офицеров дивизии «Рейх», которые утверждают, что о данном приказе услышали уже только после войны из различных источников. Это, конечно, не исключает того, что командование дивизии просто-напросто не передало приказ частям.

Не менее странной выглядит версия, рассказанная в книге Чарльза Мессенджера:

«Дитрих рассказывал своему канадскому следователю Милтону Шулману, что поначалу он напился и проспал три часа. «Проснувшись, я задал себе вопрос: «Кто сумасшедший — я или они? Но я не сумасшедший, значит, сумасшедшие они». Затем он вызвал своих четырех дивизионных командиров и, бросив приказ на стол, сказал: «Вот ваша награда за то, что вы сделали за последние пять лет!» Он приказал им не снимать нарукавных лент, а Гитлеру написал, что он скорее застрелится, чем выполнит этот приказ».

В этом рассказе много сомнительных мест, в частности, никто из выживших очевидцев не мог припомнить, чтобы Дитрих пил после получения приказа.

В итоге в данной ситуации волей-неволей приходится ориентироваться на версию Георга Майера, который был единственным очевидцем тех событий: «В тот странный день, 27 марта 1945 года, я утром дежурил. После 5 часов утра ко мне пришел дежурный офицер [штаба группы армий] и передал мне только что поступившую телеграмму-«молнию». Приказ снять нарукавные ленты! Я не поверил своим глазам. Я чувствовал, как меня распирает от возмущения и гнева. Я терял самообладание и уже подумывал, не разбудить ли начальника штаба ар-

мии генерал-майора Ваффен-СС Кремера? А может, позвонить личному адъютанту командующего армией штурмбаннфюреру Ваффен-СС Вайзеру? И тут распахнулась дверь — в комнату вошел сам Зепп Дитрих. Я доложил ему утреннюю сводку, а затем вручил возмутительную телеграмму. Он пристально поглядел на меня, так как от него не ускользнуло мое душевное смятение, но ничего не сказал. Когда он прочитал ее, то медленно отвернулся, склонился над ломберным столом, на который он оперся обеими руками. В итоге я не мог видеть его лица. Он был настолько потрясен, что потребовалось достаточно много времени, чтобы он взял себя в руки. После длительной паузы, все еще склонившись над столом, он тихо произнес дрожащим голосом, в котором читались обида и глубочайшее разочарование: «Вот она, благодарность за все!» Наконец он распрямился, повернулся и посмотрел на меня глазами, полными слез. Он указал на нарукавную ленту: «Она останется там!» Он замотал головой, словно гнал от себя эту мысль. Некоторое время спустя он спросил меня: «Что предлагаешь делать?» Хотя я понимал, что мои слова могут быть бессмысленными, непроизвольно выдал следующее: «Я полагаю, надо запросить Ставку фюрера, должны ли лишиться нарукавных лент тысячи смелых солдат Ваффен-СС, которые сражались между Балатоном и Дунаем?» Зепп Дитрих понимающе посмотрел на меня, а затем указал на телеграмму, лежавшую на ломберном столе: «Не передавай ее по частям. Свяжись с Кремером. Когда вернусь назад, то все обсудим». После этого он протянул мне руку —нехарактерный для него жест. Я сопровождал его до машины, а он лишь качал головой. Он направлялся на фронт к солдатам. Генерал-майор Ваффен-СС Кремер был потрясен не меньше моего. Когда в 8 часов утра после утреннего доклада я передал ему телеграмму и сообщил о реакции командующего армией, то он был разгневан. Он стал красным от злости. Тогда мы отпороли у себя нарукавные ленты ножом для бумаг. Он отпорол ленту «Лейбштандарта», а я — своей прошлой дивизии —«Рейх».

Дальнейшее развитие событий представляется следующим образом. Затем Дитрих посетил своих дивизионных командиров, проинформировал их, но запретил передавать

приказ дальше. Тем не менее все быстро узнали о нем, даже в дивизии «Мертвая голова», которая уже не числилась в составе 6-й танковой армии. Майер считает,что в группе армий «Юг» тоже получили сообщение и передали его дальше. Но, как сообщил Отто Кумм, это было только для ветеранов, а их оставалось мало. И они пережили различную форму шока. Во всяком случае, во всех частях по прибытии в Венгрию сняли нарукавные ленты. Почти наверняка и Дитрих снял свою ленту, которая к тому же была особенной, выполненной в золоте, а не в серебре, как у всех остальных членов Ваффен-СС. Это специальное отличие было присвоено ему Гитлером.

Следующим, кто узнал об этом, был Бальдур фон Ширах, в прошлом лидер «Гитлерюгенда», а с 1940 года —гауляйтер Вены. Гиммлер, не желавший направляться дальше в зону боев, вызвал Дитриха в Вену, чтобы сделать ему выговор. Фон Ширах присутствовал при этом. Гитлер по телефону потребовал от Гиммлера увезти награды офицеров 6-й танковой армии. Гиммлер стал протестовать: «Я мог бы выехать к озеру Балатон, чтобы снять кресты с мертвых. Немецкий солдат СС не может дать больше, чем свою жизнь за вас, мой фюрер». Услышав это, Дитрих сорвал свой Рыцарский крест с шеи, швырнул его в угол комнаты и вышел. Один из его адъютантов подобрал крест и ушел вслед за Дитрихом. Этим завершилась «миссия» Гиммлера. Тем самым опровергается голословное утверждение, что Дитрих вернул свои ордена Гитлеру. На самом деле многие из них, включая Рыцарский крест с дубовыми листьями, мечами и бриллиантами, находятся у старшего сына Зеппа — Вольфа-Дитера.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Бои у озера Балатон явились не только последней наступательной операцией Германии в годы Второй мировой войны, но и весьма показательным примером того, как Гитлер пытался управлять военными процессами. Характерным является высказывание генерала-фельдмаршала Кейтеля, который на протяжении долгих лет находился в тесном контакте с фюрером. На допросе его спросили: «Как вы оцениваете военные способности Гитлера?» В ответ прозвучало: «Он умел находить правильные решения оперативных задач. Он интуитивно ориентировался в запутанных ситуациях и, как правило, находил выход из них. Но ему не хвата-

Советские солдаты осматривают немецкую технику на улицах Секешфехервара

ло практических знаний, чтобы планировать военные операции. Это приводило к тому, что он либо слишком поздно принимал решение, либо не мог реально оценить тот урон, который мы бы понесли от принятого им решения». Ко всему этому необходимо было добавить его мнительное недоверие к Генеральному штабу сухопутных войск, которое начало зарождаться еще в 1942 году. Указания на это можно найти в мемуарах почти всех немецких генералов и фельдмаршалов. Во многом именно это обстоятельство предопределило катастрофический провал операции «Пробуждение весны». Если разбирать данную операцию по пунктам, то можно выделить несколько фатальных для немцев ошибок:

1) Полнейшее пренебрежение к особенностям ландшафта и погодным условиям привело к тактическому «фальстарту», который был вызван навязчивым желанием Гитлера начать наступление как можно быстрее.

2) Затруднительное использование танковых дивизий дало Красной Армии фору, которой она в полной мере воспользовалась, создав глубоко эшелонированную линию обороны.

3) В результате к частям Ваффен-СС предъявлялись повышенные требования, от них ожидали прямо-таки военных чудес, хотя имевшиеся в распоряжении силы можно было грамотно использовать только для организации оборонительных боев, но никак не для «судьбоносного наступления».

4) Командование группы армий «Юг» с какой-то легкомысленностью проигнорировало скопление советских войск к юго-западу от Будапешта, начав вполне предсказуемый прорыв сквозь Вертешские горы.

5) Немецким генералитетом явно были недооценены военные способности командующего 3-м Украинским фронтом маршала Толбухина, который в критической ситуации оказался способен оперативно принимать правильные тактические решения. Все это обеспечивало подвижность и маневренность советским войскам, которым противостояли немецкие дивизии, не только сражавшиеся за метры бесполезной болотины, но и днями ожидавшие стратегических решений из Берлина.

6) Немецкое командование оказалось не в состоянии правильно соотнести между собой фактор времени, особенности ландшафта и имеющиеся в распоряжении силы. Все решения принимались слишком поздно, и немецкие части выходили на заданные позиции с изрядным запозданием. При этом для выполнения каждой задачи, как правило, требовалось значительно больше войск.

7) Когда с тактической точки зрения было необходимо отступление, которое могло сохранить немцам войска, поступал категорический запрет Гитлера, что вело к многократно большим потерям.

8) Постоянное использование танковых частей привело к тому, что немецкие танкисты после недель беспрерывных боев оказались настолько утомленными, что вряд ли могли «выкладываться» на полную катушку. Ко всему этому добавлялось «гетерогенное» использование танковых частей (без применения пехоты), что значительно снижало эффективность подобных действий.

Одним словом, операция «Пробуждение весны» была спланирована так, как вообще не надо планировать военные операции. Ко всем этим тактическим и стратегическим ошибкам добавлялась нездоровая конкуренция между отдельными генералами. Как следствие, нет ничего удивительного в том, что появление в Западной Венгрии сначала IV танкового корпуса СС, а затем 6-й танковой армии СС не смогло исправить ни ситуацию в данной стране, ни в целом обстановку на Восточном фронте. Впрочем, в этой связи надо отметить положительный для Красной Армии и для англо-американских союзников эффект. Значительное ослабление немецких позиций, с одной стороны, по Висле, с другой стороны, в Арденнах позволило удачно осуществить не только союзническое вторжение в Германию, но и Висло-Одерскую наступательную операцию, которые закончились полным разгромом Рейха.

Приложения

Приложение 1

Группа армий «Юг» по состоянию на март 1945 года (расположение с севера на юг)

Командующий — генерал от инфантерии Вёлер.
Начальник штаба — генерал-лейтенант Грольман.
Начальник оперативного отдела штаба — подполковник Банг.

8-я армия
Командующий — генерал Крейзинг.
Начальник штаба — генерал-майор Клот.
В резерве находились:
— 13-я танковая дивизия;
— 232-я учебно-танковая дивизия;
— танковая дивизия «Фельдхеррнхалле»;
— 153-я пехотная дивизия.

XXIX армейский корпус
— 15-я народно-гренадерская дивизия;
— 101-я егерская дивизия.

LXXII армейский корпус
— 76-я пехотная дивизия;
— 8-я егерская дивизия;
— 271-я народно-гренадерская дивизия.

3-я венгерская армия
Командующий — генерал-полковник Хешленьи.

VIII венгерский армейский корпус
— 711-я пехотная дивизия;
— 96-я пехотная дивизия;
— 1-я венгерская гусарская дивизия.

6-я армия (армейская группа Балка)
Командующий — генерал танковых войск Балк.
Начальник штаба — генерал-майор Гедке.

IV танковый корпус СС
Командующий — генерал Ваффен-СС Гилле.
Начальник штаба — оберстштурмбаннфюрер СС Шёнфельдер.
— 2-я венгерская танковая дивизия;
— 3-я танковая дивизия СС «Мертвая голова»;
— 5-я танковая дивизия СС «Викинг».

III танковый корпус
Командующий — генерал танковых войск Брейт.
— 1-я танковая дивизия;
— 6-я танковая дивизия;
— 3-я танковая дивизия;
— 356-я пехотная дивизия.

6-я танковая армия СС
Командующий — генерал-полковник Ваффен-СС Дитрих.
Начальник штаба — генерал-майор Ваффен-СС Кремер.

XXXIII армейский корпус
Командующий — генерал-лейтенант Куллъмер.
— 356-я пехотная дивизия (с 20 марта);
— 92-я гренадерская моторизованная бригада;
— дивизионная группа «Фельдхеррнхалле».

II танковый корпус СС
Командующий — генерал Ваффен-СС Биттрих.
— 9-я танковая дивизия СС «Гогенштауфен»;
— 2-я танковая дивизия СС «Рейх»;
— 44-я имперско-гренадерская дивизия «МагистрыТевтонского ордена».

I танковый корпус СС
Командующий — генерал-майор Ваффен-СС Присс.
— 1-я танковая дивизия СС «Лейбштандарт Адольф Гитлер»;
— 12-я танковая дивизия СС «Гитлерюгенд»;
— 23-я танковая дивизия.

I кавалерийский корпус
Командующий — генерал от кавалерии Хартенэк.
— 3-я кавалерийская дивизия;
— 4-я кавалерийская дивизия;
— 25-я венгерская пехотная дивизия.

II венгерский армейский корпус (западнееБалатона)
— 20-я венгерская пехотная дивизия;
— венгерская дивизия «Сент Ласло».

2-я танковая армия

Командующий — генерал от артиллерии де Ангелис.

Начальник штаба — полковник граф Ностиц.

В резерве находились:

—92-я гренадерская моторизованная бригада (с 20 марта).

XXII горнострелковый корпус

Командующий — генерал Ланц.

—1-я народная горнострелковая дивизия;

—16-я панцергренадерская дивизия СС«Рейхсфюрер»;

— боевая группа Штрейера.

LXVIII армейский корпус

Командующий — генерал Конрад;

—118-я егерская дивизия;

—71-я пехотная дивизия;

—13-я горнострелковая дивизия СС«Ханджар».

Приложение 2

Соотношение некоторых немецких и венгерских географических названий

Немецкий	**Венгерский (рус.)**
Альтсоль	Зволен
Донау	Дуна (Дунай)
Драу	Драва
Айпель	Ипой (Ипель)
Фюнфкирхен	Печ
Гран (город)	Эстергом
Гран (река)	Хрон
Коморн	Комаром
Мур	Мура
Нойхойзель	Эршекуйвар
Платензее	Балатон
Рааб (город)	Дьёр
Рааб (река)	Раба
Штульвайсбург	Секешфехервар
Веленцезее	Веленца

Список использованной литературы

Die Schlacht am Plattensee — Erlebnisberichte Zur Geschichtedes Zweiten Weltkrieges. — Band 1562 Orange / Sander L.

Gosztonyi, Peter. Der Kampf um Budapest 1944 —45. // Studia Hungarica, 1964.

Gosztonyi, Peter. Diemilitärische Lage in und um Budapest imJahre 1944. // Ungarn Jahrbuch, Band 8, Separatum. 1977.

Gosztonyi, Peter. Endkampfan der Donau. —München, 1969.

Gosztonyi, Peter. Ungarnsmilitärische Lage im Zweiten Weltkrieg.// Wehrwissenschaftliche Rundschau 2 — 5, 1982.

Jester, Werner. Im Todessturm von Budapest 1945.— Rцmerberg, Eigenverlag W. Jester, 1985.

Maier, Georg. Drama zwischen Budapest undWien. Der Endkampf der 6. Panzerarmee 1945. —Osnabrück: Munin, 1985.

Puntigam, Josef Paul. Vom Plattensee bis zur Mur— Die Kämpfe 1945 imDreiländereck. — Hannes Krois, Feldbach. 1993.

Tolstoy, Kutuzov-Myrian. Budapest 1944 — 1945. —Marburg: Blue Horns Publishing-House, 1987.

Ungváry, Krisztián. Die Schlacht umBudapest: Stalingrad an der Donau 1944. —München: Herbig, 1999.

Wolfgang, Paul. Der Endkampf. — EditionAntaios, 2005

Гудериан Г. Воспоминания солдата. Смоленск Русич, 1999.

Исаенко Н.Ф. Вижу противника! К. Политиздат, 1981.

Мессенджер Ч. Танковый рыцарь Рейха. — М. Эксмо, 2005.

Митчем С., Мюллер Дж. Командиры Третьего рейха. Смоленск Русич, 1995.

Райгородецкий Е. Я. К Альпам. М. Воениздат, 1969.

Свирин М., Баронов О., Коломиец М., НедогоновД. Бои у озера Балатон. ЭксПринт, 1999.

Типпельскирх К. История Второй мировой войны. СПб. Полигон; М. АСТ, 1999.

Толанд Дж. Последние сто дней рейха. Смоленск, Русич, 2001.

Фриснер Г. Проигранные сражения. М.,Воениздат, 1966.

Хауссер П. Войска СС в бою. М.: Издатель Быстров, 2006.

СОДЕРЖАНИЕ

Андрей Васильченко

ПОСЛЕДНЕЕ НАСТУПЛЕНИЕ ГИТЛЕРА

Издано в авторской редакции
Художественный редактор *П. Волков*
Технический редактор *В. Кулагина*
Компьютерная верстка *А. Пучкова*
Корректор *Н. Струнзе*

ООО «Яуза-пресс»
109439, Москва, Волгоградский пр-т, д. 120, корп. 2

Для корреспонденции: 127299, Москва, ул. Клары Цеткин, д. 18/5.
Тел.: (495) 745-58-23

ООО «Издательство «Эксмо»
127299, Москва, ул. Клары Цеткин, д. 18/5. Тел. 411-68-86, 956-39-21.
Home page: **www.eksmo.ru** E-mail: **info@eksmo.ru**

Подписано в печать 10.10.2008.
Формат 84х108 $^{1}/_{32}$. Гарнитура «Ньютон». Печать офсетная.
Бум. тип. Усл. печ. л. 18,48. Тираж 5000 экз.
Заказ № 4256.

Отпечатано с электронных носителей издательства.
ОАО "Тверской полиграфический комбинат". 170024, г. Тверь, пр-т Ленина, 5.
Телефон: (4822) 44-52-03, 44-50-34. Телефон/факс: (4822)44-42-15
Home page - www.tverpk.ru Электронная почта (E-mail) - sales@tverpk.ru

В начале 1945 года Гитлер предпринял последнюю попытку переломить ход войны и избежать окончательной катастрофы на Восточном фронте, приказав провести в Западной Венгрии крупномасштабное наступление с целью выбить части Красной Армии за Дунай, стабилизировать линию фронта и удержать венгерские нефтяные промыслы. К началу марта германское командование сосредоточило в районе озера Балатон практически всю броневую элиту Третьего Рейха – танковые дивизии СС «Лейбштандарт», «Рейх», «Мертвая голова», «Викинг», «Гогенштауфен» и др. – в общей сложности до 900 танков и штурмовых орудий.

Однако чудовищный удар 6-й танковой армии СС, который должен был смести войска 3-го Украинского фронта, был встречен мощнейшей противотанковой обороной и не достиг цели. Впоследствии даже сами немцы признавали, что советская противотанковая артиллерия действовала в этом сражении образцово. Десятидневная битва закончилась жесточайшим избиением последних боеспособных резервов Гитлера – немцы потеряли в районе Балатона около 400 танков и до 40 000 человек. После этого сокрушительного поражения германская армия окончательно лишилась способности вести наступательные действия.

До сих пор отечественный читатель мог судить о Балатонской операции лишь по советским источникам. В новой книге известного историка эта битва впервые показана с немецкой стороны – изучив всю доступную литературу, опираясь на оперативные документы Вермахта и никогда не переводившиеся на русский язык мемуары немецких солдат и военачальников, автор подробно анализирует ход боевых действий, разбирает тактические просчеты германского командования, из-за которых успешная поначалу операция завершилась полным крахом, лишив Гитлера последних надежд на мало-мальски приемлемый исход войны.

ISBN 978-5-9955-0025-4

